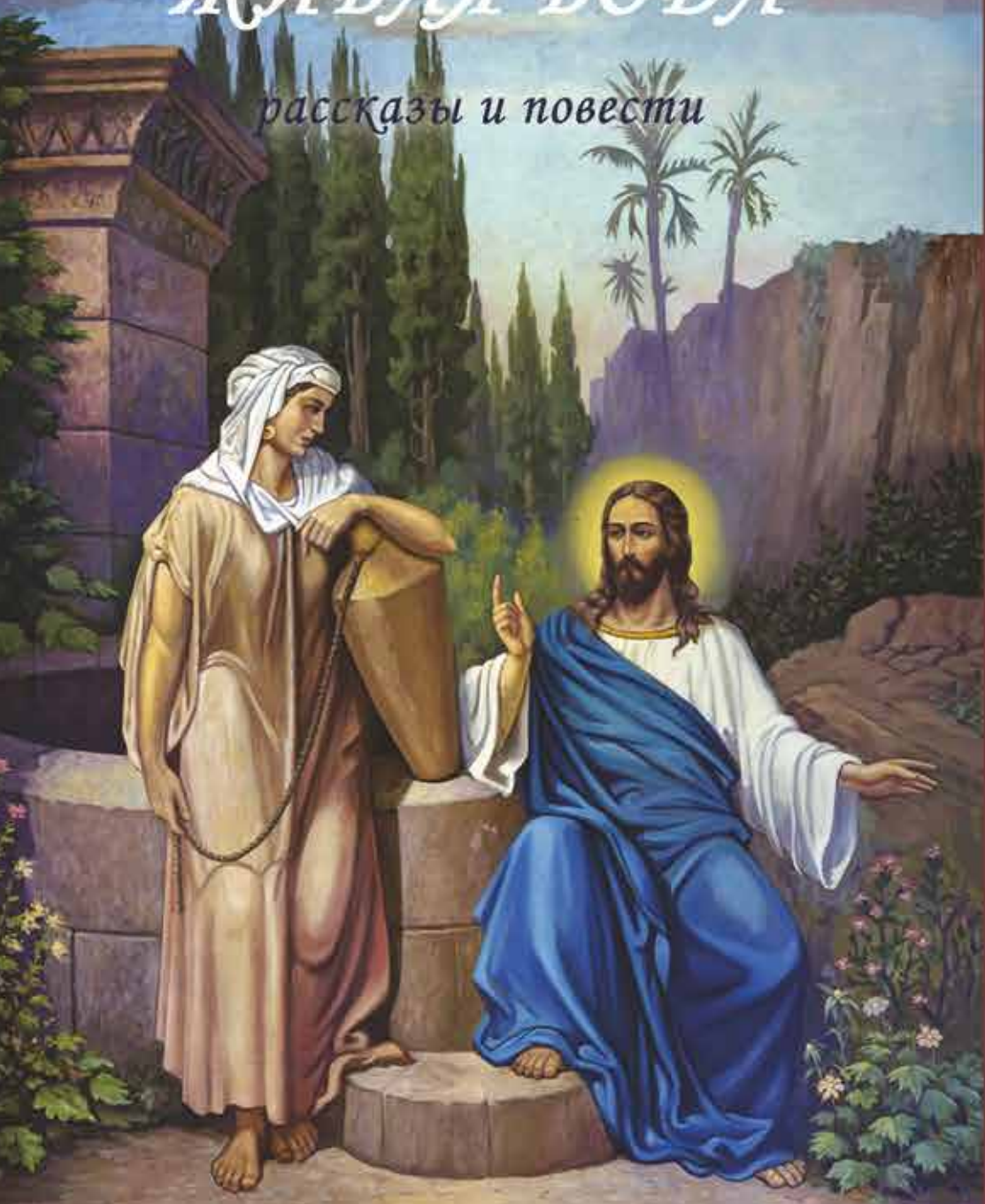
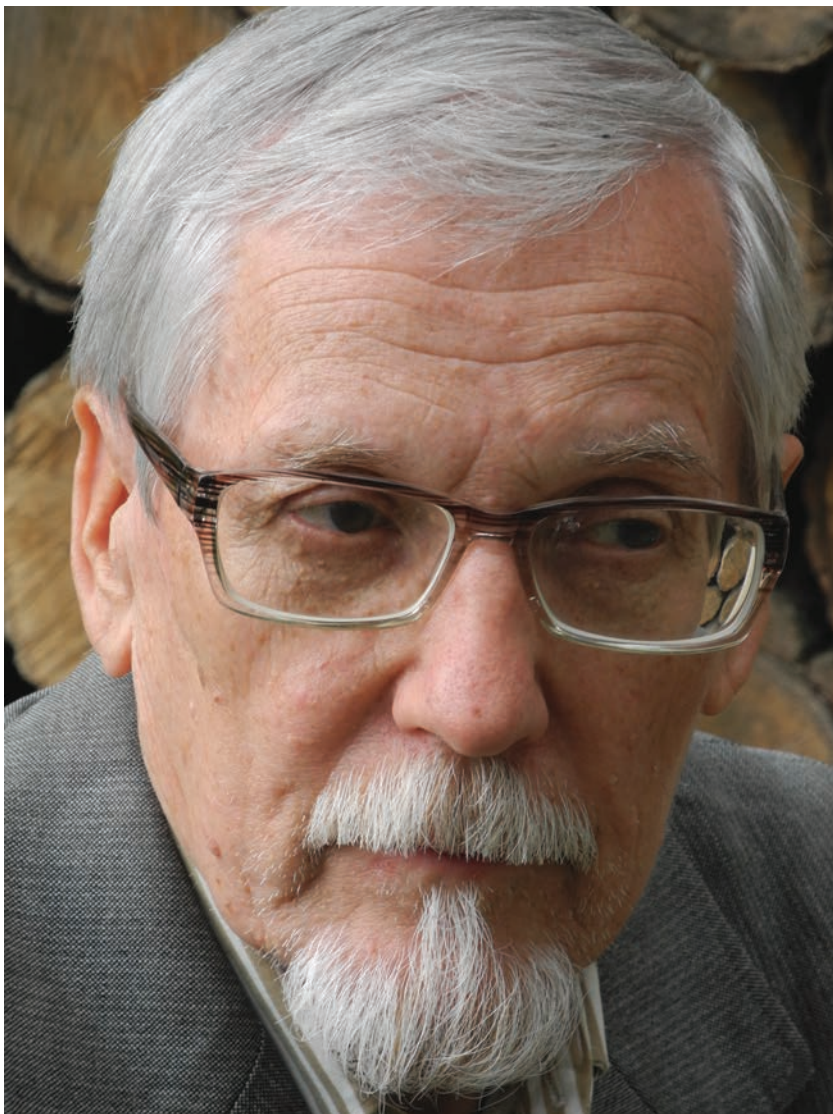

Николай КОКУХИН

ЖИВАЯ ВОДА

рассказы и повести

Николай Петрович Кокухин

Николай КОКУХИН

*ЖИВАЯ
ВОДА*

рассказы и повести

ОСЛН
Москва
2025

УДК 821.161.1-31(081)
ББК 84(2=411.2)6-44я44
К 59

Кокухин, Николай Петрович.
К 59 **ЖИВАЯ ВОДА. Рассказы и повести /**
Николай Кокухин. — М.: ОСЛН, 2025. — 584 с.

ISBN 978-5-6049649-5-8
Агентство СІР РГБ

В третий том собрания сочинений писателя Николая Кокухина вошли художественные произведения, написанные в последние годы. Автор затрагивает в них самые животрепещущие вопросы современности, которые волнуют каждого неравнодушного человека и которые нельзя оставить без внимания. Вера, помогающая нам обрести Царствие Небесное, — вот духовный «камертон» всей книги. В каждой повести и рассказе внимательный читатель найдет Евангельский подтекст, который поможет ему заглянуть в собственную душу.

Книга будет полезна как для воцерковленного читателя, так и для тех, кто только вступает на путь спасения.

Издана в авторской редакции.

Лицевая сторона обложки: «Христос и Самарянка» (картина неизвестного художника).

Оборотная сторона обложки: икона Божией Матери «Животный Источник».

ISBN 978-5-6049649-5-8

© Кокухин Н.П., 2025.
© ОСЛН, 2025.

«Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя... Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются.

Иисус сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую. Женщина говорит Ему: господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»

**Евангелие от Иоанна,
глава 4, стихи 6–14**

«Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»

**Откровение святого Иоанна Богослова,
глава 22, стих 17**

РАССКАЗЫ

СИЗЫЙ ГОЛУБЬ

I

Стоял погожий, солнечный, немного ветреный день, какой иногда случается поздней осенью в средней России. Рощи и перелески постепенно обнажались, серебристопалевые листья, колыхаясь в воздухе, медленно опускались на землю, устилая ее пестрым шуршащим ковром. Изредка, громко курлыкая, высоко в небе пролетала стая журавлей.

Михаил Ильич Лыков, приземистый, крепкого сложения мужчина с тщательно выбритым лицом, на котором выделялись зоркие глаза под кустистыми бровями, закрыл калитку на замок и направился в сторону недалекого соснового бора. Это была его обычная утренняя, весьма продолжительная прогулка. Несколько лет назад он вышел на пенсию и большую часть года проводил в загородном коттедже, который построил по собственному проекту и которым очень гордился; это был, скорее, прекрасный дворец, которому не было равных во всей округе: два просторных этажа, более десятка комнат, несколько спален, большой холл, несколько балконов; его окружал обширный ухоженный сад: яблони, груши, сливы, вишни, а кустов смородины и малины было такое изобилие, что если бы кто принялся их считать, то все равно сбился бы со счета.

Лыков любил подвижный образ жизни, много ходил и летом, и зимой, поэтому не растолстел, как это бывало с немалым числом пенсионеров, которые предпочитали играть целыми днями в домино со своими приятелями.

Во время прогулки Михаил Ильич любил рассуждать, иногда вслух, но чаще про себя, о своем жизненном пути

и о своих достоинствах, которых у него (он в этом ни-сколько не сомневался) было немало. Рассуждал он так:

— Я достиг всего, о чем только может мечтать человек: стал крупным чиновником, ну, конечно, пришлось активно поработать локтями, не без этого; других путей проникнуть наверх, по-моему, не существует; подумаешь, какой-то десяток человек по моей вине остался за бортом жизни; что тут особенного, всякое бывает.

Зато я оказался в кожаном кресле, о котором мечтал, кажется, с пеленок. А кто такой человек в кожаном кресле, я думаю, не надо и объяснять — это личность, к которой деньги сами текут в руки. А если текут, то остается только одно: не отказываться от них. Я и не отказывался. Деньги — это сила, с помощью их можно сделать всё или почти всё, что захочешь: повернуть полукриминальное дельце, входить в те кабинеты, в которые простым смертным никогда не войти; одним словом, я стал, наконец, человеком с большой буквы — авторитет бежал передо мною, готовил нужную почву, а мне оставалось только, образно говоря, поднимать то, что упало с воза.

Несмотря на то, что я человек очень осторожный и осмотрительный, иногда возникали такие ситуации, что, говоря шахматным языком, королю, то есть мне, грозил мат, но, к счастью, всё заканчивалось благополучно.

Что касается совести... ну, бывало, погрызет немного старушечья, но все это ерунда, отмахнешься от нее, как от назойливой мухи, и идешь дальше проторенным путем; не сходить же с него, в самом деле, из-за каких-то пустяков.

Я употребил свои капиталы очень удачно: купил на лоне природы большой земельный участок, построил великолепный дом, приобрел несколько первоклассных иномарок — для себя, жены и двоих детей, у меня просторная удобная квартира в одном из элитных москов-

ских домов, а в квартире есть все, что должен иметь влиятельный человек.

Пройдя километра два и выйдя на пригорок, Лыков остановился около высокого, могучего, в три обхвата, дуба, у которого были такие толстые и длинные сучья, что любой из них мог быть самостоятельным деревом; темно-серая, грубая, потрескавшаяся кора красноречиво говорила о возрасте своего владельца; обширная, в полнеба, крона поражала воображение. Казалось, этому произведению природы ничто не грозит — ни ураганы, ни смерчи, ни землетрясения — любой катаклизм оно выдержит, не дрогнув.

— Надо же, какой вымахал, — подумал Михаил Ильич, обходя вокруг дуба и любуясь его статью. — Молодчина, весь в меня. Стоит себе и стоит, не замечая годов и десятилетий; так и я: живу и живу, и время как будто не имеет надо мной никакой власти.

Лыков отошел от дуба на некоторое расстояние, оглянулся и еще раз восхитился его высотой и могучим сложением.

Настроение во время прогулки у Михаила Ильича всегда было хорошее, а сейчас, после встречи с дубом, он почувствовал особенную радость — ведь вся его жизнь сложилась на редкость удачно, и ему, как и этому дубу, ничто не угрожает, и он благополучно проживет еще много лет.

Михаил Ильич миновал сосновый бор и бодро зашагал вдоль речки, окаймленной густыми зарослями орешника и краснотала, завернул в светлый перелесок и оказался около небольшого пруда, в воде которого торжественно плыли облака. Это место было ему хорошо знакомо, также как и всё вокруг, — в ближайших окрестностях уже давно не было ни одного места, где бы он неоднократно не побывал. А вот в монастырь, который находился всего в восьми-девяти километрах, ни разу не наведлся. «А

почему бы мне не заглянуть туда, — неожиданно подумал Лыков, и ему понравилась эта мысль. — В ближайшее воскресенье ко мне придут друзья, вдруг они спросят о монастыре: чем он знаменит, что там хорошего, какие люди там живут, а я не смогу им ответить. Это нехорошо. Чтобы не ударить лицом в грязь, съезжу и посмотрю своими глазами, что там и как. Тем более погода как на заказ.

Свои намерения он не любил откладывать в долгий ящик, и вскоре его новенький, сияющий volkswagen уже катил по направлению к намеченной цели.

II

Монастырь находился на острове большого известного озера, к нему вел неширокий мост. «Эвон куда забрался, — подумал Лыков о монастыре, шагая по деревянному настилу и наблюдая за веселыми туристами, которые попадались ему навстречу. — Если бы возник где-нибудь на берегу, то, наверно, многое бы потерял».

Прежде всего он зашел в Богоявленский собор и подивился его громадным размерам; побывал в часовне, которая стояла на крутом берегу и тень которой падала в бирюзовую воду; долго стоял у деревянного распятия, недоумевая, как же можно так издеваться над человеком и предавать его на такую страшную казнь.

В книжной лавке Михаил Ильич увидел фарфорового ангелочка, который ему понравился, и сразу купил его. «Подарю моей половине, она будет очень довольна», — решил он, бережно завертывая покупку в хрустящую бумагу.

В другой лавке купил ароматный травяной чай и несколько пирожков с ягодными начинками; пирожки были очень вкусные. После этого отдохнул, сидя на бревнах,

которые обнаружил в северной части острова, и наблюдая за тем, как играла вода под порывами ветра.

Продолжая знакомиться с монастырем, Лыков остановился около высокой, красивой, в шесть или семь ярусов, белоснежной колокольни. «Было бы неплохо подняться на нее, — подумал он, переводя взгляд с одного яруса на другой. — Да вряд ли удастся, туда, наверно, один звонарь ходит. Но попытка не пытка».

— Можно подняться на колокольню? — обратился он к священнику, который в этот момент выходил из храма.

— Конечно. В добрый путь.

Батюшка, немолодой, степенный, с мягкой окладистой бородой, в которой серебрились седые нити, пытливо посмотрел на Лыкова:

— Колокольня... она у нас особая...

Он еще раз одобрительно кивнул.

— Пожелаю вам набраться новых впечатлений.

— Спасибо на добром слове.

Лыков зашел в притвор, откуда начинался вход на колокольню. Наверх вела деревянная лестница с довольно высокими ступенями. Михаил Ильич шагал медленно, не торопясь, придерживаясь за гладкие, с внутренним желобом, перила; некоторые ступеньки слабо поскрипывали.

Первый пролет был коротким, а второй — в несколько раз длиннее. «Надо же, когда в гору поднимаешься, три пота прольешь, а тут хоть бы что...» Еще один пролет, за ним еще — оба длинные. Через несколько минут Лыков оказался на небольшой площадке. «Ага, первый этап завершен». Куда дальше? Кажется, налево. Слабо освещенное помещение походило на часовню: в неглубокой прямоугольной нише виднелась икона Божией Матери в потемневшем окладе.

Михаил Ильич неумело перекрестился, озабоченно размышляя, правильно это сделал или нет. «Помнится,

бабушка в деревне учила меня этому, но ведь как давно это было», — сокрушенно вздохнул он. Лыков попытался вспомнить лицо бабушки, но это ему не удалось. «Беда, беда», — снова вздохнул он и продолжил подъем. Перед ним был совсем короткий пролет. На одной из ступенек сидел сизый голубь; видимо, он привык к людям и несколько не удивился появлению еще одного человека; Михаил Ильич смотрел на голубя, а тот — на него. Он поднялся на ступеньку, и голубь, взмахнув крыльями, переместился на следующую ступеньку; человек одолел еще одну, и голубь — тоже.

В начале очередного пролета у Лыкова мелькнула мысль, что голубь вспорхнет и улетит, но тот не собирался улетать — ему нравилось присутствие человека. Так вдвоем они одолели и этот пролет.

Стало значительно светлее, потому что впереди была открытая дверь, ее придерживал деревянный брусочек. Голубь, миновав дверь, остановился на краю покатога, покрытого жестью стального цвета, выступа.

«Ну что, пойдём дальше?»

Голубь, коротко взглянув на человека, остался на месте. «Ладно, отдыхай, наверно ты был уже сотни раз, а я ни разу; поэтому потружусь».

Следующее звено колокольни было открытое; пролеты стали еще короче. Лыкову казалось, что он поднимается не на смотровую площадку, а на небо. Толстые, потемневшие от времени балки, идущие из одного угла в другой, местами были усыпаны голубиным пометом. В одном из проемов висел внушительных размеров колокол с подвязанным «языком». «Хорошо бы послушать его, а еще лучше самому ударить разика два-три — наверно, зазвучал бы на всю округу».

Позади остался еще один этап. Лыков по-прежнему шел ровно, размеренно, не чувствуя усталости. Иногда он

останавливался на минуту-другую, чтобы полюбоваться видами, которые открывались то с одной стороны, то с другой.

Наконец он одолел последний марш и оказался в довольно просторном помещении; отсюда вела дверь наружу, на четыре смотровые площадки вокруг колокольни; они были ограждены высокими, до подбородка, красивыми ажурными решетками.

«Взлетел на высоту, как орел», — подумал Михаил Ильич, и на душе у него стало так легко и радостно, как давно не бывало.

III

Панорама, которая открылась с высоты птичьего полета, захватила его: золотистый главный купол Богоявленского собора венчал громадный крест; он был вроде старшего брата среди других четырех крестов, размером поменьше; на правой стороне главного купола ослепительно горело солнечное отражение. Ровная сияющая гладь озера, а за нею, насколько хватал глаз, зеленые, убегающие к горизонту лесные дали, большие и маленькие острова, довольно вместительная бухта, камыши вдоль извилистого берега — всё воспринималось с особой, какой-то волнующей остротой.

Под лучами полуденного солнца озеро блестело, как бриллиант; если в левой его части вода была светло-синяя, то в правой — почти белая; гряда серебристых облаков, похожая на эскадру парусных фрегатов, чинно и плавно совершала шествие по небосклону.

На узкой желтоватой перемычке, связывающей «материк» с островом и включавшей в себя короткий мост с деревянными настилами для автомобильных колес, стоя-

ли несколько человек с удочками в руках; в распахнутые ворота монастыря входила большая группа паломников; ровный ряд могучих лип на северном берегу острова отбрасывал на воду густую тень.

От причала, находящегося за перемычкой, задним ходом отвалил прогулочный катер с туристами на борту; развернувшись, он прошел между двумя бакенами и, дав прощальный гудок, скрылся за поворотом.

Стая белых чаек, сидевшая на плитах набережной, поднялась в воздух и стала кружить над озером, высматривая добычу; вскоре часть птиц отделилась от стаи и села на маленький остров, находившийся недалеко от берега, а остальные еще долго кружили, удаляясь все дальше от монастыря.

Неожиданно из-за мыса, справа, показалась моторная лодка с высоким лобовым стеклом; на большой скорости она шла к причалу, оставляя после себя серебристый «шлейф»; от нее расходились пологие волны, которые долго, не торопясь, катились к берегу и, достигнув его, с чмоканьем превращались в тонкие, тающие на глазах, «блины».

IV

— Красота-то какая! — воскликнула женщина, остановившаяся около Лыкова (она только что поднялась на колокольню).

— Это Русь! — с гордостью произнес ее спутник, немолодой, с хорошо сохранившейся агатовой шевелюрой мужчина.

Он достал из кармана цифровой фотоаппарат и стал азартно снимать, поворачивая его из стороны в сторону:

— Таких видов во всем мире не найдешь!

«Жалко, что раньше сюда не приезжал, — подумал Лыков. — Но лучше поздно, чем никогда».

Он перешел на другую площадку, тут пейзаж был немного иной: небольшая беленькая церковь, стоящая на дальней оконечности острова, жемчужная полоса воды, обрамленная серповидным, утопающим в зелени мысом с дачными коттеджами, еще одна бухта, уходящая вглубь «материка».

Когда Михаил Ильич, обойдя колокольню кругом, вернулся на прежнюю площадку, то здесь уже никого не было — у туристов обычно мало времени, а побывать нужно везде, поэтому они нигде долго не задерживаются. «У меня, наоборот, времени больше чем достаточно, и я могу пробыть здесь хоть до вечера». Скоро, однако, Лыков понял, что сколько бы ни ходил и сколько ни смотрел, все равно не налюбовался бы этими красотами.

Вдруг за его спиной раздался громкий звон, а точнее, звук, похожий на пение Архангельской трубы. Михаил Ильич вздрогнул. По его телу пробежали острые мурашки, заставившие замереть в оцепенении. Что это? Откуда возник этот звук? Что он обозначает? Для кого он послан?

«На узкой колокольней площадке нахожусь только я, значит, он послан специально для меня. Да, конечно, для меня. К чему он призывает? К пению патриотических песен или, наоборот, к плачу? К войне или к миру? К громким речам или к молчанию? К смерти или к жизни? Но к какой жизни? К прежней, устоявшейся, или к новой, неизвестной?»

А может, наступил конец света, и это был последний звук, раздавшийся на земле? Вот и облака, большие, светлые, торжественные, уже наготове. Может быть, сейчас, сию секунду на них ступит Господь, а вместе с Ним — Ангелы и Архангелы, которые затрубят так громко, что их

услышит вся Вселенная, и каждому придется дать ответ Праведному Судии, и в первую очередь мне. А что я Ему скажу? Какой ответ дам? Я не готов предстать перед Ним, не готов отчитаться за свою окаянную жизнь.

Вполне возможно, лучезарные Ангелы прямо сейчас возьмут мою несчастную душу и отнесут ее в мрачные подземелья, где липкая, непроницаемая тьма и где, кроме отчаянных воплей и стонов, ничего не слышно. И я не смогу ни возразить, ни воспрепятствовать им, потому что у меня нет на это никакого права.

У меня столько грехов, что если подогнать железнодорожный состав с пустыми товарными вагонами числом эдак под восемьдесят, то и их не хватит, чтобы вместить всю эту мерзость, и придется подгонять еще много таких составов. Что такое моя прежняя жизнь? Сплошные беззакония! Зависть, предательство, доносы, убийства (ножом или кастетом я никого не убивал, но словом — много раз), лицемерие — да разве можно измерить все зло, которое я сотворил!?

О горе мне, грешному! О горе мне, падшему!

Что я сделал для того, чтобы моя душа была чистой, и чтобы она могла войти в Райские врата? Ничего. В детстве я был крещен, несколько раз бабушка водила меня в храм, и там я причащался. А потом? Страшно вспомнить, что было потом. Повзрослев, я забыл о храме, и началась безбожная, никчемная, позорная жизнь. Прошло много десятков лет, и за это время я ни разу не заглянул ни в один из храмов нашего города, как будто их и не существовало, не исповедал ни одного своего греха, не убелил свою душу причащением Святых Христовых Таин».

В этот момент Архангельская труба пропела снова, громче прежнего. Облака придвинулись к колокольне совсем близко. Лыков затрепетал, как тонкий лист клена во

время внезапного порыва ветра. На его лбу выступил холодный пот. Еще секунда, а может, и меньше, и...

— Господи! — с глухим стоном вырвалось из его груди.

V

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Лыков обернулся: над его головой звучали большие, во всю колокольную стену, обрамленные витым красивым узором, куранты. Циферблат курантов был темный, а стрелки — желтые, скорее, золотистые, римские цифры по краям циферблата — такие же. На минутной стрелке, на ее стрелообразном конце, сидел сизый голубь, тот самый, который вел Михаила Ильича по лестнице. Лыков смотрел на голубя, а тот — на него.

Минутная стрелка с шумом, похожим на жужжание роя пчел, передвинулась на одно деление: часы показывали двенадцать часов сорок семь минут.

«Неужели это последняя минута моей жизни?»

— Господи! — почти выкрикнул Лыков. — Пощади меня!»

Он посмотрел направо, потом налево, на дальний конец озера, на крест, который парил в воздухе прямо перед ним; по перемычке медленно ехал легковой автомобиль; монах в подряснике и скуфейке быстрым шагом пересекал монастырский двор; в бухту входил очередной прогулочный катер.

«Неужели пронесло? Неужели день не угас, и облака по-прежнему гуляют по небу? Какое счастье, что я жив и могу дышать, что Страшный суд еще не наступил и, значит, у меня есть время, чтобы изменить свою жизнь и оплакать многочисленные грехи.

О Господи! О бездна милосердия Твоего!»

Солнце сияло все так же ярко; серебряный дождь, возникший на поверхности озера из-за мелкой ряби, отплясывал озорной чарльстон; белоснежные чайки, делая неровные круги над маленьким островом, громко кричали; две моторные лодки с рыбаками, заложив плавный вираж, выходили из бухты.

Сизый голубь, вспорхнув с минутной стрелки, сделал три круга над главным куполом Богоявленского собора, а потом сел на его золотистый крест, который сиял, кажется, ярче солнца.

РЕКС

I

Я расскажу о дружбе, которая бывает только раз в жизни. О дружбе, которая дороже изумрудов и бриллиантов, дороже самых громких слов, короче, дороже всего.

Это была такая дружба, что...

Впрочем, лучше все по порядку.

В то далекое время я жил в рабочем поселке Кужма на Брянщине. Мы — я, моя жена Галина и двое деток — трехлетний Максимка и пятилетний Ванюшка — обитали в «хрущевке» — малогабаритной квартире на втором этаже.

Однажды, в конце лета, к нам пришел знакомый егерь Фрол Кузьмич Выскупов, здоровенный, саженного роста мужчина с копной спутанных каштановых волос и громовым голосом. Наша квартира сразу стала как будто в несколько раз меньше.

Фрол Кузьмич снял с плеч рюкзак и вынул из него большого щенка серого цвета; у него был черный нос, темно-серый лоб, угольные уши и коротенький хвост с белым кончиком.

– Вот! – сказал Фрол Кузьмич, держа щенка на вытянутых ладонях. – Принимайте.

– Где ты его откопал? – спросил я.

– В берендеевом царстве, вот где! И не откопал, а нашел.

– Одного?

– Нет, троих. Кто-то из охотников ранил волчицу, она вскорости околела, а волчонки остались; всего неделю назад появились на свет; ну, мне жалко их стало, пропадут, думаю, бедолаги; двух отдал в охотничье хозяйство, а одного принес тебе, знаю, что ты любишь животных. Возьмешь?

– Это зависит не только от меня. Галина, ты как?

– Не знаю.

– Ванюшка, а ты?

– Мне хочется, буду с ним играть.

– Максимка, а тебе нужен щенок?

– Он холёсый.

– Ну, теперь последнее слово за Галиной.

Я вопросительно посмотрел на жену.

– Ну, разве только ради деток...

– Добре! – подвел итог Фрол Кузьмич. – На, держи.

Он протянул мне щенка.

Я взял его в руки, он был теплый и гладкий. Мокрым носом щенок тыкался в мою руку, ища материнскую сисью.

– Он еще слепой, ничего не видит, но дня через три глаза у него откроются, и первое, что он увидит – будешь ты, Петро, – густым басом выводил егерь. – Что ты ему скажешь?

– Я ему скажу: «Будем дружить, Рекс». Мне давно хотелось иметь собаку с таким именем.

– Ну вот, твоя мечта исполнилась.

— И моя тозе! — Ванюшка взял щенка из моих рук. — Я тозе буду с ним дружить!

— Молодчина! — похвалил его Фрол Кузьмич. — А кормить чем будете?

— Козьим молоком, — сказал я. — Чтобы побыстрее вырос. У нас четыре козы, молока много.

— Повезло волчонку.

— Когда Рекс подрастет, я его научу пасти коз, — сказал я. — Так что он отработает свое молоко.

— Ну, лады. — Егерь поднялся со стула, чуть не задев потолок. — Слава Богу, что все устроилось. Будьте здоровы! — Гулко ступая, он направился к выходу, пригнул голову у дверей и переступил порог.

II

Рекс рос не по дням, а по часам. Через три месяца он стал большим упитанным щенком, похожим на серую собаку-овчарку: все то же самое, что и у собаки, только глаза были не собачьи, а волчьи: карие, по-человечески умные, осмысленные.

Я стал обучать его разным собачьим премудростям. Мне хотелось, чтобы он всегда был рядом со мной, поэтому первая команда была «Рядом!» Я часто гулял с ним, он шел с правой стороны от меня на поводке. Я приучал его к тому, чтобы его левая лопатка всегда соприкасалась с моим правым коленом. Если у него это получалось, я давал ему карамельку. Иногда он своевольничал и отстранялся от меня, обращая внимание или на крик птицы, или на пробегающую мимо собаку. Тогда я несильно стегал его концом поводка, и он тут же исправлялся.

Впоследствии, когда он повзрослел, я гулял с ним без поводка, и если брал в руки поводок, то он знал, что вслед за этим последует наказание и прижимал уши.

Рекс никогда не сидел на цепи и в собачьей будке, он все время был на свободе, поэтому был понятливым и хорошо учился.

Другая команда, которую я прививал ему, была «Сидеть!» Я протягивал руку вперед и говорил:

– Сидеть!

А если опускал руку, это означало «Лежать!» В течение долгого времени он учился этому, а потом, повзрослев, выполнял эти и другие команды по голосу.

Через барьер – металлический метровый школьный забор – мы прыгали сначала вместе, а через некоторое время Рекс стал прыгать по моей команде уже один. А еще позже прыгал без команды, потому что ему нравилось совершать прыжки.

Ну, а что касается команды «Апорт!», то тут мои усилия были минимальными – стоило мне бросить палку и произнести это слово, как Рекс стремительно бросался за ней, хватал зубами и приносил ко мне.

Чаще всего мы гуляли в лесу – он был в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Я шел быстро, и Рекс шел быстро, я переходил на бег, и Рекс бежал со мной рядом, не отставая ни на один сантиметр, как будто привязанный невидимыми нитями.

Лес был смешанный густой, с разнообразным подлеском, в нем было много звуков, шорохов, игры света. Рекс не догадывался, да и не мог догадаться, что лес – это его стихия, здесь он мог жить, охотиться на диких кабанов, рысей и на другую живность, постигать премудрость волчьей жизни, избегать опасностей, особенно же остерегаться человека с ружьем, потому что это грозило ему гибелью, но все это ему теперь было не нужно – он вырос в другой среде, и у него был хозяин, которого он хорошо знал и подчинялся которому по первому слову.

Дома он обычно лежал на полу, положив морду на лапы. Максимка и Ванюшка залезали на него по очереди и сидели как в удобном кресле, трепали его за уши, гладили шею, играли хвостом; Рекс ни на что не реагировал, как будто это происходило не с ним, он, кажется, даже не замечал детишек.

III

Через три года Рекс возмужал, рост его был около метра, а весил почти сто килограммов. При виде его люди на улице отходили в сторону, давая ему дорогу, или останавливались, прижимаясь к забору, или прятались по дворам. Но бояться его было нечего: он был в наморднике, и я вел его на поводке.

Как-то в субботний день я пошел с ним в обувную мастерскую, нужно было починить мои ботинки и Галинины туфли. Около продовольственного магазина стояла компания пьяных молодых людей, их я видел впервые; они были в кураже, ехидными, колкими, а то и хамскими замечаниями встречая почти каждого человека, независимо от его возраста. «Меня-то они не тронут», — подумал я. И ошибся.

— Какк-ая боль-шая псина! — наглым развязным голосом воскликнул один из них, увидев Рекса. — Боль-шая, да дур-ная! Как и ее хозз-яин! Два придурка!.. Ха-ха-ха!..

— Не связывайся с ними, Сыч, — подал голос его дружок. — Псина эвон какая...

— А мне до лампочки, какая она...

Он пренебрежительно махнул рукой в мою сторону. Я отпустил поводок, давая понять моему другу, что он может действовать по своему усмотрению. В ту же секунду Рекс бросился на обидчика, в прыжке сбил его с ног, а по-

том встал ногами ему на грудь. Сыч попытался подняться, но Рекс так грозно и злобно зарычал на него, что тот перестал даже шевелиться.

— Ну что я тебе говорил, — дружок Сыча попятился назад.

Сыч молчал, у него почему-то пропала всякая охота говорить.

— Рекс, ко мне! — скомандовал я.

Тот переступил ногами на груди Сыча, зарычал, а потом нехотя оставил его.

— Идем дальше.

Я взял поводок в руки, и Рекс, шагая рядом со мной, то и дело оглядывался на Сыча и его дружков, которые торопились скрыться в ближайший переулочек.

IV

В последних числах июля, когда стояли тихие погожие деньки, мне захотелось сходить за грибами. Я знал одно местечко, где водились маслята, — молодой редкий соснячок, а за ним, по берегу ручья, высокая густая трава. Вот туда я и направился с моим неразлучным другом.

Маслят было много, они как будто дожидались меня. За каких-нибудь двадцать-тридцать минут я набрал полный пакет — то-то обрадуется моя Галина!

Рекс бегал поблизости, обнюхивая сосенки, кусты бузины и терновника. Неожиданно он направился в сторону ручья; я видел, как высокая трава, словно волны от носа лодки, расходилась в стороны. Через секунду я понял цель его рейда — он почуял зайца; тот бросился наутек, но поскольку трава была высокая, то ему приходилось прыгать вверх, и это сильно снижало его скорость. Рекс быстро настиг зайца, схватил его за шею и перекинул через

свою спину — этим приемом он сломал его хребет: никто его таким премудростям не учил, это было у него в крови.

Я сидел на пне, когда Рекс появился передо мною. Он положил зайца мне под ноги, я хотел взять его, но Рекс в мгновение ока схватил его и отбежал в сторону — ему, конечно, хотелось поиграть. Я встал, подошел к зайцу, но Рекс снова опередил меня и отбежал еще дальше. «Какой озорник, — подумал я. — Небось, и вовсе не отдашь мне зайца».

Я взял первую попавшуюся палку и бросил ее далеко в сторону. Рекс стремглав бросился за ней. Пока он бегал, я завернул зайца в тряпку и спрятал в сумку.

— Ну, где твоя добыча? — спросил я у Рекса, когда он притащил мне палку. — Проворонил?

Однако тот и виду не подал, что остался ни с чем: улегшись на траву, он положил голову на мои ботинки, мол, ты во всем прав, а не я.

V

Наш поселок хоть и городского типа, но все равно не очень большой. Я знаю почти всех моих сверстников — вместе учились в школе, вместе гоняли футбол, вместе ловили перепелов. Некоторые из них частенько заглядывали ко мне домой, ну, а уж семнадцатого апреля — в обязательном порядке, потому что это день моего рождения. Вот и на этот раз они не забыли меня, пришли поздравить (Галина с детьми уехала на два дня в Гомель к своим родителям).

Ну, как положено, мы выпили, закусили, пошли всякие разговоры. А у меня такая особенность: когда я выпью, то через некоторое время засыпаю. И на этот раз заснул прямо за столом, положив голову на руки. О том, что про-

изошло дальше, рассказал Валерка Мякишев — когда я проснулся.

«Через некоторое время, когда водка и пиво закончились, мы решили расходиться по домам. Но не тут-то было — Рекс не выпускал нас из квартиры. Тогда я подошел к тебе, чтобы разбудить. Но и тут Рекс был начеку, так грозно зарычал, что я отступил назад. Спустя минут пять Сенька Тарапыгин попытался толкнуть тебя в плечо, но Рекс встал на его пути и опять грозно зарычал.

Нам ничего не оставалось, как ждать. Мы прождали ровно три часа».

Проснувшись, я проводил невольных «пленников» на улицу.

VI

В Крещенские морозы в нашем доме произошло ЧП: обокрали Лукерью Хохлякову, которая жила на первом этаже. Воры взяли только самое ценное: кольца, броши, серьги, норковую шубу и «гробовые» деньги; холодильник, телевизор и настенные часы со звоном остались нетронутыми. Произошло это глубокой ночью. Хозяйки дома не было, она на несколько дней уезжала к дочери в райцентр.

Началось следствие. В поле зрения следователя, молодого человека, который только что закончил институт, попало несколько человек, в том числе и я. Моя кандидатура сразу вышла на первый план. Это объяснялось очень просто: за несколько дней до происшествия я заходил к Лукерье и просил ее одолжить рублей сто-сто пятьдесят — нужно было срочно отдать долги.

— Милок, — сказала Лукерья, — ты немножко опоздал — буквально на днях я купила новый телевизор и поэтому ничем не могу тебе помочь.

Я объяснил следователю причину моего визита к Лукерье и добавил, что к воровству не имею никакого отношения. Судя по скептическому выражению его лица, он мне не поверил.

— У меня есть стопроцентное алиби, — сказал я.

— Какое? — поинтересовался следователь.

— В ночь воровства я находился у моего друга Валерки Мякишева.

— Что вы там делали?

— Мы меняли сантехнику; работы осталось еще много, и я решил заночевать у него, чтобы на следующий день закончить ремонт.

— Может ли он подтвердить это?

— Конечно.

— Очень хорошо. А вы знали, что гражданка Хохлякова уезжала к своей дочери в райцентр?

— Да, она мне об этом говорила.

— Понятно. А вам удалось раздать долги?

— Да, удалось.

— Все?

— Почти все.

— А где вы достали деньги?

— Жена заняла у своей подруги.

— Она может это подтвердить?

— Конечно.

Следствие продолжалось около трех месяцев. Я был совершенно спокоен и нисколько не сомневался, что все закончится для меня вполне благополучно. Валерка Мякишев был моим самым близким другом, и я знал, что он меня не подведет. Когда я сказал ему, что теперь от него зависит моя судьба, он, улыбнувшись, похлопал меня по плечу:

— Твоя судьба в самых надежных руках!

Мы с ним дружили с первого класса; нас было водой не разлить; мы понимали друг друга с полуслова, и если он кивал мне после уроков головой, то я знал, что мы идем кататься на лыжах.

Если он приносил с собой пирожки, то всегда делился со мной на большой перемене; а если у меня было два бутерброда — один с колбасой, а другой с сыром, то бутерброд с колбасой я отдавал моему другу, а себе оставлял с сыром.

В футбол мы играли в одной команде: он был левым нападающим, а я — правым: иногда мы менялись местами, приводя в замешательство вратаря; наши комбинации были всегда остроумными и, как правило, заканчивались голом.

После школы мы освоили разные специальности: он стал шофером, а я — плотником. И это было очень хорошо, так как мы могли помогать друг другу по своему профилю. Не было случая, чтобы Валерка отказал мне в чем-нибудь, я платил ему тем же.

Настал день суда. Кроме меня, на скамье подсудимых были еще двое мужчин; жители нашего поселка знали их как алкоголиков и нечистых на руку. К моему удивлению, они довольно быстро доказали свою полную непричастность к воровству.

Подошла и моя очередь. Я изложил все, о чем говорилось во время следствия. Галина, отвечая на вопрос судьи, подтвердила, что заняла деньги у своей подруги.

— Вызывается свидетель Валерий Мякишев, — объявил судья.

Секретарь вышла из зала, чтобы пригласить моего друга.

— Его нет, — сказала она, вернувшись буквально через несколько секунд.

Что случилось? Где мой друг? Куда он пропал? Этого быть не может, чтобы он не пришел.

— Где же ваш свидетель? — обратился ко мне судья.

— Он вот-вот появится, — сказал я. — Чуток задержался, только и всего.

— Одну минуту мы можем подождать, — пошел на уступку судья, — но не больше.

Минута прошла — Валерка не появился.

— Суд удаляется на совещание, — объявил судья.

Через несколько минут он вместе с двумя народными заседателями вышел из соседней комнаты и зачитал обвинительный приговор: виновником кражи был признан я; наказание: два с половиной года в колонии общего режима.

Я не верил своим ушам. И даже когда милиционер вывел меня из зала суда и посадил в «воронок», я не мог поверить, что это произошло именно со мной.

Когда после отбытия наказания я вернулся домой, то мне совсем не хотелось видеть моего бывшего друга. Даже в страшном сне мне не хотелось его видеть. Но встретить все же пришлось, правда, не по своей воле.

Однажды я возвращался домой из соседнего села, куда ходил с Рексом к знакомому пасечнику за медом. До Кужмы оставалось километра три, когда сзади раздался шум машины; через минуту рядом со мной остановился бортовой «ГАЗ». Дверца распахнулась — я увидел моего бывшего друга.

— Садись, подброшу, — пригласил он.

Рекс наострил уши, как будто почувствовал какую-то опасность.

— Пешком как-то надежнее, — отказался я.

Валерка раскрыл дверцу пошире, давая понять, что приглашение остается в силе; однако смотреть мне в глаза он упорно избегал.

— А скажи-ка... — я старался поймать его взгляд, — скажи мне...

— Чего?

— Почему ты... не пришел тогда в суд?

Валерка опустил голову, потеревил чуб.

— Да из-за Клавки, зазнобы моей... это она все...

— Что она?

— Я уже собрался пойти в суд, надел чистую рубаху, и тут она нарисовалась. «Пойдем, говорит, ко мне». «Я в суд должен явиться, говорю, меня ждут». «Никаких судов, ты мой...» «Да там всего делов-то...» «Ничего не знаю, обойдутся без тебя!» Взяла меня за руку и увела.

— Как бычка за веревочку.

Валерка искоса взглянул на меня:

— Ну ладно, дело прошлое... садись...

— Я с подлецами не только рядом не сажусь, но и обхожу их стороной.

Дверца захлопнулась, грузовик, резко рванув с места, покатил по дороге. Я сошел на обочину и отвернулся — мне был отвратителен не только Валерка, но и его машина, шум которой становился все слабее и скоро совсем сошел на нет. Только после этого мы с Рексом продолжил свой путь. Волк по-прежнему тревожно водил ушами, как будто опасность, которую он неожиданно почувствовал, еще не миновала.

VII

«Мне нравится служить моему хозяину. Его голос я различаю среди многих других голосов; мне понятны все его оттенки: и когда хозяин хвалит меня, и когда сердито отчитывает за какую-нибудь провинность, и когда отдает приказ, и когда просто разговаривает со мной о чем-нибудь.

Если бы кто-то предложил мне другого хозяина, я бы сразу отказался — мне не нужно никакого другого, потому что мой хозяин — самый лучший из всех. Он постоянно заботится обо мне; у меня всегда есть еда; соседские собаки иногда голодают (я знаю об этом, так как они скулят), а я — никогда. Один раз в две недели мой хозяин заводит мотоцикл и куда-то уезжает; через пару часов он возвращается и привозит два мешка костей; если бы знали соседские собаки, какие это аппетитные кости и с каким громким хрустом я их разгрызаю!

У меня всегда есть вода; я могу вылакать сразу полный котелок, особенно после того, как расправлюсь с говяжьей лодыжкой.

Я чувствую своего хозяина каждую минуту; даже когда я лежу с закрытыми глазами, я все равно чувствую его присутствие, и даже когда он спит, я знаю, где он спит и когда проснется.

Когда он уходит из дома, я сильно скучаю по нему. Мне хочется, чтобы он побыстрее вернулся. Я буквально не нахожу себе места, когда его нет рядом.

Как-то он отсутствовал очень-очень долго, так долго, что я думал, он вообще не вернется. Но он, к счастью, вернулся, похудевший, неулыбчивый, но ко мне по-прежнему добрый и ласковый. Это был самый счастливый день в моей жизни; я не отходил от моего хозяина ни на секунду, все время смотрел на него и не мог насмотреться.

Каждый день я с нетерпением жду, когда он вернется с работы домой. Я подхожу к окну, становлюсь лапами на подоконник и смотрю на улицу — не идет ли мой хозяин. Люди, знакомые и незнакомые, идут по тротуару, а моего хозяина все нет. Я покружусь, покружусь по комнате, а потом снова подхожу к окну.

И вдруг я вижу его, моего хозяина: он идет широкими шагами, высокий, сильный, и я скорей бегу к двери, что-

бы встретить его. Он открывает дверь, и я, виляя хвостом, хочу встать на задние лапы, чтобы передними упереться в его грудь.

— Ну, ну, Рекс, — говорит хозяин, — не шали, а то от радости повалишь меня.

Он гладит мою голову, треплет уши, а я жмурю глаза от удовольствия.

Потом он садится за стол, большими глотками пьет чай, откусывая сдобу или пряник, а я сижу рядом и смотрю на него. Иногда он подкидывает пряник вверх, да так ловко, что тот попадает прямо в мою раскрытую пасть.

Быть в послушании у моего хозяина — лучше этого нет ничего на свете. Я всегда жду его команды, чтобы выполнить ее как можно быстрее и как можно лучше, и чтобы мой хозяин остался доволен. Выполнять его волю — когда бы это ни было и где бы это ни было — моя обязанность, и ради этого я готов сделать все, что в моих силах. Я готов в любую секунду отдать свою жизнь за моего хозяина, лишь бы он приказал, а уж раздумывать, надо это или не надо, я не буду — его слово для меня закон».

VIII

В один из поздних осенних дней я с Рексом пошел в лес на прогулку; накрапывал мелкий дождь, дул северный прохладный ветер. Я люблю прогуливаться в любую погоду, а Рекс тем более — у него такая шкура, что ему нипочем ни ветер, ни дождь, ни снег.

Когда мы вошли в лес поглубже, то порывы ветра почти не ощущались, и только на просеках и в оврагах они были такими же резвыми, как и на просторе. Извилистая дорога была усыпана влажными березовыми, дубовыми и ольховыми листьями, издававшими приятный прелый

запах. Лес просвечивал насквозь; верхушки деревьев под порывами ветра качались из стороны в сторону, издавая глухой треск.

Я знал, что дорога убегала далеко, можно было идти по ней десятки километров и не встретить ни одного человека. Рекс бежал впереди меня, ныряя в заросли то вправо, то влево от дороги, и я на несколько минут терял его из виду; он появлялся снова, глядел на меня, мол, не бойся, я никуда от тебя не убегу, мне так интересно в этом гулком лесу, может быть, я поймаю барсука или енота, и за это ты меня только похвалишь. Видя, что я не возражаю, он опять исчезал в чащобе.

Через полчаса мы свернули на едва заметную тропинку и вышли к глубокому оврагу; зеленый и тенистый в разгар лета, сейчас он выглядел жалким и скучным. Я присел на валежину. Дождь прекратился, только редкие капли падали с голых сучьев продрогших берез и осин. Я полез в карман за куревом, но вспомнил, что курева со мной нет — два года назад я завязал с курением, так как Рекс не переносил запаха табака; если я закуривал сигарету, он тут же уходил подальше, всем своим видом показывая, что не одобряет меня. Ради своего верного друга я бросил курить, хотя это было для меня трудновато.

Рекс, лежа на прелых листьях, отдыхал в нескольких метрах от меня. Вдруг он, тревожно оглядываясь, навострил уши. «К чему бы это? — подумал я. — Вроде никакая опасность нам не угрожает». Рекс вскочил на ноги, подбежал ко мне, схватил зубами мою брезентовую куртку и с силой потянул ее к себе.

— В чем дело? — спросил я его. — Что ты затеял?

Рекс, негромко заскулив, еще сильнее потянул мою куртку.

— Поиграть, наверно, хочешь? — продолжал я. — Вот вернемся домой, тогда и поиграем.

Неожиданно Рекс так рванул мою куртку, что я вскочил с валежины и сделал вслед за ним несколько шагов. В ту же секунду за моей спиной раздался страшный шум, и на то место, где я только что сидел, упала толстая высохшая сосна. Ее ветви просвистели в нескольких сантиметрах от моей головы.

На моей спине выступил холодный пот. Я человек не робкого десятка, но мне расхотелось находиться в этом месте, и я быстрыми шагами направился в сторону торной дороги. Рекс бежал рядом, касаясь левой лопаткой моего правого колена.

IX

Год шел за годом. Я, Галина и наши детки привыкли к Рексу, он был как бы членом нашей семьи, и без него нам было уже трудно обойтись. Мы никогда не закрывали нашу квартиру на замок, даже тогда, когда все уходило по своим делам — Рекс охранял ее лучше всякого сторожа. Когда наши детки были дошколятами, Рекс ходил с ними на прогулку, охраняя их, а когда они подросли и стали ходить в школу, то Рекс сопровождал их до школы, а после занятий встречал их и вместе с ними возвращался домой.

И летом, и зимой я ходил с Рексом на охоту, и он выполнял свои обязанности настолько грамотно и охотно, что я никогда не возвращался домой с пустыми руками.

Я приучил его ходить в магазин. Он брал в зубы сумку, в которой были деньги и записка для продавщицы, прибежал в магазин, получал нужные продукты и возвращался обратно; мы с Галиной сэкономили на этом массу времени.

Летом Рекс пас наших коз; он вел их на пастбище, а вечером — обратно; мы нисколько не волновались за их судьбу.

Много и других обязанностей было у Рекса, и он выполнял их весьма и весьма аккуратно.

Так пробежало — очень быстро и как-то даже незаметно — одиннадцать лет, и Рекс из сильного, красивого и выносливого волка превратился в дряхлого старика. Он ходил все медленнее, с большой натугой и одышкой (мне было жалко смотреть на него), и вот наступил момент, когда у него отказали задние ноги. Ухаживать за ним было совершенно невозможно, он был слишком тяжел, даже я не мог сдвинуть его с места. Сделать для него будку на улице и поселить его в ней — толку в этом не было никакого; отдать его кому-нибудь из знакомых, кто любит ухаживать за животными, тоже бессмысленно, так как еду из чужих рук он не брал.

Возникла патовая ситуация.

Я долго мучился, переживал, но сделать ничего не мог. Оставался грубый, но неизбежный выход — для Рекса, да и для всех нас. Я переговорил с Фролом Кузьмичем, и тот согласился помочь.

С большим трудом (нам помогали еще двое мужчин) мы погрузили Рекса в коляску моего мотоцикла.

И поехали в сторону леса.

У Рекса из глаз текли слезы, он чувствовал, куда и зачем его везут.

Мы остановились в глухом месте, выгрузили Рекса из коляски; он стоял на передних лапах и по-прежнему плакал: крупные слезы одна за другой падали на землю.

Фрол Кузьмич снял с плеч двустволку, прицелился (он стоял сбоку Рекса) и выстрелил; заряд попал в шею, алая кровь брызнула фонтаном. Егерь выстрелил из второго ствола, заряд снова попал в шею, и второй фонтан крови забил тугой струей. Рекс, не отрываясь, смотрел на меня: в его глазах я читал жуткий и скорбный вопрос: «За что?»

Через некоторое время передние лапы у него подогнулись, и он тяжело упал на землю. Он по-прежнему с неммым укором смотрел на меня, и в его глазах я читал все тот же горький вопрос.

Он так и умер с открытыми глазами.

Мы с Фролом Кузьмичом вырыли яму, столкнули в нее Рекса, а потом закидали ее землей.

Х

Вернувшись домой, я выпил бутылку водки, но она на меня нисколько не подействовала; я выпил еще одну; мне хотелось забыться и не вспоминать недавнюю тяжелую сцену, но это было, кажется, невозможно. Я по-прежнему видел фигуру Рекса, слезы на его глазах, алые фонтаны крови, которые казались бесконечными.

На другой день я снова выпил. И на третий тоже.

Мой запой продолжался полгода.

Это был самый тяжелый, самый печальный период в моей жизни. Ни до этого, ни после ничего подобного со мной не было. Страдал не только я, страдала Галина и мои детки; мне было их очень жаль, но я ничего не мог с собой поделать.

Иногда я приходил на то место, где мы с Фролом Кузьмичом похоронили Рекса. Там выросла трава. Через пять минут (дольше находиться не мог) уходил прочь и до конца дня бродил по лесу, забираясь в самые глухие и непроходимые места. Но и здесь перед моим мысленным взором медленно, очень медленно проплывали последние минуты жизни моего друга: я отчетливо, как и в тот памятный день, видел его скорбные карие глаза, в которых стоял немой, обжигающий все мое существо, вопрос:

«За что?»

АГНИЯ

Я давно мечтала попасть в Иерусалим на схождение Благодатного Огня — увидеть его, прикоснуться к нему, а самое главное, прочувствовать это событие. Каждый год я собиралась осуществить свою самую заветную мечту, но все никак не получалось: то с работы не отпускают, то семью нельзя оставить, то с деньгами затруднение. Уже все мои подруги съездили, друзья, знакомые, одна я осталась. Сколько раз я слышала о Благодатном Огне: как его ждут, как он сходит и что потом происходит в Храме, но все это было с другими людьми, а не со мной. А ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Наконец я решила: если в этом году не поеду, значит, никогда не поеду. Денно и ночью молилась святым угодникам. И все устроилось чудесным образом: и с работы отпустили, и дома никаких проблем, и денег достаточно.

И вот я шагаю по улицам Иерусалима и думаю: я это или не я? Дай, думаю, ущипну себя, может, это сон, и все мгновенно исчезнет. Ущипнула, а все осталось на месте. Значит, это не сон, а явь.

И жила я не где-нибудь, а в Горненском монастыре. Я об этом и мечтать даже не могла. И паломницы в нашей группе подобрались лучше некуда: внимательные, предупредительные, отзывчивые. Может, в обыденной жизни они иные, но тут, в Святой Земле, иными быть нельзя.

Началось знакомство с Палестиной. Мы были и в Вифлееме, не только воздух, но и камни которого помнят Младенца Христа, и в Иерихоне, и на Сорокадневной Горе, где Иисус постился, и на Иордане, воды которого целебнее всех лекарств мира. Но я ждала главного, ради чего сюда приехала, — Благодатного Огня.

В пятницу вечером вместе со своими новыми подругами-паломницами я пришла в Храм Гроба Господня, чтобы

провести здесь ночь, а утром увидеть долгожданное Чудо. Все так делали, и мы решили последовать их примеру. В Храме мы застали и болгар, и англичан, и французов, и чехов, и словаков, и сербов, но больше всего было, конечно, греков. Вот и хорошо, будем вместе ждать.

— В прошлом году, да и в позапрошлом на ночь в Храме никого не оставляли, — сказала моя новая подруга Людмила Леонидовна; она была очень опытной паломницей и знала все. — Посмотрим, что будет в этом.

— В этом все будет нормально, — откликнулась Варвара Васильевна, женщина примерно моих лет; в паломнических поездках она прошла огонь, воду и медные трубы. — Греки мне передали, что Иерусалимский Патриарх благословил желающих остаться на ночь в Храме.

— Ну тогда нам не о чем беспокоиться, — заверила Людмила Леонидовна.

Мы сидели на раскладных стульчиках в каких-нибудь десяти метрах от Кувуклии. Ночь в любом храме проходит быстро, я это знала по собственному опыту, осталось всего ничего, и скоро, совсем скоро исполнится то, о чем я так долго мечтала. Многие паломники дремали, низко опустив головы, но мне было не до этого: для меня была важна каждая минута, нет, каждая секунда, проведенная в том месте, где Иисус Христос претерпел страшные мучения, был распят на Кресте, а потом, в третий день, воскрес. Я благодарила Господа за то, что Он привел меня сюда, в это святое место, молилась о своих близких, друзьях и знакомых, о новых подругах-паломницах, прочитала один акафист, другой, третий, и в этот момент появились полицейские и солдаты внутренних войск. Они стали выгонять паломников из Храма. Поднялся невообразимый шум; отчаянные крики, вопли, визг, плач неслись со всех сторон; полицейских и солдат это мало тро-

гало; перекрывая шум грубыми мегафонными выкриками и назойливо действуя на психику, они шли стеной, не обращая внимания на протесты паломников, и в считанные минуты очистили Храм.

— Вот тебе и благословение Патриарха, — поправляя сбившийся платок на голове и поясок на плаще, сказала Людмила Леонидовна.

— Они признают только благословение князя тьмы, — немного придя в себя, добавила Варвара Васильевна.

Служителям «порядка» этого показалось мало: они стали вытеснять паломников с площади, прилегающей к Храму, в близлежащие улочки. Нас гнали, как скот. Солдаты то и дело пускали в ход резиновые дубинки. Я видела, как один русский священник, который пытался протестовать, получил такой удар, что еле устоял на ногах. Я взяла за руку Людмилу Леонидовну, а она — Варвару Васильевну, и так мы держались вместе.

Через некоторое время мы оказались на узкой улочке; солдаты перегородили ее решетками; рослые, перетянутые ремнями, с невозмутимыми, отстраненными лицами, они стояли в одном метре от нас, всем своим видом давая понять, что с ними шутки плохи.

— Концлагерь какой-то, да и только, — тихо, так, чтоб никто из посторонних не слышал, молвила Варвара Васильевна. — В каких только передрягах не была, а такого еще не видела.

Один солдат, в очках и с тонкими усиками, был русским эмигрантом; мы это поняли по нескольким русским словам, которые он то ли невзначай, то ли сознательно обронил.

— Сынок, — улучив момент, обратилась я к нему, — что же дальше-то будет?

— Терпи, мать, терпи, — кратко ответил он.

Не успел он произнести эти слова, как офицер грубо прикрикнул на него и приказал отойти в сторону.

Я все время ловила его глазами, рано или поздно надеюсь получить от него какую-нибудь утешительную весточку. И не ошиблась. Воспользовавшись тем, что офицер отлучился куда-то по неотложным делам, солдат подошел ко мне и, делая вид, что поправляет сдвинутую решетку, чуть слышно произнес:

— В десять часов будем пропускать в Храм.

Однако до десяти было еще далеко: едва-едва начинало светать. Хорошо, что у нас были раскладные стульчики, и мы смогли немного отдохнуть. Именно немного, потому что около семи часов толпа, находящаяся у решеток, начала уплотняться; солдаты сдвинули одну из решеток в сторону и стали пропускать какие-то делегации — греков, арабов, итальянцев. Через некоторое время проход закрыли.

А народ все прибывал; я по-прежнему стояла у самой решетки; напор толпы становился все сильнее; казалось, те несколько сот человек, которые находились сзади, давили только на меня; я поняла, что попала в ловушку; выйти из толпы, занять какое-то другое место, просто повернуться для того, чтобы свободнее вдохнуть воздух, было совершенно невозможно; напор толпы усилился, и я почувствовала, как захрустели мои ребра.

— Пустите меня! — собрав последние силы, закричала я, но вряд ли в таком шуме и гаме, который царил вокруг, кто-нибудь услышал меня. Я повисла на железной решетке, еще чуть-чуть — и упаду, если только мне дадут упасть. В довершение несчастий острые выступы решетки поранили мои ноги.

Подруги были рядом, но ничем не могли мне помочь, потому что, как и я, были стиснуты; и все же им было проще: они не соприкасались с решеткой.

«Господи, помилуй! Господи, пощади! — шептала я. — Никто не может, так Бог поможет».

Вдруг ко мне подошел тот самый солдат, в очках и с тонкими усиками, обеими руками отодвинул меня от решетки; обессиленная, я сантиметр за сантиметром стала сползать вниз, между телами других людей; солдат поддерживал меня за подмышки.

— Помогите! — не крик, а хриплый стон вырвался из моей груди, и я потеряла сознание.

Очнулась вне толпы; первое, что поняла, — жива! Кто-то положил на мой лоб мокрый платочек.

— В больницу!

Узнала голос Людмилы Леонидовны.

— Скорее!

Голос Варвары Васильевны.

— Нет. — Я отрицательно покачала головой. — В Горний.

— А если операция?

— Только в Горний!

Через полчаса такси доставило нас в монастырь. Идти я не могла. Лечь не могла. Дышать не могла. Подруги посадили меня на стул около храма.

— Вы поезжайте на Благодатный Огонь, — сказала я, — еще успеете.

— А ты?

— Я посижу.

Они уехали.

Стояла необыкновенная тишина. Не шелохнулась ни одна веточка, не шелестела монашеская мантия, не слышно было человеческого голоса, не звонил колокол, даже птички не пели.

«Надо же такому случиться! Столько лет мечтала о Благодатном Огне, и вот, вместо радости — скорбь. — Я обеими ладонями вытирала слезы, которые текли по щекам. — Не повезет, так уж не повезет.

Все наши сейчас в Храме: и паломники, и сестры обители. Вот-вот сойдет Благодатный Огонь, и все будут радоваться».

Я почувствовала себя самым несчастным человеком на свете. И самым оставленным.

А потом как бы очнулась. «Почему несчастным? Почему оставленным? Наоборот! Сейчас Христос висит на Кресте, распятый иудеями. Он невыносимо страдает. Он проливает Кровь — каплю за каплей — за всех нас, в том числе и за меня. Я тоже пострадала от злобных иудеев. И, значит, сораспялась Христу. В эти минуты я страдаю вместе с Ним, раздавленная, почти сплюснутая, еле живая. Слава Тебе, Господи, что Ты сподобил меня такой великой чести! Я самый счастливый человек на свете!»

Дохнул порыв ласкового ветерка, теплые лучи южного солнца упали на мое лицо, на веточку мимозы села светло-желтая пичужка и весело зачирикала.

Неожиданно раздался колокольный звон; звучали все колокола, так бывает только в самых торжественных случаях! На дорожке показались монахини, а впереди — матушка игумения; в руках у нее была лампада, и в ней сиял Благодатный Огонь.

Я встала со стула и пошла навстречу игумении, так как мне хотелось побыстрее встретить Благодатный Огонь. Сделав несколько шагов, я поняла, что у меня ничего не болит: ни ноги, ни руки, ни ребра, ни легкие, ни язва желудка, от которой я страдала многие годы. Я чувствовала себя совершенно исцеленной. Сознание этого так поразило меня, что я остановилась на месте.

Сияющая игумения подошла ближе, зажгла пучок свечей и протянула мне. Я с великим трепетом взяла его. Благодатный Огонь сам пришел ко мне! В свете дня пламя было бледным, но для меня оно сияло ярче солнца. Я чувствовала себя такой счастливой, переполненной не-

обыкновенной светлой радостью, все во мне так пело и ликovalo, как будто уже наступила Пасха!

ЧАСОВОЙ МАСТЕР

I

Часовая мастерская находилась на первом этаже трехэтажного дореволюционного дома, между магазином галантереи и фотоателье. Я вошел внутрь, над дверью мелодично прозвенел колокольчик. Помещение было разделено невысокой стойкой на две неравные части: приемную и собственно мастерскую, занимавшую гораздо большую площадь. Навстречу мне поднялся среднего роста, плотный мужчина лет шестидесяти пяти с улыбочивым добродушным лицом; морщины на его лбу походили на волны Черного моря глубокой осенью.

— Слушаю вас, — обратился он ко мне так, как будто дожидался меня целый день.

Я поставил на стойку будильник:

— Перестал звенеть.

— Это очень нехорошо с его стороны. — Мастер взял в руки будильник. — Это примерно то же самое, как если бы трамвай утром не вышел на линию. — Счас глянем.

Он сел за стол, уставленный часами разных марок, запчастями к ним, крышками из-под монпансье и баночками из-под консервов, заполненными винтиками, колесиками, пружинками и прочей мелочью, без которой часовому мастеру никак не обойтись; вскрыл будильник, внимательно осмотрел механизм.

— Ага, понятно, — сказал он, копаясь в будильнике. — Это называется: ерунда на постном масле.

Через минуту он поднялся, завел звонок, перевел стрелки часов, и будильник зазвенел. Он держал его в руке и улыбался; он был доволен гораздо больше меня; когда будильник умолк, мастер поставил его на стойку:

— Теперь вы никуда не опоздаете.

Я был очень рад, что мне повезло на мастера, что будильник снова в рабочем состоянии и что не нужно приходить в мастерскую второй раз. Я вытащил из кармана бумажник:

— Сколько с меня?

— Нисколько, — улыбаясь, ответил мастер.

— Ну, как же так? Вы трудились, затратили время.

— Я затратил пару пустяков. Скажу вам по секрету: друзьям чиню бесплатно.

— Но я же не друг.

— Значит, будете им. — Он весело рассмеялся. Потирая руки, сказал: — Когда я сделаю людям что-то доброе, у меня весь день отличное настроение. И дела идут как по маслу.

Я от души поблагодарил мастера и попрощался.

Второй раз я встретился с Сергеем Михайловичем Лобовым (так звали моего нового знакомого) примерно через месяц: стали спешить ручные часы. Он отремонтировал их за считанные минуты и снова не взял денег, считая меня своим другом.

В мастерской никого не было. Лобов заварил две чашки чая, высыпал из пакета на тарелку полдюжины сушек-«челночков» — стойка служила нам столом. Мы вели себя как давнишние друзья; это случается тогда, когда собеседников объединяет взаимная симпатия; поскольку разница в возрасте у нас была небольшая, то мы с взаимного согласия перешли на «ты». Через несколько минут я перевел разговор в нужное русло, сказав, что вчера был на пре-

стольном празднике в Бирюлевском храме (зачем тратить время на второстепенные темы?).

— А я живу рядом с этим храмом, — сказал мой собеседник, — окна аккуратно смотрят на церковный двор.

— Повезло, — сказал я.

— Да я там ни разу не был. Вот уже больше тридцати лет живу в этом доме, а в церкву — ни одной ногой.

— Почему?

— Дак я ж некрещеный.

— Как некрещеный?

— А вот так. Родители боялись крестить, а я сам, когда подрос, даже и не задумывался об этом.

— А сейчас?

— Счас уже поздно.

— Креститься никогда не поздно. Бывают случаи, когда человек крестится в самую последнюю минуту своей жизни.

— Для чего?

— Чтобы спастись.

— Лично мне никто не угрожает: ни милиция, ни соседи, ни клиенты. И дом не горит; значит, спастись не надо.

— Я говорю о спасении души.

— Это для меня пустой звук. Тело я вижу, вот оно, а душу не вижу, стало быть, ее нет.

— А ум ты видишь?

— Ну, это совсем другое дело: его не надо видеть, чтобы знать о нем...

— У тебя очень хорошая душа, она радуется, когда ты совершаешь добрые дела. Жаль, если она погибнет для Блаженной Вечности.

— Ты говоришь о загробной жизни?

— Да.

— А по-моему, никакой загробной жизни нет. Вот, например, я скоро умру, мое тело отнесут на кладбище, заруют в могилу, и на этом все кончится.

— С этого момента все только и начнется.

— Ну, это уже сказка.

Религиозная безграмотность Лобова не явилась для меня какой-то неожиданностью. Всех своих новых знакомых, и молодых, и пожилых, я при первом же удобном случае спрашивал о крещении. И каждый третий или четвертый из них оказывался некрещеным. И если молодые люди, хотя и не все, соглашались рано или поздно принять Таинство Крещения, то пожилые, особенно мужчины, были тверже камня — любое слово, если оно касалось Церкви, отскакивало от них быстрее, чем теннисный мяч от ракетки Кафельникова.

Выйдя из мастерской, я горячо помолился о заблудшем Сергии, попросил Господа вразумить его, наставить на путь истины и не дать погибнуть. Мне было очень жаль, что он всю жизнь прожил в полнейшей темноте, не зная Господа, не участвуя в церковных Таинствах. Я стал молиться о нем каждый день: утром, встав ото сна, в метро, пока ехал на работу, во время прогулок. «Человеколюбец Господь и не такие камни растоплял».

II

Через неделю, возвращаясь с работы, я заглянул в часовую мастерскую. Там было несколько клиентов: одни сдавали часы в ремонт, другие получали отремонтированные. Я подождал, пока они ушли, поздоровался с Сергеем Михайловичем и продолжил прерванный в прошлый раз разговор. Прежде всего я сказал ему, что душа некрещеного человека без суда и следствия уходит в ад.

– Ну и что особенного, везде жить можно, – улыбаясь, сказал мой собеседник.

– Там не жизнь, – возразил я, – там жуткие муки.

– Ну, значит, это как раз для меня: я эти муки заслужил.

– Их можно легко избежать.

– Неужели? – Лобов сделал удивленное лицо.

– Да.

– А как?

– Очень просто: окреститься.

– Дак я ж кумунист.

– Вот те раз. Компартии давно не существует, а он коммунист.

– Я кумунист настоящий, по убеждению, не как другие: партии не стало, и их не стало. А я свою шкуру не меняю каждую минуту, как хамелеон.

– Ты, небось, и партбилет носишь до сих пор в кармане?

– А как же. Какой я кумунист без партбилета? Вот он, могу показать. – Лобов полез во внутренний карман пиджака.

– Не надо, – остановил я его. – Над этими партбилетами куры смеются... Вот ты говоришь: коммунист. Я лично знал многих крещеных коммунистов. И среди членов правительства были такие.

– Это – хамелеоны. – Лобов пренебрежительно махнул рукой. – Они мне не пример.

– А кто пример?

Лобов встал, прошелся взад-вперед по мастерской, остановился.

– Ну, Сталин.

– Он, между прочим, учился в семинарии, – сказал я, улыбнувшись про себя.

– Верно? – спросил Лобов, поняв, что попался в ловушку.

– Верней некуда.

Сергей Михайлович снова прошелся по мастерской, соображая, как бы без больших потерь выбраться из ловушки. Он расстегнул пиджак, потом снова застегнул его, сказал простодушно:

– А я и не знал.

– Да и знать это необязательно, – сказал я, помогая старику побороть смущение. – У тебя скоро может быть другой пример для подражания. Без единого пятнышка.

– Это кто ж?

– Преподобный Сергей Радонежский.

– Я такого не знаю.

– Это великий святой Земли Русской. Если ты окрестишься, то он будет твоим небесным заступником и покровителем. Его мощи покоятся в Троице-Сергиевой Лавре, совсем рядом. Туда можно часто ездить.

– Ты никак меня уже окрестил?

– Я молю Господа Бога, чтобы это случилось как можно быстрее.

– А зачем? Что за выгода для тебя?

– Выгода для тебя, а не для меня: ты окажешься не в аду, а в Раю.

III

На другой день я уехал в командировку на Сахалин, где пробыл несколько месяцев. Вернувшись, долго работал над научным отчетом. Потом взял отпуск и уехал отдыхать. Прошло не меньше полугода, когда я снова навестил часового мастера. Я его не узнал: он сильно похудел, осунулся, лицо покрывала печать бледности, в глазах не было прежней живости; мне показалось, что он стал ниже ростом.

— Три месяца отвалился в больнице, — отвечая на мой немой вопрос, сказал Лобов. — Инфаркт. Чувствую себя не ахти.

— А что, если поехать в санаторий, набраться сил, а потом уж...

— Работа для меня — лучший санаторий. — Мастер улыбнулся, но улыбка получилась какая-то кислая. Он занимался старинными карманными часами, изредка поднимая голову и отвечая на мои краткие вопросы.

— Ну как, креститься будем? — спросил я, когда Лобов, ответив на телефонный звонок, о чем-то задумался.

— Работы накопилось невпроворот. — Он кивнул на полки, заставленные часами разного калибра так густо, что образовался «птичий базар».

— Одно другому не мешает. А откладывать нельзя: никто из нас не знает, когда Господь возьмет нашу душу — сегодня ночью или завтра утром.

— Ну, я-то еще никуда не собираюсь...

— А там, — продолжал я, как бы не замечая внутреннего сопротивления собеседника, — там уже не крестятся. Поздно.

— Я прожил всю жизнь некрещеным, и ничего, не жалею. А насчет инфарктов, так они у всех бывают — и у крещеных, и у некрещеных...

— У тебя первый инфаркт?

— Второй... Наверно, ты плохо обо мне молился. — Лобов с улыбкой посмотрел на меня: ему было интересно, как я восприму его шутку.

— Да, плохо, — согласился я, восприняв его слова не как шутку, а как серьезный упрек. — Второй инфаркт — это как удар грома! Третий ты можешь не выдержать.

— Чему быть, того не миновать...

— И все же лучше уйти в иной мир подготовленным. Крещение займет всего один час, — сказал я, не остав-

ляя надежды на то, что мастер в конце концов согласится. Мне все казалось, что он отказывается от крещения потому, что я не нашел самого веского довода. — Можно креститься в храме, а можно и дома. А если хочешь, прямо тут, в мастерской, я договорюсь со священником.

Старый мастер поднял брови, обдумывая мои слова, и морщины на его лбу стали похожи на волны Черного моря в девятибальный шторм.

— Я не готов, — сказал он, опуская брови и поглаживая пальцами закрытые глаза. — С бухты-барахты это не делается...

Мне нечего было возразить старику.

IV

На следующий день, в воскресенье, я поехал в храм Всех святых на Соколе; там, у входа на церковный двор, всегда собирается много нищих. И на этот раз они были на месте — вот публика, которая никогда не подведет! Я раздал им, никого не пропустив, щедрую милостыню, во спасение души часового мастера. В этом храме служил священником мой друг, я попросил его помолиться за заблудшего Сергия.

Так я поступал несколько раз: слава Богу, нищих в Москве изобилие.

Заходить в часовую мастерскую я не торопился, так как в этом не было необходимости: что бы я ни говорил, какие бы доводы, самые веские и самые неотразимые, ни приводил, все равно Лобов, как и раньше, остался бы при своем мнении.

И все же я не вытерпел и зашел, в последние дни масленицы. За рабочим столом, там, где обычно я видел Лобова, сидел худой вихрастый нескладный молодой человек.

— Можно увидеть Сергея Михайловича, — обратился я к нему.

Молодой человек поднял скуластое лицо, посмотрел на меня одну-две секунды:

— А его нет.

— Где же он, если не секрет?

— Нет, не секрет: он умер.

Я помедлил, переваривая сказанное.

— Давно?

— Да уж месяца полтора, наверно.

Я вышел из мастерской и медленно побрел по улице. В том, что Лобов умер, ничего особенного не было, все рано или поздно умирают. Дело было в другом: в его загробной участи. Где его душа, в каких заочных палестинах? Страдает или радуется, терпит муки или нашла покой?

Прошел Великий пост, наступили радостные Пасхальные дни, в моей душе не смолкали чудные Пасхальные песнопения. Именно в это время я увидел сон. Мне приснился весенний луг, освещенный теплыми сияющими лучами солнца. Он был покрыт изумрудной травой, но цветов на нем не было, только два-три цветка едва виднелись среди густой муравы. И птиц не было.

Через несколько дней я снова увидел во сне этот же луг: цветов значительно прибавилось, они были выше и ярче; появились птицы, они порхали над лугом и весело щебетали.

Прошло еще некоторое время, и я третий раз увидел весенний луг. Он был буквально усыпан оранжевыми, желтыми, сиреневыми, голубыми цветами; от них исходил дивный аромат; птиц было очень много, их пение ласкало слух; посреди луга стояло красивое изящное здание с колоннами, полное неземного сияния.

О чем были эти сны? Как их понять? Может быть, Господь образно показал мне загробную участь часового мастера — ведь молился о нем не только я, но и священник. Каждому человеку в последнюю секунду его земной жизни является Ангел Господень и спрашивает: «С кем ты? С Богом или нет?» И если человек не отречется от Бога, то Ангел Господень относит его душу к вратам Рая... Вот и Сергей Михайлович, вполне возможно, не отрекся от Бога; не мог же он забыть те немногие слова о загробной жизни, которые я говорил ему во время своих визитов в часовую мастерскую. Но суть, конечно, не в моих словах, а в безграничном милосердии Господа, Которому дорога каждая человеческая душа и Который хочет спасти самого последнего грешника.

ПОЛУНОЩНИЦА

I

Скит находился в сосновом бору. Янтарно-желтые, высокие, как на подбор, сосны глухо шумели, когда налетал ветер, тропинка, ведущая к скиту, была едва заметной, желтый деревянный забор почти сливался с густым бором, и, если бы не колокольный звон, то редко кто догадался бы о существовании маленькой обители. По утрам и вечерам соловьи выводили причудливые трели, рыжие пушистые белки прыгали с ветки на ветку, а потом спускались по стволу на землю, причем бежали так же быстро, как и по горизонтальной ветке; они усаживались столбиками на широком потемневшем пне; кто-нибудь из монахов подавал им на ладони подсолнечные семечки или кедровые орешки; белки расправлялись с угощением с изумительной быстротой.

Храм находился посреди скита, монашеские келии обступали его полукругом; две беседки, обвитые плющом так, что и входа не найти, спрятались за келиями. Только внимательный взгляд мог заметить на некоторых соснах небольшие скворечники; их хозяева, выкармливая потомство, беспрестанно летали в лес и очень быстро возвращались обратно.

Ансамбль скита завершал небольшой уютный пруд, берега которого заросли осокой, камышом и кустами ежевики. Здесь жила утиная семья: утка плыла впереди, за ней цепочкой следовала добрая дюжина утят, а селезень держался сзади и чуть в стороне — такого порядка и дисциплины не бывало, наверно, и на военных учениях.

Жизнь в скиту текла размеренно, спокойно: молитва сменялась отдыхом, а отдых — физическим трудом, и Артамонову тут очень нравилось, он был рад, что приехал именно сюда. Своим временем он по благословению скитоначальника распоряжался совершенно свободно, много гулял и размышлял, не забывая, разумеется, о молитве. Иногда они гуляли вместе — в скиту или вне его — по какой-нибудь укромной тропинке. Темой беседы служила обычно та или иная духовная проблема русского народа.

— Ты уже был на ночной службе? — спросил однажды архимандрит Тит (так звали скитоначальника).

— Нет, — ответил Артамонов.

— Зря. Сегодня же приходи. Служба начнется в два часа ночи, так что это будет уже не сегодня, а завтра.

— За послушание приду.

— Вот и хорошо. Перед службой я три часа сплю. И тебе советую. Иначе будет не молитва, а клевание носом.

Артамонов думал, что такой ранний сон у него не получится, но, к своему удивлению, заснул, да так крепко, что, наверно, проспал бы до утра, если бы его не разбудил скитский колокол. Как только колокол замолк, по ски-

ту прошелся дежурный монах с деревянным билом; такие билы используются на Святой Горе Афон, и мелодия, которую «играл» дежурный монах, была такая же, как на Афоне, только звук был немного слабее.

«Ничего, — подумал Артамонов, который был на Святой Горе несколько раз, — если бы я колокол не услышал, то афонскую мелодию услышал наверняка». Он встал совершенно отдохнувшим.

— На этой службе присутствуют Ангелы, — сказал послушник Максим, который жил в одной келии с Артамоновым; ему было восемнадцать лет, и он готовился стать монахом.

— Они, мой друг, присутствуют на каждой церковной службе, — ответил Артамонов, похлопав юношу по плечу.

II

Он вошел в храм в прекрасном расположении духа. «Как хорошо, что существуют ночные службы», — с умилением подумал он; ему почему-то показалось, что он постоянно бывал на таких службах.

В храме был глубокий полумрак, мерцали только разноцветные лампы, да на аналое, на котором лежала раскрытая богослужебная книга, горели две свечи. Артамонов приложился к иконам и, едва занял удобное место у окна, как архимандрит Тит дал возглас.

Началась полунощница. Псалмы следовали один за другим. Чтец (один из иеромонахов) читал тихо, не повышая голоса, но слышно было хорошо. Монахи укрылись в стасидиях, расставленных вдоль стен, — одни стояли, положив руки на подлокотники, другие сидели, низко опустив головы, в полумраке их и заметить было довольно трудно.

«Все как на Афоне».

Артамонову захотелось встать на колени, и он исполнил желание своего сердца; молясь про себя, он несколько раз коснулся лбом прохладного деревянного пола.

Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим.

От заповедей Твоих разумех, сего ради возненавидех всяк путь неправды.

Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим.

Сакральные слова псалма Артамонов воспринимал всем своим существом («вот они, глаголы жизни, которые лучше всякого компаса показывают, куда идти и как жить»), ему казалось, что каждый стих псалма обращен непосредственно к нему, к его душе, что Сам Господь, ведая его тайные недуги, подает ему врачевание именно этими стихами; весь мир отступил в сторону, и сейчас, в эти минуты, существовал только он, Артамонов, и Господь; и чем дальше слушал Артамонов псалмы, тем светлее становилось у него на душе.

«Псалмы — это прекрасная духовная поэзия, по сравнению с которой мирская поэзия выглядит весьма бледно».

В храме возникло движение. Архимандрит Тит перешел ближе к входной двери и встал лицом к алтарю. Монахи и послушники, покинув стасидии, встали двумя рядами — лицом друг ко другу — впереди него, образовав неширокий коридор. Один из иеромонахов рукой показал Артамонову, что и он должен встать рядом с ними.

Се-е-е-е, Жених грядет в полу-у-у-унощи, —

как-то сама собой, без напряжения возникла знакомая мелодия; Артамонову показалось, что он и братия находились перед дверьми Рая, и сейчас, в эти мгновения, должно произойти что-то очень значительное и беспо-

воротное; ощущение усиливал как полумрак храма, так и стройный согласный хор мужских голосов. —

И блажен раб, егоже обрящет бдя-я-а-а-аща.

Недостойн же паки, егоже обрящет уныва-а-а-ающа.

Мелодия текла и текла, став совершенно одушевленной, потому что все, кто участвовал в богослужении, в том числе и Артамонов, пели не голосовыми связками, а погруженными в Бога *душами*, которые составляли *одну общую душу*.

Блюди-и-и-и-и убо, душе-е-е-е моя-а-а,

Не сном отяготи-и-и-ися,

Да не смерти предана бу-у-у-удеши.

Артамонов мысленным взором все яснее представлял себе дверь Рая, а также то, что каждый человек в свое время окажется перед нею, но не каждый войдет в нее, и это ощущение наполняло все его существо священным трепетом.

И Ца-а-а-арствия вне затвори-и-и-ишися,

Но воспрями, зову-у-у-уци:

Свя-а-а-ат, Свят, Свят еси Бо-о-о-оже,

Богородицею поми-и-и-и-илуй нас.

«Только ночью и может быть настоящая молитва, — с воодушевлением подумал Артамонов. — Сам Христос молился чаще всего ночью, скрывшись от посторонних глаз, и нам повелел поступать так же. Его Второе Пришествие случится в полночь, и каждый предстанет пред Ним таким, каким застанет его эта минута: один — храпящим, другой — беснующимся в ночном клубе, третий — смотрящим телевизор, четвертый — занятым пустой болтовней с приятелями, пятый — ... всего человеческого безумия и не перечислишь... Я твердо знаю одно: ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату Суда Божьего не миновать.

Лишь малая частичка людей встретит Христа достойно — бодрствующей и молящейся. И среди них — монахи, в том числе и те, которые рядом со мною.

Русский народ не радеет о своем спасении. Он предаётся мирским удовольствиям, суете, лихоимству, а также пьянству и разврату. Воровство, поджоги, грабеж, убийства — вот его ночные плоды. Он забыл о Боге и поэтому страдает. Страдает долго и тяжело. Даже жуткие теракты не могут разбудить его. А к разным природным катаклизмам он, кажется, уже привык.

Я нерадив, как и все. Первый раз пришел на ночную службу. И первый раз как следует помолился. Что же мне делать? Отчаиваться? Нет. Господь настолько милостив, что, может быть, помилует меня за единственную ночную службу».

III

Замерли последние звуки чудесного и страшного песнопения. После этого каждый из присутствующих, начиная со старших по чину, стал подходить к отцу Титу со словами:

— Простите меня.

И отец Тит отвечал:

— И вы меня простите.

Это был чин прощения, обязательный в скиту.

Первый монах, попросивший прощения, встал рядом с отцом Титом, следующий монах — рядом с предыдущим, и таким образом образовалась цепочка, причем каждый монах просил прощения не только у отца настоятеля, но и у других братьев во Христе. Артамонов шел последним и, подходя к каждому монаху, говорил:

— Простите меня.

И слышал в ответ:

— И меня простите.

Этот чин тронул Артамонова до глубины души. И хотя был знаком ему по многочисленным прощеным воскресеньям, все равно показался каким-то особенно важным и нужным.

Вскоре полунощница закончилась, и началась утренняя. Артамонов чувствовал себя великолепно: сна — ни в одном глазу, внимание не рассеивалось, никто не суетился, никто не передавал свечи, трогая за плечо, женщин не было и в помине — что еще нужно для искренней, глубокой, серьезной молитвы?

Отец архимандрит подошел к Артамонову и сказал, чтобы тот прошел вперед, ближе к алтарю, так как канон будет читаться именно там. Артамонов выбрал одну из свободных стасидий и устроился в ней поудобнее. Канон, посвященный преподобному Никодиму Святогорцу, был очень долгий, потому что вычитывались абсолютно все стихи. Но и это понравилось Артамонову. «Хоть раз в жизни прослушал весь канон, без сокращений». Песнь Пресвятой Богородице пела вся братия, и Артамонов вместе с нею, так как чувствовал себя ее неотъемлемой частью.

За окнами посветлело. Занималась заря. Начинался новый день. «Как проведут его люди? Чем они будут заниматься? — подумал Артамонов. — Обычной суетой или серьезным делом? Вспомнит ли кто-нибудь из них о том, что скоро придет Христос? И что он Ему ответит?

А что, если сегодня, через несколько часов, а, может, и минут придет Христос? Что будет с нами? Содрогнется ли кто-нибудь от страха? Затрепещет ли всеми своими членами? Что будет с теми, кто не знал Христа? Кто Его отрицал и отвергал? Кто хулил и смеялся над Ним? Кто всю жизнь соблазнял других, говоря, что Бога нет и в церквах одни обманщики?

А что будет с врагами России и Русской Церкви? Будут ли они вести себя так же нагло, как и раньше? Будут ли по-прежнему гордиться своими злыми делами? Своей подлостью и коварством? Своей изощренной ложью? Своим предательством? Хватит ли у них смелости посмотреть на Христа? Они снова, как и раньше, попытаются с помощью лжи выгородить себя, но у них ничего не получится. Это увижу не только я, но и вся Вселенная».

Братия снова выстроилась двумя рядами во главе с отцом Титом.

*Утверди, Бо-о-оже,
Святую православную веру
Православных христиан
Во ве-е-ек ве-е-е-е-е-ека.*

«Без веры не спастись. Правильно в народе говорят: «Не слушай, где куры кудахнут, а слушай, где Богу молятся». Какой ответ дашь Христу, если нет веры?»

Вместе с братией Артамонов вышел на улицу. Заря разгоралась, окрасив полоску неба на востоке в ярко-малиновый цвет. Было свежо. В воздухе витал приятный, едва ощутимый запах сосновой смолы.

Вдруг ударил резкий порыв ветра. Небо на западе потемнело. Надвигалась гроза. Вдали, за соснами, раздались первые раскаты грома. Они приближались. Сверкнула молния, где-то за рекой с оглушительным треском прокатал гром, потом, почти без перерыва, у самого скита и неожиданно над самой головой грохнул с такой силой, что затряслась земля. Артамонов едва успел подняться на крылечко и открыть дверь, как стена воды обрушилась на землю.

«Как будто конец света», — подумал он, поспешно за-творяя дверь и поворачивая ключ в замке.

ДАГОМЫС

I

Михаил Травкин, врач московской клинической больницы, высокий шатен с развитой мускулатурой и отменной осанкой, с густыми бровями и слегка зеленоватыми глазами, которые прятались под ними, очередной отпуск решил провести в курортном городке Дагомыс. Причин для этого было несколько: во-первых, в этом местечке жила его родная тетка Федосья Матвеевна, которая приглашала его в гости (приезжай, говорит, утешь старуху, хоть перед смертью увижу тебя разочек); во-вторых, Травкин не любил шумные многолюдные места; и, в-третьих, в Дагомысе был хороший благоустроенный пляж; а самое главное, в этом городке был православный храм, — отдых отдыхом, а без храма Травкин прожить не мог и одной недели.

Федосья Матвеевна встретила его с распростертыми объятиями и сделала все, чтобы отдых проходил безоблачно. Травкин много купался, загорал, а по вечерам гулял по набережной. Он любил наблюдать закат солнца. Сидя на удобной скамейке, смотрел, как огненный диск медленно погружался в море, алая дорожка на водной глади постепенно таяла, а заря на горизонте продолжала гореть. Но самое интересное было впереди: Травкин переходил на новое место, откуда был хорошо виден Кавказский хребет, и смотрел, как Невидимый Художник творил на его глазах: ближнее облако, похожее на веретено, горело ослепительным пламенем, за ним во все небо протянулись лиловые полосы, образовавшие гигантский веер, а дальше на склоне хребта беспорядочно толпились золотистые копны. Неожиданно над хребтом поверх темной облачной гряды появлялось белоснежное пикообразное облако, которое сияло так ярко, что казалось хрустальным.

По мере того, как солнце погружалось все глубже, картина постоянно менялась, одни волшебные цвета сменялись другими волшебными цветами, и Травкин не мог оторвать глаз.

Однажды, когда он собрался уходить домой, к нему подошли две женщины — скорее предпенсионного, чем пенсионного возраста. Одна была рыжая, с длинными натуральными волосами, а другая — крашенная блондинка с короткой прической.

— Как вы считаете, — сразу, без какого-либо вступления, спросила рыжая (Травкину показалось, что она куда-то спешит и поэтому ощущает острый дефицит во времени), — можно ли попасть в Рай?

Неожиданному вопросу Травкин не удивился, но все равно, не спеша с ответом, внимательно посмотрел на незнакомок.

— Да, по милости Божией, можно, — ответил он, уже догадываясь, что это за дамы.

— Я вижу, вы человек грамотный, нам такие и нужны. Приходите к нам.

— Это куда же?

— В нашу церковь.

— А как она называется?

— «Церковь Христа».

«Так оно и есть, сектанты». Такую публику Травкин встречал часто: и у подъезда своего дома, и в метро, а особенно в парке, где бывал по выходным дням.

— Вы из какой секты? — спросил он.

Женщины немножко (именно немножко, отметил про себя Травкин) смутились: такой вопрос, да еще поставленный в лоб, они, видимо, слышали редко. Большинство людей, с которыми они разговаривали, из-за своей религиозной безграмотности, не могли спросить об этом.

— Из секты «Свидетели Иеговы»? — глядя на незнакомок, задал новый вопрос Травкин (именно с такими сектантами чаще всего приходилось ему сталкиваться).

— Это не секта, — произнесла крашенная блондинка, видимо, заученные слова.

— А что же?

— Церковь.

— Какая же это церковь, если там нет ни священников, ни диаконов, ни Таинств, ни покаяния?

— Зато у нас есть проповедник, который учит нас всяким премудростям.

— Каким именно?

— Ну, например, ходить парами.

— Это действительно великая премудрость, не спорю, — сказал Травкин, с большим трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

— Вот вы упомянули про покаяние, — вмешалась в разговор рыжая. — Нам оно не нужно, потому что нам не в чем каяться.

— Я вижу, что вы люди безгрешные, — нарочито серьезным тоном произнес Травкин. — Возможно, у вас и крылья есть за плечами, как у Ангелов.

— У нас много чего есть, — тоном, не терпящим возражения, произнесла рыжая, — поэтому мы и приглашаем вас к себе. Быстро пойдете в гору, станете в несколько раз умнее.

— Спасибо за приглашение. А лучше скажите мне, сколько человек вы сегодня соблазнили?

— Ни одного, — безо всякой охоты призналась рыжая.

— А ко многим подходили?

— Мы не считали.

— Вы подкатываетесь почти к каждому прохожему, значит, в ваши сети попадается кое-какая рыбешка.

— Мы, к вашему сведению, подходим не к каждому, а по выбору, — уточнила крашенная блондинка, отойдя на один метр от Травкина.

— Кого же вы выбираете?

— Людей попроще или пообразованней: первые слушают, раскрыв рот, а вторые внимают из-за своей гордыни: ничего не понимают из того, что мы говорим, но делают вид, что понимают.

— Вижу, вы люди подкованные, заморочить голову можете кому угодно... А скажите, сколько вам платят за одного соблазненного?

Этот вопрос смутил сектанток, кажется, еще больше.

— Мы... как бы это сказать... — Рыжая, повинувшись какому-то внутреннему побуждению, тоже отступила от Травкина на некоторое расстояние. .

— По сто баксов или по двести? — наступал Травкин.

— Нам баксы не нужны, — не очень уверенно произнесла крашенная блондинка.

— А, может, больше? У вашего хозяина их тьма-тьмушая.

— Мы его деньги не считали.

— А сколько часов в день вы работаете?

— Мы не работаем, а гуляем. — Рыжая обеими руками отбросила назад свои длинные волосы.

— Знаете, что сказал о вас Господь? — Травкин посмотрел сначала на одну женщину, потом на другую. — Горе миру от соблазнов, которые встречаются на каждом шагу, но горе тому человеку, через которого они приходят. — Он сделал небольшую паузу. Женщины притихли, не смея возражать. — Господь сказал далее, что кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, то следовало бы повесить ему мельничный жернов на шею и потопить во глубине морской.

— Это к нам не относится, — раздраженноотреагировала крашенная блондинка, мгновенно развернулась и бы-

стрым шагом удалилась в сторону парка. Ее подруга последовала за ней.

II

Как-то в жаркий полдень Травкин зашел в кафе, чтобы выпить стакан какого-нибудь прохладительного напитка. Свободных столиков не было, и он присел за большой длинный стол, за которым сидело пять человек. Сделав глоток ароматного лимонада, Травкин увидел, что слева от него сидели знакомые сектантки — рыжая с длинными естественными волосами и блондинка с крашеными волосами. Справа весело щебетали две молодые загорелые девушки в легких летних платьях, а напротив сидел мужчина среднего возраста со слегка облупленным носом (переборщил с загаром), с аппетитом уплетавший жареную курицу с картофелем фри.

В руках у сектанток была пачка журналов «Башня стражи». С этим чтивом Травкин не раз встречался в Москве, где сектанты раздавали его и в метро, и в автобусе, и где бы то ни было.

Загорелые девушки с любопытством разглядывали иллюстрации этого журнала, рядом с мужчиной на столе лежал еще один номер «Башни стражи».

— Этот журнал, наверно, издается специально для отдыхающих? — обращаясь к сектанткам, спросила одна из девушек.

— Не только, — возразила рыжая, — он интересен для любого человека.

— А о чем он?

— О самом важном: о том, как не заблудиться в жизни.

— Очень интересно. Можно нам взять его с собой, мы как раз собираемся идти на пляж.

— Конечно.

— А сколько вам заплатить?

— Нисколько. Журнал распространяется бесплатно.

Мужчина расправился с курицей, отодвинул тарелку в сторону и взял в руки журнал. Бегло просмотрев одну-две страницы, он убежденно сказал:

— Это чтиво не для меня. Я человек серьезный, а тут какая-то, извините, чепуха. Возьмите эту макулатуру обратно.

Он протянул журнал сектанткам.

— Вы поторопились с выводом, — сказала крашенная блондинка, положив журнал в стопку. — Если бы вы познакомились с ним повнимательней, то нашли бы в нем много полезного для своей души.

— Я за полверсты чую, где польза для моей души, а где вред, — с еще большей убежденностью заявил мужчина.

— У вас верное чутье, — вступил в разговор Травкин. — То, что предлагают эти женщины, — духовная отравка. Их, эти журналы, нельзя даже в руки брать, я не говорю уже о том, чтобы читать.

— А что в них плохого? — спросила та девушка, которая беседовала с сектантками.

— Всё! — громко сказал Травкин. — Этот журнал издает американская секта «Свидетели Иеговы». Всё, что в нем написано, — стопроцентная ложь. Она уводит человека со спасительного пути. Тот, кто попадает в эту секту, погибает для Жизни Вечной. Эти женщины, — Травкин кивнул на соседок, — занимаются очень греховным делом. Они сами заблудились, попав во вражеские сети, и других пытаются соблазнить.

— Молодец! Режешь правду матку! — Мужчина рубанул рукой воздух. — Их надо кнутом высечь за такие дела! — Он грозно посмотрел на сектанток. — Эвон сколько собрали

макулатуры. Давайте ее сюда, — обратился он к ним, — я ее выкину в ближайший мусорный бак.

— А вот этому не бывать, — храбро заявила рыжая сектантка. — Эти красивые журнальчики нам еще пригодятся.

Подруги в долю секунды исчезли.

— Давно бы так, — хмыкнул мужчина. — Он поглядел на притихших девчат. — Дайте-ка мне эту гниль. — Он протянул руку, и одна из девушек послушно отдала ему журнал. — Хотя бы эту заразу выкину.

Травкин поднялся с места.

— А теперь я хочу вас от души поблагодарить, — он подошел к мужчине и крепко пожал ему руку. — Если бы каждый так реагировал на них.

III

— Как вы себя чувствуете, дорогая тетушка?

С таким вопросом обратился Травкин к своей хозяйке, когда они, заканчивая вечернюю трапезу, пили чай с кизилковым вареньем.

— Да как тебе сказать, мой милый, — произнесла неспешно Федосья Матвеевна, кладя в рот сладкую кизилковую ягодку, — все как-то несподручно...

— Как это понять — *несподручно*?

— Да так и понимай: то одно заболит, то другое; а то вдруг одышка появится или сердце схватит...

— Да, очень неприятные вещи. Но ноги ходят, и то хорошо.

— Да и ноги стали сдавать, в коленях иногда такая немощь появится, что хоть криком кричи.

— Ну, ничего, с Божией помощью все уладится. — Травкин проглотил очередную порцию варенья, облизал чайную ложечку и сказал: — Я вот к чему клоню: завтра вос-

кресенье, праздничный день. В воскресенье я обычно прихожу в храм, чтобы помолиться и причаститься Святых Христовых Таин. Я приглашаю и вас пойти со мною.

— В православный храм?

— Да.

— А разве есть в Дагомьсе православный храм? — вдруг спросила Федосья Матвеевна.

Этот вопрос очень удивил Травкина. Как это так, пожилая женщина давно живет в этом городке и не знает ничего про православный храм.

— Конечно, есть. Очень красивый, стоит на возвышенности. Назван в честь Казанской иконы Божией Матери. Вот и помолимся с вами Царице Небесной.

— Нас этому не учили. — Федосья Матвеевна помотала головой из стороны в сторону.

— Кто не учил? — поинтересовался Травкин. В его сознание вкралось недоброе предчувствие.

— Наш руководитель... да и другие тоже.

— А что за руководитель?

— Ну, обычный... иногда его называли проповедник.

— А вы часто туда ходили?

— Пока молодая была, ходила, а потом ноженьки ослабели, и на этом все закончилось.

— Вы ходили в секту, моя тетушка.

— Ой, не знаю, что это такое... А разве это плохо?

— Очень плохо. Это бесовское заведение, оно калечит человеческую душу и уводит ее в преисподнюю.

— Неужто?

— Я не шучу.

— Даже не верится; наш руководитель говорил, что наоборот — мы все будем в раю.

— Ваш руководитель — шарлатан высшей марки; он запудрил мозги не только вам, но и всем, кто приходит в это сатанинское заведение.

— Даже не верится, — поникла головой Федосья Матвеевна, — даже не верится.

— Вы попали в секту по недоразумению. Ничего удивительного: вы жили во время атеистического гнета, когда нечем было дышать.

Не печальтесь и не унывайте; все можно исправить, — сказал Травкин, стараясь утешить свою собеседницу. Ему было ее очень жаль. Не она первая попала в лапы врага, не она последняя. Он взял чайные чашки, отнес их в раковину, тщательно вымыл и поставил в сушилку; вытер руки полотенцем, погладил хозяйку по голове: — Не печальтесь, — повторил он, — идемте завтра в храм и помолимся Царице Небесной, Она вас утешит.

— Мой дорогой племянничек, — грустно проговорила Федосья Матвеевна, — спасибо тебе на добром слове, но я никуда негодная, до храма мне не дойти, так как он на горе, да и что я там буду делать, ведь я ничего не знаю, ничего не умею. — Она тяжело, надсадно вздохнула. — Я совсем пропащая. Сходи, сынок, один, помолись, если сможешь, обо мне, заблудшей...

Травкин глубоко задумался. Хозяйка не прерывала молчания. Так прошло минут десять, может, пятнадцать. Травкин понимал, что говорить больше ничего не надо, словами тут не поможешь, никакие увещевания, никакие доводы, какие бы правильными они ни были, в данный момент бессмысленны. Он пробыл рядом с хозяйкой еще некоторое время, а затем тихо удалился в свою комнату.

Утром Травкин пришел в храм, где был уже несколько раз, подошел к иконе Божией Матери Казанской и, преклонив колени, горячо помолился о своей заблудшей тетушке. После богослужения он встретился с протоиереем Иннокентием и рассказал ему о своих встречах с сектантами.

— Не ново, не ново, — сказал батюшка, поглаживая пышные усы. — Знаю их как облупленных: это известные смутьянки Халявина и Прокудина. И ходят, и ходят, треплют своими погаными языками; просто беда. Собирают, бедолаги, раскаленные уголья на свои головы.

— А кто такой у них... как его... руководитель, что ли?

— Еще один смутьян, постарше. Блюкин Константин. Видел я как-то его: ходит гоголем, а не понимает, что шагает по краю пропасти.

— Есть ли на них управа?

— Никакой управы на них нет. Поэтому так себя и ведут. Бог им судия.

Продолжая беседовать, они приблизились к иконе Божией Матери, и Травкин поведал отцу Иннокентию о своей тетушке. Батюшка с большим вниманием выслушал собеседника, а потом сказал решительно и убежденно:

— Вытащим! Даю тебе слово: вытащим! Я сам приду к ней и поговорю. Мало будет, еще раз приду. В храме соборно помолимся. Как ты думаешь, она не откажется от Таинств?

— Думаю, нет. Разум у нее сохранился.

— Вот и хорошо. Не беспокойся о своей тетушке. С нами Бог и Его Пречистая Матерь.

IV

Отпуск незаметно подошел к концу, и Травкин засобирался домой. Федосья Матвеевна, несмотря на свои немощи, проводила его до железнодорожной станции.

— Наверно, не увижу тебя больше, мой соколик, — молвила тетушка, обнимая племянника; она всплакнула и стала вытирать платком мокрые щеки.

— Зря так говорите, Федосья Матвеевна, — возразил Травкин. — Мы еще увидимся с вами, да и не один раз.

Дагомыс мне так понравился, что я и во сне его буду вспоминать.

— Вот и славно, — обрадованно проговорила тетушка.
— Приезжай, мой соколик, приезжай, я буду очень рада.

Травкин троекратно расцеловал старушку, от всей души поблагодарил ее за гостеприимство и вошел в вагон; быстро нашел свое купе, поставил сумку под столик, занялся постелью. В этот момент в купе вошли две женщины; это были Халявина и Прокудина.

— Давно не виделись! — воскликнул Травкин, не подавая виду, что эта встреча не сулит ему ничего приятного. — У вас верхние места?

— Одно нижнее, а другое верхнее, — пояснила Халявина, она же рыжая.

— Я уступаю вам свое нижнее место, а сам переберусь наверх, — принял решение Травкин.

— Очень любезно с вашей стороны, — поблагодарила Прокудина, она же крашенная блондинка.

— Далеко путь держите? — полюбопытствовал Травкин.

— В Москву, как, наверно, и вы, — охотно ответила Халявина.

— Очередная командировка?

— Да.

— Хозяин не дает вам задремать.

— Что верно, то верно.

— Надолго?

— Почти до Нового года.

— Порядочно. Командировочные хорошие?

— Похвастаться нельзя. Но в Москве много наших, помогут.

Вскоре стемнело; Травкин пожелал спутницам спокойной ночи, поднялся на верхнюю полку и, устроившись поудобнее, предался невеселым размышлениям.

«Работают, можно сказать, без отдыха, — подумал он о своих неожиданных спутниках. — И дома, и на выезде, и везде. И усталости, кажется, не знают, иначе зачем бы им подаваться в такую даль. Работяги, да и только. А ты, — обратился к себе Травкин, — помог ли хотя бы некоторым русским людям обратиться ко Христу, открыл ли им глаза на земную и на будущую, загробную жизнь? Мог ведь это сделать? Мог, — утвердительно ответил он себе. — И на пляже, где рядом загорали и молодые, и не очень молодые люди, и на набережной, и в парке. Но не сделал. А почему? Да из-за своей беспечности. Позор! Бери-ка, парень, пример с тех, кто умеет работать. Хотя бы вот с этих женщин. Съездил на курорт, хорошо отдохнул, набрался сил, а теперь за дело».

Травкин повернулся на правый бок, потом на левый и через некоторое время уснул. Среди ночи он вдруг проснулся, разбуженный чьим-то шепотом; чуть слышно переговаривались Халявина и Прокудина. Травкин на-вострил уши.

— В соседнем купе едут двое пенсионеров, муж и жена, — говорила одна из женщин, кто именно, Травкин не различал. — Надо к ним зайти и поговорить. Пожилые люди все воспринимают за чистую монету, так что с ними можно договориться.

— Ладно, заглянем, скажем, давайте вместе попьем чайку, у нас есть вкусный мармелад, — проговорила ее подруга. Она немного помолчала, а потом продолжила: — В первом купе, я заметила, едут четверо студентов, две девушки и два парня. Попробуем закинуть удочку.

— Студенты — народ находчивый, за словом в карман не лезут. Могут так отбрить, что несдобровать.

— По-разному бывает... Рискнем.

«Можете строить какие угодно планы, — подумал Травкин, стараясь не шевелиться, чтобы не выдать себя. — Но

тут у вас номер не пройдет. Это я вам гарантирую, дорогие путешественницы».

Он снова уснул и уже не просыпался до самого утра.

РЫЖИЙ КОТ

I

Из всех мужских монастырей фотохудожнику Яхонтову больше всего нравился Борисоглебский — то ли потому, что он был расположен на высоком холме, то ли потому, что в нем было много храмов и каждый из них имел свою изюминку, то ли потому, что его братия отличалась редким радушием. Задумав создать серию художественных фотографий, Яхонтов приехал именно в эту обитель. Дела у него пошли прекрасно: за несколько дней он сделал дюжину снимков, сюжеты которых были давно выношены, обдуманы до самой последней детали: иеромонах с кадилом (большую роль здесь играл благовонный фимиам, густыми клубами восходящий к его лицу), небольшой, но очень красивый скит, расположенный на склоне горы (в процессе съемки Яхонтов понял, что получается весьма удачный триптих), Крестный ход, снятый с высоты птичьего полета, с колокольни. В воскресный день к монастырю приехала свадьба; молодые решили прокатиться верхом на лошади, и Яхонтов сделал интересный снимок экспромтом — на фоне монастырской стены и куполов Преображенского собора (попросил лишь об одном: чтобы молодые смотрели в его сторону).

Как-то, проходя мимо Введенского храма, Яхонтов остановился около роскошных золотистых цветов, которые росли у алтарной части. Он и раньше любовался ими, но только сейчас его осенило: на их фоне хорошо

бы снять монаха, может получиться великолепный кадр. Монах должен быть преклонных годов, с седой, почти до пояса – водопадом – бородой и в клобуке. И все же для настоящей художественной фотографии этого было недостаточно. Что же добавить еще? Кошечку! Желательно рыжую! Монах посадит ее к себе на плечо и, поглаживая, посмотрит на нее.

И тут Яхонтов вспомнил про рыжего кота, которого он видел вчера утром: сидя на крыльчке настоятельского дома, тот грелся на солнышке. Хорошо бы его найти. Но кот, в конце концов, дело вторичное, главное – иеромонах. Для задуманного снимка больше всего подходил иеромонах Агафангел, с которым Яхонтов уже был знаком. Он поделился с ним своей идеей, и тот не только одобрил, но и дал свое согласие на съемку.

– А рыжий кот – он ничейный? – спросил фотограф.

– Нет, он наш, монастырский, – ответил иеромонах. – Мы зовем его Чубайсом... У нас и птички есть, и собачки, и кролики – это же наши братья меньшие. Мы их любим. Они помогают нам спастись... – Батюшка медленными движениями погладил бороду. – Однажды решалась участь одной грешной души. Весы оказались в равновесии: сколько грехов, столько и добрых дел. И тут Ангел-хранитель положил на весы еще одно маленькое доброе дело: человек спас птенчика, выпавшего из гнезда. Чаша весов дрогнула и пошла вниз, двери Рая немедленно распахнулись.

– Где бы нам найти Чубайса? – поинтересовался Яхонтов.

– В Водосвятной часовне, я только что его там видел.

II

Фотограф и иеромонах отправились в Водосвятную часовню, но кота не нашли.

– Значит, подался на кухню, – решил отец Агафангел.
– Повара его балуют.

Однако и на кухне Чубайса не было. Повара сказали, что сегодня его вообще не видели.

– Есть у него одно излюбленное место, – продолжал иеромонах. – На стройдворе. Там доски сложены для просушки, он ходит туда спать.

Но среди досок рыжего кота обнаружить не удалось.

– Я знаю, где он. – Отец Агафангел хлопнул себя по лбу ладонью в знак того, что его осенила счастливая мысль. – Он на монастырской стене. Как же я раньше не догадался?

Добровольные сыщики поднялись на монастырскую стену и прошлись по ней сначала в одну сторону, потом обратно, внимательно осматривая те места, которые мог облюбовать Чубайс, но поиски были напрасны.

– Надо же, какой у нас изобретательный кот, – покачивая головой, сказал отец Агафангел. – Иной ходит по одним и тем же местам, а наш – все время по разным.

Спустившись со стены, они встретили иеродиакона Пафнутия, который со стопкой книг шел из монастырской библиотеки.

– Отче, ты не видел сегодня Чубайса? – осведомился иеромонах.

– Видел, да и не раз, – охотно ответил иеродиакон. – Куда ни пойду, он тут как тут.

– А последний раз где видел?

– В ризнице.

– А оттуда куда он пошел?

Отец Пафнутий хотел развести руками, мол, разве можно узнать намерения Чубайса, но так как руки у него были заняты, он лишь хмыкнул и отправился в свою келию.

– Ладно, – сказал отец Агафангел, устремив взгляд наверх, в сторону соборных колоколов. – Сменим тактику:

будем прогуливаться по монастырю, не ставя перед собой никакой определенной задачи, а Чубайс, если не дурак, сам на нас выйдет.

Иеромонах и фотограф, разговаривая на духовные темы, в течение двух часов гуляли по монастырю, но Чубайсу и в голову не пришло показаться им на глаза.

Другой человек, будь он на месте отца Агафангела, под благовидным предлогом отказался бы от участия в съемке и занялся бы своими обычными повседневными делами. Но не таков был отец Агафангел: поставив перед собой какую-либо цель, он достигал ее, чего бы это ему ни стоило. А что касается временных неудач, то они лишь подстегивали его.

— Он, конечно, хитрец, наш Чубайс, но мы его перехитрим, — заверил он друга, когда они заканчивали трапезу. — Не пройдет и получаса, как мы его изловим.

Он принял все меры, какие только можно было придумать: строго-настрого предупредил поваров, чтобы они, как только рыжий кот появится в их владениях (а он появлялся там гораздо чаще, чем в других местах), схватили его и принесли лично ему; послушник у главных ворот должен был следить за тем, чтобы кот не удрал за пределы монастыря; садовнику было дано задание прочесать весь сад; а поскольку Чубайс любил гулять не только среди цветов и малинника, но и залезать на деревья, то осмотреть все яблони, груши и сливы. Много и других хитроумных заданий дал отец Агафангел братии, так что теперь, как он выразился, «дело в шляпе».

III

Кроме того, он рассчитывал на такой важный фактор, как творческая инициатива послушников и монахов. И,

конечно, не ошибся. Через несколько минут после трапезы в беседку для отдыха, где находился отец Агафангел и которая превратилась в своеобразный штаб по розыску беглеца, вошел послушник Даниил:

– Батюшка, благословите подняться на колокольню.

– Там только что побывал игумен Онуфрий и никого не нашел.

– А я, Бог даст, найду. – Послушник достал из сумки старинный бинокль.

– Цейсовский?

– Точно.

– Тогда ты увидишь не только Чубайса, но и мышь, которую он выслеживает.

Не было, наверно, ни одного насельника обители, который так или иначе не принял бы участия в поимке кота. Если монах или послушник шел куда-то по своим, а чаще монастырским делам, он обязательно посматривал по сторонам – не появился ли где Чубайс.

Перед закатом солнца послушник Даниил был близок к успеху: осматривая в бинокль клумбу алых роз, он увидел, как Чубайс по-хозяйски вошел в нее, отыскивая что-то ему одному ведомое. Даниил мигом спустился с колокольни и, подбежав к клумбе, стал искать кота.

Чубайс исчез.

Одним словом, рыжий кот был близок, даже очень близок к поимке и в то же время неуловим, словно чувствовал, что вокруг него «плетутся сети».

На третий или на четвертый день «чубайсовской эпопеи» иеродиакон Дамаскин предложил очень простой вариант: он принес Яхонтову серую кошку.

– Где ты ее раздобыл? – спросил фотограф.

– В деревне Осоки: ходил за грибами, а на обратном пути зашел к своим знакомым. Смотрю: кошечка симпатичная. Я говорю хозяйке: «Дай ее мне на временное

пользование». Она отвечает: «Да возьми хоть насовсем. У меня еще одна есть».

— Все это хорошо, — сказал Яхонтов, — но для меня она не годится. Для снимка важен колорит, именно на нем все и держится. Почему я выбрал отца Агафангела? У него, кроме прочих данных, в глазах золотая искорка. Маленькая деталь, а для меня очень важна... А там, в деревне, рыжих кошечек не водится?

— Не знаю.

— А ты бы поспрашивал.

— Ладно, завтра у меня еще один грибной день, может, что и получится...

IV

Однажды после Божественной Литургии наместник обители архимандрит Тимофей, дородный и вальяжный, со светло-кариими пронизательными глазами, пригласил Яхонтова в свой рабочий кабинет. Он не только хорошо знал фотохудожника, но и ценил его. Монастырь приобретал все лучшие работы Яхонтова, и их можно было увидеть и в братском корпусе, и в трапезной, и в библиотеке. Два или три произведения находились в кабинете отца наместника. Среди них выделялся очень удачный портрет хозяина кабинета, в котором Яхонтову удалось уловить и смиренный дух монаха, и его отрешенность от сует мира сего.

— Вид у вас жизнерадостный, — сказал отец Тимофей, благословив фотографа, — душевное равновесие не нарушено, значит, вам у нас нравится.

— Да, очень нравится, — охотно признался Яхонтов.

— Кадр с котом уже создан?

— Пока нет.

— Может быть, нужна какая-то моя личная помощь?

— Я не хочу утруждать вас, отец Тимофей, — сказал Яхонтов. — У вас столько важных дел, и заниматься каким-то котом...

— Помните, что сказал Апостол Павел: «Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов». Я и братья должны... — отец наместник сделал акцент на слове «должны», — обязательно должны помочь вам.

Прошло еще несколько дней, но кот так и не появился. Это обстоятельство нисколько не расстроило Яхонтова, так как ему удалось создать несколько новых произведений, идеи которых пришли к нему во время общения с насельниками обители. Об этом он рассказал отцу наместнику, когда пришел к нему проститься, так как его командировка закончилась.

— От души поздравляю вас с творческими удачами, — сказал отец Тимофей. — Приезжайте к нам на следующий год, будем вам очень рады.

— Если Бог даст и если жив буду, то приеду, — ответил Яхонтов.

Обстоятельства его жизни сложились самым благоприятным образом, и на следующий год он снова приехал в обитель. Во время разговора с отцом Тимофеем фотограф как бы невзначай спросил:

— А как поживает рыжий кот по имени Чубайс?

— Рыжий кот по имени Чубайс поживает очень хорошо, — произнес отец наместник. — Примерно через неделю после вашего отъезда ко мне подошла наша давнишняя прихожанка из села Осоки. «Батюшка, — чуть не со слезами сказала она, — у меня беда». «Что такое?» — спрашиваю. «Мыши одолели, стадами ходят, а недавно даже крысу заметила». «Действительно беда». «Выручай, — говорит, — одолжи хотя бы на месячишко вашего Чубайса». «Можешь взять его насовсем». «Правда?» «Ис-

тинная правда». Старуха была рада не рада. Так что с Чубайсом все в порядке. У нас он жил просто так, а теперь трудится, не покладая рук, то есть, я хотел сказать, лап, — весело рассмеялся отец Тимофей.

На этом история с Чубайсом не закончилась, — продолжал он уже серьезным тоном. — У нас есть послушник по имени Егор. Вы наверняка его запомнили, он самый высокий среди братии, двухметровый верзила, ходит всегда сутулившись. У него один серьезный недостаток, он нерадивый. И вот, представьте себе, история с рыжим котом подействовала на него, да, подействовала, — повторил рассказчик. — Он видел, как братия включилась в поиски Чубайса. Ну что тут, казалось бы, особенного? Поиски какого-то кота. Но ведь дело-то не в коте, а в нас, людях. Егор не участвовал в поисках, а просто наблюдал. Трудник бежит в одну сторону, послушник в другую, иеродиакон раздумывает, куда направить стопы. «Для чего все это? Зачем? Ерунда какая-то» — так, наверно, он размышлял про себя. В какой-то момент Господь, видимо, коснулся его души, и он понял, что есть что-то важное во всем этом: люди не о себе заботятся, а о другом. И с тех пор наш Егорушка начал оттаивать, почти незаметно, но оттаивать. Я это замечаю по некоторым штрихам. Даст Бог, со временем станет исправным послушником.

ТИМОХА

Самым ходовым транспортом в станице был велосипед. На работу, в магазин, к морю — милое дело прокатиться. Мотоцикл, а тем более автомобиль «Жигули» для станичников был как бы роскошью. На владельцев этих видов транспорта мужики да и бабы поглядывали с некоторым укором.

Приехав отдыхать, я первым делом купил велосипед. И нисколько не пожалел об этом. Он не только сэкономил время и силы, но и доставлял удовольствие. Я без устали гонял по гладким песчаным дорогам и тропинкам, делал стремительные броски на пустынную охровую косу, которая гигантским серпом вдавалась в море, а иногда навещал знакомых пасечников (их ульи были вблизи гречишного поля).

Станица, а особенно море так мне понравились, что я задержался до конца сентября; для меня, северянина, лето еще как бы продолжалось, и я купался почти каждый день. Вскоре, однако, подул северный ветер, и, к большому сожалению, купания пришлось прекратить.

— Домой собираешься? — спросил меня знакомый пенсионер Андреич (мы ехали на велосипедах по центральной асфальтированной улице станицы).

— Да.

— А велосипед?

— На нем и поеду.

— До самой Москвы?

— Конечно.

Я, разумеется, пошутил — велосипед я решил оставить в станице до следующего года. Мой собеседник шутки не понял и сказал:

— А что, дней через... — он, соображая, наморщил лоб — дней через пять будешь дома. Ну, не через пять, так через недельку. Молодому, оно в охотку прокатиться... Один мой годок в Краснодар катался. Триста километров — не фунт изюма. Да еще с одной ногой.

— Неужели?

— Нисколько не вру.

— А что, если и мне прокатиться по этому маршруту? — неожиданно для самого себя сказал я. — Для тренировки.

На юг ехать приятнее, чем на север. Тем более у меня еще целый месяц свободного времени.

— Прокатнись,— одобрил Андреич. — Не пожалеешь. Может, и на Черном море побываешь, от Краснодара до него рукой подать.

— Действительно.

Идея мне нравилась все больше и больше.

— Там еще тепло; может, позагорать успеешь... Загляни к моему годку, он тебе дорогу обскажет.

— А где он живет?

— На краю станицы. Да тебе любой пацаненок укажет; мол, где живет Тимоха?

Его дом я нашел быстро, он стоял в проулке, вблизи обрыва, откуда открывался прекрасный вид на море. Я прислонил велосипед к палисаднику и подошел к калитке. Хозяин столярничал под деревянным навесом. Я кашлянул. Тимоха, припадая на протез, подошел ко мне; среднего роста, сухощавый, мускулистый, он походил на подростка; загорелое, почти коричневое, морщинистое лицо, светло-синие, как две морские капли, глаза смотрели пытливо, но доброжелательно; он сразу расположил меня к себе.

— Оторвал, небось, от дела, — сказал я.

— Ничего,— махнул рукой Тимоха, — работа не медведь, в лес не уйдет.

Узнав о цели моего приезда, он одобрительно кивнул:

— За милую душу прокотишься. Сухо, тепло, крути да крути; остановился, отдохнул чуток в тенечке, под шелковицей, и дальше... А может, и мне с тобой, — загорелся вдруг Тимоха, его лицо оживилось, он стал как бы выше ростом.— Хотя,— он глубоко вздохнул,— и рад бы в рай, да грехи не пускают... я человек занятой, маслобойню сторожу..

— Дорога сносная? — поинтересовался я.

– Накатанная. По-над морем Азовским проедешь, а там и вовсе асфальт начнется. Домчишься в два счета... Я ехал вдоль железной дороги, по тропиночке – милое дело!

– Часто останавливался?

– Часто. Я люблю поговорить с людьми. Человек – что книга: поговорил – прочитал книгу.

– А ездил для чего?

– Землю посмотреть... и людей. Чем они дышат... Сквозь все изменилось... супротив прежнего... Еще недавно было терпимо, а сейчас... ни коня, ни возу, ни что на воз положить...

– Н-да, подзанесло нас.

– А знаешь, паря, станичники не озлобились, шутят: была шуба – шубу нашивали; нет шубы – в шубе хаживали... вот это мне пондравилось...

На дороге появилась фура с бидонами; пегая кобыла еле плелась, но возница ее не подгонял, хотя держал кнут в руке; Тимоха кивнул ему, тот ответил тем же.

– Я люблю эту землю, потому и ездил, – продолжал Тимоха. – Я за нее кровушку проливал, она мне дороже собственной жизни. А то, что кругом скособенилось... для меня все стало еще дороже. Как мать любит увечного ребенка больше здорового, так и я. Вот так-то, паря...

– А почему на велосипеде ездил?

– Смальства на нем. Не надоть мне ни мотоциклета, ни «жигулишек», ни «морфидеса». Велик – вот это да! Все увидишь, куда надо, завернешь; тише едешь – дальше будешь. И переночевать есть где, у меня почти в каждой станции кореш...

– А не боишься?

– Чего?

– Ну, бандиты всякие...

– А чего мне бояться, я же с Богом! Ну, а если пинджак снимут, я и рубашку отдам.

Я поблагодарил Тимоху за беседу, пожал его сухую мохолистую руку, вывел на дорожку велосипед. Отъехав метров двадцать, я оглянулся: старый солдат смотрел мне вслед; он (я догадывался об этом) по-хорошему завидовал моему предстоящему путешествию.

АРХИП И АГАФЬЯ

I

Я познакомился с ним в больнице. Ему было за семьдесят; высокий, сутулый, с худой впалой грудью, он тяжело, с надрывом кашлял, наклоняясь вперед и прижимая ладонь к рубашке; в груди у него что-то бурлило и клокотало даже тогда, когда он переставал кашлять. Хватающим движением ладони он вытирал рот, подходил к кровати, которая стояла у самой двери, и ложился.

Моя койка стояла рядом, и в свободное время мы беседовали. Архип (так звали старика) любил рассказывать о своей жизни, которая была богата событиями и крутыми поворотами. Чаще всего он вспоминал молодые годы, когда жил в деревне, был полон сил и нерастраченной задорной энергии, когда женился на светлорусой красавице Агафье, у которой просили руки сразу несколько удалых парней, но она отдала предпочтение ему, застенчивому тихому Архипу.

Между разговорами я выяснил, что он был в детстве крещен, всю жизнь в храм не ходил, крестик не носил, но Бога не отрицал.

— Конец не за горами, — сказал я, — а к переходу в новую жизнь надо потихоньку готовиться.

— Это верно...

— Хочешь исповедоваться?

Архип взялся рукою за грудь, ожидая кашля, но кашля не было.

— Дак тут же нельзя.

— И тут можно, было бы желание.

— Как-то неожиданно... лучше в другой раз...

— Давай в другой.

— Вот выпишусь через недельку, тогда и порешим. Может, и Агафья, захочет.

Я позвонил Архипу через две недели.

— Ну, как себя чувствуешь?

— Молодцом. — Архип хрипло рассмеялся.

Я понял, что он бодрится и за деланным смехом скрывает свое истинное состояние.

— Ходить можешь?

— Встаю.

— Ну, если встаешь, значит, и ходишь.

— Куда денешься...

— До храма дойдешь?

— Силенок... кхе-кхе... не хватит.

— На такси довезу.

— Так что с того? Я ж не выстою.

— Можно сидеть. В Коломенском храме очень удобные скамейки, у стены — спина не устанет.

— Мне... кхе-кхе... не выдержать.

— Тогда вот что: я приглашу священника домой.

Архип молчал. Я слышал его хриплое надсадное дыхание.

— Дак ему же платить надо, — наконец произнес он, давая понять, что для него это затруднительно.

— Плату беру на себя.

— Ну, тогда... давай что ли...

— Жена будет причащаться?

— Агафья-то? Счас спрошу.

Я слышал, как он ее спрашивал, как она что-то отвечала, потом, в свою очередь, она спрашивала о чем-то, и он отвечал. Наконец, Архип ответил:

— Вроде согласна.

— Очень хорошо. Завтра утром ничего не кушайте и не пейте. Я приду со священником.

— Когда?

— В час или чуть позже.

II

Я пришел в храм, когда отец Венедикт (мы с ним были хорошо знакомы) заканчивал молебен. Будучи священником совестливым и очень ответственным, он согласился на требу несмотря на то, что Архип жил довольно далеко, а машины не было. До станции «Царицыно» мы дошли пешком («Так быстрее», — решил отец Венедикт), а потом две остановки проехали на метро. Долго ждали нужного автобуса. Батюшка то и дело посматривал на часы. Мне было неудобно, что теряем драгоценное время на ожидание. На автобусе ехали минут двадцать. Вышли. А куда идти, не знаем. Я стал спрашивать у прохожих, где находится нужная улица и нужный дом. Пошли в указанном направлении. Нашли улицу, а дом — никак, хотя он должен был быть где-то совсем рядом. Отец Венедикт стал проявлять нетерпение.

— Ну, как же так? — недовольно ворчал он. — Надо ведь заранее все узнать.

Я молчал, так как ничего не мог сказать в свое оправдание. Надо было разочек съездить к Архипу, разведать маршрут, и не было бы никаких проблем.

— Придем, а они не готовы, — все тем же тоном продолжал батюшка.

— Я их предупредил.

Наконец дом нашелся. Но мы зашли не с той стороны, и пришлось идти к нужному подъезду вдоль всего дома. А он, как назло, оказался очень длинным. Остановились у двери. Я набрал нужный код — ответа не последовало. Повторил попытку — результат тот же.

— Ну, что такое? — нетерпеливо спросил отец Венедикт. Я пожал плечами.

Неизвестно, сколько бы мы еще простояли, если бы не подошел мальчик со школьной сумкой и не открыл дверь. Вызвали лифт; он спускался очень долго, видимо, был на самом последнем этаже. Вошли в кабину, я нажал кнопку шестого этажа, а лифт уехал на девятый.

— Он всегда так: куда хочет, туда и едет, — сказал школьник, зашедший в лифт вместе с нами.

— А если я сейчас снова нажму шестой этаж?

— Он уедет на первый, — ответил мальчик.

— Пошли пешком, — распорядился отец Венедикт.

Мы спустились на три этажа и остановились около нужной квартиры. Я нажал кнопку звонка; подержал подольше, чтобы услышали. Через некоторое время слышались шаркающие шаги. Дверь открыл Архип с всклокоченной головой и помятым лицом.

— Ну, разве можно так поздно? — заворчал он, даже не поздоровавшись с нами. — Я же старый больной человек...

— Ничего, ничего, — перебил я его, стараясь сгладить неприятный момент, — такое бывает раз в жизни.

Архип посторонился, и мы вошли в квартиру. В нос ударил кислый запах непроветренного помещения. В комнате, куда нас провел хозяин, было две кровати, на одной из них лежала Агафья в белом чистом платочке, вторая была неприбранной. Отец Венедикт поставил портфель на стул и стал доставать из него епитрахиль, поручи, крест и Дароносицу.

– Ну как, будем причащаться? – спросил я, обращаясь к Архипу и его жене.

– Да он уже поел, – отозвалась Агафья.

Архип сел на кровать:

– Ну, разве мыслимо столько вытерпеть? Уже третий час.

– Жалко, очень жалко, – сказал я.

– Да ты, небось, тоже поела? – обратился Архип к жене.

– Нет, я только попила, – сказала Агафья. – Мы с ним уже сто раз поцапались, пока ждали, – доложила она.

– Жалко, очень жалко, – повторил я.

– Ну как причащаться, если поп из другого прихода? – Архип, считая, что нашел неотразимый довод, встал с кровати и сделал движение кистями рук, как бы отбрасывая что-то, а потом закашлялся, да так сильно, что с минутой не мог прийти в себя.

– Это не имеет никакого значения, – сказал я.

– Ну как же: одно дело Коломенское и другое – Царицыно.

Отец Венедикт повернулся к Архипу и спросил:

– Ты хочешь причаститься?

– Так я вас не знаю.

– Агафья, а ты хочешь?

– Вот выздоровею, тогда уж... В церковь, может, схожу..

– А ты давно там была?

– В детстве, кажется, водили.

Отец Венедикт сложил обратно в портфель Дароносицу, епитрахиль, поручи и крест, и мы вышли на улицу. Долго шли молча. «Надо же такому быть, – сокрушался я про себя. – Столько времени потратили зря. Я-то еще ничего, а вот батюшка. У него же уйма дел».

– Если бы они согласились, я бы их причастил, несмотря на то, что они поели и попили, – сказал отец Вене-

дикт, шагая ровным размеренным шагом; теперь он уже не спешил.

То, что батюшка не обижался, очень меня утешило.

— Сам Христос пришел к ним в дом, а они не приняли Его, — сказал я.

Батюшка остановился, посмотрел на небо, затем на двух молодых мам, которые, оживленно разговаривая, катили впереди себя детские коляски, вздохнул:

— Не новость. — Еще раз вздохнул. — Почти вся Россия такая...

СЕЛЬСКИЙ ПОГОСТ

Где стол был яств,

Там гроб стоит.

В. Жуковский.

Однажды, осенней порой, я зашел на сельский погост. Был ясный тихий солнечный день. Между могильных оградок вилась ровная укатанная дорожка, по ней, умело маневрируя, проехала на велосипеде девочка-подросток. Погост был с запасом, могилы располагались вольно, без особого порядка, иногда кто-нибудь поселялся совсем в стороне. Кругом было много высохшей побуревшей травы. В деревьях преобладала желтизна; одно из них облепили воробьи, которые что-то громко «обсуждали»; я взмахнул рукой, и они, зашумев крыльями, улетели.

Меня охватило странное чувство: с одной стороны, мне было неловко оттого, что я жив, а те, кто здесь похоронены, не живы; а с другой стороны, мне было жалко этих людей, проживших много или мало, с семьей или в одиночестве, с Богом или без Него. На крестах и на памятниках, стоявших на могилах, были написаны имена

усопших и годы их жизни. Но какова их загробная участь, этого никто не знал.

Я остановился около белой оградки, внутри которой стояло надгробие с фотографией молодого улыбающегося паренька в бескозырке и в тельняшке. Пожилая худенькая женщина с маленьким смуглым лицом, посадив по углам оградки две яблоньки и две вишенки и разравнивая землю у их корней, выпрямилась и оперлась обеими руками о черенок лопаты.

— Сынок? — спросил я, кивнув на фотографию.

— Да, сыночек.

— В морском походе, наверно, погиб?

— Да нет, уже отслужил, вернулся домой. — У женщины повлажнели глаза. — Ехал на мотоцикле с другом. Если б сам был за рулем, ничего и не было бы. Навстречу машина, мой-от кричит: «Давай влево!» А тот взял вправо и опрокинул мово, аккурат под заднее колесо. Еще несколько часов прожил, не хотел умирать, ох, не хотел. «Мама, — говорит, — мерзну, накрой меня телогрейкой». Умирает ведь, а не догадывается. Я не могу, вышла во двор. Невестка осталась, говорит, уши посинели, холодный весь, потом как задрожит, глаза выпучил и встает, я испугалась, а он уж готов... Ох, не хотел умирать..

К нам подошла старушка с широким, плоским загорелым лицом, похожим на поджаренный блин; это впечатление усилилось, когда она, поправляя платок, приоткрыла незагорелые щеки и лоб.

— Помяни сыночка, Прокопьевна. — Женщина достала из кармана пряник. — Последний, все раздала.

Старушка взяла пряник, перекрестилась и спрятала его в карман:

— Спасибушки, Акимовна.

— Годовщина скоро как погиб, — сказала Акимовна.

— Столик хочу поставить, чтобы приходить и поминать

мово сыночекка. Сколько раз просила зятя: «Поставь, поставь». Да куда там, разве допросишься. Говорит: «Завтра, завтра». А завтра выпимши али еще что. Пока сама не поставлю, никто не поставит. Вот здесь, рядом с оградкой, и поставлю. Счас травушку высеку, чтоб чисто было.

Наклонившись, она стала подсекать лопатой корни травы, потом собрала ее и отнесла в сторону.

– А унутри пошто не поставить? – спросила Прокопьевна, показывая на свободное место в оградке.

– Не, унутри нельзя. Унутри я для себя место оставила, рядом с сыночекком лягу. «А вы, – говорю родичам-то, – дальше селитесь, эвон сколько места». Свидимся там с сыночекком, здесь его не вижу, так там увижу. – Акимовна поправила платок. – Даже во сне его не вижу, невестка видит, а я – нет. «Восподи, – молю я, – дай мне увидеть сыночекка». Не дает. Почему, не знаю. Раз всю ночь не спала: легла, а сон не идет. Вдруг вижу: ставня открыта. А я сама их все закрывала, хорошо помню, и шаги какие-то. Вышла во двор – никого; зашла – снова шаги; так до утра и не сомкнула глаз.

– Это он приходил, – сказала Прокопьевна.

– Он, он, – подтвердила Акимовна, – больше некому. Бойкой был, нергичный, счас есля б встал, сказал бы: «Это что такое? Почему меня зарыли? А ну-ка!..»

Прокопьевна покачала головой:

– Давеча крест таматка видела, в траве лежал – счас нет. Должно, кто унес...

– Нельзя чужой крест ставить, оборони Восподь, – убежденно сказала Акимовна. – Покойник ночью встанет, скажет: «Отдай крест, ворюга!»

– Есля б тяжелый был, не унесли б.

– Тяжелый ставить нельзя, им тяжело там. А некоторые смотри каку тяжись наворотили – не пошевелиться.

Акимовна достала из сумки небольшой арбуз, расколола его о край скамейки и протянула по куску старушке и мне:

— Помяните мово Василька.

Отведав арбуза, старушка вытерла концом платочка губы:

— Вчерась тутотка тоже поминки были: рыли робяты могилу и встрели чей-то гроб, а у том гробу кости, волосся и бутылка водки. Любитель, знать, был, вот ему и положили в голова. Ну, робяты и хряснули.

— Ой, чуть не забыла. — Акимовна достала из сумки бутылку с водой и наполнила стеклянную баночку, стоящую на могиле. — Вдруг пить захочет сыночек, встанет и попьет.

Я спросил у нее, почему почти все надгробия на погосте синего цвета, краски, что ли, нет другой в магазине.

— Нет, милой, не поентому, вся родня красится в один цвет. А так как у нас тутотка почти все родня, то и вышел такой цвет. Вот и я велю покрасить себя, как сыночка, в синий цвет, и будем мы под одним небом и под одним цветом.

— Сын был крещеный?

Акимовна на секунду задумалась:

— Чего нет, того нет. Я его в детстве не покрестила, а он, как стал взрослый, сказал: «Ни к чему мне это, мама». А что другое он мог сказать, если в школе десять лет долбили: «Бога нет! Бога нет! Бога нет!»

— Ну, если некрещеный, значит, не отпевали.

— А мы и не знаем, что это такое.

— А сама крещеная?

— Саму-то, кажись, ребенком покрестили.

Прокопьевна достала нагрудной оловянный вытертый до блеска крестик, поцеловала его и снова спрятала под старенькое платье:

— О ту пору, слава Богу, всех крестили. А ноне церкви в селе нет, так все скрозь некрещеные ходят... О прошлом лете Хведор-тракторист покрестился в райцентре, тайно, конечно, так все равно кто-то донес — с работы выгнали и чуть со свету не сжили...

Акимовна повернулась к надгробию сына, сделала неглубокий поклон:

— Ну, до свиданья, мой ненаглядный, скоро приду к тебе снова, принесу обед, будем вместе обедать. И вина принесу домашнего, ты ведь любил домашнее-то.

Она немного помедлила, взяла сумку, лопату и, то и дело оглядываясь на могилу сына, побрела к выходу.

— Ну и мне, кажись, пора, — сказала Прокопьевна, глядя ей вслед. — Навестила своих, и ладно...

ПОКЛОНЕНИЕ ХРИСТУ

В третью седмицу Великого поста ко мне приехал мой друг, священник Александр Веригин. Я попросил его пособоровать нескольких моих знакомых христиан. Все они жили в нашем доме, были в преклонных летах, болящие, и в храм по своей немощи уже не ходили. Соборование заняло около часа: я читал Апостола, отец Александр — Евангелие и молитвы. После Соборования я вышел из комнаты, а батюшка исповедовал и причастил всех болящих (об этом была договоренность).

Моя супруга предложила нам скромную постную трапезу: тушеные овощи с кальмаром и вишневый компот.

— Еще много дел на сегодня? — спросил я батюшку, когда мы встали из-за стола.

— Как обычно: священник принадлежит не себе, а другим, — ответил отец Александр.

— Освятишь квартиру нашей подруге-христианке?

— Далеко?

— В нашем подъезде, на седьмом этаже.

— Можно. Я подготовлю кадило.

Через две минуты мы вышли из квартиры (я жил на первом этаже) и вызвали лифт.

В этот момент в подъезд вошел пожилой мужчина. Он был в куртке защитного цвета, в беличьей шапке-ушанке, через плечо — небольшая сумка; у него было открытое, немного обветренное лицо, кустистые брови, темно-синие глаза, правильной формы нос. Увидев священника в строгой темной рясе, с крестом на груди, в бархатной скуфейке, с трепником и кадилом в руках, он остановился, снял шапку и слегка поклонился. Сделал он это автоматически, не думая. Голова у него была седая, аккуратно постриженная.

Под благословение он не подошел, так как был человеком невоцерковленным (это было видно по его лицу). Но снятая шапка и небольшой поклон сказали мне многое.

Христианство на Руси уже десять веков, и это не прошло даром — вера отцов у нас в крови, хотим мы этого или нет. Мы не равнодушны к белокаменным храмам, Крестным ходам, монахам и монахиням, к Пасхальным яйцам и куличам. На глубинном уровне, в подсознании, в нас живет то невысказанное, сокровенное, о котором мы даже и не подозреваем и которое проявляется как бы само собой, подчас в самых неожиданных обстоятельствах.

Священник — образ Спасителя на земле, и пожилой человек поклонился не отцу Александру, а Самому Христу.

Лифт остановился.

— Вам на какой этаж? — спросил я у седого мужчины.

— На четвертый, — ответил он.

Мы с отцом Александром вошли в кабину лифта, мужчина — за нами. Я нажал кнопку, кабина поехала вверх. На четвертом этаже мужчина вышел на лестничную площад-

ку, обернулся и еще раз слегка поклонился священнику.

Кое-кто говорит, что русский народ обречен и что у него нет будущего.

Нет, он не обречен!

И у него есть будущее!

Он в любую секунду может снять беличью шапку и поклониться Христу!

ДАР

Рождественский рассказ

Надвигалась гроза, и я ускорил шаг. Тропинка привела меня к пещере. В ней было светло. «Как это так, — подумал я, — костра нет, горящих факелов нет, а светло». Вдруг раздалось негромкое бляение, я увидел полдюжины овец, они хрумкали душистое сено. В нескольких шагах от них стояли две козы. Одна из них, с большими, дугой, рогами, увидев меня, перестала жевать жвачку и вопросительно посмотрела на меня, мол, кто ты такой? «Меня зовут Кеша, — сказал я. — Я укрылся от непогоды». Коза перевела глаза в сторону и продолжила свое занятие. В противоположной стороне пещеры, на охапке соломы, лежал осел. Он о чем-то думал и забавно шевелил длинными ушами. «Интересно, о чем он думает? Наверно, вспоминает свой сон».

Я подошел к яслям, которые находились в самом центре пещеры. В них лежал Младенец. Он был очень красивый. От Него исходило лучезарное сияние. Раздалось дивное пение, такого пения я ни разу не слышал. Оглянувшись, я никого не увидел. «Кто же поет? — подумал я. — Наверно, Ангелы». Рядом с яслями на перевернутой корзине сидела необыкновенной красоты Женщина. Она

с любовью и необыкновенной нежностью смотрела на Младенца. Неподалеку, опершись о деревянную, с глубокими зазубринами лестницу, стоял седовласый старец; у него была густая широкая борода и умные, много повидавшие глаза.

Я по-прежнему любовался Младенцем и не заметил, как в пещеру вошли три человека. Они были в помятой дорожной одежде; у них были усталые лица; видимо, они совершили долгий утомительный путь. Они приблизились к яслям, в которых лежал Младенец, и поклонились Ему.

Один из путников, самый старший, с сильно загорелым лицом и большими, похожими на морские раковины, ушами, протянул Младенцу небольшую коробочку.

— Я принес Тебе дар, — сказал он негромким учтивым голосом. — Это золото высшей пробы.

Другой путник, помоложе, в бордовом кафтане искусной ручной работы, поставил на ясли изящную шкатулку.

— Это ладан, — сказал он. — Аромат восхитительный.

Третий путник, тонкий, гибкий, сильный, подпоясанный голубым кушаком, подарил хрустальный флакончик.

— Это смирна, — сказал он. — Самая лучшая в мире.

«Какие они молодцы! — подумал я. — И какие прекрасные дары принесли Младенцу! А что же я подарю Ему? Будет нехорошо, если я уйду отсюда, так ничего и не подарив».

Некоторое время я пребывал в раздумье. Потом посмотрел на Младенца, а Он на меня. Его взгляд меня ободрил.

— Мне всего одиннадцать лет, и я, к сожалению, ничего не имею, — сказал я, поборов робость. — У меня нет ни изумрудов, ни алмазов, ни жемчуга, нет ожерелий и дорогих одежд. Но... — я совсем осмелел, — я знаю, что подарю. Я подарю Тебе мое дыхание, мою волю, мой ум, мое сердце, мою любовь, одним словом, всего себя. Я буду любить

Тебя сильно-сильно, и никто не отнимет у меня этой любви. Я отсеку свою греховную волю и буду жить в Твоем полном послушании. Я буду творить только добрые дела и посвящать их Тебе.

Младенец улыбнулся, и в пещере стало еще светлее.

— Благодарю тебя, Мой мальчик! — сказал Он. — И еще раз благодарю! Ты обещал Мне свою любовь, а Я обещаю тебе Свою! Ты будешь купаться в волнах Моей любви, как люди купаются в море. И ни один волосок не упадет с твоей головы.

В этот момент я проснулся. Стояла тихая ясная морозная ночь. За окном, в темном небе, я увидел яркую звезду. Она была такая красивая, что от нее невозможно было отвести глаз. Ее серебристые лучи освещали сияющую заснеженную землю. На душе у меня было так радостно, как будто я побывал на Небе.

АУЛ ДЖЕНДЖИРИ

Быль

Это произошло в 1851 году, когда воинственные черкесы постоянно беспокоили русские границы. То и дело, перейдя Кубань, они совершали дерзкие неожиданные набеги на казацкие поселения. Станицы они сжигали дотла, а людей — мужчин, женщин и детей — уводили в плен. Так оказался на чужбине и казак Герасим Жолуб. С женой и детьми его сразу разлучили, и больше он их никогда не видел.

Аул Дженджири — место неволи Герасима Жолуба — находился в чудесном месте. Горные склоны, поросшие самшитом, дубом и грабом, быстрая, с каменистым дном, речка, вода в которой была такая холодная, что ломило

зубы, светло-голубое ласковое небо, изумительный по чистоте воздух — это был благословенный уголок на земле. Может быть, кого-то и радовали эти первозданные красоты, но только не Герасима — они лишь усугубляли горечь его неволи.

Однако самым большим испытанием оказался для него разговор с Исмаилом. Аксакал был сед, хром на одну ногу, а лицо покрывали глубокие шрамы — следы давних горячих битв. Он предложил Герасиму принять магометанство, тогда пленник будет равный со всеми мужчинами в ауле. Кровь закипела в венах у казака, когда он услышал эти слова. Большим усилием воли он сдержался, чтобы не броситься на Исмаила.

— Этого никогда не будет! — твердо сказал Герасим. — Я православный христианин, им навсегда и останусь!

Аксакал, не ожидавший такого отпора, вскочил с табуретки и, приседая на одну ногу, прошел по сакле влево, потом вправо; шрамы на его лице побагровели.

— Навсегда? — остановившись посреди сакли, спросил он. — А если через минуту ты будешь висеть на суку?

— От Христа, моего Спасителя, я не отрекусь и на суку!

Исмаил сел на табуретку, потом снова вскочил, быстрее обычного прошелся по сакле.

— Вздернуть его, — закричал он, багровея уже не только шрамами, но и всем лицом. — Да побыстрее.

Черкесы схватили казака, грубо выволокли наружу и накинули на его шею веревку. Один из них с обезьяньей ловкостью взобрался на дерево, чтобы привязать веревку к суку.

— Ну, Христос или аллах? — подойдя почти вплотную к Герасиму, спросил Исмаил.

— Христос!

— Ну и погибай вместе с Ним. — Пинком здоровой ноги аксакал выбил табуретку из-под ног пленника.

Большое крепкое тело казака рухнуло вниз, пригнув ветку (от сотрясения на землю упало десятка два спелых грецких орехов), и закачалось на веревке. В следующее мгновение Исмаил выхватил из ножен саблю и — никто не успел и глазом моргнуть — перерубил веревку; Герасим упал на землю, быстрым движением обеих рук ослабил петлю на шее.

— Такая смерть для тебя слишком легка. — Аксакал отточенным движением вложил саблю в ножны. — Посадите его на цепь к колоде. Пусть умирает медленной и мучительной смертью. Как собака.

Потянулись невообразимо тягостные дни. С восходом солнца пленника выводили на какую-нибудь тяжелую работу (обычно он строил из крупных камней помещения для скота), а вечером снова сажали на цепь. Пища была самая скудная. Казак подвергался постоянным насмешкам, издевательствам, унижению. Редкий черкес, проходя мимо, не кидал в него палкой или камнем; мальчишки или дразнили его, строя рожи, или осыпали пылью; однако самую изощренную «забаву» устраивали малыши: наученные своими родителями, они подходили к пленнику и железным прутом, раскаленным в огне, «штрикали» его в руки, в ноги, в бока. После таких «забав» на теле казака появлялись гнойные язвы.

По ночам, когда глумливый аул засыпал, Герасим, стоя на коленях, со слезами молился. Особенно горячие молитвы он возносил Святителю Николаю, которого с юности почитал и которого чаще, чем других святых, просил о помощи.

— Призри на меня, угодниче Божий, — взывал он, — помилуй меня, окаянного, не дай погибнуть вдали от Родины. Ты видишь мои каждодневные муки, а также слезы, которые я проливаю по ночам, и, как избавил ты трех воевод от неминуемой смерти, остановив руку палача, так

избави и меня от сей тяжкой неволи. Я знаю, что страдаю за свои многие грехи, и поэтому даю обет: если окажусь дома, то приму Ангельский чин и остаток жизни посвящу служению Богу.

Однажды, под вечер, к Герасиму подошел, опираясь на палку, седой, как лунь, согбенный годами старик.

— Я помогу тебе бежать, — тихо сказал он.

— А кто ты? — спросил казак. У него возникло подозрение, не подослан ли он черкесами, чтобы проверить его.

— Я русский.

— Русский? А почему ты не пленник, как я?

— Я сбежал из армии и явился сюда добровольно. Принял ислам, женился. У меня четыре сына. Часто рассказываю им о Родине. Очень скучаю по ней, по православным храмам. Я понял, чего лишился. Домой мне уже не вернуться, чувствую приближение смерти. Я подумал: если помогу тебе бежать, то Господь простит мне хотя бы малую толику грехов.

После этих слов Герасим понял, что старику можно доверять.

— Но как ты мне поможешь? — спросил он. — Ведь меня день и ночь сторожат.

— Сегодня в ауле играется свадьба. Охранникам будет не до тебя.

— А цепи?

— Господь все устроит. Как стемнеет, выберись осторожно за аул и иди северным распадком, охотничьей тропой. Так ты значительно сократишь путь и избежишь погони, когда черкесы спохватятся тебя. Ну, храни тебя Господь.

Через некоторое время к пленнику подошла молодая черкешенка. Она принесла ему пару лавашей и кусочек сыру. Уходя, как бы невзначай выронила связку ключей. «Сноха старика», — догадался Герасим. Он подобрал ключи (они показались ему дороже золота), отомкнул замки

на руках и ногах, сбросил тяжелые цепи; крадучись, миновал несколько саклей и углубился в горы. Шум свадьбы (гнусавый напев зурны, аритмичный говор бубна, всплески черкесских народных песен) скоро остался позади.

Не будем описывать всех подробностей странствования казака по горным тропам, перевалам и долинам Северного Кавказа, где на каждом шагу его подстерегали опасности и где каждый встречный аул мог стать местом его нового плена. В пути Герасим питался ягодами, лесными кореньями и дикими яблоками и грушами. Прошло много дней, когда он, в лохмотьях и с окровавленными ногами, подошел к реке Кубань, границе между Россией и владениями черкесов.

Казак спрятался в кустах жимолости, в ста метрах от берега. За рекой виднелась станица: над кронами деревьев плыли купола православного храма; из труб некоторых домов поднимался дым, ветер относил его в сторону; на берегу отдыхало стадо коров; пастух развел костер, и беглецу показалось, что он чувствует запах наваристой ухи.

Вдруг — о ужас! — казак увидел несколько повозок, которые двигались по дороге вдоль реки. Послышались голоса черкесов (их гортанный говор Герасим знал слишком хорошо), лай собак. Беглец притаился и, кажется, перестал дышать. Неожиданно собаки, что-то почуяв, свернули в сторону и побежали... прямо к кустам жимолости. Они стали громко лаять, привлекая внимание людей.

«Неужели конец? — мелькнула мысль. — Лучше смерть, чем новая неволя. Никола-угодник, спаси меня!»

В следующее мгновение из куста выскочил заяц и стремглав бросился наутек. Собаки — за ним. Вскоре они, а следом за ними и повозки исчезли за поворотом дороги.

Герасим перевел дух. «Угодниче Божий, как мне благодарить тебя? У меня нет для этого слов».

Дождавшись темноты, он благополучно переплыл реку и, преклонив колени, облобызал землю Отчизны. Утром страдалец пришел в храм, который носил имя Святителя Николая. Он подошел к иконе угодника Божия и благоговейно облобызал ее.

Через две недели казак, выполняя данный обет, принял монашеский постриг. Остаток жизни он провел при храме: выполнял плотницкие и кровельные работы, носил воду из колодца, изготавливал восковые свечи, ухаживал за могилами. А во время богослужений помогал батюшке в алтаре.

Каждый день он прочитывал акафист Святителю Николаю и скоро выучил его наизусть. А потом он вырезал из ясеня икону-статую угодника Божия в человеческий рост, с Евангелием в одной руке и храмом — в другой. Батюшка освятил образ. Около него стали молиться не только местные верующие, но и паломники из других мест.

ПАТРИАРШАЯ ЕЛКА

I

Хотите, расскажу вам о самом счастливом дне моей жизни? Ну, тогда слушайте.

Однажды мама сказала:

— Доченька, хочешь поехать на Патриаршую елку?

— Конечно, — сказала я. — А Патриарх там будет?

— Разве может быть Патриаршая елка без Патриарха?

— А кроме него, кто там будет?

— Дети. Такие же, как ты. Его Святейшество будет вас поздравлять. И дарить подарки.

— Ой, как здорово! — Я запрыгала на месте.

— Катенька, — продолжала мама, — ты тоже должна подготовить подарок.

— Кому?

— Конечно, Патриарху.

Подарок! Самому Патриарху! Как мило!

— А какой?

— Вот ты и подумай.

Что лучше всего подарить Патриарху? Можно нарисовать картину. Акварелью или гуашью. Можно смастерить игрушку, например, зайца. А еще лучше Ангела. Можно прочитать стихотворение. Некрасова или Тютчева. Нет, я лучше спою песню. Это будет самый лучший подарок.

— Мама, какую песню мне выбрать? — спросила я.

— А что у тебя есть?

— Лирическая элегия «Ночь тиха над Палестиной», рождественская песня «Елочка» и «Колыбельная» Чайковского.

Я уже третий год учусь в музыкальной школе и, конечно, у меня не три готовых произведения, а гораздо больше.

— Я, право, не знаю. Спроси у Ольги.

Оля — моя старшая сестра. Ей шестнадцать лет, она учится в музыкальном училище при Московской консерватории и хочет стать певицей.

— Оля, душка, на чем мне остановиться?

Сестра немножко подумала и сказала:

— Решай сама.

Что мне выбрать? Сразу и не решить. И первое произведение хорошее, и второе, и третье. Остановлюсь, пожалуй, на «Елочке». У нее такой приятный мотив.

А кто мне будет аккомпанировать? Конечно, Таня. Во-первых, мы учимся в одной музыкальной школе, во-вторых, ей столько же лет, сколько и мне и, в-третьих, мы давно дружим.

До Патриаршей елки оставалось еще два дня, и мы с Таней успели провести несколько репетиций. Кроме мамы и сестры, нас слушали наши подружки. Они нас подбадривали.

II

И вот наступил день праздника. Я надела свое самое нарядное платье, любимые туфельки, мама повязала мне на голову белый бант. Я посмотрела на себя в зеркало: можно ехать.

Мы входим в Данилов монастырь. Как здесь красиво! Огромный Троицкий собор. Если побежать, и то нескоро обежишь. Ели стоят не шелохнувшись. Наверно, боятся уронить снег с ветвей. За монастырскими стенами городской шум не слышен, мы попали совсем в другой мир.

— Мама, это кто? — Я показываю на красивую мозаичную икону.

— Это благоверный князь Даниил Московский. Он основал этот монастырь.

Я смотрю на его лик, на его руки.

— Он был очень добрым, — говорю я.

— И милостивым, — добавляет мама.

Мы прикладываемся к иконе и идем дальше. Перед нами — Патриаршая резиденция. Какое красивое здание! Два его боковых придела похожи на крылья птицы. Ярко светятся окна, в них мелькают люди. У входа в здание — молодой казак. Увидев нас, он берет под козырек:

— Добро пожаловать на праздник!

Едва мы подходим к дверям, они как бы сами собой открываются.

Какие тут внимательные люди!

Мы входим внутрь. Светлый просторный зал. Меня поражает обилие света — как будто зажглось сразу сто солнц! Они сияют и справа, и слева, и над головой.

На второй этаж ведет лестница, покрытая бордовым ковром. Ее перила украшены еловыми ветками. На лестничной площадке — группа девушек, одетых в русские народные платья. В руках они держат ноты, я сразу догадалась, что это ноты. Они пели такие чудные, такие удивительные песнопения, каких мы никогда не пели в нашей музыкальной школе. Я стояла и слушала, не в силах сойти с места — так, наверно, поют Ангелы на Небесах.

Вдруг я заметила четырех человек. Как же я раньше не обратила на них внимание? Они были не как все. Они были... ну, как бы это сказать... как из книг. Я попробую их описать. Они были одеты в светлые сюртуки с большими блестящими пуговицами, а на голове у них были парики. Панталоны у них доходили до колен. На ногах у них были туфли с загнутыми острыми носами, толстые бежевые чулки, а руки в белых перчатках.

Они стояли прямо, не моргали и смотрели в одну сторону. А может, они не живые? Я подошла к одному из них и потрогала его пальцы.

— Ты живой? — спросила я.

— Да, живой, — ответил он.

— Как тебя зовут?

— Флегонт.

Какое интересное имя.

— А ты кто такой?

— Я мажордом.

Это слово было для меня новое, и я не знала, что оно обозначает.

— Дом — это понятно, — сказала я. — А остальное непонятно.

– Мне тоже не очень, – ответил мой новый знакомый. – Но ты не унывай.

– Я и не думала унывать.

– Молодец.

– Я вообще никогда не унываю.

– Трижды молодец!

А вообще этот дядька, кажется, ничего. Классный дядька!

– У тебя есть медведь? – спросила я.

– Ученый?

– Да.

– Нет, хотя я всю жизнь мечтал иметь именно такого медведя.

– Бурого?

– Да. И с белым пятнышком на лбу.

– А что бы ты с ним делал?

– Я бы водил его на цепочке, а он показывал бы разные забавные фокусы.

– Я очень жалею, что у тебя нет такого медведя.

– Я тоже.

– А ты любишь мороженое?

– Очень.

– А какое?

– Пломбир.

– А еще?

– Эскимо.

– А знаешь, какое я люблю?

– Какое?

– Вафельный рожок.

– О! У тебя, моя дорогая, отменный вкус.

– А еще я люблю лимонад под названием «Колокольчик». А ты?

– Я, мой птенчик, чаще разношу лимонад, чем пью.

– Кому?

– Разным людям. Например, сейчас придет Патриарх, должен я ему предложить лимонад?

– Конечно.

– А приятно ему это будет?

– Еще бы.

– А вот он и легок на помине.

III

В этот момент обе створки широких дверей распахнулись, и в проеме показался Патриарх. Он был в темной строгой шуршащей рясе и с Патриаршим жезлом в левой руке. На голове у него был белый куколь с вышитым дивным ангелом на лбу и с крестиком наверху; две белые ленты куколя падали на грудь, и на каждой ленте был изображен ангел. Войдя в помещение, Патриарх остановился. Кругом были дети. Он улыбнулся и сказал:

– Здравствуйте, мои ангелы!

И благословил всех.

Дети поклонились ему. И хотя мы с Флегонтом находились вдали от дверей, мы тоже поклонились.

Патриарх прошел через зал и поднялся на второй этаж.

– Мой зайчик, тебе пора, – сказал Флегонт.

Я оставила свою шубку маме и вместе с другими мальчиками и девочками (некоторые из них были старше меня, а некоторые – младше) поднялась наверх. Все взрослые остались внизу.

На втором этаже было еще красивее, потому что здесь была елка. Она была высокая-высокая, до самого потолка. На ней было много игрушек: и фонарики, и снежинки, и сосульки, и лесные шишечки – чего только здесь не было! Ну и конечно, Снегурочка с Дедом Морозом. Елка без них – это уже не елка.

Вы все видели глобус. Сверху вниз его пересекают меридианы. Так и елку пересекали светлые искрящиеся гирлянды. И тонкие сверкающие нити — «дождик».

На передней стене висел портрет Его Святейшества. Он был изображен во весь рост. С Патриаршим жезлом в руке. Он смотрел вперед и о чем-то думал. Но живой Патриарх был лучше.

На противоположной стене я увидела икону Пресвятой Девы. Она, икона, была такая лучистая, такая притягательная, что хотелось побыстрее подойти к ней и прикоснуться губами. Я так и сделала. Я попросила Божию Матерь быть мне всегда заступницей и помощницей.

Начался концерт. Выступали только дети. Со всей Москвы съехались юные артисты. Среди них были и танцоры, и певцы, и балалаечники, и пианисты, и акробаты — всем хотелось порадовать Его Святейшество. Он сидел на маленьком мягком сиденье и наслаждался концертом, который был подготовлен специально для него.

И вот артист, ведущий концерт, объявил:

— Рождественская песня «Елочка». Исполняет ученица третьего класса Катя Семенова. За роялем — Таня Ильина.

Мы с Таней вышли к елке, около которой стоял прекрасный черный рояль. Таня села за инструмент, проиграла вступление, а я запела:

*Вот е-ель в ле-есу, как зе-еле-ена
И ка-а-ак о-она-а пре-екра-а-асна-а,
Но все-е ж пре-екра-асне-е о-она-а,
Когда-а в до-ому, све-ече-ей полна,
О-она си-и-я-а-а-ет я-а-асно.*

Я выступала в разных местах, в разных концертных залах, но нигде мне не пелось так легко и свободно, как

здесь, в доме Святейшего Патриарха. Рядом с ним сидело несколько взрослых, чуть поодаль — дети, остальные мальчики и девочки стояли.

*В одну-у из ра-адо-остны-ых но-очей
Госпо-о-одь И-и-исус ро-одился-а.
Он — То-от, Кто-о и-иску-упил лю-удей,
Ведь без Не-его во тьме-е сво-оей
Мир э-этот за-а-аблу-уди-ился.*

Я несколько не волновалась (иногда это бывает со мной) и чувствовала себя так, как будто приехала в гости к очень близкому человеку. От Патриарха исходили... как бы это сказать... тепло и ласка, они придавали мне сил и уверенности.

*Для все-ех, кто-о ве-е-ерит во Хри-иста,
И но-очью све-ет си-ия-а-а-ет.
А эта-а но-очь для на-а-ас свя-ата,
Да бу-удет ра-адо-ость все-ех чи-иста,
Иисус zde-есь пре-е-ебы-ыва-а-ает.*

Чем дальше я пела, тем светлее становилось у меня на душе, — ведь я пела не о ком-нибудь, а о Самом Христе. Мне казалось, что это пела не я, а моя душа.

*Впусти-и Е-его, ди-итя, в сво-ой до-ом:
Он в се-е-ердце о-о-оби-ита-а-ает,
Он са-ад устро-о-оить хо-очет в не-ем,
Обо-огатит то-ого пло-одом,
Кто в до-ом Е-его впу-уска-а-ае-е-ет.*

Таня взяла заключительные аккорды, звуки рояля постепенно угасли, и раздались дружные аплодисменты.

Аплодировали дети, аплодировали взрослые, аплодировал Его Святейшество.

Мы с Таней раскланялись, а потом подошли к Патриарху. Он вручил нам по коробке прекрасных шоколадных конфет.

Его Святейшество погладил меня по голове.

– Храни тебя Господь, – сказал он.

Вот какой счастливый день подарил мне Боженька! Если я проживу еще семьдесят лет, нет, даже не семьдесят, а сто, я все равно не забуду этот чудесный день.

ГЮРЗА

Это случилось в хрущевские гонения на Церковь. Я служил в то время в городе Красноярске, в Покровском храме. Не только я, но и все прихожане знали: вот-вот его закроют. Я обратился к ним с пастырским словом: «Давайте защищать наш храм. Какие мы будем христиане, если отдадим святыню на поругание безбожникам. Какой ответ дадим Господу, если будем молчать?» Паства меня поддержала. Окрыленный успехом, я написал листовку, в которой призывал верующих не отступать и держаться до конца. Листовка попала в руки уполномоченного по делам религий. Он вызвал меня к себе и сказал, чтобы я в двадцать четыре часа покинул город. Иначе – тюрьма.

Куда ехать? Взял билет до Новосибирска, там у меня были знакомые верующие. Они сказали, что у них оставаться нельзя. «Поезжай в Ташкент, – посоветовали они, – там живет один хороший батюшка, будешь с ним служить». Батюшка оказался и в самом деле любвеобильный: приютил меня, обогрел ласковым словом, стали вместе служить. Прошло несколько дней. Думаю: «Слава Богу, все нормально». Да не тут-то было. Вдруг батюшку вы-

звали в исполком. Приходит, убитый горем. «Беда, — говорит, — брат, даже и сообщать не хочется». «Что такое?» «Сказали: пусть немедленно уезжает, иначе мы его арестуем».

Я первым же рейсом вылетел в Москву. Почему в столицу? Сам не знаю. Мне было все равно куда. В Москве у меня не было ни одного знакомого. Где приклонить голову, ума не приложу. Еду в метро. Смотрю: монахиня, вид не очень радостный. «Ты гонимая?» — спрашиваю. «Да». «Я тоже. Как быть?» «Поедем в Сухуми. Туда едут все гонимые монахи».

Купили билеты на поезд и приехали в Сухуми. Здесь я познакомился с монахами из Глинской пустыни. В них я нашел братьев по духу. Они жили в горах. «Пойдем с нами, — предложили они. — Тебе у нас понравится. В городе ты завянешь. Да и милиция не даст покоя».

Я согласился.

И вот мы пошли в горы. Шли двое суток. Горные хребты, уходящие своими вершинами к облакам, быстрые реки, пенящиеся на камнях, узкие опасные тропы, серебряные водопады, густолиственные чинары — Кавказ поразил меня. Мы пришли в такие дикие места, куда и охотники, наверно, не заглядывали. Зато сюда не достигала рука чекистов.

У братии было девять готовых келий, одну выделили мне. О чем было мечтать? Еще недавно я был бездомный бродяга и не знал, что будет со мною не то что завтра, а в следующую минуту, меня могли в любой момент схватить и заключить в темницу, обо мне некому было хлопотать, чтобы вызволить оттуда, а денег у меня не было, чтобы откупиться, одним словом, все было неопределенно — и вот, по неисповедимой воле Божией, я, молодой иеромонах, оказался на Кавказе, среди своих по духу людей, и у меня есть жилье.

В самой большой келии была церковь. Один раз в неделю мы служили Божественную Литургию. Облачений хватало на всю братию.

В порядке очередности, обязательно по двое, ходили в город за продуктами, свечами, духовной литературой, да мало ли чего нужно девятерым мужчинам. Однажды мы с иеромонахом Августином, плотным, кряжистым мужчиной лет сорока пяти, с темными, несколько удивленными глазами, возвращались в нашу горную пустынь. На плечах у нас были тяжеленные, килограммов по тридцать пять-сорок, рюкзаки. До пустыни оставалось километра три или около этого: расстояние небольшое, но, пожалуй, самое трудное, все вверх и вверх.

— Иди вперед, — сказал я своему спутнику, скидывая рюкзак на землю и садясь рядом с ним, — а я немножко отдохну и добреду один.

— Тропу помнишь? — спросил отец Августин.

— Как не помнить? — Я вытер со лба обильный пот. — Не первый раз иду.

— Ну, хорошо, — согласился мой спутник, — только не задерживайся.

Слегка наклонившись, он обеими руками подтянул лямки рюкзака и не спеша зашагал в гору.

Стоял на редкость жаркий июль. Дубы, грабы, платаны томились в солнечной неге, набираясь тепла на зиму. Сквозь их листву с трудом можно было увидеть редкое облачко.

— Тук, тук, тук! — Невдалеке трудился работяга дятел.

По коре рядом стоявшего ясеня пробежала ящерица. В густой траве шуршала мышь. Пахло дикой грушей.

«Какую же красоту создал Господь! — размышлял я, оглядываясь кругом. — Рай да и только!»

Отдохнув с полчаса, я взвалил на плечи рюкзак и тронулся в путь. Идти было легко, груз не тяготил меня. «Вот

что значит — последние километры. И лошадь, чуя близость дома, бежит веселее».

На радостях я не сразу заметил, что тропа идет под гору. Послышался шум горной реки. С каждой минутой он становился все громче. «Кажется, я иду совсем не туда, — подумал я, остановившись. — Вблизи нашей пустыни никакой реки нет».

— Оте-е-ец Августин-и-и-ин! — закричал я изо всей мочи. — Где-е-е ты-ы-ы?

Горы ответили молчанием. Лишь река вела бесконечный разговор сама с собой.

Я испугался. Приближалась ночь, и остаться наедине в дикой местности, где водятся волки и медведи... это меня совсем не устраивало.

— Оте-е-ец Августин-и-и-ин! — снова изо всей силы закричал я. — Отзо-о-ови-и-и-ись!

Лишь слабый шум ветра, пробежавший по вершинам каштанов и лип, был мне ответом.

Мороз пробежал по моей спине.

«Пойду назад, — решил я после некоторого раздумья. — Может, найду свою тропу».

Рюкзак снова стал тяжелым. Каждый шаг давался с трудом. Я согнулся в три погибели и почти касался руками земли. Наконец я выдохся, бросил рюкзак на землю, а сам вытянулся на спине рядом.

Вижу: прямо передо мною, в каких-нибудь нескольких метрах, высокий каштан; он был сух, без единого сучка, истлевающий; чувствовалось, что внутри него пустота. Забыв про усталость, я встал, обошел дерево кругом. «Как же оно до сих пор не упало? Странно, очень странно. Дайка я его повалю». Мною овладел нездоровый спортивный азарт. Умом понимал, что не надо этого делать, не до каштана сейчас — я же заблудился, неизвестно, найду нужную тропу и приду ли домой, и вообще останусь ли жив?

«Три секунды ничего не решают, — успокоил я себя. — А каштан надо повалить, чтобы он не мозолил глаза».

Я разбежался и ударил дерево подошвой сапога. Каштан с шумом и треском повалился, задевая ветви других деревьев. Достигнув земли, он разлетелся на множество мелких частей.

«Вот так, — весело подумал я. — И делу конец».

Вдруг из остатков каштана вылетела большая стая ос; громко, нудно и противно жужжа, она закружила в воздухе; я опрометью бросился в кусты радады, которые, на мое счастье, росли поблизости, и не успел: одна оса догнала меня и пребольно ужалила в колено. Я свалился в кусты, опасаясь, как бы другие осы не напали на меня. Но Бог миловал.

«Зачем я связался с этим каштаном? — корил я себя. — Мешал он мне, что ли? Только нажил беду на свою голову».

Нога сильно болела.

«А если бы вовремя не убежал, что бы было со мною? Мог бы погибнуть. Как пить дать».

Я полежал еще некоторое время, растирая ногу. Жужжание ос затихло. Я надел рюкзак и, прихрамывая, продолжил подъем в гору. Больная нога все сильнее давала о себе знать. Силы оставляли меня. Останавливаться, однако было нельзя. Я опустился на колени и пополз на карачках. Через некоторое время достиг тропинки, которая вела в нашу пустынь.

«Как же мог пропустить ее давеча? Непонятно. Не иначе, как лукавый попутал. Сколько лишнего прошел. Уже давно был бы дома, если бы не заблудился».

Обливаясь потом, я преодолевал метр за метром: следил за тропинкой, чтобы не потерять ее из виду, и за тем, чтобы встречные кусты не выкололи мне глаза. Вдруг я

увидел гюрзу, которая, извиваясь, ползла впереди меня. Нас разделяло всего несколько метров. Гюрза, видимо, думала, что я догоняю ее и убегала от меня. А она меня совершенно не интересовала. Я думал только о том, как бы побыстрее добраться домой.

Я прополз еще полметра и, подняв голову, замер от страха и неожиданности: гюрза, мгновенно развернувшись, встала в боевую стойку и смотрела на меня. Она была темно-серого цвета, примерно двухметровой длины; у нее была большая голова; зеленые глаза были полны жуткой злобы; красная пасть была распахнута, из нее торчало огненно-желтое жало, которое с молниеносной быстротой бегало вперед-назад.

Гюрза стояла, не шелохнувшись, я – тоже; мы смотрели друг другу в глаза; я боялся даже того, что гюрза обнаружит мое дыхание, и дышал незаметно, насколько это было возможно; глаза змеи пронзали меня насквозь; казалось, еще секунда, и она бросится на меня.

– Господи, – прошептал я. – Помилуй мя.

Мне показалось, что гюрза уловила движение моих губ, и я испугался еще больше; блестящее огненное жало по-прежнему играло в жуткой пасти, и я никак не мог отвести от него глаз.

– Я не обижу тебя, гюрза, – проговорил я тихим голосом, – и ты меня не обижай; я иду в свою пустынь, где меня ждут мои друзья, а тебя я даже и не замечал. Мы, монахи, никого не обижаем, живем в своих келиях, молимся, кладем поклоны, желаем всем только добра. Я всех прощаю, ни на кого не держу зла, молюсь о многих людях, особенно о тех, кто меня чем-нибудь обидел или причинил какое-нибудь зло; я хочу, чтобы все спаслись и ни один человек не погиб в геенне огненной.

Так я разговаривал с гюрзой минут пять.

– Продолжай свой путь, – как можно мягче сказал я ей, – я тебя не задерживаю; ты, наверно, устала стоять в боевой позе...

Гюрза словно поняла то, что я сказал: пасть ее медленно закрылась, глаза стали уменьшаться, злость в них исчезла; с разворотом назад она опустилась на землю и, извиваясь, поползла прочь от меня; скоро она исчезла среди камней.

Я вздохнул всей грудью и понял, какое это наслаждение – дышать всей грудью. В ту же секунду почувствовал тяжесть рюкзака, о котором совсем забыл. Я снял его и услышал чей-то голос.

– Оте-е-ец Геро-о-о-онти-и-и-и-й! – раздалось где-то вдали.

Я узнал голос отца Августина.

– А-а-а-у-у! – закричал я. – Я-а-а зде-е-е-есь!

Я ощутил необыкновенную радость. И прилив сил. Мой брат во Христе не забыл меня и идет мне на помощь.

– Оте-е-ец А-а-а-авгу-у-усти-и-и-и-ин! – закричал я. – А-а-а-а-у-у-у-у!

– Жди-и-и-и ме-е-е-еня-а-а-а-а, – раздалось в ответ.

Минут через двадцать на тропе показался отец Августин.

– Долго плутал? – спросил он, видя, что я изможден до предела.

– Порядочно, – ответил я виновато.

– Это бывает. Мы-то здесь много лет живем, знаем все приметы, а ты – всего полгода: немудрено и заблудиться...

Отец Августин надел мой рюкзак. «Спаси его Господи», – подумал я с умилением. Мы стали подниматься вверх, отец Августин впереди, я – за ним. Я расстегнул рубаху, провел рукой по груди. И не поверил своим глазам: рука была... в пене. «Боже мой. На загнанной лошади меньше пены бывает. Если бы гюрза простояла еще пару минут, я бы простился с жизнью».

Когда мы достигли пустыни, я рассказал отцу Августину о встрече со змеей. Он перекрестился и сказал:

– Слава Тебе, Господи!

Он оглядел меня, начиная со спутанных, слипшихся от пота волос и кончая потертыми кирзовыми сапогами, потрогал мое плечо, провел рукой по голове, словно удостоверюсь, что я – иеромонах Геронтий, а не кто-то другой и добавил:

– Ты вернулся с того света.

Затем взял мою руку в свою:

– Ты вел себя правильно. Если бы ты махнул рукой или попытался встать, то гюрза кинулась бы на тебя. И через секунду все было бы кончено.

Солнце скрылось за отрогами Кавказского хребта. В ущельях, среди скал, в долинах легли сумерки. Повеяло желанной прохладой. Небо стало ясным и бездонным. Лучи невидимого солнца освещали одинокое облако, похожее на горного орла, который, отдавшись на волю воздушным потокам, парил в свободном чудном полете...

АВТАНДИЛ

I

– Моды, моды, генацвале! Подходите, подходите, дорогие! Самые лучшие в мире арбузы! Слаще инжира, слаще кишмиша, слаще хурмы! Кто отведаст мой арбуз, молодеет на десять лет! Подходите, генацвале!

Арбузы шли нарасхват. Продавец – пожилой грузин в национальной войлочной шапочке, в легком расстегнутом пиджаке, с большим овальным носом и с пышными седыми усами – знал свое дело. Он успевал все: и отпустить товар, и зазывать покупателей, и пошутить, и под-

крутить свои усы так, что они становились еще краше. Справа от него стояла арба, в которой осталось несколько арбузов, а слева – корзина с арбузными корками, которые с аппетитом хрумкал ишак. Весы с побитыми блестящими тарелками удобно разместились на ящике из-под яблок.

– Генацвале! Зачем доктор? Купи арбуз – сразу здоровым будешь! Побольше кушай арбуз. Завтрак кушай, обед кушай, ужин кушай. Моя покойный дед сто десять лет жил, только арбуз кушал. Лезгинку танцевал до самой смерти. Чами, чами, генацвале! Пробуйте, не стесняйтесь.

– Почему арбузы? – поинтересовалась молодая загорелая девушка в чудесной широкополой апельсинового цвета панаме и бежевых шортах.

– Дешево. Дешевле винограда. А тебе могу и подарить.

– Почему?

– Ты мне очин понравилась, генацвале.

Автандил (так звали грузина) вручил красавице изумрудно-полосатый арбуз.

Около продавца остановился высокий сухой узбек в ярком расписном халате и узорчатой тюбетейке. Он взял в руки арбуз и стал тщательно изучать его.

– Спелый?

– Кацо, имеешь глаза? Посмотри.

Узбек тем не менее поступил по-своему: поднес арбуз к уху, щелкнул по нему пальцами, с напряженным, сосредоточенным лицом прислушался. Трудно сказать, услышал что-нибудь или нет, но брать арбуз не решился.

– Сомневаешься? – спросил грузин.

– М-м-м...

– У меня неспелая не бывает. У меня вся спелый.

– Да знаешь... Иногда такой попадетя...

– Какой?

– Ну... не очень...

– Не очень? – Брови продавца, словно птицы, вспорхнули вверх. – Смотри.

Он взял из рук узбека арбуз и взмахом ножа расколол его пополам.

– Ну, как, «не очень»? – торжествовал он, держа обе половинки в ладонях. – Огонь, а не арбуз! – Он выждал некоторое время, наслаждаясь произведенным эффектом, а потом бросил половинки в корзину, и ишак, словно только этого и дожидавшийся, начал с хрустом уминать их.

Автандил выбрал самый крупный из оставшихся арбузов.

– Держи. Это мой подарок. На память о Грузии.

Узбек, никак не ожидавший такого поворота событий, сначала опешил, а потом расцвел, как его халат, и, довольный, удалился.

II

– А мне – только за деньги, – сказал молодой, не старше тридцати лет, мускулистый мужчина с короткой стрижкой; он был в спортивной майке с рисунком на спине, изображавшем баскетболистов в высоком прыжке у щита, а в руках держал спортивную сумку, на которой был рисунок, изображавший бегунов на старте.

– Арбуз моя. Хочу – продаю, хочу – дарю. Тэбе, генацвале, тоже дарю.

– За что?

– Чем больше арбуз я дарю, тем становлюсь богаче.

– Как это?

– Когда я даю тэбе арбуз, то даю не тэбе, а Сам Бог. А Он воздаст мне за это сотни раз.

– Да ну, – не поверил спортсмен; от удивления он отступил на один шаг назад.

– Я поступаю так всю жизнь, и Бог меня ни разу нэ по-срамил.

– Ну, людям – понятно, а ишаку не жалко отдавать?

– Зачем жалко? Он тоже Божье создание.

– А его можешь подарить?

– Кому?

– Мне, например.

– Могу. Но в городе ее нечем кормить: сено нет, арбуз нет, дыня нет.

– Он будет его кроссовками кормить, – пошутил кто-то из покупателей.

– Крос... крыс...крысами, что ли? – изумился Автандил. – Нет, нет. Оборони Господь. Пусть лучше спелая арбуз кушает.

– Я пошутил, – сказал спортсмен. – Тебе он нужнее... Ты, наверно, в верующей семье родился?

– Да, отец и мать были верующими. Каждое воскресенье водили меня в церковь. Да воздаст им Господь в Царствии Небесном! – Продавец набожно перекрестился. – Отец пел на клиросе и меня приучил. Уже половину века пою. Петь в церкви – это... это, кацо, блаженство!

Я-ако-о ве-е-есть Господь путь праведных,

И путь нечестивых поги-и-ибнет, –

неожиданно запел грузин. У него был густой звучный бас, который легко перекрывал нестройный шум южного базара. –

Аллилу-у-уиа, аллилуиа, аллилу-у-уиа!

Акустика в нашем храме, скажу я тебе! Поем пять человек, а кажется – пятнадцать. Ангелы, наверно, вместе с нами поют..

Автандил вздохнул.

– Скоро, если Бог даст, буду петь в другом храме.

– В каком?

– В Небесном. – Он поднял глаза вверх, словно любясь тем, другим храмом, который видел только он один. – Там акустика самая лучшая. На всю Вселенную.

*Спаси-и-и, Го-о-осподи, люди Твоя
И благослови достоя-а-ание Твое,
Побе-е-еды на сопротивныя да-а-аруя
И Твое сохраняя Крестом Твоим жи-и-ительство.*

Он пел, все еще глядя на небо, весь погруженный в смысл молитвы, отрешенный от всего земного, пел так, как будто на этом большом, пронизанном различными звуками и запахами, базаре, кроме него, церковного певца, никого не существовало.

– Душа в церкви расцветает, как роза в лучах весеннего солнца. Потому что она, душа, общается с Богом и Его угодниками. Их очень много. Сегодня одному воздаем хвалу, завтра – другому, послезавтра третьему. Ну, а святую Нину мы воспеваем каждый день, ее имя носит наш храм... Слышал о святой равноапостольной Нине?

Спортсмен покачал головой.

– Она просветительница Грузии.

– То есть принесла вам письменность?

– Нет, гораздо больше – Свет Христов! Она явилась к нам в начале четвертого века. Мой бедный и несчастный народ поклонялся в то время идолам. Однажды царь Мириан со своею царицею и множество народа отправились в город Мцхету, чтобы поклониться бездушному идолу Армазу... Был хоть раз в Мцхете?

– Да, в прошлом году.

– Напротив города, за рекой, на высокой вершине стоит храм...

– Да, да, помню...

– Ну вот... На эту гору и пришла святая Нина вместе с толпами народа. Здесь она увидела идола Армаза. Это было истинное чудовище. Он был выкован из меди и по-

ходил на гигантского человека. На нем был золотой панцирь, а на голове — золотой шлем. Один его глаз был сделан из яхонта, а другой — из изумруда, они ярко блестели на солнце.

Царь и народ в благоговейном трепете взирали на этого идола. Жрецы заканчивали последние приготовления к принесению ритуальных жертв... И вот обильным потоком потекла кровь буйволов, баранов и коз. Громко затрубили трубы, загудели тимпаны, дым благовонных курений столбами потянулся к небу, а царь и народ пали ниц на землю.

Сердце святой Нины было глубоко уязвлено этой безумной сценой. Подняв глаза к небу, она стала молиться такими словами:

— Всесильный Боже! Возри с милостью на этот народ, который Ты создал Своей всемогущей десницей, и помоги ему познать Тебя, Единого Истинного Бога. Сокруши этого истукана и сделай так, чтобы память о нем навсегда изгладилась из душ заблудившихся людей.

Не успела святая закончить молитву, как в небе, с западной стороны, появилась тяжелая, громадная, иссиня-черная туча; она стремительно двигалась к горе. В одну секунду небо помрачнело. Царь и народ, заметив опасность, обратились в бегство. Нина укрылась в расщелине скалы.

Страшный удар грома потряс воздух, засверкали ослепительные молнии. В мгновение ока идол распался на мельчайшие осколки, а капище обрушилось и превратилось в прах. Мощные дождевые потоки тут же смыли их в пропасть, а река унесла вниз по течению.

Через минуту в небе снова сияло солнце, и ничто не напоминало о прошедшей грозе.

Это произошло в праздник Преображения Господня.

III

— А откуда святая Нина пришла к вам?

— Из Иерусалима. Ее послала Пресвятая Дева Мария. Однажды Она явилась святой Нине во сне и сказала: «Иди в страну Иверийскую — Мой удел — и благовествуй там Евангелие». «Но как я, такая слабая, смогу выполнить столь великое дело?» — спросила Нина. В ответ Божия Мать вручила ей крест, сплетенный из виноградных лоз, и сказала: «Этот крест поможет тебе во всем!» Проснувшись и обнаружив в своих руках крест, святая Нина облобызала его со слезами радости и восторга. Она связала его своими волосами и не расставалась с ним всю жизнь.

Сейчас этот крест хранится в Тифлисском соборе, в особом кивоте, слева от Царских врат. Это величайшая святыня Иверии. Когда я приезжаю в Тифлис, я прежде всего иду в собор, чтобы приложиться ко кресту и помолиться о своей бессмертной душе.

— А мощи святой Нины сохранились?

— Конечно. Они покоятся в селе Бодбе, под спудом храма. Там часто совершаются чудеса.

— И в наши дни?

— Да. А какая разница? Святая Нина и вчера, и сегодня — одна и та же. В наши дни еще больше происходит чудес, чем раньше. Самое последнее случилось этим летом, на Троицу. Хочешь, расскажу?

Собеседник кивнул.

— В нашем селе живет один юноша, его зовут Давид. Он родился слепым. Скоро ему будет восемнадцать. Как-то он отдыхал в саду под инжировым деревом и вдруг услышал чей-то голос: «Иди в село Бодбе. Там находится моя гробница. Приложись к ней — и прозреешь». Давид рассказал об этом родителям. «Папа, вези меня в Бодбе, —

попросил он. — Только не медли». «Хорошо, сынок, — ответил отец. — Завтра утром выезжаем».

Едва юноша приложился к гробнице святой Нины, как увидел Божий свет.

Я много раз бывал в Бодбе. Благодатное место. — Автандил на секунду закрыл глаза. — Приедешь, а уезжать не хочется. Так бы и жил там все лето... Пребывание в святых местах, кацо, сильно укрепляет веру...

*Собезна-а-ачальное Слово Отцу и Ду-у-ухови, —
снова запел он, —*

От Девы рождашееся на спасение на-а-а-аше,

Воспои-и-им, вернии, и поклони-и-и-имся,

Я-ако благоволи плотию взы-ы-ыти на Крест

И смерть претерпе-е-ети,

И воскреси-и-ити умершия

Славным Воскресе-е-е-ением Своим.

Уф, жарко! — Грузин снял войлочную шапочку и положил ее на тарелку весов. — Но хорошо!

— Семья у тебя большая?

— Мне Господь дал семь детей: четырех сыновей и трех дочерей. Старший сын — Вахтанг — настоятель нашего храма. Другой сын — Тенгиз — служит диаконом. Третий — Шота — чтец и алтарник. Четвертый — Амиран — поет со мной на клиросе; у него очень приятный тенор.

— А дочери?

— Дочери — Лия, Манана и Сулико — тоже на клиросе. Поют. А Лия еще и регентует.

— То есть солирует?

— Нет, у нас никто не солирует: храм — не театр. Лия закончила музыкальное училище и руководит хором... Кто еще остался? Русудан, моя жена, продает свечи, книги, иконы...

— Одним словом, храм держится на твоей семье?

– Нет, ты не прав; он держится на Христе. Мы лишь послушные инструменты в Его руках.

IV

Спортсмену нравился разговор, и поэтому он не торопился уходить.

– Скажи, отец, – сказал он, поставив сумку на землю. – Вот человек служит Богу – это понятно. А если он не служит Ему, то...

– Молодец, умеешь мыслить, – сказал Автандил. – Видишь ли, кацо, на свете существует только две силы: сила Бога и сила сатаны. И если человек не служит Богу, то – хочет того или не хочет – служит сатане. Кто не со Мною, тот против Меня, сказал Господь. И кто не собирает со Мною, тот расточает.

– Значит, бóльшая часть людей в лапах сатаны...

– Выходит, так.

– А могут они вырваться из этих лап?

– Конечно.

– А как?

– Только с помощью Христа.

– То есть надо обратиться к Нему?

– Да, кацо.

– А трудно это сделать?

– Непросто... Каждого человека Господь ведет к Себе особым единственным путем.

– А если человек не захочет к Нему пойти?

– Это его воля... Господь принуждать не будет...

– А как по-твоему, кому служил Шеварднадзе. Чей он слуга?

– Попробуем разобраться. Господь говорит: «По плодам их узнаете их». Какие плоды у этого правителя? Гни-

лые. Что бы он ни сделал, все во вред нам... Развязал войну с Абхазией. А для чего?.. В Евангелии есть такой эпизод. Дьявол, искушая Господа, показал Ему все царства мира, все их сокровища и сказал: «Все это дам Тебе, если поклонись мне». А Господь ответил: «Отойди от меня, сатана, ибо сказано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи». И тот с позором отошел от Него.

Если дьявол искушал Господа, то, значит, может искушать и всех нас. В свое время он подкатился к Шеварднадзе. Тот клюнул на дешевые соблазны и поклонился дьяволу. Другими словами, он продал искусителю свою душу и стал ему служить, как верная собака... Но никакие шеварднадзе Грузии не страшны, потому что это удел Божией Матери. Как пена во время прибоя держится на камнях всего одну секунду, а потом исчезает, так исчезнут и эти горе-правители...

— А что будет с ним, Шеварднадзе, после смерти?

— Что заслужил, то и получит.

— Ну, а все же?

— Не будем, кацо, забегать вперед. Настанет время — все узнаем... Ого, солнце-то уже эвон где, пора и домой. — Автандил надел войлочную шапочку на голову. — Как раз успею к вечернему богослужению. Держи, друг, арбуз. Ты заслужил его хорошими вопросами.

— Отец, а можно еще один вопросик? — сказал спортсмен.

— Если последний, то можно.

— Ты каждый день служишь в храме?

— Да, каждый день, утром и вечером.

— А зачем так часто?

— Надо, кацо, надо. В особое время мы живем. Я считаю так: если не буду служить каждый день, Грузия погибнет.

Автандил раздал людям оставшиеся арбузы, запряг ишака, поставил в арбу весы, пустую корзину и ящик из-под яблок, сел в нее сам, взял в руки вожжи.

— Ну, давай, серый, трогай.

*Милосердия двери отверзи нам,
Благословенная Богоро-о-оди-и-ице-е-е-э,
Надеющиеся на Тя да не поги-и-и-ибнем,
Но да избавимся Тобюю от бед.*

Ты бо еси спасение

Ро-о-о-ода христианска-а-аг-о-о-о.

Арба медленно ехала между россыпей золотистых пахучих дынь, желто-оранжевых, с затейливым рисунком тыкв, между корзин с матовыми кистями винограда, пурпурной хурмой, сизо-бурым инжиром, зеленоватой фасолью. А над неутихающим гомоном полуденного базара плыл сочный, богатый теплыми обертонами, звучный голос Автандила. Слыша этот голос, люди останавливались, искали глазами певца, забывали о деньгах и фруктах, переставали торговаться и лузгать семечки, светлели взглядом и, вырванные на минуту из этого зыбкого, суетного мира, становились сами собою.

ЮРА КУРОЧКИН И ДРУГИЕ

Сознаюсь откровенно: москвичи мне надоели. Скажу больше: с некоторого времени они меня раздражают. Уж больно их много. Шагу не ступишь без того, чтобы кто-нибудь тебя не задел, не нагрубил или не наступил на ногу — на улице, в метро или автобусе. Меня начали мучить кошмары. Я боялся выйти из дому. Чтобы избавиться от москвичей, я решил взять отпуск и уехать в тот край, где их нет.

Я разложил на полу карту и стал думать, куда бы мне податься. На Черном море нечего и делать, там одни москвичи. Надо куда-нибудь подальше, например, в Сибирь.

Я выбрал глухое место в сибирской тайге — верховье Подкаменной Тунгуски — и предвкушал райский отдых. Настроение у меня было такое, какого не было давным-давно.

Охотоведы доставили меня в выбранное место. Первый, кого я увидел, сойдя на землю с вездехода, был москвич: он стоял и улыбался, будто давно поджидал меня. Из сапога у него торчал геологический молоток.

Посетовав на свою опрометчивость, я отправился дальше, на Таймыр. Уж там-то, в бескрайней тундре, среди диких оленей и надоедливых комаров, москвичу делать абсолютно нечего. И что же? Именно москвич, изучающий оленьи болезни и собирающий материал для докторской диссертации, встретил меня на первом кочевом стойбище.

Так дело не пойдет, решил я. Если и дальше буду поступать так же опрометчиво, то мне и отпуска не хватит. Надо придумать что-нибудь поумнее. Двину на Памир. Заберусь как можно выше и буду спокойненько созерцать природу.

Душанбинские вертолетчики, выполняя очередной спецрейс, взяли меня с собой. Мы сели на ледник Фортамбек, расположенный на высоте четыре тысячи двести метров над уровнем моря. Белые вершины горных пиков терялись в облаках. Ничего, померзну, зато нормально отдохну, успокоил я себя и спрыгнул на землю. Меня встретил всего один человек, и это был москвич. У него была благодушная физиономия с облупленным носом. Преподаватель МГУ, большой любитель альпинизма, он поджи-

дал группу своих коллег, которые спускались с ближайшей вершины. Я поздоровался с ним, затем попросился, прыгнул обратно в вертолет и улетел.

Куда бы еще податься? Может, на самый дальний остров Курильской гряды? С легким сердцем ступил я на этот остров и... лицом к лицу встретился с москвичом. Вернее, с москвичкой. Она была в потертых джинсах и с подведенными глазами. Она заведовала метеостанцией. Я и виду не подал, что огорчен (дама все же), и, не теряя времени, раскланялся.

Возможности катастрофически сужались. Оставался только Северный полюс. Впрочем, я уже не верил в успех. И правильно делал. Когда я прибыл сюда, то увидел москвича в противосолнечных очках и дубленом полушубке; он изучал трещину во льду.

Последняя отчаянная попытка: отправляюсь в Полинезию. Там существует никому неизвестное племя ндо-го-ндого, которое ни разу не вступало в контакт с чужестранцами. Я несколько дней мотался по Полинезии, отыскивая это племя, и все-таки нашел его. Туземцы встретили меня дружелюбно. Я попросил их сдать мне угол в какой-нибудь хижине за умеренную плату, всего на недельку. Они не знали, что такое сдать угол в хижине за умеренную плату, и вызвали кого-то для консультации. Из шалаша вышел молодой загорелый парень в шортах.

— Юра Курочкин, — представился он, пожимая мою руку. — Этнограф. Из Москвы.

Я упал в обморок. А придя в себя, вернулся домой.

Теперь, когда мне не хочется видеть москвичей, я иду в универмаг «Детский мир» (можно в ГУМ или ЦУМ), там нет ни одного москвича, одни приезжие (продавцов я в расчет не беру). Потолкают, так хоть иногородние, не обидно.

РУССКОЕ ПОЛЕ

(осенний этюд)

Однажды, убежав от шумной и суетливой Москвы, я приехал в полюбившееся мне село, стоящее на берегу извилистой реки. Была тихая, теплая, поздняя осень. На деревьях осталось совсем немного листьев, но и они, под порывом ветра, срывались с веток и, колыхаясь в воздухе, медленно падали на землю, покрытую золотым ковром.

Небо было серое, тусклое, и лишь иногда солнечные лучи, порвав плотную мутную завесу, на минуту-другую освещали густую рощу на склоне горы, крутобокие купола на храме и сияющие золотом кресты на их маковках, овальный пруд, наполовину покрытый ярко-зеленой тиной, темно-желтый ковыль вдоль песчаной тропинки.

Камыши у другого пруда, под горой, таинственно переговаривались между собой; вороны, громко и неприятно каркая, перелетали с одного дерева на другое, как будто желая показать, что все эти деревья принадлежат им, а другим птицам тут делать нечего.

Я частенько гулял в этих местах, по-над рекой; мне нравилось тишина, царившая здесь, уединенность, людей я почти не встречал, так как осенняя погода не располагала ни к пикникам, ни к катаниям на лодке по реке.

Однажды я все же встретил двоих горожан, мужчину и женщину, которые в выходной день решили часок-другой побыть на природе. Мужчина был высокий, без головного убора, лет сорока пяти, с серьезным, не улыбающимся лицом. Женщина, видимо, его жена, была помоложе, невысокая, быстрая в движениях, с большими выразительными глазами.

Супруги шли не спеша, негромко переговаривались, делясь впечатлениями, поздоровались со мной; женщи-

на на секунду остановилась, подняла с земли несколько красивых кленовых листьев, полюбовалась их узором и, сложив в стопку, пошла дальше, помахивая ими при каждом шаге.

Невдалеке простиралось широкое вольное поле; к нему вела протоптанная среди высокой травы тропинка.

— Пройдемся, — обратилась женщина к мужу.

— Я отдохну на лавочке, а ты прогуляйся, — ответил мужчина.

Женщина споро зашагала по тропинке. Она уходила все дальше и дальше, там тропинки уже не было, а только потускневшая трава. Женщина была в красной куртке, поэтому я хорошо ее видел, несмотря на то, что она была уже далеко.

Но вот она остановилась, кажется, уже посреди поля; постояв некоторое время, она повернулась лицом в противоположную сторону; опять постояла, оглядывая поле, его необъятную ширь и красоту; снова повернулась — и так на все четыре стороны.

Ей, городской женщине, был нужен этот простор, его воздух, свет, звуки, запахи, его звонкие дали, — она ожила в этом просторе, впитывая его своими глазами, легкими, чувствами, всеми своими порами, ожившей душой. Там, в городе, среди высоких бетонных коробок, среди автомобильных лавин, среди шума, гама, криков, среди многолюдья на улице, в метро, в автобусах и троллейбусах, среди постоянной суеты, спешки, неприятных искушений, — там, в городе, она находилась как бы вне жизни, в нереальной, фантастической действительности; там она устала психологически, каждый день испытывая пресс большого города, а тут... тут она, наконец, почувствовала себя человеком, частичкой простой русской природы, частичкой Божьего мироздания, где так хорошо дышится и так хорошо чувствуется.

Она как бы вырвалась из плена, в котором находилась слишком долго, и поэтому не спешила расстаться с полем, с его простором и с его тишиной. Шум ветра, говор недалекого леса, крик поздних, еще не улетевших в теплые края птиц — все это лишь подчеркивало сельскую тишину, ее невыразимую прелесть, — и все это, вместе взятое, незаметно, но властно обновляло ее уставшую душу и ее сердце...

ДАЧА СТАЛИНА

I

Я много раз бывал на Новом Афоне, но о даче Сталина услышал только в нынешний приезд. Случилось это так. Поднимаясь по выложенной булыжниками дорожке к монастырю, я остановился около сколоченного из гладких досок прилавка, на котором стояло несколько бутылок. Вывеска над прилавком гласила «Оригинальный абхазский коньяк». Я знал, что никакой это не коньяк, а самый заурядный самогон, которому продавец придал весьма отдаленный запах благородного напитка.

— Божественный дар Кавказа! — расхваливал свой товар продавец, приземистый, с солидным брюшком абхаз с бордовым мясистым носом. — Божественный! Выдержка — семь с половиной лет!

Он, конечно, заливал: напиток был изготовлен не семь с половиной лет назад, а самое большее, семь с половиной часов. Покупатели — мужчина лет пятидесяти в рубашке с короткими рукавами, высокий, кряжистый, сильный, похожий на сибирский кедр, и его супруга, стройная блондинка в роскошной панаме бирюзового цвета — вос-

принимали разглагольствования продавца как местный фольклор. А я, собиратель разных историй, тем более.

— А крепость какая? — спросил «кедр».

— Не меньше шестидесяти, — с гордостью заявил абхаз. — Попробуйте.

Он налил две металлические рюмочки и подал покупателям.

— Назвался груздем — полезай в кузов, — сказал «кедр», опрокинув в рот содержимое рюмочки.

Человек бывалый, он сразу понял, что коньяком тут и не пахнет.

— До шестидесяти явно не дотягивает, — сделал он заключение, поставив рюмочку на прилавок.

Блондинка последовала его примеру, едва дотронувшись губами до содержимого рюмочки.

— Сразу видно, что вы разбираетесь в крепких напитках, — похвалил мужчину абхаз. — Вы, наверно, северянин?

— Из Тюмени. Нефть добываем, — отозвался «кедр».

— Хорошим делом занимаетесь. — Абхаз между тем положил в полиэтиленовый пакет с видом озера Рица объёмистую бутылку. — Сибирь — страна холодная, но с абхазским коньяком вы не замёрзнете. — И с этими словами вручил пакет «кедру».

— А что тут можно посмотреть? — спросил тот, расплатившись с продавцом и щедро накинув ему «на чай».

— В монастыре уже были?

— Да, вчера знакомились.

— А теперь сходите на дачу Сталина, — посоветовал абхаз.

— Неужели здесь есть такая достопримечательность?

— Да. Но о ней мало кто знает.

— Я большой поклонник Сталина, — доверительно сказал нефтяник, — и уж такой возможности не упущу.

— И правильно сделаете. — Абхаз был в прекрасном расположении духа. — Дача находится рядом с монастырем, двести метров направо, сразу за пансионатом.

Услышав информацию о сталинской даче, я обрадовался не меньше сибирского богатыря.

— Если вы не будете возражать, давайте совершим экскурсию вместе, — обратился я к нефтянику и его супруге.

— Предложение принято, — не раздумывая, согласился сибиряк.

И мы немедленно отправились по указанному адресу.

Ворота на территорию дачи были открыты. Рядом стояла будка охранников, но в ней никого не было. Мы беспрепятственно вошли на заповедную территорию. Асфальтированная дорога убежала вперед, делая плавный изгиб. Справа от дороги, на пологом склоне, раскинулся обширный мандариновый сад; за ним открывался великолепный вид на море. Слева склон был гораздо круче, здесь росли мандариновые, инжировые и апельсиновые деревья.

За поворотом дорога пошла на возвышение. У обочины, на железном треножнике, мы увидели старую, покосившуюся от времени табличку. Она гласила: «Стоять! Стреляют!» Буквы были ровные, четкие, яркие, как будто их написали только вчера.

— Ой! — воскликнула супруга нефтяника. — Боюсь. Вдруг начнут и вправду стрелять.

— Не верь написанному, Надюша, — успокоил ее супруг. — Эта страшилка пережила самое себя.

— Сережа, а вдруг? — блондинка округлила глаза.

— «Вдруг» уже не вдруг, — заверил ее Сергей.

Асфальтированная лента сделала крутой поворот влево (все время на подъеме), и перед нами открылась дача Сталина. Это был большой, добротный, двухэтажный дом с галереей на втором этаже, обращенной в сторону моря.

Около дома была довольно большая площадка для транспорта. Её окружали высокие неприглядные эвкалипты. Деревья были обнажены: часть бледно-зеленой коры упала на землю, а часть — повисла на ветвях и была похожа на лохмотья нищего, повешенные для просушки. Кое-где на белых алебастровых стволах виднелись коричневые подтёки. Среди эвкалиптов росли низкая, но пышная пальма и два кипариса, один старый и тёмный, а второй молодой и зелёный.

Солнце стояло в зените; было очень тихо.

Сергей обвёл глазами галерею, крыльцо с входной дверью, высокие светлые окна.

— Не дом, а царский дворец, — сказал он. — В нём бы жить да жить.

— И не только летом, но и зимой, — добавила Надежда.

В верхней части площадки находилось большое инжировое дерево; оно было наполовину ограждено двумя рядами тёсаных камней; видимо, когда-то, в давние времена, тут была полуклумба с цветами. На ближнем полукруге сидели два молодых парня-абхаза: один рыжеватый, с бесцветными глазами, с мелкими яркими веснушками; другой тощий, высокий, с острым кадыком и тонким хрящеватым носом,

— Можно познакомиться с дачей? — спросил я у них.

— Нэт экскурсовода, — лениво ответил рыжеватый.

— А когда будет?

— Через час-полтора.

— Я подожду. А вы? — обратился я к своим спутникам.

— Мы тоже, — с готовностью согласился Сергей. — Час-полтора — это не время.

Парни-абхазы (это были сторожа) встали и удалились в сторону другого дома, который виднелся невдалеке среди деревьев.

— Они охраняют не дачу, а самих себя, — кивнул в их сторону Сергей. — Мол, мы пойдем отдыхать, а вы как хотите.

— Нам это только и нужно, — сказал я. — Для начала давайте осмотрим дачу снаружи.

Дом внушал уважение — своим изящным архитектурным замыслом и тщательностью отделки любой детали. Иначе и быть не могло: ведь в нем жил не простой человек, а глава могучего государства, который, подобно царю Иоанну Грозному, наводил ужас на всех врагов — как внутренних, так и внешних; личность, производившая сильное впечатление на любого человека, который с ним встречался, будь то соотечественник или иностранец, простой смертный или особа королевской крови, дипломат или архиерей.

В той части дома, которая была обращена в сторону двора, мы ничего интересного не обнаружили, так как почти все окна была зашторены.

— Пошли дальше, — скомандовал Сергей. — Открытия будут впереди.

Он оказался прав. Большую часть первого этажа, окна которого смотрели в сторону моря, занимала бильярдная: большой стол с зеленым сукном, два кия у стены, белые шары на двух полочках. В верхней части всех сеточек, венчающих лузы, виднелись дыры.

— После смерти Сталина бильярд не бездействовал, — сделал вывод Сергей.

— За полтора часа и мы могли бы партийку-другую сгонять, — размышлял я. — Что стоило сторожам дать нам ключ от этого заведения.

— Ничего, перебежмся, — сказал Сергей. — Тут еще масса интересных вещей.

В правой части зала был экран, а в левой, на стене, несколько отверстий для киноаппаратов; на небольшом

возвышении, у стены, стояло несколько удобных кресел.

— Сталин чепуху не смотрел, — сказал я, — у него был прекрасный вкус, он отбирал только лучшие ленты, которые создавались на киностудиях мира.

— Причём ленты без непристойностей, — подтвердил Сергей. — Пошли дальше.

Следующее помещение занимала киноаппаратная: на полу валялись куски киноплёнок, на столе, как и шестьдесят с лишним лет назад, виднелись приспособления для перемотки плёнок — они словно ожидали, что опытный киномеханик вот-вот подойдет к ним, вставит ленту и начнет быстро крутить ручку. Рядом с киноаппаратной находилась комната для отдыха киномехаников: диван, несколько стульев, низкий столик с графином и стаканами.

В торце дома была лестница на второй этаж, но, к сожалению, путь к ней преграждала ажурная пристройка.

— Интересно, пустит экскурсовод нас на галерею или нет? — задала вопрос Надежда и сама же на него ответила: — Она наверняка скажет: «По ней прогуливался Сталин, а больше никто по ней не ступал и ступать не будет»...

— ...кроме неё самой и директора музея, — закончил Сергей.

— А полюбоваться панорамой можно и отсюда, — заключил я.

Панорама, открывавшаяся перед нами, была поистине изумительной. Зелёный склон, засаженный фруктовыми деревьями и виноградником, плавно убегал вниз, а за ним простиралась необъятная, манящая, волшебная гладь моря. Она искрилась мириадами ослепительных искр. В нескольких милях от берега плавно скользил белоснежный океанский лайнер с двумя трубами, наклонёнными в

сторону кормы. Глядя на него, невольно думалось о далеких и жарких странах.

Неровная береговая линия убежала в сторону Сухуми; неожиданно она круто повернула в сторону открытого моря, как бы на перехват океанского лайнера; увидев тщету своих усилий, она так же круто повернула влево и продолжила свой путь на юг.

Отроги Кавказского хребта, словно лихие скакуны, соревновались между собою в силе, отваге и удали, стремясь как можно быстрее достичь сочных прибрежных пастбищ.

— Прошло уже не полтора, а целых два часа, — заметил Сергей, посмотрев на часы, — а экскурсовода как не было, так и нет. Что будем делать?

— Заглянем к сторожам, — предложил я.

Дом, в котором укрылись сторожа, утопал в зелени; он пострадал от времени довольно сильно, чего нельзя было сказать о даче. Мы вошли внутрь и увидели в небольшой комнате наших знакомых. Они полулежали на диване. У меня сложилось впечатление, что им не только сидеть, но и лежать было лень.

— Будет ли сегодня экскурсовод? — спросил я.

— Этого мы не знаем, — ответил тощий, не меняя позы.

— А кто знает?

— Никто, — добавил рыжеватый, также не меняя позы и не двинув ни одним членом.

— Можно осмотреть этот дом? — поинтересовался я.

— Нэт.

— Они не знают и не хотят знать ничего, — произнесла Надежда, когда мы покинули негостеприимный дом. — Если бы мы спросили, как их зовут, то они, наверно, и на этот вопрос затруднились бы ответить.

— Им даже языком лень шевельнуть.

— А почему они сказали, что экскурсовод будет через полтора часа?

- Они сказали первое, что пришло на ум.
- Беда с ними.
- Я приду на дачу и завтра, – сказал я. – А вы как?
- Мы тоже, – заверил меня Сергей. – Мне очень хочется посмотреть, как отдыхал наш вождь.

II

Следующий день был воскресным. После полудня я отправился на дачу. Сергей и Надежда поджидали меня около мандаринового сада.

– Продолжим знакомство с вождём? – Сергей пожал мою руку. – То есть, я хотел сказать, с его дачей?

– Скорее, с его привычками и наклонностями, – уточнил я.

Сторожей, как и вчера, было двое, но совсем другие: на том же месте, под деревом, сидели пожилые аксакалы. Один из них был в национальной шапочке и с длинными прокуренными усами; другой – без национальной шапочки и без усов, но зато с самодельной, самшитовой, с затейливыми узорами тростью.

Я обратился к первому, посчитав его старшим, но не по летам, а по какой-то внутренней основательности.

– Можно увидеть экскурсовода?

Аксакал не спеша провел рукой сначала по одному усу, затем по другому, поправил национальную шапочку, посмотрел на меня, на моих спутников и только после этого произнес:

– Её нет. У неё суббота и воскресенье выходные дни.

Информация, которой обладали сегодняшние сторожа, ставила их сразу на несколько ступенек выше вчерашних.

Аксакал снова погладил усы, которые, без сомнения, составляли предмет его мужской гордости.

– Приходите завтра, – предложил он, – она обязательно будет.

– А директор?

– Тоже.

– Он мужчина или женщина?

– Мужчина. Очень толстый. – Аксакал показал руками его толщину; видимо, она показалась ему недостаточной, и он еще более развёл руки. – Очень настоящий мужчина. Но он бывает только... – аксакал посмотрел на небо – когда солнце подойдет к этому эвкалипту. А когда солнце осветит гранаты... вот на этом дереве... и гранаты станут... ну, как будто их подожгли... тогда он уезжает домой. У него очень красивая жена. С глазами, как у газели.

– Приходите, дорогие, – включился в разговор сторож с тростью. – Сталин вас будет ждать.

«Этих сторожей по сравнению со вчерашними можно назвать настоящими энциклопедистами», – подумал я.

На обратном пути мы обнаружили два теннистных корта; они спрятались за проволочным сетчатым ограждением, заросшим густым вьюном. К ним вели каменные ступеньки. Карты заросли травой так, что можно было пасти не только коз, но и коров.

– В бильярд играют, а в теннис – нет, – сказала Надежда, прохаживаясь по корту. – Серёжа, как ты думаешь, почему?

– Здесь надо двигаться, а там какое движение? Лёг пузом на борт стола и лупи по шарам, – внёс ясность Сергей.

Мы договорились встретиться завтра и расстались.

III

– Ну, на третий-то раз нам, может, и повезёт, – сказал я, когда мы подходили к сталинской даче.

– Если директор соизволит расстаться со своей женой-красавицей и если экскурсовод не уедет навестить свою любимую тётю, – добавил Сергей.

– И если сегодня они не сделают санитарный день, – рассмеялась Надежда.

На площадке перед домом стояли три машины: «ГАЗ»ик, «Жигули» и «Тойота».

– Жизнь бьет ключом! – потер руки Сергей. – На «Тойоте», наверно, приехал директор, на «Жигулях» – экскурсовод, а на «ГАЗ»ике – завхоз.

Мы вошли в дом и оказались в приёмной; это была большая комната с высокой вешалкой желтоватого цвета на растопыренных ножках, удобным диваном, низеньким чайным столиком и несколькими стульями вокруг него; на стене висела картина Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею»; за письменным столом сидела пожилая женщина в тёмном платье, рядом, на диване, женщина средних лет в свитере, плотно облегающем её фигуру, и в брюках, а на стуле молоденькая девушка в платье цвета спелого абрикоса.

– Можно видеть директора? – обратился я к женщине за столом.

– Проходите, Даур Бесланович Агрба у себя в кабинете, – низким грудным голосом ответила женщина.

Навстречу нам не без труда поднялся из-за стола толстый грузный абхаз в расстегнутом пиджаке и в яркой цветной рубашке. Он по очереди пожал мне и Сергею руки, а руку Надежды заключил в свои большие тёплые ладони и сделал ей небольшой поклон.

– Чем могу быть полезен, дорогие гости? – осведомился он.

Я сказал, что мы большие почитатели Иосифа Виссарионовича и хотим познакомиться с его дачей.

— Очень хорошее намерение, — похвалил нас Даур Бесланович. — Гунда! — позвал он звучным голосом.

В кабинет вошла женщина средних лет с приятным загорелым лицом.

— Проведи экскурсию для наших гостей, — распорядился директор. — Расскажи о Сталине так, чтобы они полюбили его еще больше.

Женщина кивнула и жестом пригласила нас следовать за нею. Мы вошли в просторную комнату с несколькими большими светлыми окнами; посреди неё находился длинный стол, с обеих сторон которого стояли красивые стулья с мягкими спинками и сиденьями.

— Это банкетный зал, — пояснила Гунда. — Он отделан дорогими сортами дерева: ясенем, грабом, карельской берёзой. Вся мебель — стол, стулья, зеркала — трофейные, вывезены из Германии.

— Красота-то какая! — воскликнула Надежда, поворачиваясь то направо, то налево и рассматривая удивительный зал. — А какие чудные зеркала! — Она подошла поближе к одному из них, вделанному в стенку, любуясь не столько зеркалом, сколько своим отражением в нем; легкими, порхающими движениями обеих рук поправила причёску: было выше её сил — посмотреть в такое изумительное зеркало и не поправить причёску, хотя последняя в этом совершенно не нуждалась. Затем она перешла к другому зеркалу и, не удержавшись, полюбовалась собою и в третьем.

— Будь твоя воля, дорогая, ты бы пробыла в этом зале до вечера, — пошутил Сергей.

— Будь моя воля, я бы осталась здесь до конца жизни, — в тон ему отозвалась Надежда, с большой неохотой отходя от зеркал.

Я провел рукой по столу — мне показалось, что я дотронулся до атласной шерсти соболя или лисицы.

— В этом зале Сталин обедал, — продолжала Гунда. — Он никогда не обедал один, за стол садились пять-шесть человек: его гости или приближённые. Еду приносили из кухни, которая находилась в соседнем доме. — Гунда секунду подумала, а потом сказала: — Если бы Сталин был сейчас здесь, он пригласил бы вас разделить с ним трапезу, — улыбаясь, произнесла она. — Думаю, вы бы не отказались.

— В таких случаях не принято отказываться, — подтвердил Сергей.

— Вы бы расположились на этой стороне, — Гунда указала рукой на правую сторону стола, — а остальные гости — на той.

— А сам Сталин?

— Во главе стола, у окна.

— Обед долго продолжался?

— В зависимости от того, кто сидел за столом и на какие темы шёл разговор. Вас он наверняка расспросил бы о том, где вы родились, чем занимаетесь, в каких условиях живёте — он не упускал случая узнать разные подробности о людях.

— Ответы он получил бы исчерпывающие.

— Предположим, что трапеза уже закончилась, и Сталин пригласил вас и остальных гостей в комнату отдыха, которая находится рядом и куда мы с вами сейчас пройдем. Вы можете убедиться, что эта комната по своей красоте и великолепному убранству ничуть не уступает банкетному залу. Сталин пригласил бы вас занять вот эти уютные кресла. Вы бы, конечно...

— ...поблагодарили его за любезность, — подхватил Сергей.

— Тогда милости прошу — рассаживайтесь. Приглашая вас немного отдохнуть, я как бы выполняю волю бывшего хозяина этого дома.

Действительно, все в этой комнате — и удобные мягкие кресла, и небольшие, на двух-трёх человек, диваны, и их светлая, радующая глаз, расцветка, и чайный столик посреди комнаты с керамическим кувшином и хрустальными фужерами, и картины русских художников на стенах, и роскошные потоки света, льющиеся сквозь высокие окна, — всё в этой комнате располагало к хорошему спокойному отдыху.

— До недавнего времени личность Сталина представлялась мне резко отрицательной, — сказал я, обращаясь не только к Гунде, но и к моим постоянным спутникам. — Это и понятно. Я черпал информацию из ложных источников. Во-первых, Хрущев: он вылил на Сталина столько лжи, что ее с лихвой хватило бы на добрый десяток государственных деятелей; во-вторых, Солженицын: этот человек жутко ненавидел вождя и клеветал на него везде и всюду, и в первую очередь в своём отвратительном «ГУЛАГе»; я уже не говорю о лжецах меньшего калибра.

Правду о Сталине я узнал недавно — из фильмов и книг православных авторов. Передо мной предстал истинный патриот России, для которого благо и процветание Отчизны было превыше всего. Он — спаситель России. Он спасал ее несколько раз. После смерти Ленина, в 1924 году, на пост главы государства претендовали два человека — Сталин и Троцкий. Сталин виртуозно переиграл своего соперника.

Троцкий в то время отдыхал и лечился в одном из южных курортов. Когда он вернулся в Москву, то... Пленум, на котором выбрали нового генсека, уже состоялся. Почему же он опоздал? Да потому что в телеграмме, посланной ему, стояла не та дата.

Этот масон и сатанист хотел превратить нашу страну в большой концентрационный лагерь. Если бы он пришёл

к власти, то уничтожил бы русский народ, и Россия как государство прекратила бы своё существование.

— Об этом надо знать каждому русскому человеку, — сказала Надежда.

— Да и не только русскому, — добавила Гунда.

— Кроме того, Сталин выиграл Великую Отечественную войну, — продолжал я. — Расскажу вам одну историю, о которой мало кто знает. В октябре 1941 года над Москвой нависла страшная угроза: в любой момент немецкие танки могли прорвать фронт и появиться на улицах столицы. Даже Жуков, уж на что решительный и железный человек, и тот не исключал такой возможности. Пятнадцатого октября Сталин лично написал Постановление об эвакуации из Москвы всех и вся. Это был, по сути, документ о сдаче Первопрестольной. Правительство и все посольства срочно покинули столицу. Закрылось метро. Основной состав Генерального штаба во главе с маршалом Шапошниковым убыл в Арзамас.

Однако на другой день ситуация круто изменилась. Написанный накануне приказ Сталин отменил. «Немедленно наладить работу трамваев и метро, — приказал он столичным начальникам, — открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения; обратиться по радио к москвичам и призвать их к спокойствию и стойкости. Врагу в Москве не бывать! Мы победим!»

Почему в поведении вождя произошел такой поворот? Что на него повлияло? Откуда появилась уверенность в неминуемой победе? Все эти вопросы ставят историков, да и не только их, в тупик. Для них тут — неразрешимая загадка. А загадки никакой нет.

— Неужели? — воскликнул Сергей.

— Сейчас я поясню, в чем дело. Иосиф Виссарионович вырос в православной семье; его мать — Екатерина Георгиевна — была глубоко верующим человеком, она воспи-

тала своего сына в истинной вере и очень хотела, чтобы он стал священником; юный Иосиф поступил в духовное училище, и не его вина, что ему не удалось его закончить.

Сталин понимал, что в такую грозную минуту, когда решается судьба России, уповать можно только на Бога и Его Пречистую Матерь. Поэтому, уединившись (это произошло, скорей всего, в одном из кремлевских соборов), он встал на колени и обратился к Ним с сердечной молитвой — так горячо, пламенно, дерзновенно, со многими поклонами можно, наверно, молиться только единственный раз в жизни. Ответ раб Божий Иосиф получил от Пресвятой Девы, Которая уверила его в том, что Москва выстоит, а враг будет разгромлен. Россия — это удел Божией Матери, и разве могла Она отдать нашу Отчизну на поругание супостату.

— Молитву Иосиф Виссарионович не оставлял не только во время войны, но и в мирное время, — продолжила мою мысль Гунда. — Здесь, на Новом Афоне, он, конечно, тоже молился — иконы есть и в его рабочем кабинете, и в столовой, и в спальнях. — Обратившись к иконе праведного Иосифа Обручника, висевшей на стене, она осенила себя крестным знаменем.

— Каждую минуту своей жизни Сталин понимал, что им руководит Промысл Божий. Если бы враги не отравили его и если бы он прожил еще пятнадцать-двадцать лет, то он перевел бы Россию на православные рельсы, и она стала бы таким могучим государством, что ей не страшны были бы никакие потрясения. Она задавала бы тон всем событиям как в Старом, так и в Новом свете.

— Америка не смела бы и пикнуть, — добавил Сергей.

— Русские люди жили бы так хорошо, как никакая другая нация... Как-то в один из первых послевоенных годов в Кремлевском кабинете Сталина собрались несколько военачальников. Речь зашла о том, как мы будем жить

дальше. «В недалёком будущем, — сказал вождь, — мы начнём раздавать людям хлеб задаром». Военачальники переглянулись. Сталин подвел их к окну. «— Что там?» — спросил он. «— Река, товарищ Сталин». «— Вода?» «— Вода». «— А почему же нет очереди за водой? Вот видите, вы и не задумывались, что может быть у нас в государстве такое положение и с хлебом». Вождь чуть помедлил, а потом продолжил: «— Если не будет международных осложнений, то есть войны, думаю, это наступит в 1960 году».

«— И чтобы у нас у кого-нибудь было сомнение, Боже упаси!» — заключил маршал авиации Александр Голованов, поведавший в своих мемуарах эту историю.

Лицо Сергея озарилось, как будто на него упал луч солнца.

— И это было бы только начало! — произнес он с большим воодушевлением. — Если бы Сталин остался жив, то вскоре (это верно, как дважды два — четыре) в нашей стране стали бы бесплатными соль, сахар, картофель и другие продукты. Со временем он бы отменил плату за жильё и коммунальные услуги, за электричество и газ. Бензин, конечно, тоже стал бы бесплатным. Наша страна добывает колоссальное количество нефти, и почти вся она продается за «бугор» по очень высоким ценам; доход оседает в карманах олигархов. А каковы у нас цены на бензин? Очень высокие. Продержись Сталин еще какое-то время, у нас до сих пор были бы бесплатными образование и здравоохранение, а пенсии были бы такими же высокими, как в Германии или в Швеции. Одним словом, все блага, которые я перечислил, мог дать нам только Сталин, и никто другой.

После минутной паузы, во время которой мы воздали должное мудрости и дальновидности вождя, я снова заговорил:

— Сталин знал, что его в любую минуту могут уничтожить, и поэтому заблаговременно составил Завещание. В этом документе, как в зеркале, видна личность патриота России, ее отца и благодетеля. Он знал, что его оклеветают, но знал и то, что рано или поздно клевета развеется, и русский народ узнает о нем правду.

IV

Гунда поднялась со своего места.

— Если бы Сталин был с нами, он пригласил бы вас на прогулку, — сказала она. — А я приглашаю вас продолжить знакомство с его домом.

Миновав небольшой коридор, мы вошли в спальню; в ней были несколько кресел, шкаф для одежды, рядом с деревянной, довольно широкой кроватью с двумя невысокими спинками стояла тумбочка, а на ней — ночной светильник; на полу — большой, во всю комнату, ковер, гармонировавший по цвету как со стенами спальни, так и с кроватью; в спальне было одно окно, занавешенное шелковой занавеской. Чистота и порядок были идеальные.

— В доме три спальни, — поведала нам Гунда.

— Почему три? — удивилась Надежда. — Разве Сталин состоял из трех лиц?

— Нет, конечно, он был обычным человеком. Дело в том, что Иосиф Виссарионович страдал манией преследования. Вы спросите: откуда она появилась? От тех условий, в которых он жил и работал. Враги не дремали: смерть могла настичь его где угодно: и в рабочем кабинете, и в кремлевском коридоре, и на совещании с членами правительства, и на прогулке, и в автомобиле, когда он ехал в Кремль или возвращался на подмосковную дачу, и в спальне, и где угодно. Вот откуда возник его недуг.

— Н-да, несладкая жизнь, — негромко произнесла Надежда.

— Иосиф Виссарионович ложился спать в одной спальне, через несколько часов переходил в другую, а потом — в третью. Никто не знал, где он находится в тот или иной момент.

Надежда подошла к ночному светильнику.

— Можно включить?

— Конечно.

Светильник выхватил круглое пятно на тумбочке; Надежда повернула его так, чтобы свет падал на подушку.

— Очаровательно, — сделала она заключение, выключив светильник. — У меня ещё один вопрос: здесь не одна, а две кровати, и обе одинаковые. Это для чего?

Гунда поправила покрывало на одной из постелей.

— Я думаю, вот для чего: уходя в другую спальню, Сталин оставлял на одной из кроватей, скорей всего, на той, которая ближе к выходу, подобие человеческого тела, накрытого одеялом, то есть манекен. Для возможных убийц.

— А как они, то есть убийцы, могли проникнуть в дом, если он охранялся?

— Убийцы могут проникнуть куда угодно, на то они и убийцы.

— Н-да, — снова произнесла Надежда. — Очень несладкая жизнь.

— А сколько было покушений на Сталина? — спросил Сергей.

— Много, — ответила Гунда. — Но Господь его хранил. Сталин часто приезжал на эту дачу. Чаше, чем в другие места, потому что она наиболее безопасна. Но и тут (правда, всего один раз) на него было совершено покушение.

— При каких обстоятельствах?

— Во время прогулки.

— Сталин пострадал?

– К счастью, нет. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от виска.

– Слава Тебе, Господи! – Надежда перекрестилась.

– Сколько человек охраняли эту дачу? – поинтересовался Сергей.

– Восемьсот вооруженных солдат.

– Ого!

– При чем их постоянно меняли.

– Почему?

– Наверно, для того, чтобы они поменьше знали об этом месте.

– А где они жили?

– В двух многоэтажных корпусах. Вы проходили мимо них; там сейчас пансионат «Новый Афон»... Если вы не против, то пройдёмте в другую спальню, – пригласила Гунда.

Вторая спальня, размером побольше, была рядом с первой. Такие же кровати, тумбочка с ночным светильником, шкаф для одежды, ковёр, два окна, шторы – все чистенькое, приятное для глаз.

Чтобы попасть в третью спальню, нам пришлось вернуться назад, в противоположную часть здания. Она была самая маленькая. Одна из кроватей была смята; видимо, кто-то отдыхал на ней – то ли сегодня, то ли вчера, то ли позавчера.

– А где рабочий кабинет Сталина? – спросил я.

– Вы в нём уже были: сейчас там кабинет директора, – ответила Гунда.

– У меня ещё один вопрос, – сказал Сергей. – Кто выбирал место для дачи?

– Сам Сталин. Он специально приезжал сюда, осмотрел несколько мест и остановился на этом.

– Кто ее строил?

– Военнопленные немцы. Отбирали тех, кто владел какой-нибудь строительной специальностью.

– Быстро построили?

– За один год.

Вскоре мы снова оказались в приёмной.

– Присаживайтесь, – пригласила Гунда. – Сейчас Астанда угостит нас абхазским чаем.

При этих словах молоденькая девушка встала и вышла в соседнее помещение, где находилась, как мы поняли, кухонька. Через несколько минут она вернулась с подносом в руках; на нем стояли четыре чашки с ароматным дымящимся чаем, большой фарфоровый чайник, а также пахлава, шербет и козинаки.

– Мы будем пить чай так, как будто нас угощает сам Сталин, – сказал я, беря в руки небольшую чашку с тонким орнаментом.

– Кстати, он очень любил абхазский чай, – сказала Гунда.

– Как вы думаете, Сталин бывал в Ново-Афонском монастыре? – задал я вопрос, который меня очень интересовал.

– Наверняка, – ответила Гунда, отпив глоток чая. – Если не явно, то тайно. В монастыре есть небольшой храм в честь иконы Божией Матери «Избавительница». Я уверена, что Иосиф Виссарионович заходил в него, чтобы помолиться и поблагодарить Божию Матерь за постоянную помощь.

Он и в молодости бывал здесь не раз, у своего духовного отца, архимандрита Иерона, который был настоятелем обители. Именно архимандрит Иерон благословил его на тот путь, которым он шел всю свою жизнь.

– Выходит, Ново-Афонский монастырь явился для молодого Иосифа своеобразной гаванью.

— Да, именно отсюда вышел великий корабль под названием — *Сталин*. Он стал во главе России не потому, что сам захотел, а потому, что такова была воля Божия. Выполнить волю Божию... согласитесь, это удастся далеко не каждому человеку.

Гунда взяла фарфоровый чайник и добавила в наши чашки кипятку.

— Как Иосиф Виссарионович добирался до своей любимой дачи? — спросила Надежда, отламывая кусочек пахлавы.

— Обычно он прибывал морем; от берега до дачи идёт подземный тоннель, несколько минут езды на автомобиле — и он на месте.

В приёмную вышел Даур Бесланович.

— Всем довольны наши гости? — обратился он к нам.

— Вполне, — ответил я за всех.

— Если возникнут какие-то вопросы, на которые не сможет ответить Гунда, обращайтесь ко мне.

— Прекрасная Гунда знает, кажется, всё, что касается вождя. — Своим ответом я убил сразу двух зайцев: сделал комплимент Гунде, а попутно и директору, под началом которого она работала.

— После смерти Сталина дача, наверно, пустовала? — осведомился Сергей.

— Отнюдь нет, — возразила Гунда. — Здесь часто отдыхал Брежнев со своей семьёй.

— Он что-нибудь пытался здесь изменить?

— Абсолютно ничего, даже кровати, и те остались на своих местах.

— Хрущев приезжал сюда?

— Ни разу. Он построил себе дачу ближе к морю.

— А Горбачёв?

— Он Сталина не любил, поэтому отдыхал в других местах.

– В наши дни гости у вас бывают?

– Да. Это, как правило, чиновники высокого ранга из Москвы и Санкт-Петербурга. Отпуск у нас проводят.

– А кто их обслуживает?

– Да мы и обслуживаем.

– А если мы приедем к вам, примете нас? – улыбаясь, спросила Надежда.

– Почитателей Сталина мы принимаем в первую очередь, – улыбнулась в ответ Гунда.

Выйдя из гостеприимного дома, мы спустились к морю. К пирсу подходил быстроходный катер; вода за его кормой сильно забурлила, так как он, чтобы остановиться, дал задний ход; через минуту он пришвартовался к стенке пирса.

– Вот на таком катере Сталин прибывал на Новый Афон, – сказал я. – Мне кажется, здесь он не столько отдыхал, сколько думал о будущем России и о благе своего народа, который искренне любил и ценил...

АНГЕЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

Однажды поздней осенью я приехал в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, что на Черноморском побережье Кавказа. Здесь я принял участие в самом коротком, но, наверно, самом необычном Крестном ходе. Он начался в то время, когда наступила ночь и густая тьма окутала не только монастырь, но и прилегающие к нему холмы и возвышенности, виноградные плантации, инжировые сады, кипарисовые рощи, плотные шеренги эвкалиптов-великанов.

Мы вышли из храма и отправились к дальним воротам, которые вывели нас на просторную террасу. Стояла тишина, с моря дул легкий ветерок, небо было усыпано

мерцающими звездами. Впереди шел игумен Лука (на днях приехал из Рязанской епархии), который нес икону Божией Матери, за ним – монах Геронтий с иконой Апостола Симона Кананита, потом два послушника, паломники и я – всего семь человек; в руках у нас были горящие свечи.

*Взбранной Воеводе победительная,
Яко избавльшися от злых,
Благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице,
Но яко имущая державу непобедимую,
От всяких нас бед свободи,
Да зовем Ти:
Радуйся, Невесто Неневестная.*

Эту дивную песнь мы пели в течение всего нашего пути. Местные жители, а также запозднившиеся паломники, встретив наше шествие, наверно, думали, что это идут Ангелы, и поэтому вставали на колени.

Хотя наш путь был недолог и продолжался не больше десяти минут, он освятил не только воздух и землю, но и морские воды. Мы обошли вокруг монастыря, а потом вокруг храма.

Мы прекратили пение, но оно продолжало звучать в ночном воздухе. Возможно, это пели Ангелы. А может быть, нам это только казалось.

СИБИРСКИЙ РАССКАЗ

I

Хакасские степи, пожелтевшие, раздольные, насколько хватал глаз, закончились, и справа, и слева от нас появились горы. Их было немного, и они были невысокие. У них была одна особенность: южный склон зарос молодым

задорным березняком, а северный был совершенно голым. Это походило вот на что: парикмахер побрил своему клиенту одну щеку, а вторую из-за рассеянности побрить забыл, и мужчина так и ходил весь день, вызывая удивление у прохожих.

До Абакана оставалось не больше двадцати километров.

— Год назад эти горы были сплошь усеяны людьми, — глядя в окно автобуса, сказала моя соседка, полноватая женщина средних лет с красивыми, строго очерченными губами.

— Это отчего же? — не понял я.

— Когда случилась авария на Саяно-Шушенской ГЭС, то возникла паника: люди подумали, что их затопит, и стали спасаться на горах. Кто на машинах, кто на конях, кто на велосипедах — Абакан почти опустел, все переселились в горы.

— Надо же такому быть! — удивился я.

— Что творилось, страшно подумать: продукты в магазинах быстро исчезли, у бензоколонок выстроились длиннющие очереди, цены на бензин подскочили в несколько раз, на палатки, спальные мешки и теплую одежду — тоже, на дорогах — столпотворение...

— А вы на какой горе спасались?

Женщина посмотрела направо.

— Аккурат мимо нее проезжаем. Я со страху взобралась, наверно, выше всех. Дрожу, как в лихорадке, вот-вот наступит смертушка: сначала для тех, кто не успел убежать и задержался в городе, а потом, может, и нас смочет... Страсть чего натерпелась! Ни одному человеку, даже злейшему врагу, не пожелаю такого.

Слушая женщину, я переживал вместе с нею тот ужас, в котором она пребывала не так давно. Авария на Саяно-Шушенской предстала для меня в новом свете. Я о ней,

конечно, многое слышал, многое читал, но это была информация общего характера, без каких-либо подробностей. А тут оказывается было кое-что пострашней. Может быть, второй Чернобыль, а может, вторая Хиросима.

Приехав в районный центр Усть-Абакан к моему племяннику Тимофею, которого я не видел пятнадцать лет и который давно приглашал меня в гости, я первым делом стал расспрашивать его о недавней трагедии. Тимофей, сорокапятилетний ражий мужчина с ушами, которые были похожи на локаторы, и с глубоко посаженными глазами, которые были похожи на яйца в перепелиных гнездах, сидел напротив меня, поставив локти на стол и подперев подбородок сложенными в замок кистями рук.

— Что, говоришь, тут было? — повторил он мой вопрос.
— Мы узнали о случившемся...

— По радио?

— Как бы не так. По мобильнику. — Он положил руки на стол. — Через четверть часа. И Абакан знал, и Минусинск, и Черногорск.

— А что именно узнали?

— То, что на нас идет водяной вал высотой сорок метров! Представляешь? — Тимофей потряс руками. — Сорок метров! Это верная смерть. Я прикинул: от электростанции до нас сто двадцать километров; водяной вал идет со скоростью тридцать-сорок километров в час. Значит, у нас он будет примерно через три часа.

— И что ты сделал?

— То же, что и все: во все лопатки дунул на гору. Она у нас рядом.

— Успел?

— Еле-еле. С бабами разве кашу сварить? Кричу своей: «Бери только документы и деньги, больше ничего». А она: «Как ничего? А хлеб? А масло? А сыр?» Я ей: «На том свете это не понадобится». А она свое: «Как же без одея-

ла? Как же без туалетной бумаги?» Представляешь: счет идет на минуты и на секунды, а она — «туалетная бумага». Баба, она и есть баба. Ей хоть кол теши на голове, а она свое. Сели в машину — и вперед. Думал: за считанные минуты на горе буду. Ан нет. Пробка. Машины примчались не только из Абакана, но и из Минусинска. Хорошо, что я знаю все ходы и выходы в своем селе. Переулками, закоулками пробрался к горе. Здесь машину пришлось оставить: камни да бугры, а у моей «Тойоты» низкая посадка. Схватил Нюрку за руку и помчался вверх пешком. Уделался — язык на плече. Но зато в безопасности.

— А дочки как?

— Они оказались шустрее нас, прямо с работы умчались на гору. На соседнюю, та ближе.

— А дальше?

— Сидим, пялим глаза: когда появится волна? И какая она будет? И что останется после нее? Ясно, что ничего не останется.

— Гора как?

— Она была облеплена людьми, как муравьяная куча муравьями. На лицах животный страх. Кругом — говор: выясняют, где дети, где родители, где другие родственники? Слышу такой разговор: «Ты где?» «На работе. Где же мне еще быть? А ты где?» «На горе». «А что там делаешь?» «Спасаясь». «Молодец!» «Ты разве не боишься?» «А чего бояться?» «Как чего? С минуты на минуту может всех накрыть». «Тогда встретимся в Ледовитом океане».

Прошло три часа — волны нет. Так она может появиться не через три, а через четыре часа; если не появится через четыре, то через пять или позже. То есть сиди и жди. Это было... Лучше не спрашивай... Я мог бы прожить, наверно, лет девяносто с гаком, а теперь... теперь не знаю... Видишь? — Тимофей указал на свою голову.

Он мог бы и не показывать, я давно заприметил два больших седых пятна: одно на темени, другое над ухом, слева.

— Паника была, наверно, не только в Хакасии?

— А то! У всех поджилки тряслись. Волна, она что — остановится разве? Она и дальше попрет. Деревни и села как языком слизнет. И до Красноярска легко докатится. А там же ГЭС. Выдержит ли? Если не выдержит, то... И представить себе страшно, что тогда.

— Лучше об этом не думать, чтоб не расстраиваться, — сказал я. — И долго просидел на горе?

— Три дня и три ночи. Пришло сообщение, опять по мобильнику, через знакомых: двое операторов закрыли-таки шлюзы, правда, вручную. Вот кто нас спас. Только после этого вернулись домой.

— Ну теперь все позади, — сказал я, радуясь, что Тимофей и его семья остались живы и невредимы.

— Как бы не так! — воскликнул мой собеседник, вскакивая из-за стола и шагая по комнате туда-сюда, как мятник.

— Неужто?

— По-прежнему не живем, а существуем. Мало ли что еще случится? Если один раз дали промах, то где гарантия, что и второй раз не доглядят? Нет, спокойная жизнь на Енисее закончилась. Мы теперь живем как будто на вулкане, который в любое время может заговорить. Н-да, не знаю, что и делать, — глубоко вздохнул Тимофей, снова садясь на свое место.

Рассказ племянника так взволновал меня, что я долго не мог успокоиться. Если верить его словам (а у меня не было абсолютно никаких оснований не верить ему, он здесь живет и все знает), то катастрофа может наступить в любую минуту. И накрыть всех, в том числе и меня. Это меня совсем не устраивало. Может, сесть на ночной поезд

да и уехать отсюда побыстрее? Тимофей это сочтет, конечно, за бегство. «Нет, это не дело», — подумал я.

А с другой стороны, люди спокойно ходят на работу, строят дома, торгуют на рынке, солят помидоры — как будто не висит над ними дамоклов меч.

Я успокаивал себя, как мог, но все равно чувствовал себя не в своей тарелке.

В мучительных переживаниях прошло несколько дней. Однажды, прогуливаясь на окраине Усть-Абакана и в сотый раз рассматривая гору, на которой провел трое тревожных суток Тимофей со своей женой, я подумал, что было бы неплохо съездить на Саяно-Шушенскую ГЭС и своими глазами увидеть это сооружение, поговорить с местными жителями, а может быть, и с теми двумя операторами, которые закрыли шлюзы. Вечером, когда племянник вернулся с работы, я поделился с ним своей идеей.

— А что? Мысль дельная, — секунду подумав, сказал он. — Завтра и поедем, у меня как раз подошли отгулы. Тем более я там не был уже, наверно, года два-три.

II

Мы мчались среди необъятных солнечных звонких полей. Они были пусты — ни пашен, ни животных, ни строений. Только одна трава. Но и ее никто не косил. Меня поразило это запустение: Хакасия издавна славилась своими овцами, которым не было числа. А теперь если и с фонарем начнешь искать, то все равно ни одной не найдешь.

— Страдает земля без хозяина, — промолвил Тимофей. — Как только колхозы и совхозы исчезли, наступило одичание. Раньше любо-дорого было посмотреть: и пшеница,

и рожь колосились, вызревали ячмень, овес, греча. А теперь... — Он махнул рукой.

Дорога пошла в пологую низину, а потом, далеко-далеко, стала подниматься вверх; лента дороги, идеально прямая, сужалась и превращалась вдали в тонкую ниточку.

На горизонте возникли контуры горных хребтов, отрогов Саян. Постепенно они приближались. Панорама стала куда интересней.

Проехав еще некоторое время, мы увидели корпуса и трубы очень большого производственного комплекса.

— Что это такое? — спросил я.

— Алюминиевый завод, — ответил Тимофей. — Он требует очень много электроэнергии, поэтому построен вблизи ГЭС. Жалко, принадлежит не нам, а иностранцам. Рабочие наши, энергия наша, алюминий наш, а прибыль уплывает за границу.. Все продано, все разбазарено...

— Рабочие живут рядом?

— Нет, в Саяногорске. Их возят на работу в автобусах.

Вскоре показался Саяногорск; он расположился у подножия горных хребтов. Через несколько минут мы въехали в город: серые скучные коробки многоэтажных домов, никакой новизны в архитектуре. Улицы были пустынные, люди приезжали в город только ночевать.

— А где же ГЭС? — нетерпеливо спросил я.

— До нее еще ого-го сколько.

Мы поехали по лесной дороге, которая шла вдоль русла Енисея, вверх по его течению. Справа от нас высились крутые горы, поросшие смешанным лесом, в котором преобладали ель, пихта и береза. Слева, на другой стороне реки, возникли скалы темного цвета, мощные, ребристые, грозные, неприступные; постепенно они сужались и заканчивались или одним, или несколькими пиками; к сожалению, оснований этих скал я не видел из-за сплошной стены леса.

Мы миновали поселок, стоявший на склоне горы (окна деревянных домов смотрели на реку), потом еще один поселок, состоящий из домов городского типа, а электростанции все не было и не было.

«Да где же она? — подумал я. — Доедем мы до нее или нет?»

На секунду лес расступился, и я увидел Енисей, его широкая гладь отливала серебром. Еще через секунду река исчезла, и вновь перед нами была дорога, ее частые изгибы и лес по сторонам.

Наконец в просвете между деревьями показалась долгожданная электростанция, но не полностью, а только ее левый выступ. Через считанные мгновенья мы увидели ее целиком, Тимофей въехал на смотровую площадку, на которой стояло несколько автомобилей, и поставил «Тойоту» в первом ряду.

Мы вышли из машины и слышали ровный гулкий, ни на секунду не прекращающийся шум воды — это падала с большой высоты вода из открытых водосбросов. Электростанция поражала своими размерами, хотя до нее был примерно километр. Она возвышалась между берегами гигантским полукольцом. Я много раз видел Красноярскую ГЭС, которую никак нельзя назвать маленькой, но по сравнению с этой она выглядела карликом.

— Н-да, седьмое чудо света! — невольно вымолвил я.

— Не знаю, седьмое или восьмое, но впечатляет, — отозвался племянник.

— Ну, а теперь поведай мне про аварию, — попросил я его.

— Понимаешь, я радиотехник и в электростанциях ничего не смыслю, — сознался Тимофей. — Надо обратиться к знающему человеку.

У соседнего автомобиля стояли двое мужчин: один постарше, другой помоложе; тот, что постарше, в футболке

под цвет енисейской воды, о чем-то рассказывал своему собеседнику, показывая рукой в сторону ГЭС. «Кажется, это то, что надо», — подумал я.

Мы подошли к соседям.

— Не могли бы вы рассказать о прошлогодней аварии? — обратился я к старшему (его звали Виктор Иванович).

— Почему не рассказать? Расскажу, — легко согласился мужчина. — У нас как раз об этом и речь. — Вы издалека?

— Из Москвы.

— А мой друг из Иркутска. Ну ладно, слушайте. Видите у основания ГЭС, с правой стороны, низкое длинное строение?

— Да, видим, — сказал я. — Сверху строения голубенькая полоска.

— Это машинный зал. В нем несколько турбин. Одну из них и рвануло.

— Почему?

— Из-за головоотяпства. Анкерные крепления износились от времени, и в турбине возникла вибрация. На это никто не обращал внимания, как будто ничего и не было.

— Как так?

— Да так.

— Ну и дальше?

— А дальше — больше. Вибрация с каждым днем усиливалась. Среди рабочих началось волнение. Сторожа, и те говорят: «Трясет, как в телеге. Недалеко и до беды».

— А начальство? Никто не реагировал?

— Никто: ни главный инженер, ни генеральный директор, как будто это их не касалось.

— И чем все кончилось?

— Известно чем. В один прекрасный момент турбину вырвало из гнезда. Мощный поток воды затопил машинный зал, семьдесят пять человек погибли в одну секунду.

Я как раз приехал на работу и своими глазами видел трупы, которые выбросило на улицу.

— Говорят, аварии содействовало то, что часть Братской ГЭС отключили в связи с ремонтом, и, чтобы компенсировать недостаток электроэнергии, здесь запустили турбины на более высокие обороты.

— Так-то оно так, но если бы Братскую не «заморозили», то авария все равно бы произошла, все к тому и шло. Тут есть более важный момент.

— Какой?

— Автоматика. У нас ее отключили.

— Зачем?

— Чтобы она не вопила о предстоящей беде.

— Вот те раз!

— Да, да. Тут замешаны большие деньги. Электроэнергия идет на продажу — как на внутренний рынок, так и за границу. Золотой поток! А если автоматика даст тревожный сигнал, надо турбину, а то и две останавливать. Получится убыток. А этого допустить нельзя. — Виктор Иванович немного помолчал, а потом добавил: — Мне кажется, в этом деле есть какая-то тайна, нам неизвестная... но о ней никто не говорит...

Я тоже помолчал, обдумывая слова Виктора Ивановича, затем спросил:

— А что было со шлюзами?

— Их, слава Богу, закрыли. Правда, вручную.

— А если бы их не закрыли (я сейчас рассуждаю теоретически), что бы тогда произошло?

— Видите десять выпуклых «вен» на правой стороне плотины? — Виктор Иванович показал на них рукой.

— Да, — ответил я за всех.

— Это водоводы, их диаметр пять-шесть метров; вода из водохранилища пошла бы вниз.

— И что?

– Да ничего особенного. Вот здесь, – мужчина кивнул на русло Енисея, – уровень воды поднялся бы метра на два. Никакого вреда это бы не принесло.

– Но ведь поток пошел бы и дальше.

– И тоже ничего особенного. Саяногорск бы не пострадал. Пострадали бы несколько сел в Минусинской котловине, их бы затопило, но не сильно. Примерно так, как страдают села во время весеннего паводка.

– А сейчас сколько воды сбрасывается?

– Сейчас работают девять водосбросов (они в левой части плотины); если уровень воды в водохранилище поднимется, операторы откроют еще два.

– То есть сейчас опасности нет. А весной, – продолжал я выяснять волнующую меня ситуацию, – когда идет дружное таяние снегов и вода прибывает и прибывает? Что тогда?

– Для этого существует дополнительный водосброс. Его строили несколько лет и в этом году закончили. Вот он, – Виктор Иванович показал на широкие серебристо-белые плиты водосброса на правом берегу реки. Они походили на ступени гигантской лестницы. – Теперь нам не страшна никакая, даже самая большая вода.

– А плотина выдержит напор большой, а может, и сверхбольшой воды?

– Без труда. Судите сами: ширина основания плотины – более ста метров, у вершины – более двадцати. Это такая махина, которая не подкачает! Ей не страшна даже атомная бомба!

У меня отлегло на душе. Теперь мне было ясно, что ни Абакану, ни Минусинску, ни Черногорску, ни Усть-Абакану ничего не угрожает.

– Теперь люди могут спать спокойно, – сказал я, посмотрев на плотину совсем другим взглядом.

– Могут, но не спят, – возразил Виктор Иванович.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Люди по-прежнему живут в страхе, — он тяжело вздохнул, скрестив руки на груди. — Продают квартиры, иногда за бесценок, и уезжают в другие края.

— И много таких?

— В том-то и дело, что много, бегут, как крысы с тонущего корабля.

— Скажите, — продолжал я расспросы, — главного инженера и генерального директора наверняка сняли с работы?

— Как бы не так! Как были на своих тепленьких местах, так и остались.

— Если бы у них была хоть капля совести, они бы давно подали в отставку.

— Увы, этого мы не дождемся, они сделаны из другого теста.

— А как, интересно, они смотрят людям в глаза? Женщинам, у которых погибли мужья? Старикам, у которых погибли сыновья? Детям, у которых погибли отцы?

— Им некогда этим заниматься. Они смотрят только на денежные купюры, в основном на доллары да на евро.

Мы поблагодарили Виктора Ивановича за беседу и подошли к парапету, чтобы посмотреть на электростанцию с более близкого расстояния. Если полчаса назад в шуме падающей воды для нас был тревожный оттенок, то теперь он исчез — вода казалась нам мирной, покладистой, как послушный ребенок. Теперь это был не шум, а торжественная, величавая музыка. Настроение у нас было такое, как будто мы слушали гимн «Славься...» из оперы Глинки «Иван Сусанин».

Смущение, которое испытывал Тимофей во время рассказа Виктора Ивановича, прошло, мой племянник был рад поездке еще больше, чем я, его глаза сияли, улыбка

не сходила с лица: в Усть-Абакане был один человек, а здесь — совсем другой.

III

На обратном пути мы остановились в поселке Майна. Это мы сделали, во-первых, из-за песенного названия поселка и его удачного местоположения на берегу Енисея; во-вторых, рядом была Майнская ГЭС; по сравнению с той, где мы были раньше, эта выглядела крохотулей, но по красоте она нисколько не уступала своей старшей сестре. Ну, а третья причина была, наверно, самая уважительная: на высоком холме возвышалась белоснежная, как лебяжье крыло, церковь с сияющим на полднем солнце куполом.

Мы оставили машину у реки, чтобы пройти пешком по деревенской улице. Старые рубленые дома, расписные ставни, резные коньки на крышах, тын с непременными крынками, опрокинутыми на еловые прутья для сушки, тропинки вдоль домов по зеленой травке, стайки кур там и сям с рыже-огненными петухами, коты, сидящие в задумчивой позе на заборе, — все это для меня, городского жителя, было ново и интересно, да и Тимофей не остался равнодушен.

Около старого, но еще крепкого пятистенного бревенчатого дома с просторным палисадником, в котором росла береза, ель и сосна, на старой покосившейся скамейке сидела маленькая старушка. В руках у нее был батог, на который она опиралась, держа его двумя руками. По всей вероятности, она не расставалась с ним большую часть дня. На голове у нее был серенький вылинявший платок; поношенные кофта и длинная, до пят, темная с заплатами юбка дополняли ее наряд; на ногах у нее были когда-то белые, а теперь неопределенного цвета подшитые вален-

ки. Лицо старушки было морщинистое с коричневатым оттенком; оно несло на себе печать многих жизненных бурь; в каждой морщинке, казалось, была заключена бездна утрат, тревог и переживаний. У нее были совершенно удивительные глаза, ясные, живые, василькового цвета, они жили отдельной жизнью и были похожи на двух малых лесных птиц, которые радуются любому дню и часу своей жизни.

Мы подошли к старушке, поздоровались и через несколько минут уже знали, что ее зовут Евдокия, что ей пошел девятый десяток, что живет она одна, иногда к ней приезжают из города дети и внуки, что церковь на холме носит имя преподобной Евдокии, ее небесной защитницы и покровительницы, и что она не пропустила в ней ни одной службы.

— Церковь ведь на холме, как же ты добираться? — спросил я, с интересом смотря на собеседницу.

— Добрый путь Бог правит, — ответила старушка. — Ангел хранитель под руку поддерживает. Да еще один верный служка. — Она кивнула на батог. — Так вот и хожу.

— Храм уж больно красивый. Кто его построил?

— Мой сынок. Старшой. Уважил меня, старуху. Назвал в честь Евдокеюшки, преподобной.

— Часто приезжает сюда?

— Редко, — грустно сказала старушка. — Ну да нешто я не понимаю? Все дела, все дела. А как приедет, вместе в церкву-то идем. И рядом стоим, молимся.

— А другие дети; много их было у тебя?

— Много, милай, много: двенадцать душ.

— И все живы остались?

— Все до единого. В ефтой избе всех вырастила. Аposable... Как птенцы из гнезда, так и мои детки разлетелись по белу свету. Осталась я одна, бабка-бобылиха...

— Во время аварии-то где была?

– Да дома и была, где ж мне быть. С котом Пуней.

– Не боялась?

– Ни, милоч, не боялась. Я же с Богом! А кто с Богом, тому ничего не страшно. Все побежали, побежали, а куда побежали, и сами не знают. А я затворила двери, встала на коленочки перед иконами и стала молиться. Какими словами? Да обычными: «Спаси и помилуй ты меня, Мать Пресвятая Богородица, а живу я, грешная Дуня, в крайней избе. И деток моих помилуй. И всех-всех». Вот и вся моя молитва. Я ведь грамоты не знаю... темная старуха, претемная. И грешная. Грешнее меня, верно, никого нет.

– Давно здесь живешь?

– Да всю жисть здесь и прожила. Родилась в этой хате, тута и умру, тута, на кладбище, меня и схвают. Церквато, слава Богу, рядом, батюшка меня и отпоет. Молю преподобную Евдокеюшку, чтобы она похлопотала за меня, грешную, перед Богом... скрозь всю жисть молюся ей, моей помощнице... ни в чем мне не отказывает...

Старушка заморгала глазами, и мне показалось, что лесные птички захлопали крылышками, собираясь куда-то улететь, но не улетели, а остались на месте.

– Умирать не хочется?

– Как не хочется? – возразила старушка. – Как раз хочется. Хочу к Богу! Если б ты знал, милоч, как хочу. Здеся всю жисть прожила с Ним – и там хочу быть с Ним. Только и думаю о том дне, когда Он возьмет мою душу. Таперя уже скоро. Може, завтри, може, послезавтри...

– А с чем пойдешь?

– С чем пойду, милоч? Каково житье, таково и на том свете бытье.

Старушка посмотрела на небо; возможно, она представляла себе, как ее душа будет уходить в Заветные Чертоги и как преподобная Евдокия будет сопровождать ее, и

как ее душа будет радоваться, что рассталась, наконец, с земной юдолью.

Мы не стали ничего больше говорить, а тихо удалились, ступая как можно осторожнее, чтобы не нарушить ее тихое молитвенное созерцание.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Стояла теплая летняя ночь. Звезды, раскалившись, как слитки металла в кузнечном горне, освещали при-тихшую землю. Город спал, но не весь. В одном из отдаленных скверов возникла песня военных лет «Где же вы, мои друзья однополчане?», но скоро смолкла; в переулке, ведущем к озеру, процокали женские каблуки, раздался короткий смех; по главной улице изредка проносились автомобили с включенными подфарниками.

На одной из площадей города на высоком пьедестале стояла темная фигура человека, его правая рука была протянута вперед и показывала неизвестно куда. Около памятника остановился легковой автомобиль. Из него вышли трое молодых мужчин; один из них — Александр — был невысокого роста, но чрезвычайно крепко сложенный, с бицепсами, которые заметно бугрились под рубашкой; другой — Василий — был гибкий, подтянутый, спортивного вида; третьего звали Серафим, его отличал высокий рост и короткая стрижка.

Александр (он руководил операцией) достал из багажника «Жигулей» лебедку и быстро, сноровисто прикрепил ее к близстоящей березе.

— Держи, — тихо сказал он, вручая Серафиму тонкий трос, на конце которого была сделана петля.

Мужчины подошли к пьедесталу, высота которого была около двух метров. Василий и Серафим помогли Алек-

сандру влезть наверх, тот в свою очередь помог друзьям преодолеть несложную высоту.

Александр встал лицом к металлическому истукану.

— Давай! — скомандовал он, приседая.

Серафим (трос был прикреплен к его поясу) взобрался на его плечи, после чего Александр медленно, очень медленно выпрямился; Василий подстраховывал своих друзей. Серафим (он оказался на пядь выше памятника) высвободил петлю троса и накинул ее на голову истукана.

— Готово, — сказал он.

Александр медленно присел на корточки, и Василий помог Серафиму слезть на пьедестал. Затем они, помогая друг другу, прыгнули на землю и подошли к лебедке.

— Начали, — сказал Александр, натягивая с помощью лебедки трос.

Истукан дрогнул; Александр продолжать двигать ручку лебедки взад и вперед.

— Ну, ну, давай, — глядя на памятник, сказал Василий.

Фигура идола стала крениться и через несколько мгновений рухнула вниз, расколовшись на несколько частей. Если раньше, на пьедестале, истукан выглядел глупо и нелепо, то поверженный на землю — и подавно.

— Что и требовалось доказать, — бодрым голосом произнес Александр, снимая петлю с шеи идола.

Он скрутил трос на барабан и отнес лебедку в багажник машины.

— По коням! — скомандовал командир.

Друзья сели в машину: Александр — за руль, Василий — рядом с ним, а Серафим — на заднее сиденье. Автомобиль с выключенными передними фарами тронулся с места.

— Еще одним идиолом на Руси стало меньше, — сказал Александр.

— Воздух стал чище, — добавил Василий.

— Бесы сильно рыдают, — сказал Серафим.

Машина достигла окраины города. Звезды на небе стали бледнеть. До утренней зари осталось совсем немного.

РУССКИЙ МАЛЬЧИК ВАНЯ

Я увидел его, когда он бежал по широкой асфальтированной дорожке, ведущей к Богословскому храму. Ему было примерно полтора года. Может быть, чуть больше. У него были светлые, с небольшой желтизной волосы, смышленные бирюзовые глаза, слегка курносый нос, пухлые губы; одет он был в легкую, с короткими рукавами летнюю рубашку василькового цвета и сиреневые штанишки, едва достигавшие колен.

Мальчик бежал, чуть наклонив туловище вперед, и казалось, что вот-вот упадет, однако это впечатление было обманчивым, он и не думал падать. Его родители — молодой, высокий, весьма крепкого сложения мужчина и стройная загорелая женщина с длинными, падающими на плечи каштановыми волосами — смотрели на сынишку с нескрываемой любовью, даже с восторгом, радуясь его естественному свободному бегу. Они направлялись к выходу из монастыря, а мальчик бежал в противоположную сторону.

— Ваню-ю-у-ша-а, — напевно произнесла женщина. — Мы уходим.

Она остановилась на месте, поправляя волосы и наблюдая за сыном. Тот, конечно, прекрасно слышал свою маму, но и не думал останавливаться. Он добежал до Богословского храма и повернул направо; пробежал еще немножко и остановился около крылечка, которое вело в храм. Ступеньки были высокие, но это нисколько не смутило малыша, он довольно быстро поднялся на крылечко, становясь на ступени сначала коленками, а потом

ступнями ног и помогая себе руками. Он подошел к двери, погладил ее, прижался к ней щекой (нагретая за день солнцем, она была теплой), прошелся по крылечку туда и обратно. Мальчик хотел войти внутрь, но дверь была заперта, он не догадывался, что вход в храм находится в другом месте, за углом.

– Сможешь сам спуститься? – спросил сына мужчина. – Смотри, поосторожнее.

Мальчик стал спускаться с крылечка задним ходом, поворачивая голову и смотря, много ли ступенек еще осталось. Он спустился вполне благополучно, папа лишь наблюдал за действиями сына, которые были весьма грамотными.

– Молодчина! – похвалил он малыша. – А теперь беги сюда, нам пора уходить.

Мальчик, словно не слыша его, побежал дальше вдоль храма, с асфальтированной дорожки свернул на зеленый, коротко стриженный газон, пробежался по нему, постоял под липой, обежал вокруг цветущего куста шиповника и, миновав газон, снова оказался на асфальте.

– Ваню-ю-у-ша-а! Ваню-ю-ушенька-а-а! Сыно-о-о-ч-е-ек! – раздался напевный голос мамы. – Хочешь попить святой водички? Скорей сюда! – Она показала малышу бутылочку с водой.

Однако у мальчика была совсем другая забота: он побежал к шатровой колокольне, нижний этаж которой занимал храм Святителя Николая, Мирликийского чудотворца. Здесь тоже было крылечко, но небольшое, всего в две ступени. Малыш преодолел их без труда. Он сел на крылечко, поставив ноги на ступеньку.

– Будешь ждать, когда откроется храм? – спросил папа, подойдя к сыну. – Он откроется только завтра. Пошли.

Малыш спустился с крылечка. Его внимание привлек колокол, который стоял на невысоком возвышении, он

давно отслужил свой срок и теперь выполнял роль музейного экспоната. Мальчик подбежал к нему, потрогал пальцами вязь церковнославянских букв, бегущих вокруг нижней части колокола, обошел вокруг, как будто читая длинную надпись, а затем попытался взобраться на возвышение, но это было выше его сил. Поняв это, он вернулся на дорожку.

– Ну а теперь, сынок, поедем домой, – сказал папа. – Мама уже заждалась нас.

В подтверждение этих слов раздался напевный голос:

– Ванечка-а-а! Дорогу-уш-а-а! Поспеш-и-и!

Малыш побежал по дорожке, но не утерпел и снова свернул на зеленый газон.

Я с интересом наблюдал за его действиями. Он был мне очень и очень симпатичен.

– Почаще привозите его в монастырь, – сказал я, обращаясь к мужчине. – Ему тут нравится.

– Вижу, – кивнул мужчина.

– Славный парень растет, – продолжал я. – Мой внук всего на год старше, такой же бедовый.

Между тем мальчик направил свой путь к другому храму, который находился по ту сторону просторного газона.

– Он у вас по духовной части пойдет, – сказал я. – Может быть, станет священником. А может, и архиереем.

Мужчина улыбнулся. Он об этом еще не думал.

– Посмотрим, – сказал он.

Женщина шла назад, ища глазами своего сына, который в этот момент скрылся за кустами шиповника.

– Ваню-ю-ушечка-а-а! Ласточка моя, где ты-ы? Нам пора домой.

Мальчик подошел к краю газона. Спуск на асфальт был для него высоковат, и он думал, как ему поступить. Наконец он решился и ступил вниз. И наверняка упал бы и

сильно ушибся, а, может, и нос бы расквасил, но в этот момент сильная папина рука подхватила его.

— Пострел-ты-пострел! — любовно сказал мужчина. — Мал, а уже какие шаги делаешь!

Он взял его на руки и направился к выходу из монастыря. Малыш с высоты папиного роста смотрел то на один храм, то на другой, как будто выбирая лучший из них для своего будущего служения.

Я помахал ему рукой:

— До свиданья!

Он помахал мне в ответ.

ЧЕТКА

I

Монастырь (он был посвящен Успению Божией Матери) находился между двумя глубокими оврагами, которые так густо заросли липами, кленами и дубами, так много там было мертвых деревьев, которые упали на своих живых собратьев, что увидеть дно этих оврагов было совершенно невозможно. Склоны оврагов были настолько круты, что вряд ли кому приходило в голову спуститься вниз — это было явно небезопасно. И только глубокой осенью, когда деревья оголялись, овраги переставали быть загадкой. Теперь они просвечивали насквозь и казались золотыми — от обилия опавших листьев. Но и в эту пору вряд ли находились охотники совершить по ним путешествие.

Слегка покатое место, на котором стоял монастырь, заканчивалось обрывом; за ним начинались обширные луга с мелкими перелесками, а еще дальше виднелась сияющая лента реки, обрамленная зелеными деревьями и

кустарником; ее очарование заключалось в том, что она делала крутые петли, и поэтому яхтсмены или байдарочники, уплывая вдаль от монастыря и думая, что уже не увидят его, вскоре, к своему удивлению, вновь возвращались к нему.

Обитель с ее храмами и колокольнями, братским корпусом и другими постройками, походила на средневековую крепость, которую из-за высоких мощных стен и чрезвычайно выгодного положения можно было считать неприступной.

Михаил Андреевич Беляков, степенный, неторопливый в движениях мужчина с прямыми непослушными волосами, которые наполовину закрывали его высокий лоб, приехал в монастырь в разгар лета. Обитель произвела на него сильное впечатление. «Если монастырь похож на крепость, то каждый монах в нем должен быть стойким, закаленным духовным воином», — подумал он.

Эту мысль он высказал иеромонаху Нафанаилу, который был благочинным.

— Каждый из нас ведет сражение не на жизнь, а на смерть, — сказал отец Нафанаил, аскетического вида монах, проведя рукой по бороде, в которой седых волос было гораздо больше, чем русых. — Но поскольку полем битвы является наше сердце, то кровь, раны, муки и страдания, а также наши падения и востания внешнему взору не видны. Они являются нашей сокровенной тайной.

— А удастся ли мне прикоснуться к этой тайне? — любопытствовал Беляков.

— Вы давно обратились к Богу? — задал встречный вопрос отец благочинный

— Более тридцати лет назад

— А сколько времени предполагаете пробыть у нас?

— Я вышел на пенсию, никуда не спешу, поэтому намереваюсь пожить у вас месяца два-три.

– Это вполне достаточный срок, чтобы узнать кое-что о специфике монастырской жизни... Какая у вас мирская специальность?

– Я потомственный садовод. Вывел несколько новых сортов яблонь, груш и персиков. Мое имя вы найдете в сельскохозяйственной энциклопедии.

– Очень хорошо. Пока поживите, присмотритесь, а потом я дам вам послушание по вашей специальности. У нас обширный сад, так что вам будет где применить ваше искусство.

– Буду очень рад помочь обители, – сказал Беляков, принимая благословение отца Нафанаила.

Прошло несколько дней, в течение которых Беляков знакомился с монастырем, укладом и особенностями его жизни, посещал богослужения, молился перед святынями. Братия относилась к нему с уважением и предупредительностью, ни в чем не отказывала, наоборот, старалась предупредить каждое его желание. Чаще всего Михаил Андреевич бывал в Успенском храме, просторном, высоком, намоленном, с ароматным запахом афонского ладана. В нем был удивительной красоты фаянсовый иконостас с прекрасно написанными иконами, нижний ряд которых был такой длинный, что если бы кто захотел помолиться перед каждой из них, то ему пришлось бы задержаться в храме на долгое время.

Беляков был очень рад, что приехал именно в этот монастырь, где можно было не только молиться, но и заниматься любимым делом (через три дня он уже включился в работу). Постепенно он втягивался в специфический монастырский режим, который нельзя назвать очень трудным, но и легким нельзя назвать. Как-то, знакомясь с расписанием богослужений, он встретил слово «четка». Оно было ему не знакомо.

— Я был во многих обителях — как мужских, так и женских, — сказал Михаил Андреевич, встретив отца Нафанаила, который прогуливался в монастырском саду. — Но нигде не слышал слова «четка». А у вас оно в ходу. Что это такое?

— А вот приходите завтра утром пораньше в храм и узнаете, — коротко ответил иеромонах.

II

В пять часов утра в коридоре братского корпуса зазвучал колокольчик: дежурный монах напоминал братии, что начинается новый молитвенный день. Беляков встал вместе с другими насельниками монастыря, быстрее, чем обычно, умылся и через несколько минут был уже в храме. В нем царил чуткая тишина; огоньки лампад отражались в стеклах перед иконами святых; к свечному ящику подошла ранняя паломница, купила с десяток свечей и поставила их на разные подсвечники. В храм один за другим входили темные фигуры монахов.

Служащий иеромонах дал возглас, и чтец стал читать утренние молитвы. Он читал негромко, но все равно каждое слово было хорошо слышно. Затем последовала полунощница, которую Беляков очень любил и во время которой всегда усердно молился. Во время пения тропаря «Се, Жених грядет в полунощи...» он непременно вставал на колени, представляя себе, что именно сейчас предстанет пред очи Господа нашего Иисуса Христа и будет держать перед Ним ответ.

Но вот полунощница закончилась. На солею вышел иеродиакон, встал перед иконой Божией Матери и, делая глубокие поясные поклоны, стал неспешно, прочувствованно молиться со словами:

– Пресвятая Богородице, спаси нас!

Вместе с ним молились, кладя низкие поклоны, и монахи, и постоянные прихожане, и паломники, которых, правда, было совсем немного.

– Пресвятая Богородице, спаси нас!

Беляков старательно клал поясные поклоны, обращаясь к Пресвятой Деве со словами, нужнее и ценнее которых не было для верных христиан ни в одну из эпох человеческого существования.

– Пресвятая Богородице, спаси нас!

Молитв и сопровождавших их поклонов было очень много, и с каждой молитвой и с каждым поклоном сердце Белякова все более разогревалось, и его обращения к Царице Небесной становились все теплее и глубже. «Кто нас может спасти, кроме Пресвятой Девы? Кто может быстрее услышать наши молитвы и прийти к нам на помощь? Кто соберет наши слезы в Свои ладони и отнесет их к Престолу Божию? Кто будет активнее и лучше хлопотать за нас, грешных, кроме Нее? Кто извлечет матушку-Россию из той пропасти, в которую она попала по нашим тяжким грехам?»

– Пресвятая Богородице, спаси нас!

Краем глаза Михаил Андреевич видел, как старательно кладут поклоны монахи, как истово осеняют себя крестным знаменем местные старушки, как понуждают себя к молитве паломники. «Если бы по всей России совершалось это умирительное богослужение, если бы все русские люди пришли в храмы и обратили свои взоры к Царице Небесной, если бы они возопили из глубины души к Ней, нашей Заступнице и Покровительнице, если бы все это было, то Россия очень быстро стала бы другой».

– Пресвятая Богородице, спаси нас!

«У Божией Матери и любая пылинка имеет вес, а уж что говорить о молитве, особенно о той, которая выры-

вается из глубины исстрадавшегося сердца. Каждый поклон, который совершается сейчас в этом храме, имеет великое, может, вселенское значение. Каждое воздыхание драгоценно. Может быть, моя слабая молитва явится той последней каплей, которая поможет чаше весов милосердия Божия опуститься чуть-чуть вниз? О если бы это было так», — подумал Михаил Андреевич, в очередной раз осеняя себя крестным знамением и кладя низкий поклон.

Иеродиакон произнес молитву нараспев. Это значило, что четка закончилась. «Как жаль, что она закончилась, — с грустью подумал Беляков. — Я только-только по-настоящему разогрелся. Сколько было всего молитв? Может, сто. Может, больше. Все равно мало. Еще бы десяток-другой, и как было бы хорошо. Но ничего, я завтра снова приду на четку и буду молиться Божией Матери. Обязательно придут монахи, местные старушки, может быть, появятся паломники, да мало ли кто еще придет. Мы будем снова класть поклоны и умолять Божию Матерь, чтобы Она помиловала не только нас, но и весь русский народ».

Утешенный этой мыслью, Михаил Андреевич встал на колени и, продолжая молиться и кладя теперь уже земные поклоны, не вставал до конца утреннего богослужения.

ЮНЫЙ МУЧЕНИК

Эта фотография потрясла весь мир. На ней был запечатлен трехлетний сирийский мальчик. Он был весь в ранах: шея и грудь кровоточили, левая рука висела, как плеть, на голове виднелись пятна крови. Его доставили в больницу сирийские врачи. По всей вероятности, он по-

лучил ранения во время обстрела города наемными боевиками-бандитами, его тело поразило множество осколков от снаряда или гранаты. Мальчик горько плакал. Несмотря на свой возраст он понимал, что не выживет от столь тяжелых и серьезных ранений. Он сказал:

– *На всех вас пожалею Богу. Все Ему расскажу.*

Он прожил еще три дня и скончался в ужасных муках.

Ему очень не хотелось умирать; он прожил совсем немного, не успел насладиться лучами солнца, цветущей мимозой, вкусом абрикосов и персиков, улыбками папы и мамы, дружбой со сверстниками, не успел поиграть со своими сестрами и братиками в различные игры, не успел сделать им подарки в день рождения, не успел стать взрослым мужчиной, чтобы взять в руки автомат и защищать свое любимое Отечество от злобных извергов, не успел выучиться грамоте, чтобы читать Евангелие и Псалтирь.

Ему было всего несколько лет, но в его сердце уже жил Бог. Мальчик ощущал Его присутствие и разговаривал с Ним. Он ушел к Нему, чтобы быть с Ним вечно. И уже не знать тех страшных мук, которые он в избытке испытал в своей короткой жизни. Не сомневаюсь, что Господь принял его как мученика, который крестился в своей собственной крови.

Мне было так жаль, так жаль этого славного мальчика, что я несколько дней был сам не свой, — мое сердце болело, душа страдала и изнемогала от сострадания к нему, порой я ловил себя на мысли о том, что лучше бы я, грешный человек, погиб, а этот мальчик остался жив. В эти минуты я вставал на колени и умолял Господа Бога, чтобы безумное кровопролитие побыстрее прекратилось не только в Сирии, но и в России, и в Ираке, и в Ливии, и в Афганистане, и в Таиланде и в других уголках земного шара и чтобы дети оставались живыми, смотрели на мир

не печальными, а веселыми глазами и долго, очень долго радовались жизни.

Мне особенно близок этот мальчик (жалко, не знаю его имени) потому, что я до войны был в Сирии. Я и мои попутчики, знакомясь с Дамаском, побывали во многих его районах, в том числе и в Старом городе. Однажды мы, изрядно устав, присели отдохнуть на скамейку вблизи главной мечети. Рядом несколько мальчиков играли в мяч. Они резво бегали по площадке, издавая веселые возгласы. В один из моментов мяч, подпрыгивая, оказался у моих ног. Я взял его в руки, чтобы возвратить детям. Но не успел этого сделать, так как один из мальчиков (ему было не больше трех лет) подбежал ко мне. Я передал мяч в его руки и погладил его по голове. Мальчик застенчиво улыбнулся и убежал, на ходу кинув мяч своим друзьям...

КАТИЛ АВТОБУС ПО ДОРОГЕ

I

Больше всего на свете Машутке Максимовой нравилось ездить с мамой в паломнические путешествия. Каждый год, когда наступали летние каникулы, они ездили к какому-нибудь святому: побывали у Митрофания Воронежского, у Тихона Задонского, у Иова Почаевского.

— Мама, — спросила Машутка в одно прекрасное летнее утро, — к кому мы поедем в этом году?

— Не знаю, моя доченька, — ответила мама. — Как ба-
тюшка благословит.

— А когда он благословит?

— Наверно, в ближайшее воскресенье.

«Как хорошо, — подумала Машутка, — до воскресенья осталось всего три дня».

Они пролетели очень быстро. В воскресный день девочка с мамой, как обычно, пришли в храм, и после богослужения батюшка объявил:

— Едем к преподобному Феодосию Кавказскому.

«Замечательно! — подумала Машутка. — Он мне знаком, потому что недавно я прочитала его житие».

Через несколько дней они пришли на соборную площадь, где стоял большой новый автобус. На переднем стекле, справа, несколько бумажных икон: Спасителя, Божией Матери и Святителя Николая, а рядом — заметная, красными печатными буквами, надпись: «Паломники». В салоне были удобные, с высокими спинками, сиденья, паломники (их было около тридцати человек) с шутками и смехом заняли свои места, и автобус покатило по широкому шоссе.

Машутка сидела у окна, и ей было все видно: сначала был город, потом пошли поля, перелески, овраги, мосты через маленькие и большие речки, села, деревни, козы, которых пасла маленькая старушка, аисты на водонапорной башне — это был наглядный урок географии, и учебника раскрывать не надо.

Батюшка между тем прочитал акафист преподобному Феодосию Кавказскому, а затем Серафима, бывшая актриса, а теперь регент, запела:

*Житейское мо-оре
Играет волна-ами,
В нем радость и го-оре
Всегда перед на-ами.*

*Никто не ручи-ится,
Никто не узнае-ет,
Что может случи-иться,
Что завтра с ним ста-анет.*

Паломники дружно подхватили. Машутка знала все песни, которые исполнялись в пути: и народные, и покаянные, а также песни на слова известных русских поэтов. Когда поешь, то на душе становится очень радостно, и никогда не устанешь.

— Через полтора часа — Минеральные Воды, — объявил батюшка. — Там нас ждет преподобный Феодосий.

Радость охватила Машуткину душу: еще один святой войдет в ее жизнь, ему она станет каждый день молиться, а он будет помогать ей в учебе, укреплять веру, еще больше любить маму и других людей. Машутка была уверена, что он и сейчас молится о ней, ведь он знает, что она едет к нему, и ей не терпится побыстрее поклониться его святым мощам.

II

Вдруг автобус замедлил ход и остановился. Водитель открыл переднюю дверь, и в салон вошел смуглый черно-волосый человек в защитной военной форме, в руках у него был автомат.

— Выхадыте! — грубо, с заметным акцентом закричал он. — Бийстро!

— В чем дело? — поднявшись с переднего места, спросил батюшка. — Зачем выходить?

— Нэ разговарывать! — рявкнул солдат. — Бийстро выхадить!

Водитель открыл вторую дверь, и паломники один за другим потянулись из автобуса, досадуя за непредвиденную остановку.

Их было трое, с грубыми невежественными лицами, заросшими жесткой щетиной; цепкими злыми глазами осматривали выходящих людей, каждый из них держал автомат на изготовку.

– Что это значит? – обратился к ним священник. – Разве сейчас военное время?

Все три кавказца, как по команде, навели на него свои автоматы, показывая, что не намерены разговаривать и выяснять отношения. Один из них, тот, что заходил в автобус, заорал на священника, сделав шаг по направлению к нему:

– Молчать! Пристрелю, как собаку!

Батюшка побледнел, сильно сжав кулаки опущенных вдоль тела рук; видимо, ему стоило больших усилий сдержаться и не прекословить бандитам. Паломники притихли, понимая, что дело принимает нешуточный оборот.

– Стройся в одну шырэнгу! – вновь заорал главарь. – Бийстро!

Он, а следом за ним и его сообщники ринулись на паломников, ударяя кого кулаком, кого дулом автомата, а кого и пиная тяжелым солдатским ботинком. Мама схватила Машутку за руку и почти бегом оттащила в сторону.

– Шырэнга! Шырэнга! – орали бандиты.

За каких-нибудь две-три минуты им удалось выстроить людей в одну цепочку, которая растянулась по безлюдному шоссе.

Никто не знал, для чего их выстроили и что их ждет.

Кроме священника, в группе было еще несколько мужчин, но их в общей массе как-то не стало видно. Мама крепко держала Машутку за руку.

– Сымай кресты! – заорал главарь.

– Сымай кресты! – еще громче заорал его сообщник.

– Сымай кресты! – заорал третий бандит.

Они ринулись на шеренгу, как волки на ягнят. Главарь приблизился к священнику, лязгнув затвором автомата и прицелился ему в лицо.

– Сымай – пристрелю!

Лицо батюшки напряглось, как будто ему предстояло прыгнуть с большой высоты. Он обеими руками взялся за светлый с матовым оттенком наперсный крест.

— Я пастырь и не могу без креста, — преодолевая отвращение к бандиту, сказал он.

— Можешь! Сымай!

— Зачем он тебе?

— Я хочу его растоптать!

— Он предназначен не для этого.

— Нет, как раз для этого! Сымай!

— Не сниму!

— Тогда прощайся с жизнью.

Бандит вскинул автомат и выстрелил в священника; очередь прошла в одном сантиметре над головой, сбив скуфейку.

Батюшка от неожиданности и страха присел, но креста из рук не выпустил.

— Считаю до трех, — рывкнул бандит. — И стреляю прямо в лоб. Раз! — Он чуть помедлил. — Два! — Поднял дуло автомата, целясь в лоб пастырю.

Тот не выдержал и дрожащими руками снял с себя крест.

— Бросай на зэблю, — приказал бандит.

Батюшка бросил.

— Топчи.

Батюшка наступил на крест ботинком.

— Вот так! Хороши пример! Все, все сымайте свои кресты. Иначе всех перестреляем.

Он дал длинную очередь по верху голов.

Два его сообщника между тем терзали других паломников, угрозой и грубой силой принуждая их снимать нательные кресты. Сняли все женщины, сняли все мужчины, сняли все подростки. И по приказу бандитов растоптали их. Это произошло в течение нескольких минут.

Остались только три человека, которые не сняли кресты: Машутка, ее мама и Сережа, Машуткин одноклассник, рослый не по летам мальчик с непокорными вихрами на голове; они стояли в самом конце шеренги, и до них еще не дошла очередь.

Один из бандитов, расправившись с очередным паломником, подошел к маме:

— Сымай крест.

— Ни за что!

В словах мамы слышалась такая уверенность, такая сила, такая убежденность в своей правоте, что бандит опешил. Он сделал шаг назад и внимательно посмотрел на маму. Мама, не дрогнув, встретила его взгляд. Бандит секунду помедлил, продолжая изучать мамино лицо, крепче сжал цевье автомата, а потом шагнул к Машутке:

— Ну, а ты? Сымешь?

— Нет! — смело ответила девочка, глядя прямо в глаза бандита. — Я не отрекусь от Христа! Потому что я люблю Его!

Бандит был поражен, услышав такой ответ. Он даже не нашелся, что сказать, только хмыкнул и, сделав еще один шаг, обратился к Сереже:

— А ты?

— Как Машутка, так и я! — звонким голосом воскликнул Сережа.

Остальные паломники напряженно ждали, что же будет дальше.

Главарь закинул автомат на ремне за спину, то же самое сделали и его сообщники.

— Дураки! — громко крикнул главарь. — Дураки!

И грубо захохотал.

Следом за ним захохотали его сообщники.

— А эти трое — молодцы!

Главарь кивнул в сторону Машутки, ее мамы и Сережи.

– Молодцы! – повторил он. А потом добавил: – Это была игра. Мы любим пошутить.

Кавказцы, громко стуча ботинками по асфальту, быстрым шагом направились к своему джипу, вскочили в него, джип сорвался с места и помчался по шоссе, стремительно удаляясь.

ПРАСКОВЬЯ

Рассказ священника

Я живу в Сергиевом Посаде и очень люблю его. Мне нравятся его тихие извилистые улочки, старинные храмы, деревянные дома, построенные в русском стиле, его зеленые оазисы и особенный хрустальный воздух, который, мне кажется, есть только у нас. Если бы мне предложили переехать в другой районный город, я бы ни за что не согласился – так прилепился всей душой к Сергиеву Посаду.

Мы с моей матушкой любим совершать пешие прогулки по нашему городу, каждый раз избирая новый маршрут. В один из теплых летних вечеров мы отправились в путь, намереваясь обязательно достичь окраины, – чем больше пройдешь, тем лучше себя чувствуешь. Не успели мы миновать и двух кварталов, как увидели маленькую щуплую старушку, которая вела себя как-то странно: пойдет в одну сторону, потом вернется, пойдет в другую, опять вернется.

Мы подошли к ней.

– Бабушка, – сказал я, – ты, наверно, заблудилась?

– Да, милоч, кажется, заблудилась.

– А где ты живешь?

– Не знаю.

– Как не знаю? Где твой дом?

– Где-то тут, а где, не знаю.

– Ну, давай вместе поищем.

– Хорошо, милоч.

Мы завернули за угол.

– Это твоя улица? Она называется Болотная?

– Вроде моя и вроде не моя.

Мы прошли еще немного.

– Это Клементьевская улица. Может, твоя?

– Кажется, моя.

– А как выглядит твой дом?

– Он большой.

– Это не твой? – я показал на одно из зданий.

– Не знаю.

Мы пошли дальше.

– Может, это твой дом?

– Кажется, мой.

Мы поднялись на второй этаж.

– А вот и моя фатера, – обрадовалась старушка.

Дверь была не заперта, да и замка никакого не было.

Мы вошли внутрь; старушка зажгла свет. Квартира была неприбранная, запущенная, воздух тяжелый.

– Как тебя зовут? – спросил я у хозяйки.

– Прасковья. Глупая Прасковья.

– С кем живешь?

– Одна.

– Родственники есть?

– Никого нет, все поумирали.

– Пенсию получаешь?

– Не сподобилась, сынок.

– Никто тебе не помогает?

– Свет не без добрых людей: соседи иногда принесут то супчика, то каши, то хлебца.

– Ты различаешь, когда день, а когда ночь?

— Мне все равно.

— А сейчас ты куда шла?

— Я встала перед иконами и помолилась: Никола-угодничек, говорю, смерть близка, а я к ней не готова. Помогите мне причаститься. Избави меня от адского огня. А потом встала и пошла.

— Куда же ты пошла?

— В церковь.

— В церкви причащают только утром. А сейчас уже вечер.

— Я в этом, милоч, не разбираюсь.

Мы попросались.

На другой день я пришел к Прасковье ранним утром, исповедал ее, причастил, а потом пособоровал. Я делал это в течение нескольких недель, пока старушка не переселилась в иной мир.

Ее привезли в храм, и я совершил отпевание; затем мы похоронили ее на городском кладбище. Имя новопреставленной Прасковьи я занес в свой поминальный синодик.

ТЕЛЕФОН

Рождественский рассказ

Прозвенел звонок, и ученики 7-го «Б», отложив книжки и тетради, устремились из класса. Большая перемена! Можно успеть сделать буквально все: и съесть вкусный бутерброд с ароматным какао, и обсудить с одноклассниками вчерашнюю телепередачу, и поиграть в снежки на улице. Федя Ступин предпочел последнее, решительно отложив все остальное. Так поступили многие мальчики из разных классов.

Через минуту на школьном дворе завязался настоящий бой: упругие снежки летели и справа, и слева, и Федя едва успевал уклоняться от них; правда, он и сам не зевал, посылая снежки в сторону особенно азартных игроков. Вскоре пыл снежной битвы выдохся, и Федя, вынув из кармана мобильный телефон, позвонил домой.

— Мама, — сказал он, — на следующей неделе начинаются каникулы, куда мы поедем?

— Наверно, выберемся на дачу на несколько дней, — ответила мама. — Но сначала мы ходим на концерт. Мне дали приглашительные билеты на всю семью. В Кремлевский дворец съездов.

— Ого! Вот повезло так повезло!

— Так что готовься.

Пока Федя разговаривал, на него внимательно смотрел Сережа Погодин, его одноклассник. В его глазах была заметна грусть. Федя знал, что у Сережи не было телефона и что тот очень сожалел об этом. Каждый день видеть и знать, что ты чем-то обделен, конечно, это трудно перенести.

— Сережа, а почему ты не заведешь себе телефон? — спросил Федя, закончив разговор и спрятав аппарат в карман.

— Не получилось. — Сережа глубоко вздохнул.

— Попроси папу.

— У меня нет папы.

— А мама?

— Она сказала, что у нее очень маленькая зарплата, и она не может позволить себе такую покупку.

У Сережи было печальное лицо, и Феде стало жаль его.

— Не горюй, — сказал он, — и не переживай. Все может измениться...

Вернувшись домой, Федя рассказал папе о своем однокласснике и о последнем разговоре с ним.

— Давай сделаем ему подарок, — предложил он.

— Прекрасная мысль, мой мальчик! — воскликнул папа. — Будем спешить делать добрые дела!

— Ура! — воскликнул Федя и бросился обнимать его.

На другой день, дождавшись большой перемены, Федя подошел к Сереже, который размышлял о чем-то невеселом, и это невеселое отражалось на его лице.

— В жизни все меняется к лучшему, — сказал Федя и без лишних слов вручил мальчику телефон.

— Это... это мне? — не поверил Сережа.

— Да, это мой подарок.

— Ты, наверно, шутишь?

— Ни капельки.

— Ой, даже не верится...

Лицо Сережи просияло. Федя ни разу не видел, чтобы он был таким счастливым.

— Телефон тебе подарил Сам Христос, — сказал Федя. — Моими руками.

— А кто Он такой?

— Он Господь Бог.

— Если Он дарит такие вещи, значит, Он добрый.

— Даже очень.

— Тогда я буду с Ним дружить.

— И правильно сделаешь: Он верный и надежный Друг.

Через неделю, когда Федя был на даче, раздался звонок. Он узнал голос Сережи.

— Сегодня у меня такое радостное настроение... такое радостное, что... — Сережа с трудом подбирал слова. — Мне хочется взлететь, как птица, и улететь высоко-высоко...

— Знаешь, почему тебе радостно?

— Нет.

— Сегодня Рождество Христово! Все радуются этому празднику — и земля, и Небо, и люди, и птицы, и животные...

— А, теперь понятно... Христос ведь очень добрый... Я и дальше буду дружить с Ним...

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Рассказ отроковицы

Я уже десять раз в своей жизни встречала Святую Пасху. Когда я была маленьким ребенком, мама на руках приносила меня на утреннюю службу в храм. А когда подросла, то приходила своими ногами. Папа обычно посещал ночную Пасхальную службу. Он возвращался рано утром, веселый, радостный, и громко поздравлял нас:

— Христос воскрес!

А мы с мамой отвечали:

— Воистину воскрес!

Я несколько раз просила папу взять меня на ночное богослужение, но он отвечал:

— Тебе, детка, еще рано; вот подрастешь, тогда можно.

Наконец мне исполнилось десять лет, и я сказала:

— Папа, я хочу на ночную службу.

Папа спросил:

— А ты выдержишь?

— Да, — без запинки ответила я.

— Служба долгая, несколько часов, — продолжал папа, — наверняка спать захочешь.

— Я буду прогонять сон.

— Захочешь пить или кушать.

— Потерплю.

Тут вмешалась мама:

— Доченька, у тебя сил не хватит.

Я подумала и сказала:

— Тогда я посижу на скамейке.

– Посидишь да и повалишься набок.

– Ты меня поддержишь.

Папа сказал:

– Ну ладно, вы решайте сами.

И ушел в другую комнату.

Мама спросила:

– Ты сильно хочешь на ночную службу?

– Да, сильно, – ответила я.

– Ну хорошо, – сказала мама, – сделаем так: ты часика два перед выходом поспишь.

– Ладно, – согласилась я.

Я легла в постель, но заснуть не могла: все представляла себе, как я буду на ночной службе стоять вместе со взрослыми и молиться вместе с ними. Потом я все же заснула. Меня разбудила мама:

– Анюточка, вставай, пора собираться.

Я быстро вскочила и быстро собралась: надела теплый шарф и теплую куртку, потому что на улице было холодно. Сначала мы ехали на метро, а потом немного на трамвае. А вот и храм; он мне знаком, потому что я бывала в нем много раз.

Храм был уже полон, нам раздали свечи, мы зажгли их, и тут загремели колокола – начался Крестный ход. Свечи ярко светились, казалось, плывет огненная река.

Возникло красивое пение:

Воскресение Твое, Христе Спа-а-а-се,

Ангели пою-у-ут на небесех...

Я смотрела вокруг и на небо, чтобы увидеть Ангелов, но видела только пылающие свечи.

И нас на земли сподо-о-оби

Чи-истым сердцем Тебе-е-е сла-ави-ити.

Я подняла свою свечку повыше, чтобы Ангелы видели ее; я не сомневалась, что они идут и поют вместе с нами.

Мы вошли в церковные ворота и остановились перед закрытыми дверями храма. Пение не прекращалось ни на одну минуту. Мы славили Воскресшего Христа. «Скорей бы войти в храм, — подумала я, — там мы еще дружнее будем славить Бога, и наша радость будет еще сильнее. Сейчас Ангелы откроют двери».

Так оно и случилось. Опять загремели все колокола, двери отворились, мы вошли в храм и поднялись на второй этаж. Батюшка был в ярком Пасхальном облачении, и когда он быстро шел по храму и кадил иконы и нас, то полы его облачения развивались, как крылья, и казалось, он не шел, а летел. Все, кого я видела — и пожилые, и молодые, — улыбались и пели:

Па-асха священная нам днесь показа-а-ася...

И я тоже пела, потому что не петь было нельзя.

Па-асха — Христос Избавитель...

Наши голоса не вмещались в храм и вылетали через открытые форточки на улицу.

Пасха двери Райские нам отверзающая...

Мне казалось, что открытые Царские врата — это и есть двери, ведущие в Рай, и мы сейчас один за другим начнем входить в них.

Радостию друг друга обьемем...

Я обняла маму, она обняла и поцеловала меня. Высокая русоволосая девочка, чуть постарше меня, тоже обняла свою маму и расплылась в улыбке.

А пение все время продолжалось, и моя душа от восторга готова была выпрыгнуть из тела.

Папы рядом с нами не было. Он был в красном стихаре, часто выходил из алтаря со свечой в руках и возвращался через другие двери.

Не знаю, сколько времени прошло, наверно много, только меня потянуло в сон.

— Мама, — сказала я, — мои глаза слипаются.

Мама взяла меня за руку, мы отошли назад и сели на лавку. Я прислонилась к маме, она обняла меня, глаза мои закрылись, и я незаметно уснула. Мне приснилось, что я нахожусь в таком красивом саду, каких никогда в жизни не видела. В нем было так светло, как на земле не бывает при самом ярком солнце.

В этом саду все пело: пели птички, сидящие на деревьях, пели чудные цветы, издававшие тонкий аромат, пели легкокрылые бабочки, пели кусты жасмина, пели прозрачные родники, пели невесомые облака, пело все, что видели мои глаза.

Мое сердце таяло от сладких и нежных звуков, а глаза не могли насмотреться на необыкновенную красоту.

Вдруг появился мой Ангел хранитель, я таким его и представляла.

— Тебя хочет видеть Христос, — сказал он.

— И я хочу Его видеть, — ответила я. — Очень, очень сильно.

— Ну и прекрасно, — молвил Ангел хранитель. — Пошли.

Путь наш был недолог, через одну-две минуты мы подошли к Престолу, на Котором сидел Господь наш Иисус Христос. Вокруг Него было много Ангелов. Я Его сразу узнала, ведь я много-много раз видела Его на иконах.

Его лицо было такое доброе и такое хорошее, каких я ни разу ни у кого не встречала.

— Здравствуй, моя дорогая деточка! — сказал Он, улыбаясь. — Очень хорошо, что ты пришла ко Мне. Я знаю, что ты любишь Меня. Ты пришла в храм на ночную Пасхальную службу, чтобы еще сильнее полюбить Меня. Я воскрес для того, чтобы дарить радость и чтобы все люди были счастливы. Я хочу подарить тебе Пасхальное яйцо, пусть каждый день твоей жизни будет Пасхальным!

С этими словами Он вложил в мою ладонь красное яйцо. Моя рука ощутила приятное тепло, а душа ощутила необыкновенный трепет.

В этот момент я проснулась, так как мама тронула меня за плечо.

– Анюточка, вставай, сейчас начнется причастие.

Я мигом вскочила. Оказывается, я спала в батюшкиной келии на его диване. В руках у меня было красное Пасхальное яйцо.

– Доченька, это ты с батюшкиной тарелки взяла? – спросила мама, указывая на тарелку, полную красных яиц.

– Нет.

– А где?

– Потом расскажу.

Батюшкина келия находилась в пристройке, на втором этаже, совсем рядом, и через несколько секунд мы были уже в храме. Братья и сестры один за другим подходили к Чаше. Я тоже подошла и причастилась Небесных Таин.

Когда причащение закончилось, батюшка воскликнул:

– Христос воскрес!

Мы (нас было почти сто человек) ответили:

– Воистину воскрес!

Да так дружно, с такой радостью и ликованием, что, наверно, стены храма дрогнули.

Уже рассвело, и мы пошли в трапезную разговляться.

Мама сказала:

– Доченька, ты обещала рассказать про яйцо. Откуда оно у тебя?

– Мне подарил его Сам Христос, – сказала я.

– Сам Христос?

– Да.

– Когда?

– Во сне.

– Вот почему ты улыбалась, когда я подошла разбудить тебя. А когда мы будем его кушать?

– Прямо сейчас.

Мама очистила яйцо и стала его разрезать.

– Мама, давай всех угостим, – сказала я.

– А хватит на всех?

– Конечно.

Мама делила яйцо на дольки, а оно не убывало, и она нарезала столько долек, сколько людей было в трапезной. И мы стали кушать.

– Какое вкусное яйцо!

– Это не яйцо, ой, даже не знаю, что и сказать...

– Что-то необыкновенное! – раздались голоса.

Никто так и не смог найти нужных слов, чтобы по-настоящему оценить небесный дар.

«ОДЕЯЙСЯ СВЕТОМ, ЯКО РИЗОЮ...»

Летний этюд

Я люблю смотреть на небо.

Оно необычайно красивое! Оно красивое и утром, и днем, и вечером. Утром и вечером на нем вспыхивают зори, которые полыхают волшебными красками. А днем небо украшают облака – и маленькие, и большие, ярко-белые, как антарктический лед, и серебристые, как свадебный сервиз. Диву даешься, какие причудливые очертания они принимают! Вот в воздушном океане плывет черепаха, высунув из своего панциря голову, да такая громадная, что ее глазом не охватишь; а вот мишка косолапый, он лежит на спине с поднятыми лапами, на которых видны большие загнутые когти; а вот рысь в стремительном прыжке, готовая схватить свою добычу; а вот цапля

замерла на одной ноге, жалко, клюв у нее слишком короткий.

Я люблю смотреть на небо.

Минуту назад оно было совершенно чистое, синева прямо слепила глаза, и вдруг появились облака, они появились из ничего. Еще минута, и они покрыли все воздушное пространство, они плывут, плывут и плывут — это похоже на ледоход на великой сибирской реке.

Вскоре ледоход закончился, и появились три больших-пребольших облака; их освещали солнечные лучи, и они купались в ярком-преярком свете, а нижние части были темные; солнечные лучи пытались прорваться к ним, чтобы порадовать их, но, к большому сожалению, им это не удавалось; зато края облаков, тонкие, нежные, ажурные, светились и играли. Облака медленно двигались на юг, освобождая небосклон для других воздушных странников.

Я люблю смотреть на небо.

Неожиданно на западе появилась большущая темная туча, она быстро закрыла почти все небо; упали первые капли редкого нерешительного дождика, он как бы раздумывал, как ему быть — то ли пролиться шумным игривым потоком, то ли слегка оросить землю и на этом успокоиться.

И положи тму закров Свой, окрест Его селение Его, темна вода во облацех воздушных.

Туча между тем продвигалась к востоку, по-прежнему не пропуская солнечные лучи, но было ясно, что скоро все изменится; через минуту дождик прекратился, ближний край неба посветлел, и вскоре от тучи ничего не осталось. И снова солнце стало полновластным хозяином воздушного пространства, и снова появились маленькие белые облачка, которые никуда не спешили.

Я люблю смотреть на небо.

Оно нежно-голубое, это бездонный необъятный океан, по которому плывут прекрасные облака-корабли. Они плывут, подгоняемые свежим упругим ветром. Куда они плывут? В какие неведомые края? Где их конечная пристань? Бог весть...

И взыде на Херувимы, и лете, лете на крылу ветреню...

Я люблю смотреть на небо.

Облака — это Божии создания, пусть временные, на краткий срок, но они украшают небо, делают его чрезвычайно привлекательным. Небо без облаков — это то же самое, что театральная сцена без актеров.

Нужно как можно чаще смотреть на небо, чаще, чем на землю, потому что земля — наше временное жилище, а Небо — вечное.

Я люблю смотреть на небо.

Господи, когда я переселюсь из этой временной земной хижины в Небесный Чертог? Сколько времени осталось до удара колокола, который возвестит об отправлении воздушного облака-корабля? На какой остановке я выйду? И какая Небесная Обитель по неизреченной милости Божией примет меня под свой кров?..

Я люблю смотреть на небо.

Чтобы увидеть небо, надо поднять голову и устремить глаза вверх, и тогда перед тобой откроется новый удивительный мир, который полон самых разнообразных открытий.

Я люблю смотреть на небо.

Счастливы люди, которые живут в деревне, на лоне природы. Они видят небо каждый день, там нет высоких зданий, башен, вычурных строений, которые закрывают небесный свод, там небо рядом, до него, образно говоря, рукой подать. Не то в городе, среди лавин автомобилей, надоедливо шума, толкотни, ругани, спешки; тут некогда даже взглянуть вверх, да если и взглянешь, то мало

чего увидишь, взгляд остановится на какой-нибудь дикой рекламе или кричащей вывеске, или на гладкой, сверкающей поверхности высотного здания.

Я люблю смотреть на небо.

Там иная жизнь, иные картины, иные краски, иные путники...

Одейся светом, яко ризою, простираяй небо, яко кожу... полагаяй облаки на восхождение свое, ходяй на крылу ветреню...

Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь...

Вдруг появились три облака необыкновенной красоты. Вот на таких облаках верные православные христиане и отправятся в Райские Обители, подумал я, глядя на тихое и плавное движение небесных странников.

ПОЕЗДКА В МОНАСТЫРЬ

Рассказ паломницы

I

Мне очень нравятся паломнические поездки, и когда Ирина Полякова, с которой мы дружим более двадцати лет, пригласила меня поехать в Оптину пустынь, я сразу согласилась.

— Когда выезжаем? — поинтересовалась я.

— Завтра.

— Тем же составом?

— Да.

Мне не нужно было ничего больше объяснять, так как «тем же составом» означало: за рулем Татьяна, а с ней ее закадычная подруга Ксения. В течение нескольких по-

следних лет мы совершили не менее дюжины поездок: были в Иоанно-Богословском монастыре, что под Рязанью, в Оршинской обители вблизи Твери, посетили Калугу, Ярославль, Вологду, Углич (в этих городах очень много святынь), молились в Дивеевской женской обители и во многих других местах.

«Экипаж машины боевой» — так я шутливо называю себя и своих подруг. Коротко расскажу о них. Ирине около сорока, она очень деятельна и подвижна, не любит долго засиживаться на одном месте; именно она предлагает очередную паломническую поездку, готовит ее, собирая необходимую информацию. Ирина большая молитвенница; богослужение — это ее стихия: она не пропускает ни одного значительного праздника, в обязательном порядке посещает как всенощное бдение, так и Божественную Литургию. Если в Москву привозят какую-нибудь святыню из Греции или из Италии, то Ирина старается посетить ее в первый же день. Мы стараемся не отставать от нее, но нам это плохо удается, за Ириной редко кто угонится.

Добавлю, что она работает учительницей в православной гимназии, учит своих подопечных церковному пению. Мы с ней коллеги, с той лишь разницей, что я преподаю иностранные языки в обычной школе; да и возраст у нас почти одинаковый, она младше меня всего на четыре года.

Татьяна и Ксения — неразлучные подруги; их можно принять за сестер-близнецов (они одинакового роста и примерно одинакового телосложения, ходят в кроссовках); но они не близнецы, потому что у Татьяны рыжеватые волосы, а у Ксении каштанового оттенка; кроме того, если у первой тонкие черты лица, то у второй полные румяные щеки, говорящие об отменном здоровье ее хозяйки.

Подруги любят заниматься физкультурой, в частности, спортивной ходьбой, поэтому у обеих прекрасная осанка.

Татьяна виртуозно водит машину; ее папа, ученый физик, в день восемнадцатилетия подарил ей светло-серую «Тойоту»; она ее быстро освоила, чему удивилась больше всего сама. «У меня прорезался водительский талант», — призналась она. На этой машине мы и совершаем поездки к разным святыням, благо, их на Руси очень много.

Татьяна и Ксения — молодые специалисты: первая — дизайнер, вторая — эколог.

II

Ну вот, после небольшого вступления я могу приступить к изложению нашего путешествия в Оптину. Эта обитель нам хорошо знакома, так как мы бывали в ней уже несколько раз. Но если бы мне и моим подругам удавалось посещать ее чаще, то мы были бы просто счастливы. Потому что эта обитель особенная, таких больше нет.

Мы мчимся по Калужскому шоссе; у нас есть уговор: в дороге посторонними разговорами не заниматься, чтобы не мешать водителю, подмосковные трассы весьма загружены. Мы спели тропарь преподобному Амвросию Оптинскому, а потом я вслух стала читать ему акафист, это самое лучшее, что можно придумать; мы всегда так поступаем; время летит незаметно, и все идет гладенько.

Оптина встретила нас сладкозвучным напевом колоколов; солнце плавилось в церковных луковках; стая голубей тихо кружила над надвратной часовней; трубящие ангелы на угловых башнях напоминали о том Страшном Часе, которого не миновать ни одному человеку.

Когдаходишь в Оптину, то все мирские мысли улетучиваются, как утренний туман, и душа прилепляется к небесному, ей становится так хорошо, как никогда. Это я говорю не только о себе, но и о своих спутницах.

Ноги сами собой привели нас в Введенский храм; нам повезло: у раки преподобного Амвросия совершался молебен; очень молитвенно звучал хор; мы приложились к мощам преподобного, а потом батюшка помазал нас святым елеем.

После этого мы посетили Казанский храм, помолились у святынь, а затем прошли в юго-восточную часть обители, где похоронены оптинские новомученики: иеромонах Василий, иноки Трофим и Ферапонт. Здесь мы пробыли... не могу точно сказать, сколько времени мы здесь пробыли, но уходить от их могилочек не хотелось — так благостно было на душе.

— А теперь куда? — спросила Татьяна, когда мы вышли из часовни, посвященной новомученикам.

— Куда старцы приведут, — сказала Ирина. — Здесь мы живем по их воле, а не по своей.

Через несколько минут мы ступили под своды Владимирского храма, от души помолились угодникам Божиим, а когда вышли на улицу, то увидели объявление. Оно гласило: «Просим желающих помочь в уборке храма. Начало уборки в 16-30».

— Очень хорошая просьба, — проговорила Ирина, переводя взгляд с объявления на нас. — Как вы считаете, сестрички?

— Нормальная просьба, — сказала Ксения.

— Все себе да себе, надо и для монастыря что-то сделать, — продолжала Ирина. — Потрудимся немножко?

— Конечно, — поддержала я Ирину. — Разомнемся чуть-чуть.

III

Не успела я произнести эти слова, как на крыльце появилась высокая женщина с бровями, похожими на птичьи

крылья, и глубоко спрятанными под ними глазами-буравчиками; она была в темном халате и темном платочке, завязанном широким узлом под подбородком.

— Ну как, мои золотые, внесем малый вклад в спасение своей души? — обратилась она к нам, каким-то чутьем угадав, что мы как раз те люди, которые ей нужны.

— Преподобный Амвросий советует не упускать ни одной такой возможности, — ответила Ирина.

— Ну тогда за дело, — без лишних слов распорядилась женщина. — Старшие — мыть полы, а младшие — на подсвечники.

Она вручила каждому из нас фартуки и резиновые перчатки; Ирину отправила в левое крыло храма, а меня — в правое.

— Тебя как зовут? — спросила она, когда я, взяв ведро с теплой водой в одну руку, а швабру с тряпкой — в другую, прибыла к месту назначения.

— Зинаида.

— А меня Мавра, — отрекомендовалась женщина. — Умеешь мыть пол?

— Кажется, да; с юных лет этим занимаюсь.

— Ну, посмотрим.

Я опустила тряпку в ведро, а потом как следует отжала ее.

— Зинаида, ты что творишь? — строгим голосом спросила Мавра.

— Как что? — не поняла я. — Отжала тряпку.

— Кто же так отжимает?

— Я что-то не так сделала?

— Конечно, не так.

— А как нужно? — Я, откровенно говоря, не совсем понимала Мавру.

— Нужно отжимать не очень сильно и не очень слабо, чтобы в тряпке сохранялась влага; тогда ты сможешь мыть пол, а не подметать.

Я снова опустила тряпку в ведро и отжала ее не очень сильно, но и не очень слабо. Мавра внимательно наблюдала за моими действиями:

– Ну, ну, давай дальше.

Я накинула тряпку на *плечики* швабры и аккуратно закрутила ее.

– Кто так делает? – по-прежнему строго спросила Мавра.

– Опять не то?

– То то и оно, что не то.

– А как лучше?

– Ты закручивала тряпку *к себе*, а надо *от себя*. Ты же будешь водить шваброй туда-сюда, и тряпке так способнее выполнять свое дело.

Я, не говоря ни одного слова в свое оправдание, заново уложила тряпку, как требовала моя начальница. Мыть начала с самого дальнего угла, где находились две раки под красивой сенью – преподобного Льва и преподобного Макария.

– Святые угодники Божии, – помолилась я, не выпуская швабру из рук, – помогите мне, неумехе, выполнить мое послушание как можно лучше.

IV

Я вымыла уже значительную часть пола, когда снова появилась Мавра.

– Сколько раз отжала тряпку? – спросила она.

– Да, наверно, раза четыре.

– Это никуда не годится! Видишь, вода уже мутная. Самое большее три раза – и воду менять! Понятно?

Я взяла ведро, вынесла его на крылечко и взяла новое ведро с теплой водой, которое приготовил Юра, улыбочивый белобрысый паренек-трудник.

Все ошибки я «намотала на ус», и дело у меня пошло гладенько и быстро; я радовалась в душе, что мою пол не в обычном храме, а в таком, где покоятся мощи великих угодников Божиих, и что они помогают мне, и, даст Бог, я благополучно завершу мое послушание, а Мавра не будет сильно сердиться на меня.

Вода в ведре чуть помутнела, и я поняла, что надо заново прополоскать тряпку. Я прислонила швабру к стене, около окна, там, где было небольшое свободное пространство.

— Ты что наделала? — коршуном налетела на меня Мавра; это произошло так неожиданно, что я вздрогнула.

— Что такое? — не поняла я.

— Ты куда поставила швабру?

— К стене.

— Да разве можно так поступать? Ты же взрослый человек, и у тебя голова на плечах, а не чурбан.

— Да, да, — лепетала я, еще не понимая, куда клонит Мавра.

— Швабру нельзя прислонять к стене. Это храм, дом молитвы, понимаешь?

— Понимаю.

— Рядом преподобный Анатолий (Зерцалов), неужели ты не чувствуешь святыни?

— Как же, чувствую.

— А если чувствуешь, то почему не поступаешь так, как подсказывает тебе совесть?

— Да я как-то... не подумала.

— Вот и плохо, что не подумала. Надо думать, моя дорогая. Ты ведь не дома, а в монастыре, тут святыни на каждом шагу.

— Да, да, — закивала я головой. — Но куда мне швабру-то прислонить?

— Не прислонить, а положить. Положить на пол.

— А, вот в чем дело.

Я взяла швабру и положила ее на пол, на то место, которое еще не было вымыто.

Мавра убежала вразумлять моих подруг, а я, воспользовавшись этим «тайм-аутом», принялась за прерванное дело. Я глядела на чистенький пол в передней части храма и радовалась про себя, что кое-что у меня все же получилось.

— Преподобный Анатолий, прости меня за мою оплошность, — помолилась я между делом, — это я все по моему неведению и неразумию. Ты на меня ведь не сердишься?

«Нет, он не может на меня сердиться, — подумала я, проворнее прежнего орудуя шваброй. — Святые вообще на нас не сердятся, они только молятся о нас. Вымою последние три плиты, и все, я свободна».

В этот момент, как из-под земли, передо мною выросла Мавра.

— Зинаида, я же тебя предупреждала, — строгим голосом проговорила она.

— О чем? — не поняла я.

— Ты по-прежнему не моешь, а лишь сметаешь пыль.

— Ну как же? — попыталась я возразить. — Тру изо всех сил.

— А что толку? Стыки между плит остаются не промытыми. Их же надо тщательнейшим образом промывать.

— А как? — брякнула я.

— Ну неужели тебя надо этому учить? Сама догадайся.

И Мавра быстрым шагом скрылась за колонной.

Над последними плитами я трудилась, наверно, столько же времени, сколько над предыдущим пространством. Но зато осталась довольна проделанной работой. И не только я, но, кажется, и Мавра.

V

Я сняла перчатки, фартук, вышла на улицу и села на скамейку. Ярко светило весеннее солнце, легкий ветер играл яблоневыми листьями, большие рыхлые облака вальяжно плыли в небесной лазури.

Через минуту появилась Ирина.

— Ну как? — встретила я ее вопросом.

— Ой, не говори, — вздохнула Ирина, усаживаясь рядом со мной. — Искушение, да и только.

— Стружку сняла с тебя?

— Не только стружку, но и... — Ирина неожиданно засмеялась. — Успевай только поворачиваться.

— Урок!

— Еще какой! Мне давно не хватало такого урока. Я очень благодарна Господу... А что же Таня и Ксюша так долго не появляются?

— Даст Бог, и они освободятся; да вот и они легки на помине, — сказала я, увидев, как Таня и Ксюша появились в дверях храма.

— Ну, рассказывайте о своих впечатлениях, — обратилась к ним Ирина, когда они сели на скамейку.

— Их так много, что не знаешь, с чего и начать, — сказала Татьяна.

— А ты по порядку.

— Мне казалось, привести в порядок подсвечник — это просто, а на деле вышло по-другому.

— Что же там сложного-то?

— Это не работа, а целая эпопея. Во-первых, нужно убрать огарки; во-вторых, прочистить гнезда там, где огарки догорали до нуля; в-третьих, вычистить щеткой всю поверхность подсвечника; в-четвертых, протереть ее тряпкой, смоченной в лампадном масле; в-пятых, не забыть про стояк, его тоже надо как следует протереть.

Вы думаете, это все? Как бы не так. Про лампадку, небось, забыли? В нее надо налить маслица, поправить фитилек. Плюс основание подсвечника. Насчет него Мавра на меня надела. Говорит: «Когда ты идешь на праздничный вечер, туфельки у тебя блестят?» «Блестят». «А основание подсвечника должно блестеть в три раза сильнее». «А для чего?» — возразила я. Мавра вонзилась в меня своими глазами-буравчиками. «Татьяна, — строго спросила она, — ты где находишься?» «Ну как где, здесь...» «Ты находишься в монастыре. А в монастыре свою волю надо спрятать в карман. И быть в послушании у старшего...» «Да я и так...» «Пока я этого не вижу». «Я буду изо всех сил стараться».

И в самом деле, старалась так, как давно не старалась. Отойду на два метра от подсвечника — блестит; зайду с другой стороны — блестит. Основание пылает огнем. Красота!

Мавра, проходя мимо, взглянет своими буравчиками; я думаю, сейчас замечание сделает. А она промолчит. Но все равно натерпелась, страсть как натерпелась.

— И я, по правде сказать, тоже натерпелась, — вступила в разговор Ксюша. — Пока там была, — она кивнула головой в сторону храма, — коленки все время дрожали. Хотела сбежать, да стыдно стало за такую мысль. Слава Богу за все! Главное, польза есть.

— Какая? — повела бровью Таня.

— Эта ситуация была дана нам для смирения, которого у нас очень и очень не хватает.

— Золотые слова, — поддержала ее Ирина.

Мы не заметили, как к нам подошла Мавра. Мы, как по команде, встали. Лицо у нашей начальницы было ясное и тихое, в глазах (буравчики куда-то исчезли) светились кротость и доброта. Я обратила внимание на ее руки,

они были большие, натруженные, с темными выпуклыми венами.

– Матушка, – сказала я, – простите нас великодушно, мы люди мирские, бестолковые, к монастырю не приспособлены...

– Это вы простите меня, глупую, – возразила Мавра. – Простите мои выходки, городила невесть что... Спасибо вам, мои ангелочки, за помощь. Так хорошо прибрали храм, как никто еще не прибирал. Святые угодники Божии, что покоятся в нашем храме, вашу добрую лепту, наверно, уже положили к Престолу Божию...

И она низко поклонилась нам.

ГРОЗА

I

Неожиданно начался дождь, и я поспешил под козырек автобусной остановки, где уже находилось несколько человек; если бы дождь был морозящий, пустыковский, я бы продолжил свой путь пешком и дошел бы до офиса за каких-нибудь десять-пятнадцать минут, но ливень был нешуточный, темная, тяжелая туча (ее брюхо почти касалось вершин деревьев) закрыла все небо, и я решил переждать ненастье. Через минуту наше временное пристанище пополнилось: две женщины от дождя почти не пострадали, потому что у них были зонтики, а вот полный мужчина с большими залысинами, похожими в миниатюре на две лагуны, с широкими густыми бровями и мясистым носом, промок изрядно. Впрочем, его это мало волновало; кажется, он был даже рад, что принял летний душ; он пригладил редеющие волосы, смахнул со лба до-

ждевые капли, поправил ремень сумки на плече, обронил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Добрый дождь, ничего не скажешь. — Он обвел глазами небо, покачал головой, сказал уверенно: — Это надолго.

— Вот и хорошо, Михаил Иванович, — сказал я, обращаясь к нему, — все, что ни делается, все делается к лучшему.

Михаил Иванович был моим давнишним другом; мы учились с ним в одном классе; я сошелся с ним ближе, чем с другими одноклассниками, это произошло потому, что у нас было одно и то же увлечение — лыжный спорт; мы участвовали в разных соревнованиях и несколько раз занимали призовые места. Мы дружили с ним все школьные годы, а после школы поступили в разные институты, поэтому встречались не часто. А потом, с годами, наступила такая суетливая, полная всяческих забот и тревожных дел жизнь, что мы перестали встречаться и только изредка звонили друг другу. А потом звонки и вовсе прекратились.

Однако это не значило, что я забыл своего друга. Таких друзей, как Мишка, не забывают: за все время нашего общения он мне ни разу не солгал, ни разу не обманул, а если давал слово, то всегда его держал.

Михаил Иванович обернулся на мой голос и просиял:

— Сергей Васильевич! Вот так встреча! Никак не ожидал!

— Я тоже не ожидал. Если б не дождь, ты бы промчался мимо.

— Это уж как пить дать.

— Чем занимаешься? Все там же, в Мосстрое?

— Нет, теперь я в частной компании; новое место, поэтому пашу, как вол. Свободного времени — ни одной секунды; некогда газету взять в руки, чтобы узнать, что де-

ляется на белом свете. Новостей видимо-невидимо, а я в стороне. Скажи, ты следишь за событиями?

– Стараюсь.

– Ну тогда просвети меня. Краем уха слышал про какую-то Матильду. Что это за Матильда?

– Это фильм, который состряпал некий Учитель.

– Учителя у нас всегда были в почете.

– Он хоть и называет себя Учителем, но он вовсе не учитель.

– Кто же он?

– Антиучитель.

– Ты меня заинтриговал. Рассказывай о нем дальше.

– Он состряпал клеветнический фильм «Матильда», в котором облил грязью Царя– мученика Николая Второго и всю его Семью.

– Каким образом?

– Он использовал историю знакомства цесаревича Николая с балериной Матильдой Кшесинской. Знакомство было недолгое, можно сказать, поверхностное, они виделись всего несколько раз...

– Все это понятно, а дальше что?

– Да ничего особенного. Это была платоническая любовь, не больше. А Учитель в своем фильме все исказил: будто у цесаревича с Матильдой была связь, причем нешуточная и долгая, будто он занимался прелюбодеянием, будто... всю грязь, пошлость и мерзость, которую режиссер выплеснул на экран, трудно себе и представить...

– Для чего, спрашивается, он это сделал?

– Скорей всего, это был заказ.

– Надо же, какие заказы бывают в наши дни... А что за человек этот Учитель?

– Он профессиональный режиссер, создал много фильмов – как документальных, так и художественных, и все они с червоточинкой. Он давно специализируется на лжи.

— Понятно. Если уж оседлал ложь, то не слезет с нее до конца жизни. Бойся клеветника, как злого еретика.

— Кстати, не он первый нападает на Царя— мученика, и не он последний.

— В чем тут дело?

— Царь-мученик Николай Второй — центральный нерв Русской Жизни. Он — Помазанник Божий, то есть поставлен на Русский Престол Самим Господом Богом. Это сакральная личность. Господь сказал: «Не прикасайтесь к помазанным Моим». Это условие было нарушено: сначала приближенные Государя заставили его покинуть Российский Престол, а потом инородцы расстреляли Царя и всю его Семью в Екатеринбурге, в ипатьевском подвале. И никто их не защитил. Никто! Гнев Божий не заставил себя долго ждать — Русская Земля на долгие-долгие годы погрузилась в кромешную тьму.

— Рассвет, мне кажется, не наступил и по сию пору.

— Верно. Грех, совершенный русским народом, до сих пор нераскаян, он висит над нами, как дамоклов меч. Отдельные христиане, конечно, покаялись в этом грехе, но этого мало, надо, чтобы весь народ покаялся. Но как он это сделает, если знает Царя-мученика и его Августейшую Семью в искаженном виде? Имена святых страстотерпцев подвергаются страшному хулению до сих пор. Это делается всеми возможными способами: в печати, на радио, по телевидению. Придумываются всякие небылицы. Помнишь, лет двадцать назад в Санкт-Петербурге, в Петропавловском соборе, захоронили «царские останки». Это был элементарный подлог, никаких «царских останков» не существует, их тщательнейшим образом, с применением серной кислоты, сожгли в Ганиной Яме.

Совсем недавно, где-то поблизости от нее, снова стали искать все те же «царские останки».

— Зачем искать, если их нет?

– Не знаю. И снова нашли.

– Что?

– Якобы главу Царя-мученика. И даже, говорят, обнаружили след на его черепе от удара сабли (удар нанес какой-то фанатик во время пребывания цесаревича в Японии). Хочешь верь, хочешь нет.

– Не верю.

– Говорильня вокруг этой «находки» уже началась и неизвестно когда закончится.

– Пусть говорят, а ты мне лучше продолжи про «Матильду».

– Этот фильм – очередная духовная диверсия не только против Царской Семьи, но и против нашей матушки-России.

– Поясни.

– Если фильм выйдет на экраны, то образ благочестивого Русского Царя Николая Второго померкнет для русского народа навсегда, и он, русский народ, уже не сможет покаяться в грехе цареубийства.

И это будет конец.

Поэтому сейчас для всех нас, для всей России наступил **ЧАС ИСТИНЫ. ТОТ ЧАС, КОГДА РЕШАЕТСЯ СУДЬБА СТРАНЫ.**

– Ты не преувеличиваешь?

– Нисколько. Эту ситуацию очень хорошо понимают не только православные христиане, не только патриоты России, но и все неравнодушные к судьбе нашего Отечества люди, все, в ком бьется совестливое сердце, все, кто исповедуют Истину. Именно эти люди в первую очередь восстали против гнусного, омерзительного, пошлого фильма, против сатанинской лжи.

– Я встаю в эти ряды!

– Молодец, Михаил Иванович! Я раньше знал тебя как честного человека, для которого правда превыше всего,

таким ты и остался... *Сто лет назад русские люди не защитили своего Царя и пожали тлен; если мы сегодня его не защитим, то пожнем смерть.*

— Да не будет! — горячо, во весь голос, воскликнул Михаил Иванович и весь как-то встрепенулся, выпрямился, взор его сделался смелым, ярым, горящим. — Нет и еще раз нет! Что мне сделать, чтобы внести свою лепту в нашу победу? — спросил он.

— Сейчас многие московские храмы собирают подписи против этого фильма, чтобы он не вышел на экраны. Зайди в ближайший храм и поставь свою подпись.

— Обязательно зайду, — пообещал Михаил Иванович.

II

Дождь между тем не переставал; крыша автобусной остановки прямо-таки гудела от водяного потока; тучи еще более сгустились, и стало так темно, как будто наступила ночь.

— Ну зарядил так зарядил, — сказал кто-то в толпе.

— И автобуса как на зло нет, — откликнулся другой.

— Проторчим здесь невесть сколько, — проворчал третий.

— Ничего, прорвемся, — громко сказал Михаил Иванович, — главное, не дрейфить.

Голоса смолкли.

Вскоре ливень ослабел, ветер разогнал тучи, и снова посветлело.

— Сергей Васильевич, мне пришли на ум лучшие патриоты России: Александр Невский, гражданин Минин и князь Пожарский, Суворов, Кутузов и, конечно, Сталин, — сказал Михаил Иванович, блестя глазами. — С них

и надо брать пример, чтобы помочь России. Как ты считаешь?

— Верная мысль. С кого бы нам начать?

— Да хотя бы со Сталина, он ближе всех по времени. Когда для России наступала критическая ситуация, он делал единственно правильный ход и выходил победителем.

— Как бы он поступил сегодня?

— Он бы решил вопрос быстро и решительно.

— А именно?

— Приказал бы этот фильм сжечь! И нам нужно добиться того, чтобы кощунственная лента была предана огню! — Михаил Иванович сжал ладони в кулаки. — Я бы первый зажег спичку. Чтобы «Матильда» сторела ярким белым пламенем! Хорошо бы это сделать на какой-нибудь площади, при большом стечении народа.

— Хорошее предложение, — вступила в разговор одна из двух женщин, пришедших к остановке с зонтиками. Она была в симпатичной блузке бежевого цвета и светлых, тщательно отутюженных брюках. — Это произвело бы сильное впечатление. В 12–13-ом веках, да и позже, на городских площадях Руси происходило много чего интересного; например, колдунов, еретиков и богохульников сжигали на кострах, чтобы оградить народ от растления. Строгая мера, но справедливая... Сейчас, конечно, другое время, людей не сжигают, но вредные, богохульные книги, а также фильмы почему бы не сжечь?..

— Пока фильм не будет уничтожен, тучи не разойдутся над Россией, — сказал я, радуясь, что у меня появился еще один единомышленник. — Тьма будет с каждым днем сгущаться. А нам и так дышать нечем. И даже погоды, скорей всего, не будет хорошей. Над нами будут греметь грозы, нас будут заливать дожди, и солнце будет светить из-за туч все реже и реже.

— Господи, да что же такое творится с нами? — вздохнула седовласая женщина, которая сидела на скамейке с сумкой на коленях. — И когда этому будет конец?

— Дожили до веселых деньков, — поддержала ее другая женщина, помоложе, с гладкой прической, сидящая рядом с нею.

— Видно, недалек умом этот режиссер, — продолжала седовласая женщина. — Не зря же говорят: правду погубишь, и сам с нею пропадешь. — И добавила, чуть помолчав: — И Мамай правды не съел.

Наш разговор, кажется, стал достоянием всех людей, которые волею случая оказались на автобусной остановке.

— Я по специальности юрист, — сказала женщина в бежевой блузке, — много лет работала прокурором, и я знаю, как поступить с авторами фильма по всей строгости закона. Их можно и нужно привлечь к уголовной ответственности как предателей Родины. Чтоб другим не повадно было. Таких людей надо срочно изолировать; в местах, не столь отдаленных, у них, будет хорошая возможность подумать о своей жизни.

— А можно и по-другому поступить: лишить их гражданства и выдворить за пределы России. — Михаил Иванович рубанул рукой воздух. — Поскольку им Россия не мила, то пусть живут вдали от нее.

— А перед тем, как они покинут ее, наградить их орденами Мазепы. — Это сказал интеллигентного вида старичок с тросточкой в руке. — Они их, право же, заслужили... Этот лжец-режиссер... как его... а, не важно, как... он, по-моему, опаснее Гитлера... Тот хотел физически уничтожить русский народ, а этот избрал более изощренный способ — омрачить его сознание; даже ежу ясно, что народ с омраченным сознанием — это уже не народ, а труп...

Дождь между тем продолжал барабанить по крыше, правда, не так настырно, как раньше.

— А на чьи деньги создавалась эта грязная картина? — спросила вторая женщина с зонтиком. Она была в темном платье и в бордовом платочке на голове. — На свои, что ли?

— Как бы не так, — быстро отреагировала женщина-юрист. — На наши с вами, на деньги налогоплательщиков.

— И много они угробили?

— Сумма умопомрачительная — полтора миллиарда рублей.

— Ой, матушки-светы! Чё натворили! Чё натворили! На эти деньги можно было бы и пенсионерам помочь, и больницы открыть, и храмы отремонтировать.

— Вот пусть они и вернут эти деньги, — решительно проговорил Михаил Иванович. — И не только они, но и те люди, которые распорядились выдать их. Все, до копейки.

— Надо же, до чего дошли. Тратить народные деньги на клевету, а! — продолжала возмущаться женщина в темном платье. — Ужаси!

— Это еще не все сюрпризы «Матильды», — сказал я, обращаясь не только к своему другу, но и к остальным собеседникам.

— Что еще может быть? — любопытствовал интеллигентный старичок.

— Режиссер пригласил на роль Государя Императора немецкого актера, который исполнял порнографические роли.

— Ужас! — воскликнула бежевая блузка. — Ужас, да и только!.. Это сделано для того, чтобы усугубить глумление над нашим Царем-батюшкой.

— Надо же, какой лиходей! — поддержала ее женщина в темном платье. — Видно, его сам сатана пестовал.

— Не иначе, — сказала бежевая блузка. — Царь Николай Второй и Его Августейшая Семья прославлены в лике святых; они — мученики за Христа, украшение нашей Церкви; мы почитаем их и молимся им. А этот, с позволения сказать, режиссер изгаляется над ними. Позор!

— Да еще какой!

— Он воюет против всей Церкви, «столпа и утверждения истины», главой которой является Христос, — сказал я. — Он богоборец; ленины, троцкие, зиновьевы, свердловы и другие «знаменитые» богоборцы — его духовные вожди.

— Выходит, он ученик, а не учитель, если правильно расставить акценты, — заметила бежевая блузка.

— Он посягнул на самое ценное, самое заветное, самое священное, что у нас есть, — на нашу православную веру, — продолжал я. — Иезуитский ход. Он ведь знает, что пока есть вера в народе, жива и Россия, не будет веры — не будет и России.

— Значит, — интеллигентный старичок поднял вверх указательный палец, — он изготовил мину под основы нашего государства.

— Тот еще диверсант! — воскликнула женщина в темном платье.

— Сегодня утром (надо же быть такому совпадению) я открыл Евангелие, — интеллигентный старичок поднял второй указательный палец, — и прочитал: «Добрый человек из доброго соколовища выносит доброе, а злой человек из злого соколовища выносит злое». Второе как раз про нашего «героя».

Я слушал моих собеседников и радовался, что они здраво мыслят. «Не все потеряно, — подумал я, — если есть такие люди».

III

— Кажется, погода пошла на поправку, — уронила женщина в темном платье.

— Я бы не сказал, — возразил интеллигентный старичок. — Посмотрите-ка налево: не иначе, как затевается новый потоп.

И правда, слева надвигалась огромная, мрачная, антрацитовая туча; не прошло и минуты, как она закрыла все небо; снова потемнело. Налетел сильный, порывистый ветер, под его напором деревья по обеим сторонам улицы закачались и зашумели. Дождь обрушился на землю шумными потоками; крыша автобусной остановки снова загудела. Блеснула ослепительная, в долю секунды, молния, и тотчас, словно залпы артиллерийской батареи, загрохотал гром; не прошло и минуты, как несколько жгучих молний прорезали ненастье, а затем ударил такой оглушительный, прямо над нами, раскат грома, что затряслась земля, и мы, сбившись в тесную толпу, втянули головы в плечи.

Водный поток низвергался сплошной стеной; улица превратилась в настоящую реку; крупные градины, словно мячики, прыгали на тротуаре; крыша над нами гудела так, что было больно ушам.

В этот момент (Господь милостив!) подошел автобус; водитель открыл все три дверцы и не закрывал их до тех пор, пока мы, промокшие, но целые и невредимые, не очутились внутри салона; шофер подождал некоторое время (в надежде спасти еще кого-нибудь), но никто больше не сел, и автобус покати по шумной, бурлящей улице; дворник на лобовом стекле метался из стороны в сторону, борясь с дождевыми потоками и с большим трудом отвоевывая секундный просвет для водителя...

КИШЛАК

I

Закатное солнце осветило вершину скалистой горы, окрасив ее в пунцово-желтый цвет, секунду помедлило и скатилось за горизонт. Тени исчезли, резко похолодало, из ущелья прилетел резвый, порывистый ветер, вершина горы тупым мечем врезалась в потухающее небо, громко и дружно зазвучали цикады, и через считанные минуты наступила южная непроглядная ночь; холодные, но яркие звезды изредка выглядывали из-за бегущих облаков.

Я направился к бронетранспортеру, чтобы проверить, насколько надежно он замаскирован, как вдруг крик дежурного по части остановил меня:

— Майор Рокотов — к командиру! Срочно!

Если командир сказал «срочно», то за этим стояло что-то чрезвычайно важное и неотложное. В его кабинете я застал лучших снайперов нашей части — Снегирева и Кудрю.

— Я только что получил весьма ценный радиоперехват, — без предисловий начал командир, едва я сел на свободный стул. — Главарь самой опасной банды Ахмад Шах Магнуфа, за которым мы охотимся уже без малого полгода, в самое ближайшее время будет проезжать по Панджшерскому ущелью. Может быть, сегодня ночью, может, завтра утром. Упускать такой редкий шанс ни в коем случае нельзя... Этот Ахмад стоит у меня поперек горла. — Командир дотронулся до горла, как бы давая нам убедиться, что это действительно так. — Сколько он сделал зла: за последний месяц устроил три засады и погубил более десяти наших солдат, весной взорвал блокпост, в недавнем бою сбил два вертолета. А сколько дерзких налетов на наши походные колонны совершил!.. Лихо и

грамотно воюет, недаром прошел выучку у американцев. Пора с ним кончать.

Командир встал и подошел к большой карте, которая висела на стене.

— Он будет проезжать вот здесь. — Командир указал место на карте. — У него многочисленная, прошедшая специальную выучку, до зубов вооруженная охрана. Это надо учесть. На какой-либо стоянке его взять невозможно, а вот во время движения — другое дело.

Командир вернулся на свое место.

— Рокотов, я назначаю тебя руководителем диверсионного отряда. Твои помощники — снайперы Снегирев и Кудря. Тебя будет сопровождать группа поддержки из четырех человек: Никифоров, Секачев, Польшин и Фалин — самые удалые ребята, какие у меня есть. Готовьтесь. Через полчаса сядете на борт вертолета, который доставит вас на место назначения.

С капитаном Снегиревым и старшим лейтенантом Кудрей я не раз выполнял подобные операции, и мы понимали друг друга с полуслова, это были надежные офицеры, на которых я вполне мог положиться в любой ситуации. Четверка сопровождения — лейтенанты Никифоров, Секачев, Польшин и Фалин — меня вполне устраивала, крепкие проверенные ребята.

Мы спецназовцы. Наша работа — это, если хотите, игра со смертью. Любая диверсионная операция, как бы тщательно она ни была подготовлена, может стать для каждого из нас последней. Однако мы об этом не думаем, так как наша задача — всегда быть победителем. Предложи мне кто-нибудь другое занятие, да в придачу горы золотые, я не соглашусь, как не согласятся ни Игорь Снегирев, ни Владислав Кудря, ни один из моих коллег, которых я знаю.

II

Двигатель набирал обороты, и вертолет дрожал все сильнее и сильнее, наконец, вертикально взмыл вверх и взял курс на северо-восток. Я не смотрел за борт — что там ночью увидишь? Меня интересовали мои спутники, они были сосредоточенно-спокойны и невозмутимы; мы были профессиональными военными, и это была наша обычная работа; мы шли на задание так, как шахтеры каждое утро спускаются в забой, как рыбаки отправляются в дальний промысловый рейс, как металлурги становятся к огнедышащим печам, как боксеры выходят на ринг.

Полет продолжался недолго, минут через сорок вертолет, войдя в ущелье, снизился, выбрал ровное место, и мы выпрыгнули на землю. Машина, обдав нас сильным потоком прохладного воздуха, быстро набрала высоту и по дуге умчалась вдаль; через несколько секунд в ущелье наступила глубокая сторожкая тишина.

Слева возвышался темный скалистый хребет, заслонивший собою полнеба, справа тоже был хребет, но он был далеко, уступив место пастбищам с редкими вкраплениями можжевельника и низкорослых березок; в ночной тишине раздавалось негромкое журчание горного ручья; в небе стояла полная яркая луна; невдалеке мы увидели дорогу, которая, делая множество поворотов в угоду водному потоку, убегала вниз по ущелью.

— Вот здесь он и поедет, — сказал я, обращаясь к моим подчиненным. — И мы должны его встретить. Встретить, как подобает.

Мы выбрали очень удачное место для засады: среди скал и зарослей миндаля, откуда прекрасно просматривалась дорога и откуда можно было наверняка поразить главаря. До дороги было примерно полкилометра, мы расположились в разных местах таким образом, чтобы в

решающую минуту, когда завяжется бой, могли поддержать друг друга. Ахмад, конечно, будет ехать быстро, и в нашем распоряжении всего несколько секунд, но нам, профессионалам, достаточно и одной, чтобы поразить цель.

Всю ночь мы были начеку, однако добыча не спешила попасть в ловушку, никто так и не появился.

Забрезжил рассвет; очертания гор с каждой минутой становились все яснее и отчетливее; при утреннем свете они не казались такими угрюмыми, как давеча; вскрикнул удод и умолк, потом еще раз подал голос, кого-то призывая. Высоко в небе, распластав крылья, парил ястреб, высматривая добычу.

Наши ушки были на макушке: Ахмад мог появиться в любой момент, и мы должны успеть сделать свое дело. Но он не появился ни утром, ни днем, ни вечером. Мы видели на дороге всего несколько человек: сначала прошел крестьянин с вязанкой хвороста подмышкой, затем проехал всадник с ружьем за плечами, видимо, охотник, потом появилась старая-престарая скрипучая повозка, которую тащил тощий ишак и на которой сидели старик со старухой и трое маленьких чумазных ребятишек.

На второй день Ахмад тоже не появился.

В меня вселилось некоторое беспокойство – не зря ли мы здесь находимся, не зря ли теряем время, возможно, все закончится впустую, и мы вернемся на базу ни с чем; не произошла ли досадная ошибка, вполне возможно, что информация, полученная командиром, была сфабрикована спецслужбами, чтобы направить нас по ложному пути. Такое, кстати, уже бывало.

Тревожные мысли я держал при себе, стараясь ничем не выдать свои переживания. В души моих подчиненных тоже, кажется, заползли некоторые сомнения, которые не ускользали от меня; например, лицо Снегирева ино-

гда принимало слишком серьезное выражение, иногда он часто моргал глазами, что у него было признаком какой-то внутренней работы; Фалин без нужды крутил головой, Никифоров чаще, чем нужно, переключал автомат с руки на руку. Да и остальные ребята частенько вопросительно поглядывали на меня.

Своим ровным спокойным поведением я старался показать, что все идет, как задумано, что ошибки никакой нет, и мы выполним наше задание самым наилучшим образом.

Третий день прошел в тревожном ожидании; Ахмада по-прежнему не было. «Как быть дальше? — размышлял я. — Остаться на месте или уходить? Связаться с базой нельзя — нас засекут. Значит, принимать решение надо самостоятельно, и не кому-нибудь, а мне».

Я дал знак моим подчиненным, и они, не торопясь, но и не мешкая, кто ползком, кто краткими перебежками, прычась за камни и кустарники, приблизились ко мне.

— Может, снимемся? — спросил Снегирев, усаживаясь на землю и скрестив по-восточному ноги.

— Утро вечера мудренее, — сказал я, сделав продолжительную паузу. — Дадим ему последний шанс. Если до восьми утра он не появится, то уходим восвояси.

III

Наверно, ни разу в жизни я не поглядывал так часто на свои ручные часы, как в это утро. До восьми осталось приблизительно пять минут, когда вдали возник звук военного джипа (мое ухо было так натренировано, что я мог безошибочно определить по звуку вид любого транспорта). Он быстро приближался. Через минуту стало ясно, что идет не одна машина, а несколько.

Он!

Я, а также Снегирев и Кудря прильнули к оптическим прицелам.

Первым из-за поворота появился американский вездеход, до отказа набитый вооруженными людьми, за ним японский джип с открытым верхом, в котором было всего трое военных, колонну замыкал еще один внедорожник, и в нем также было много вооруженных бандитов.

Нас, снайперов, интересовал только японский джип, а среди троих бородатых бандитов тот, который сидел в середине, между двумя телохранителями. Это был *он*, Ахмад, спутать его с кем-нибудь другим было невозможно, так как у него был один отличительный признак — выющаяся, как у недельного ягненка, черная, как смоль, борода; она была такая длинная, что половину ее он прятал в полевую куртку. (Командир части несколько раз показывал нам фотографию Ахмада, и мы изучили его физиономию лучше своих собственных).

На какую-то долю секунды в круге оптического прицела моей винтовки показалась смуглая, почти коричневая физиономия Ахмада, и я нажал спусковой курок. Одновременно с моим выстрелом раздались еще два — окровавленная голова Ахмада резко откинулась назад; он был мертв.

Все остальное произошло в течение нескольких, спрессованных в одно мгновение, минут. Все три автомобиля остановились, и бандиты открыли по нам ураганный огонь.

Посылая в сторону бандитов короткие очереди, мы бросились прочь от места засады, в сторону серых, ноздреватых скал. Бандиты прыгнули на землю и рассыпались в разные стороны, видимо, пытаясь взять нас в кольцо.

Мы, не мешкая, уходили все дальше от дороги, вглубь ущелья.

Огонь бандитов усилился; автоматные очереди, попадая в скалы, выбивали из них мелкую каменную крошку, которая дождем осыпала нас.

Мы по-прежнему шли врассыпную, подальше друг от друга.

— Вжить! Вжить! — звук пуль давал нам знать, что бандиты жестко и грамотно преследуют нас.

Изредка мы отстреливались, подстраховывая друг друга и поражая то одного, то другого бандита.

«Побыстрее бы достичь распадка, уходящего в сторону одного из отрогов Гиндукуша, — размышлял я, убыстряя шаг. — Там есть тропы, которые выведут нас к своим, да и подкрепление вызовем по рации».

Однако вскоре стало ясно, что этот план неосуществим: наши преследователи сообщили по радиотелефону другой бандгруппе, чтобы она закрыла для нас этот путь. И когда мы вступили на нужную тропу, автоматная очередь остановила нас.

Мы попытались найти лазейку в другом месте: используя изгибы ручья, ускользнуть вправо, но и тут ничего не вышло, еще одна бандгруппа подключилась к делу и заблокировала последнюю возможность.

У нас оставался только один путь, вверх, среди скудной растительности, по когда-то торной тропе, в заброшенный кишлак. Мы шли вдоль высокой, не менее четырех метров, стены, которая ограждала кишлак от оползней, дождевых потоков, камнепада и других природных напастей.

Я уже понял, что душманы, матерые волки, используя свое численное преимущество, могли уничтожить нас, но сознательно не сделали этого; они хотели взять нас живыми, чтобы потом вдоволь поиздеваться над нами, доставляя страшные муки, для них, дикарей, это самое большое

наслаждение в жизни, они снимают это на видео, чтобы потом, не один, а много раз повторить «кайф».

Тропа вела нас в тупик, бандиты знали это и заранее торжествовали победу.

«В западню вы нас загоните, но живыми не возьмете, мы не доставим вам этого удовольствия».

IV

Кишлак находился на склоне пологого угрюмого хребта. От когда-то прочных хижин остались одни стены, крыши сохранились не более чем у двух-трех строений. Четырехметровая стена отрезала нам путь ко спасению, она была неприступной.

— У нас всего несколько кратких минут, — сказал я, обращаясь к моим подчиненным. — *Они* вот-вот появятся, и мы должны подготовиться к встрече. У каждого из нас в запасе более сотни патронов, и все они, за исключением одного, должны поразить врага. Внимательно следите за их расходом, последний патрон предназначен для каждого из нас. Снегирев, займи огневую точку в развалинах крайней хижины. А ты, Кудря, замаскируйся в скалах. Секачев и Полынин, вы будете поражать бандитов из южной части кишлака, а Никифоров и Фалин — из северной. Ну, а я буду встречать «гостей» в самой опасной точке, в сарае для скота, в котором и буду перемещаться в зависимости от обстоятельств.

Я встал на колени, бойцы последовали моему примеру.

— Помолимся перед смертью, — сказал я, осеняя себя крестным знамением. — Помилуй нас, Господи, и прими в мире наши души.

И сделал земной поклон.

— Прости меня, Игорёк, если я тебя когда-нибудь обидел или нагрубил, — продолжал я, поднявшись с колен.

— Рома, ты меня никогда не обижал, даже одним словом, ты для меня был как бы вторым отцом, — возразил Снегирев.

— Прости меня, Паша, иногда я был несправедливо строг к тебе, — обратился я к Кудре.

— Наоборот, ты меня прости, Рома, за строптивый характер. — Павел смущенно улыбнулся.

— Простите меня, мои верные боевые друзья. — Я по очереди обнял Секачева, Польшина, Никифорова и Фалина.

Мы обнялись, легонько похлопывая друг друга по спине. Как же дороги были мне эти смысленные и верные ребята.

— Ну, а теперь по местам. Пришло время расквитаться с этими извергами, — сказал я, беря автомат наизготовку.

Мы отправились в разные стороны, и вдруг, совершенно неожиданно для каждого из нас, очутились по другую сторону высокой неприступной стены. И странное дело, никто из нас даже не удивился этому. Мы посмотрели друг на друга, в глазах моих друзей я прочел решимость и отвагу, мы, не сговариваясь, быстрым шагом, на который были только способны, двинулись в сторону нашей базы; бандиты теперь были нам не страшны. Они, конечно, удивятся, не найдя нас в кишлаке, очень удивятся, подумают, что у нас было какое-то альпинистское снаряжение, чтобы преодолеть стену, они возвратятся назад, обходя ее, на это им понадобится не меньше двух часов, за это время мы будем уже вне всякой опасности.

Мы шагали быстро, даже не шагали, а летели, наша амуниция, а это ни много, ни мало двадцать килограммов (бронежилет, гранаты, несколько магазинов с патронами, взрывчатка, спецназовский нож, автомат, снайперская винтовка и проч.) — ее мы просто не замечали.

V

Через несколько часов утомительного, крайне напряженного пути мы прибыли в расположение нашей части. Поставили на место автоматы и винтовки. Прошли в столовую, сели за стол, налили по полкружки спирта, выпили. Ни в одном глазу. Налили еще по полкружки — результат тот же.

Вошел дежурный офицер и пригласил нас к командиру.

— Завтра, товарищ капитан, — сказал я. — А теперь — спать.

Мы проспали двенадцать часов, а потом кратко рассказали командиру о прошедшей операции. И о том, как спаслись.

— Действительно высокая стена? — поинтересовался командир.

— Да.

— Крепкая?

— Очень. Афганы строили ее на совесть.

— А если с разбегу?

— Вот мы и хотим сейчас это выяснить.

— Попробуйте.

Мы снарядили три бронетранспортера, посадили на них сорок вооруженных солдат и выехали к месту назначения.

Стена, серая, неприступная, высушенная южным солнцем до последней степени, была на месте. Мы смотрели и недоумевали, каким образом преодолели ее, как случилось, что сначала мы были на этой стороне, а потом каким-то чудесным образом оказались на другой.

Загадка, да еще какая.

— Ну-с, попробуем.

Я разбежался и, сильно оттолкнувшись правой толчковой ногой, взлетел на стену, пытаюсь ухватиться за ее верх-

ний край, но моя попытка не достигла цели, край стены был слишком высоко. Не помогла ни моя хорошая физическая форма, ни то, что я был в спортивном костюме.

Попытки Снегирева, Кудри, Фалина и других ребят закончились не менее плачевно.

Солдаты с любопытством наблюдали за нашими прыжками, на их лицах можно было прочесть не столько удивление, сколько снисхождение к нашему не очень понятному поведению.

— Потренироваться в прыжках в высоту можно было и на территории части, — сказал сержант Мокроухов, когда я присел отдохнуть около бронетранспортера. — Зачем было тащиться в такую даль?

— Бывают в жизни ситуации, когда словами ничего не объяснишь, — задумчиво проговорил я.

«А вообще, такая стена преодолима для нас, спецназовцев, или нет? — задал я себе вопрос. — В принципе, да. Например, можно использовать такой способ: двое из нас подкидывают третьего, стоящего на наших скрещенных руках. Тот цепляется за край стены, подтягивается и взбирается на стену. Затем один из оставшихся внизу становится на плечи товарищу, и тот, присев, подкидывает его вверх, он цепляется за край, и находящийся наверху помогает ему взобраться на стену. Те, кто наверху, бросают оставшемуся внизу прочную бечевку, и тот самостоятельно поднимается наверх. Возможно такое? Да. Но в других условиях. У нас же вчера не было для этого времени. Если бы мы решились на это, то душманы перестреляли бы нас, как котят».

Мы тронулись в обратный путь. Я последний раз взглянул на неприступную стену; к сожалению, она не дала нам разгадки.

VI

Один раз в год нам, офицерам спецназа, полагался краткосрочный отпуск. В этом году мы ждали его с особенным нетерпением, отмечая в календаре каждый день, оставшийся до отъезда. Отпуск — самое желанное время для служивого. Главное — дожить до него. Мы — я и двое моих коллег — дожили.

И вот мы в Москве, нашем родном городе. Он нам показался на редкость красивым. А воздух! Он был в сотни раз лучше афганского. Первым делом мы прогулялись по центру столицы (приятно увидеть после долгой разлуки Кремль, храм Василия Блаженного, здание ГУМа, составляющие как бы визитную карточку Первопрестольной), а потом зашли в ресторан гостиницы «Москва».

— Что будем пить, друзья? — спросил я, обращаясь к моим сослуживцам.

— Может, ударим по коньячку? — предложил Снегирев.

— Коньячком обычно балуются интеллигенты, — сказал Кудря. — А нам нужно что-то позанозистее.

— Тогда остановимся на водке. И не на какой-нибудь, а на «Столичной», мы все же в столице, а не в Вологде. Никто не возражает?

(Я хоть и был старшим по званию, но никогда не навязывал сослуживцам свою волю. Кроме того, мы были в штатской одежде, а в этом случае воинские звания отступали в тень).

— Лады, — отозвались мои друзья.

Две бутылки водки, которые принес расторопный официант, были холодными, только что вынутыми из холодильника. Я не спешил однако наполнить рюмки.

— Рома, скажи, только честно, — обратился ко мне Секачев, когда мы выпили по первой рюмке, — нужна нам *эта* война?

Этот вопрос он мог задать только здесь, в Москве, в ресторане, да еще и в штатской форме, на театре военных действий такие вопросы не задают.

— Я всегда отвечаю честно, зачем мне вилять, — сказал я, глядя в глаза собеседнику. — Эта война нам совсем не нужна, так как она очень глупая. Россия всегда вела только оборонительные войны, а эта — наступательная. На какой ляд нам нужен этот пыльный Афганистан? Можно обойтись без него? Вполне.

— А зачем тогда мы окунулись в него?

— Тут мы вступаем в область политики, а политика — это темный лес. Есть справедливые войны и есть несправедливые. Афганская — самая несправедливая война в истории России. Поэтому политики ее скрывают.

— Прячут в кармане, как воры.

— Или, скорее, в одном из сейфов на Старой площади. Но как шила в мешке не утаишь, так не утаишь и эту войну. Придет время, о ней узнают все.

— Хорошо бы ее остановить, да побыстрее. Разве это трудно?

— Ничуть. Ее можно остановить в любой момент, хоть сегодня, хоть завтра. Но на Старой площади об этом еще не только не думали, но и не собирались думать.

— Так что нам придется еще повоевать.

— Давайте выпьем за то, чтобы через год встретиться на этом же месте, — предложил Фалин.

— Это зависит от того, останемся ли мы живы.

— Останемся! — громко, так что на нас оглянулись с соседних столиков, воскликнул Кудря. — Если остались живы *тогда, в кишлаке*, то останемся и дальше. Я предлагаю выпить именно за это.

Мы дружно подняли рюмки.

VII

– Мне страшно интересно, что же тогда произошло? – поглядывая то на меня, то на других собеседников, сказал Снегирев. – В моей голове никак не укладывается мысль, что мы преодолели эту стену.

– А мы ее и не преодолевали, – заметил Никифоров.

– Как не преодолевали? – изумился Снегирев. – А кто же тогда очутился на другой стороне?

– Мы.

– Ну вот, а ты говоришь: не преодолевали.

– Правильно. Мы, если ты помнишь, палец о палец не ударили для того, чтобы перескочить ее.

– Но все же перескочили.

– Не совсем так. Мы просто прошли. Вот как полчаса назад шли по Красной площади, так и *там* прошли.

– Ну здесь, на Красной площади, все понятно: идем и идем, брусчатка выложена ровно, никаких препятствий.

– Ну и *там* так же.

– Ну что ты мне заладил: так же да так же. Так же, да не совсем. Ты сейчас, чего доброго, скажешь, что и стены не было.

– Она была, и очень высокая.

– А дальше?

– Мы ее миновали. Исторический музей мы ведь миновали?

– Да.

– За сколько минут?

– За полторы.

– А стену – за доли секунды.

– Ты этот момент уловил?

– Нет.

– И я нет.

– Рома, а ты?

– Тоже нет.

– И все же мы перешли.

– А как? Ну вот скажи, как ты ее перешел? – наступал Снегирев.

– Не знаю, честное слово, не знаю, – чистосердечно признался Никифоров.

– Рома, а ты знаешь?

– И я не знаю.

– А кто знает?

Мы замолчали, каждый по-своему обдумывая эту загадку.

– Друзья, – первым прервал молчание Полюнин, – а не было ли *там*, *вблизи стены*, какого-нибудь дерева?

– Зачем тебе дерево? – спросил Фалин.

– Как зачем? С дерева легко перескочить на стену.

– Если *там* и было когда-нибудь дерево, то аборигены спилили его на дрова.

– Там и кустов-то никаких нет, – заметил я. – Когда мы были *там* второй раз, я прошел вдоль стены и ничего не обнаружил.

– А в развалинах хижин не было ничего подходящего для преодоления стены? – продолжал Полюнин.

– Например? – уточнил Секачев.

– Балки с потолка?

– Куда хватил! *Там* такого никогда и не бывало.

– Что теперь об этом говорить. Если было что-то в кишлаке подходящее, то его надо было искать. А нам было не до этого.

– Интересно, жители кишлака перелазили через эту стену?

– Для какой цели?

– Скажем, за топливом. Или на охоту.

– Они могли пять раз в день сигать туда и обратно. Им чего, за ними никто не гнался.

— А как ты думаешь, мы перешли через стену или перелетели?

— А ты помнишь этот момент?

— Нет.

— Я тоже не помню.

— Рома, а ты?

— Полный провал в памяти.

— Н-да, чтобы разгадать эту загадку, нам придется заказать еще одну бутылку водки, — вдруг выпалил Кудря.

— Верно, — поддержал Снегирев.

— Прекрасная идея, — согласился я.

Через минуту на нашем столе красовалась еще одна бутылка «Столичной». Она помогла нам обсудить множество предположений, спорных вопросов и гипотез относительно *афганской стены*.

Но мы так ни к чему и не пришли; чем больше мы говорили, чем дольше спорили, обсуждая те или иные нюансы, загадка становилась все более таинственной и неразрешимой.

— Кто помнит, что мы сделали в последнюю минуту перед схваткой с бандитами? — вдруг, неожиданно для самого себя, спросил я.

Мои друзья как по команде замолчали.

— Ну-ну, вспоминайте.

— Мы встали на колени и помолились, — сказал Кудря.

— Правильно. Кратко, но зато горячо.

— И что дальше?

— А дальше мы каким-то образом очутились за стеной.

— В долю секунды, — подтвердил Снегирев.

— Кто же нас спас? — продолжал я.

— Выходит, какая-то Высшая Сила, — сказал Кудря.

— Не иначе, как Сам Бог! — предположил Снегирев.

— Другого объяснения нам, наверно, не найти.

– Даже если мы закажем еще одну бутылку, – сказал Фалин.

– Значит, мы для чего-то еще нужны, если Он нас спас, – заключил я.

– Что верно, то верно.

– Как ни крути, ни верти, а это действительно так. Давайте обнимемся, друзья, как мы обнялись *тогда*, – сказал я.

Предложение было принято с восторгом.

Мы неспешно обнимались, а посетители ресторана недоумевали, отчего это взрослые люди на виду у всех занимаются ребячеством.

VIII

Погодя мы вышли на Манежную площадь; уже стемнело, но темнота не ощущалась, фонарей на площади было такое множество, что, казалось, день все еще продолжается; Исторический музей смотрелся воплощением самой истории государства Российского; памятник маршалу Жукову был освещен лучами нескольких прожекторов; казалось, прославленный полководец, дав шпоры коню, спешит на выполнение весьма срочной и на редкость опасной военной операции, ключ к решению которой он, похоже, уже нашел; правда, он не знал, останется жив или нет.

Мы подошли совсем близко к памятнику; маршал скакал и скакал.

– Бог в помощь! – крикнул я громко, и маршал, несмотря на то что был полностью погружен в предстоящую операцию, все же, как мне показалось, услышал меня и, не выпуская поводьев, согласно кивнул головой...

ФАДДЕЙ

I

Иеромонах Фаддей, молодой, с безукоризненной, почти военной осанкой, с мягкой каштановой бородой, вышел из храма, где он только что отслужил заказную панихиду, взглянул на ясное бездонное аквамариновое небо, по которому торжественно плыли сияющие облака, и произнес:

— Будь моя воля, я бы сию секунду переселился на небо. — Он постоял на месте, переводя взгляд с одного облака на другое, глубоко вздохнул. — О небе думать хорошо, но и на земле жить неплохо, вон какая чудесная погода, благорастворение воздушных, да и только. Я еще тут нужен, — продолжал он размышлять, присев на лавочку, которая стояла под яблоней в саду, — у меня есть несколько послушаний, а главное, есть паства, нельзя сказать, что большая, но нельзя сказать, что маленькая; и пожилые люди, и среднего возраста, и молодые; всех надо пасти, входить в их нужды и заботы, вовремя дать нужный совет, поддержать, утешить, наставить. — Фаддей надолго задумался, теребя ветку яблони, склонившуюся к его голове. — За их души я в ответе перед Господом, главное не ошибиться, не перегнуть палку, ходишь будто по натянутому канату, как эквилибрист... Вот, например, Лукерья, ей уже за семьдесят, а все никак не может справиться со сварливостью. Я ей посоветовал, мол, ты на себя направь свою сварливость; обещала... а вот справится или нет, неизвестно... Или вот Матвей, дюжий старик, молотобойцем работал, до сих пор здоровей любого молодого парня, а вот надо же... матерщина то и дело срывается с языка. — Иеромонах отпустил ветку, вспоминая последнюю испо-

ведь Матвея, во время которой тот кряхтел да охал... — Говорит, начал сдерживаться, помоги ему, Господи...

— Отец Фаддей, вот ты где... — на аллее появился запыхавшийся послушник Никита. — Весь сад прочесал, наконец, вспомнил, что ты любишь сидеть на этой скамейке... Тебя зовет отец наместник.

— Срочно?

— Да.

— Ну пошли, коли так.

«Интересно, зачем я ему понадобился? — размышлял иеромонах, шагая рядом с послушником. — Мы же утром с ним беседовали. Ага, знаю, зачем. Он хочет послать меня собирать малину, которая только что поспела. Молодец, помнит, что я большой любитель этой ягоды.

В прекрасном расположении духа отец Фаддей переступил порог кабинета архимандрита Аристарха, своего духовного руководителя. Это был невысокий, плотный, немного грузный монах с ясными выразительными глазами, прямым носом, с густой темной бородой, края которой украсила первая седина, похожая на свежий утренний иней. Он сидел за своим рабочим столом, положив на него крупные, как у крестьянина, руки.

— Присаживайся, батюшка, — радушно проговорил он, кивнув на один из свободных стульев.

«Я прав, так оно и есть, — подумал отец Фаддей. — Даже здесь, в кабинете, мне кажется, витает запах малины».

— Отец Аристарх, вы всегда угадываете мои самые сокровенные мысли, — сказал он с легкой улыбкой. Ему нравилось глядеть в его доброе хорошее лицо, освященное невидимым внутренним светом, и в эти глаза, в которых, казалось, жила целая вселенная. — И на этот раз вы попали в самую точку.

— Окружающий нас мир настолько загадочен, что... — сказав эти слова, отец наместник замолк, как бы давая

собеседнику продолжить свою мысль. — Того и гляди, в следующую минуту произойдет что-нибудь совершенно непредвиденное.

Он снова замолчал, пытливо поглядывая на собеседника.

— Так оно и бывает, — живо отозвался тот. — Вчера, например, направился к престарелому отцу Смарагду, чтобы рассказать ему одну веселую историю и поддержать его унывающий дух, а навстречу послушник Харалампий; говорит: у меня к тебе неотложное дело, пришлось заниматься этим неотложным делом, а к отцу Смарагду до сих пор не попал.

— Да, брат, пути Господни неисповедимы... А как у тебя продвигается Псалтирь? Ты ведь, кажется, хотел выучить ее наизусть.

— Понемножку продвигается, уже три кафизмы одолел.

— Неплохо. Псалтирь — это наш спасательный круг, а поскольку мы тонем почти на каждом шагу, то без него никак не обойтись.

«Когда же он скажет мне про малину? — подумал отец Фаддей. — Я готов прямо сейчас бежать на малиновую делянку и приступить к делу».

— Вот я и говорю, что наша жизнь полна неожиданностей, — произнес отец наместник, сложив пальцы обеих рук в плотный замок. — Ты знаешь трудника Виталия, который пасет наших коров?

Отец Фаддей кивнул.

— Он завтра уезжает домой, в Вологодскую глубинку.

— Чего так?

— Мне, говорит, уже перевалило за тридцать, пора жениться. Я говорю: дело доброе, Бог в помощь... Ты, наверно, уже догадался, к чему я клоню.

— Пока нет.

– Ты заменишь Виталия, это будет твое внеочередное послушание.

– А я думал... – начал было отец Фаддей, но быстро спохватился. – Пасти коров... – задумчиво проговорил он, – но у меня нет никакого опыта.

– И у меня нет.

– Если бы я жил в детстве в деревне, то другое дело, а так... Я не знаю, с какой стороны подойти к корове...

– С твоей сноровкой и хваткой освоишься за день-другой... А там дело пойдет как по маслу... С завтрашнего утра и приступай.

– А стадо большое?

– Сорок пять буренушек, не считая двух быков.

– Быки – это не шутка.

– Держись от них подальше.

Отец Аристарх встал со своего места, давая понять, что разговор окончен и никаких возражений быть не может.

«Вот тебе и малина, – размышлял отец Фаддей, выходя из настоятельского корпуса, – вот и полакомился вкусной ягодкой. Но ничего, – ободрил он себя, – монах, как и воин, обязан выполнить приказ, какой бы он ни был. А всякие сомнения – в сторону».

II

Солнце поднималось все выше над горизонтом, обещающая скорую жару; дойка закончилась, и стадо потянулось из загона; коровы желали побыстрее оказаться на свободе, где их ждала свежая вкусная трава, они тесной гурьбой протискивались сквозь растворенные ворота и расходились в разные стороны.

Отец Фаддей внимательно наблюдал за своими новыми подопечными, с которыми ему предстояло провести целый день. «Животные как животные, смирные, не

агрессивные; черно-белые, пестрые, бурые; мне кажется, я найду с ними общий язык», — размышлял он, наблюдая, как последняя корова по имени Майка с ярко рыжим окрасом почему-то замедлила шаг. Но вот и она наконец оказалась вне загона, и отец Фаддей последовал за ней.

Он был в просторной рубашке навыпуск, в легких хлопковых брюках, его голову покрывала бежевая панамка с широкими полями, на ногах удобные рабочие ботинки на толстой подошве. Даже братья-монахи не могли бы, наверно, узнать его, не говоря о прихожанах. В новом облачении он чувствовал себя гораздо вольготнее, чем в монашеской рясе и клобуке. В руках он держал батоги, на плече небольшая сумка, в которой уместилась литровая бутылка с водой.

Стадо между тем медленно продвигалось по широкому бескрайнему полю, коровы дружно шипали свежую приятную траву, быки — Бедуин и Фараон — вели себя обособленно, с достоинством, к траве почти не притрагивались, то и дело посматривая по сторонам. Отец Фаддей не отставал от коров и в то же время не подгонял их, давая им полную свободу. «Вроде все идет нормально, — подумал он, оглядывая стадо, — постепенно привыкну; как говорится, не боги горшки обжигают, а те же люди».

Вдруг он заметил, что Майка, отделившись от основной массы коров, направилась в сторону недалекой рощи. — Куда?! — крикнул иеромонах, взмахнув батогом.

Однако Майка, не обратив на окрик никакого внимания, продолжала свой путь, лишь изредка наклоняя голову, чтобы сорвать очередную порцию травы.

— Куда, говорю! — громче прежнего крикнул отец Фаддей и поспешил наперерез беглянке. Он был скор на ногу, но и Майка времени зря не теряла. Окрики пастуха только придали ей силы, и она скрылась в роще гораздо раньше, чем тот перерезал ей путь.

«Что творит, а! Своевольная какая. Но от меня ты далеко не уйдешь».

Иеромонах вошел в рошу, однако беглянки нигде не увидел. «Куда она делась? Вот номер! Была корова, и нет ее!» Он углубился в рошу, смотря по сторонам, но Майка как сквозь землю провалилась. «Чудеса да и только! Ау, где ты?» Отец Фаддей ринулся вперед наугад, раздвигая руками кусты и отводя от глаз ветви берез. Он спустился в овраг, прочесал его, поднялся на другую сторону, осмотрелся — Майки нигде не было. «Вот незадача; что делать, не знаю. Господи, помилуй!»

Едва он произнес эти слова, как заметил в ельнике рыжее пятно. «Это она!» Он не ошибся, Майка щипала траву и на появление пастуха не обратила никакого внимания, мол, я кормлюсь, занимаюсь важным делом, а до твоих тревог мне нет дела.

— Ну, побегала, и хватит, — сказал отец Фаддей, поглаживая корову по гладкой шее. — Пора и честь знать. Пойдем восвояси.

Майка подняла голову, посмотрела на пастуха, мол, я послушная буренка, пойдем, коли хочешь.

Через полчаса они прибыли на то поле, где раньше паслось стадо. Отец Фаддей не поверил своим глазам: коровы разбрелись кто куда.

«Вот те раз! Как же мне собрать их в кучу? Если бы я был на коне, тогда другое дело. А так... вот незадача».

В следующую секунду он увидел, как черный, как смоль, бык Бедуин идет прямо на него. Взгляд его темных глаз не предвещал ничего хорошего. «Лучше мне с ним не связываться, — подумал отец Фаддей, пятясь назад, — кто знает, что у него на уме». Бык прибавил скорость. «Эге-ге, надо пошевеливаться». Иеромонах быстрым шагом, постоянно оглядываясь, стал удаляться в сторону одиноко стоящего дуба. Бык не останавливался, а через минуту

перешел на рысь. Отец Фаддей последний раз оглянулся на него, подбежал к дубу и в мгновение ока оказался на толстом суку, в трех метрах от земли.

«Тут он меня не достанет, жила тонка». Пастух вытер пот со лба. Бык между тем подошел к дереву, посмотрел на беглеца, нагнул голову, как будто желая сразиться с дубом, но, видимо, передумал и долго терся о него широким боком. Прошло несколько минут, бык покрутил большой головой, на которой возвышались толстые рога с острыми концами, правой передней ногой порыл землю, отбрасывая ее назад, и нехотя побрел прочь.

«Слава Богу, пронесло, — подумал отец Фаддей, поудобнее устраиваясь на суку. — Теперь меня отсюда дымом не выкуришь. Буренки не такие глупые, как этот бугай. Они разбрелись в поисках хорошей травы, а как только найдется кулижка с особенно сочной травой, они снова будут вместе».

Пастух поднялся еще выше, облюбовав громадный удобный сук. «Как главнокомандующий выбирает самую высокую точку, чтобы наблюдать за ходом сражения, так и я выбрал этот сук, чтобы наблюдать за буренками. Мне нет надобности быть рядом с ними, они и без моей помощи насытятся. Преподобный Силуан Афонский, будучи экономом монастыря, сидел на месте и молился о рабочих, которые выполняли задания по его приказу. И я поступлю также».

«К Тебе, Господи, воздвигох душу мою, Боже мой, на Тя уповах, да не постыжуся во век...»

— Как хорошо я устроился: во-первых, жара не страшна; во-вторых, обозрение лучше некуда; в-третьих, облаками можно любоваться; в четвертых, ни Бедуин, ни Фараон меня не достанут, в-пятых... в-шестых... одни плюсы, и никаких минусов.

Отец Фаддей достал из сумки бутылку с водой, приложился к ней как следует, блаженно вздохнул:

– Красота да и только! Разве мог я еще вчера мечтать об этом?.. Но куда направляются мои буренушки, те, что на левом фланге? Там же кукурузное поле одного предпринимателя... чего доброго, забредут туда... Надо бежать, пока не поздно... Но успею ли?

Иеромонах слез с дерева, сделал рывок наперерез коровам, преграждая им путь, — беда миновала; промедли он одну-две минуты, неизвестно, чем бы закончилось это происшествие.

«Опять это ты, моя рыжая красавица. Ну-ну! Кто еще мог придумать такое? Только ты. Придется установить за тобой особый контроль».

Солнце уже склонилось к западу, но жара нисколько не убывала; желанного ветерка не ощущалось; коровы то и дело махали хвостами, прогоняя слепней и оводов. Отец Фаддей снял панаму и помахал ею, прохладя лицо. «Позагорать, что ли, немного». Он снял рубаху, подставив спину жарким лучам солнца, от наслаждения закрыл глаза. Когда открыл их, то... он протер их, еще раз протер... что за напасть! стадо куда-то исчезло... Иеромонах посмотрел направо, затем налево: нет коров! «Чудеса, да только!» Через минуту вздохнул облегченно — стадо нашлось: коровы, спасаясь от жары, вошли в недалекую протоку; над водою были видны лишь их спины да головы с рогами. «Молодцы, ничего не скажешь! Я бы тоже с удовольствием прохладился в свежей водичке, но лучше воздержусь».

Через час-полтора коровы сами, без понуждения, покинули полюбившуюся им протоку и отправились по направлению к ферме. Это обстоятельство очень обрадовало пастуха: сегодняшние хлопоты, кажется, подходили к концу. Майка шла первой, и ее не нужно было подгонять.

Доярки Клавдия и Настя, молодые статные женщины в темно-синих халатах и светло-желтых передниках, уже давно поджидали стадо.

— С благополучным возвращением! — приветствовали они нового пастуха.

— Спасибо на добром слове, — весело улыбаясь, отозвался отец Фаддей.

— У нас постоянная текучка: то один пастух, то другой, то третий, переходи к нам на постоянную работу, — предложила Клавдия, ловко управляясь с доильным аппаратом. — У тебя будет не жизнь, а малина: будем каждый день, утром и вечером, поить тебя парным молочком.

— Заманчиво, но надо подумать.

— И думать нечего. У нас не молоко, а можно сказать, лекарство. Вот, например, Белянка. — Она скормила корове толстый ломоть пшеничного хлеба, приправленного солью. — Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, корова в рогоже, да всех дороже; молоко у нее такое вкусное, что... приезжают из областного центра специально за ее молочком, для грудничков — растут богатырями... Да и другие коровки у нас просто чудо...

— Не прогадаешь, — добавила Настя, загоня очередную буренку в стойло.

— Многое мы хотим, да не все получается, — сказал иеромонах. — На все воля Божия...

III

Следующий день начался для отца Фаддея так же, как и предыдущий, с той лишь разницей, что Майка подошла к нему и стала лизать его руки.

— Вижу, что ты поумнела, баловница, — сказал иеромонах, поглаживая корову по нижней части шеи. — Теперь мы с тобой будем дружить.

Майка еще раз лизнула руки пастуха и отправилась к выходу, а за ней потянулось и все стадо. День обещал быть таким же жарким, как и вчера. На небе не было ни одного, даже самого маленького облачка. Отец Фаддей бодро шагал вслед за буренками. Несмотря на то, что его рабочий стаж был, мягко говоря, с гулькин нос, он чувствовал себя бывалым пастухом, как-никак выдержал сразу несколько искушений.

«Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих. Сегодня день будет гладенький, не то что вчера».

Не успел иеромонах так подумать, как увидел, что бык Фараон, ярко выраженной чалой масти, отделился от стада и направился прямехонько к нему. «Чего тебе, интересно, нужно от меня? Я занимаюсь своим делом, а ты, братец, занимайся своим. Кажется, у него такие же намерения, как у Бедуина».

Не теряя времени, но и не теряя присутствия духа, отец Фаддей подбежал к уже знакомому дубу и взобрался на знакомый сук. Фараон, хрипло сопя, обошел вокруг дуба, как будто кого-то разыскивая и делая вид, что беглец его совершенно не интересует. А потом улегся на траву и, глядя в одну точку, стал флегматично жевать жвачку.

Пастуху поведение Фараона не понравилось. «Надо же, какой наглец! Как будто не нашел другого места. А если ты будешь лежать здесь целый час или того больше? Что я буду тогда делать? Кричать «караул»? Или кукарекать? Нет, это никуда не годится. А буренки? Они же остались без опеки...»

Иеромонах огляделся, ища помощи, но помощи никакой не предвиделось. Он оторвал небольшую ветку и кинул в Фараона, но тот и ухом не повел. «Нет, тут ветками не обойдешься. Помози, Господи, Боже мой, на Тя уповах...»

При последних словах Фараон поднялся на ноги, издал грубый хрип, как будто чем-то недовольный, помотал головой и медленно (пастуху казалось, что слишком медленно) зашагал по мягкой зеленой траве.

Подождав пока он удалится на порядочное расстояние, отец Фаддей спустился на землю и огляделся. «Где же мои дорогие буренки?» Их нигде не было видно. «Ладно, отыщем, стадо — не иголка в стоге сена. Нашли где-нибудь хорошую пажить и в ус не дуют». Пастух быстро зашагал в ту сторону, где, по его предположениям, паслись его подопечные.

Через некоторое время он встретил двух подростков с удочками, которые возвращались с рыбалки.

— Ребята, не видели случайно коров? — обратился он к ним.

— Видели.

— Где именно?

— На Мокше.

— Пасутся или залегли на отдых?

— Ни то, ни другое.

— А что же тогда?

— Они поплыли на другую сторону.

— Все до единой?

— Да.

Оставив дальнейшие расспросы, иеромонах опроремью бросился к реке; его глазам предстала широкая водная гладь, а на дальней ее части — головы буренок; самые удалые пловчихи уже приближались к противоположному берегу, остальные едва одолели середину реки. Отец Фаддей всплеснул руками. «Этого мне еще не хватало, — с досадой подумал он, наблюдая, как коровы выбираются на берег. — Это все Майка, опять ее проказы, больше никому! Но что им там нужно? Ведь и здесь, на этом берегу, травы

вдоволь, паситесь в свое удовольствие. А там, может быть, одна скудость. Вот незадача!»

Пастух очень расстроился; он положил скрещенные руки на батог, обдумывая неожиданную ситуацию. Он походил сейчас на архиерея, который, выйдя на амвон, собирается произнести проповедь. «Будь под рукой лодка, я бы мигом слетал на тот берег и возвратил беглянок. Да где ее возьмешь? Жалко, плавать не умею, хорошим кролем за четверть часа одолел бы Мокшу. Ни в детстве, ни в юности не научился плавать, а как бы сейчас пригодилось. Ну ничего, еще не поздно исправить ошибку; даю себе слово: научиться плавать как можно быстрее. — Он сел на бревно. — Вот уж действительно: сапожник без сапог, рыбак без рыбы, печник без печи, а пастух без ко-ров».

Отец Фаддей осенил крестным знаменем сначала себя, а потом реку. *«Ты же, Господи, не удали щедрот Твоих от мене: милость Твоя и истина Твоя выну да заступите мя»*. Он пробыл на берегу несколько часов, а ближе к вечеру вернулся на ферму.

— А где наши буренушки? — вот первые слова, которые он услышал из уст доярок.

— Чего нет, того нет, — иеромонах развел руками.

— Остались в лесу?

— Не совсем так.

Отец Фаддей кратко рассказал о том, что произошло.

— Парного молочка не видать сегодня ни мне, ни вам и вообще никому, — добавил он, однако в его тоне доярки не услышали никакого сожаления об этом. Загадка странного поведения пастуха перестала быть таковой ранним утром, когда Клавдия и Настя, придя на работу, обнаружили все стадо в загоне. При виде доярок коровы разом замычали, требуя, чтобы их побыстрее подоили.

IV

Минул месяц. Отец Фаддей заметно изменился: возмужал, загорел, как будто стал выше ростом; кисти рук потемнели; его рубаха и брюки так сильно выгорели на солнце, что стали почти белыми; панаме тоже досталось, ее цвет стал каким-то неопределенным; и только батог как был цвета слоновой кости, таким и остался.

В конце июля, когда иеромонах вернулся со стадом с пастбища на ферму, его встретил послушник Никита и сказал, что отец наместник просит его к себе.

— Прямо так? — пастух указал на свой непрезентабельный наряд.

— А чего, — возразил Никита, — по-моему, ты выглядишь на все сто! Иди смело. Отец наместник не любит, когда кто-то задерживается.

— Ну ладно, будь по-твоему.

Отец Аристарх, сидя за рабочим столом, просматривал какую-то деловую бумагу; увидев вошедшего монаха, он отложил ее в сторону.

— Ну, рассказывай про свои пастушеские дела, — откинувшись на спинку стула, сказал он.

— А чего особенно рассказывать. — Отец Фаддей переложил панаму с колен на ближайший стул. — Я не столько работал, сколько отдыхал.

— Вот как? — вскинул брови отец наместник.

— Не преувеличиваю. Идешь вслед за стадом: коровы остановятся, и я остановился; они идут дальше, и я с ними. Коровы — очень умные существа; что ни скажешь, все понимают. С ними очень легко ладить.

— А как тебе удалось вернуть их с той стороны Мокши? Это же просто невероятно! Не только монахи, но и прихожане целую неделю обсуждали это происшествие.

- Тут есть один нюанс: их вернул не я.
- А кто? – Отец наместник внимательно посмотрел на собеседника: не шутит ли он.
- Пророк Давид.
- Поясни.
- Я прочитал три кафизмы подряд. Этого оказалось достаточно.
- Охотно верю.
- За прошедший месяц я выучил наизусть всю Псалтирь. Как говорится, нужда заставила. Если бы не это послушание, мне бы, наверно, понадобился год или два, чтобы ее осилить.
- Замечательно! – воскликнул отец наместник. – Ты растешь не по дням, а по часам!
- Коровы пасутся на пажити – я читаю Псалтирь; коровы идут на водопой – я читаю Псалтирь; коровы отдыхают в тени – я читаю Псалтирь. Могу смело сказать: не я их пас целый месяц, а пророк Давид.
- Ему это дело знакомое – он долгое время пас овец своего отца.
- Давид помог мне еще в одном деле.
- В каком?
- Пока он опекал стадо, я учился в Мокше плавать.
- Ну и как?
- Уже метров двадцать-тридцать могу проплыть без отдыха.
- Прекрасный результат!
- Еще неделька, и меня можно посылать на соревнования, – пошутил отец Фаддей, поправляя топорщившуюся рубаху.
- А Майка не выкидывает больше фокусы?
- Ради нее я читаю молитву задержания Афонского старца Пансофия. Теперь она самая смиренная во всем стаде.

– Очень хорошо. А теперь скажи: какое стадо легче пасти – словесное или бессловесное?

– И там, и там польза для меня изрядная. Даже затрудняюсь сказать, где больше.

– Зато Бог знает.

– Завтра у меня хлопот немного прибавится: Зорька, наверно, отелится. Как бы не прозевать.

– Завтра смена декораций.

– Как вас понять?

– Виталий вернулся. «С женитьбой, говорит, не получилось». «А что так?» – спрашиваю. «Девка, которую я облюбовал и которая наобещала мне с три короба, выскочила за другого. Ну и пусть с нее, говорит, погуляю еще холостяком, а там видно будет». Так что возвращайся к словесному стаду.

Отец наместник снова погрузился в изучение деловой бумаги, а иеромонах Фаддей, стараясь ступать как можно тише, направился в свою келию.

ЕВГРАФ

Стоял жаркий безветренный июльский день. В небе парили редкие, но пышные разомлевшие облака. Сосны, освещенные солнцем, казалось, дремали. Лес выглядел притихшим; птиц не было видно, так как они попрятались в кронах деревьев. Ничто не нарушало тишины – ни шум упавшей сухостойной ели, ни стук неутомимого дятла, добывающего свой корм на старой лиственнице, ни разговоры ягодников, которые знали эти места и активно их посещали.

По тропинке, виляющей среди молодого березняка, я вышел на берег неширокой и тихой речки, которая так

деликатно несла свои воды среди тенистых берегов, что ее течения невозможно было и заметить. Речка мне так понравилась (невдалеке она делала крутой поворот), что я, присев в тень большого и раскидистого ясеня, достал альбом и сделал быстрый набросок. А потом записал детали, которые меня заинтересовали: зеленоватый цвет воды у теневого берега и стальной — у противоположного, вербы, свесившие свои длинные тонкие ветви почти до самой воды, широкая даль за речкой, бледная синь неба над ней.

— После усердных трудов не грех и отдохнуть.

Это сказал приземистый, кряжистый старик в соломенной шляпе и с окладистой седой бородой; он был в кирзовых сапогах и светлокоричневой рубахе навыпуск, подпоясанной тонкой тесемкой; за плечами у него был большой рюкзак, в руках вместительная матерчатая сумка.

— А мил человек не осерчает, если я рядышком присяду? — добавил он, с любопытством оглядывая меня.

— Наоборот буду рад, — отозвался я, нисколько не удивившись появлению незнакомца.

— Вот и ладно.

Старик скинул рюкзак с плеч и поставил его на землю, а потом, кряхтя, сел рядом со мной; положив соломенную шляпу на рюкзак, он пригладил редкие седые волосы.

— Какую благодать Господь сотворил! — минуту помолчав, сказал он. — Глядишь, глядишь и не нагладишься! Уж боле семи десятков прожил на белом свете, а не перестаю удивляться! Хучь бы эта речушка — красавица, да только! А лес! А луга! А омуты! Разе все перечислишь?..

— Грибы собирал? — поинтересовался я.

— Не угадал. Я травник. Травы — моя слабость. — Он посмотрел вдаль, за речку. — Знаю их все наперечет: и горицвет, и калган, и пастушья сумка, и подмаренник, и

ятрышник, и таволга... и все нужны, все полезны... вся аптека перед нами... Кажин день собираю. Сельчане говорят: «Евграф, куда тебе столь?!» А я отвечаю: «Для людей. Эвон сколь больных».

Евграф провел по бороде одной рукой, потом другой; руки у него были большие, узловатые, мозолистые.

– Энтим летом собираю токо одну траву.

– Интересно, какой повезло?

– Сушенице топяной.

– А другие?

– Другие погодят.

– В чем тут дело?

– А дело оченно простое – энта травка особливая.

– В чем же ее особенность?

– Она исцеляет дюже редкую болесь.

– Какую?

– *Заморочение* головы. Н-да. Другие не исцеляют, а эта исцеляет.

– Вот это трава так трава! – воскликнул я. – А как она выглядит?

– Да так и выглядит.

Евграф встал, сделал несколько шагов в сторону, сорвал кустик травы и протянул мне:

– Вот она!

Кустик был серенький с желто-белыми цветами на концах веточек. Сколько раз я проходил мимо таких кустиков и не замечал их, а они, оказывается, не простые, а, можно сказать, золотые. Я посмотрел на травку на некотором расстоянии, вертя ее в руках, а потом понюхал цветочки, запаха они, к сожалению, не издавали, а может, меня нюх подвел.

Я протянул сушеницу Евграфу.

– Это таперя твоя, – сказал он, снова садясь на землю.

– Может, и сгодится кому.

— Все может быть, — согласился я, пряча кустик в сумку. — А скажи, пожалуйста, добрый человек, в чем проявляется это самое *заморочение*?

— В *кривости*.

— В какой-такой *кривости*?

— В *кривости ума*.

Евграф замолчал, наверно, для того, чтобы я лучше усвоил эту мысль.

— Ноне скрость *замороченные*. Я редко навещаю город, а как приеду — вижу: народ *не тот, что раньше*. Спросишь кого: он говорит, а я не понимаю. Слова какие-то *кривые, ненашенские*...

— А в селе?

— И в селе швах. Я их, бедолаг, жалею, сильно жалею. И хочу *выправить*. Собираю сушеницу и раздаю бесплатно. Мешкам счет потерял...

— И помогает?

— Еще как помогает! Вот мой сосед, Ветрогонов Петро, совсем *мурной* стал, а как попил моей травки — *выправился*, стал здраво рассуждать. В городе многим помог. Как встретят меня, кланяются: «Спаси Христос» говорят.

— Выходит, ты второй доктор Айболит, — улыбнулся я.

— Выходит так. Много людей *замороченных*, очень много, особенно на Украине. Там они какие-то... особая замороченность у них — вот что я скажу. *Криво мыслят*, да так *криво*, что дальше некуда. — Евграф тряхнул головой, так что его борода качнулась из стороны в сторону. — Я им тоже помогаю.

— Каким образом?

— Посылаю травку. Три мешка отправил в Киев и столько же во Львов. Во Львов надо бы поболее, но не все сразу. Я дал себе задание: до конца сезона собрать еще десять мешков! И все отправить на Украину!

— А успеешь? Лето ведь короткое.

— Успею! Сушеница цветет все лето и всю осень. Знает красавица, что нужна людям!

— А скажи, добрый человек, как принимать чудо-траву? Это ведь очень важно.

— Ее надо пить как чай. Заваривай и пей — и все будет в порядке.

Со стороны реки повеял легкий ветерок. Листья ясеня слегка затрепетали. Справа появилось такое большое облако, что оно закрыло почти полнеба. На реку, на заречную даль, на березовую рощу легла густая тень.

— Господь милостив, — сказал Евграф, поправляя голенищи сапог. — Послал нам, грешным, прохладу.

Он поднялся, накинул на плечи рюкзак, надел на голову шляпу.

— Ну, прощевай, мил человек, погутарили — и хвата. Не хочу терять ни минуты. До заката, даст Бог, наполню рюкзак доверху.

Евграф поклонился в мою сторону, осенил себя широким крестным знаменем и пошел вдоль реки, часто нагибаясь, чтобы сорвать очередной кустик чудо-травы.

ПОВЕСТИ

*РАДУГА
ВОКРУГ СОЛНЦА*

I

В честь великого юбилея — столетия прославления преподобного Серафима Саровского — было совершенно множество Крестных ходов. И все они заканчивались в Серафимо-Дивеевском монастыре, где покоятся его цельбоносные мощи. Три из них были особенно заметными — из Екатеринбурга, Курска и Сочи. А последний и самым продолжительным. Его возглавлял священник Виктор Швецов. Я попросил его рассказать о нем. Он начал издавека.

Призвание

— Я жил в поселке Дагомыс. У меня было стадо коз, и я решил переехать в другое место, где есть хорошие пастбища. Выбор пал на село Верхнее Высокое, которое находится вблизи Адлера. Количество коз у меня здесь увеличилось; кроме того, я завел несколько коров. И вот это стадо мы пасли по очереди — я и мой отец.

В селе был храм, но службы в нем не совершались, потому что не было священника. А людям хотелось в воскресный день прийти на Божественную Литургию и помолиться. «Надо написать письмо владыке Исидору, чтобы он прислал священника», — решили жители села. Я написал письмо, и его подписали почти все, кто жил в Верхнем Высоком. Владыка отнесся к нашей просьбе положительно, сказав при этом, что сейчас у него, к сожалению, нет свободных священников.

Тогда сельчане говорят: «А что если ты станешь священником». Я довольно хорошо знал службу, так как давно был церковным человеком и помогал батюшкам во время богослужения в качестве алтарника. Кроме того, я

пел на клиросе и был чтецом. «Мы готовы ходатайствовать перед владыкой, чтобы тебя рукоположили», — продолжали сельчане. Я согласился. Они написали письмо митрополиту Исидору.

Прошло некоторое время. К нам приехал игумен Симон, настоятель храма священномученика Харалампия, что в Красной Поляне (там я начинал свой церковный путь). Он сказал, что ему позвонил владыка и спрашивал обо мне.

«Тебе нужно к нему поехать», — добавил он. Я взял нужные документы и поехал в Краснодар. Владыка отнесся ко мне хорошо и сказал, чтобы я готовился к рукоположению. И вот четырнадцатого июля, в день памяти святых бессребренников Космы и Дамиана, я был рукоположен во диакона, а через некоторое время — во священника.

Так я стал настоятелем храма Успения Божией Матери в селе Верхнее Высокое. Пройдя практику в Троицкой церкви города Адлера, я приступил к служению. Служил здесь недолго. Дело в том, что в Троицком храме был всего один священник, а прихожан очень много. И меня назначили сюда вторым священником. В этом храме я пробыл месяц, после чего меня перевели в Сочи — в храм святого апостола Андрея Первозванного (настоятель сломал руку). Здесь пробыл тоже недолго: владыка благословил служить в храме святого равноапостольного князя Владимира (санаторий «Русь»).

Лампады

После этого я вернулся, наконец, в свой приход. И вот что интересно: когда я зажигал лампы в храме, то они гасли. Это меня очень смущало. Прихожане сказали, что когда храм ремонтировали, то в алтарь входили женщи-

ны. Я рассказал об этом владыке. Он благословил меня освятить храм иерейским чином. Я так и сделал, но лампы по-прежнему гасли. И на престоле, и на жертвеннике, и на семисвечнике они горели всего минут пятнадцать-двадцать, а потом «умирали». Я подумал: «Господь гневается на меня за что-то».

А когда я зажигал лампы дома, то они не гасли.

Я долго не понимал, почему все это происходит. Ответ пришел тогда, когда я возглавил свой первый, но, видимо, не последний, Крестный ход. Одна монахиня (я не могу назвать ее имя) сказала мне как-то, что я должен особым образом послужить Господу Богу. Я сердцем почувствовал нужду в Крестном ходе, в покаянии народа. Мы все должны покаяться в грехе цареубийства. А многие люди, когда им говоришь, что Царь-мученик Николай Второй пострадал за весь русский народ и мы все виновны в его смерти, не понимают этого. «Как это, — говорят они, — я Царя не видел, я не убивал его, и вдруг я виновен в его смерти». На русском народе лежит проклятие за убийство Помазанника Божия, и мы должны каяться, каяться и каяться, чтобы это проклятие снять. И вот Крестные ходы — лучший способ, чтобы сделать это.

Чайки в небе

— Батюшка, как начался Крестный ход?

— Очень прозаично: ко мне подошли две христианки — Фекла Турханова и Людмила Лучко и предложили провести Крестный ход до города Сочи (затем мы прошли до Краснодара, а потом до Дивеево). Они участвовали в прошлогоднем Крестном ходе Екатеринбург-Кострома (Фекла прошла его от начала до конца, а Людмила — последние сто километров).

Отец Виктор хотел начать Крестный ход из Красной Поляны, потому что раньше это село носило название Романов (там была Царская вотчина). Но потом от этой идеи отказался — из-за того, что на горной дороге было одно опасное место, где падают камни. Поразмыслив, он решил начать Крестный ход из села Верхнее Высокое, от Успенского храма (в 2004 году ему исполняется сто лет).

Вышли в путь — с хоругвями, иконами, с праздничным песнопением — первого декабря 2002 года, после Божественной Литургии. Приехало очень много народу из Сочи и из других городов и сел, и почти все покаялись в грехе царубийства (отец Виктор прочитал специальный чин исповеди).

Когда шествие приближалось к Адлеру, кто-то крикнул: — Посмотрите на небо!

Высоко-высоко, в голубом небе, кругами летали белые чайки. Отец Виктор давно живет на побережье, но такого явления не наблюдал ни разу. На сердце стало очень благодатно.

В Адлере, в Троицком храме, был отслужен молебен. На улице, во дворе храма, люди почему-то стали собираться кучками. Отец Виктор подошел и видит: замироточили иконы. А еще ранее заблагоухал крест.

На другой день отправились дальше. Из Кудепсты вышел встречный Крестный ход, который возглавил настоятель местного храма отец Владислав. Объединившись, христиане пришли в храм святого Василиска и приложились к его иконе.

Дождь и снег

Количество участников росло не по дням, а по часам, и в Сочи в торжественном шествии участвовало около двух тысяч человек; они прошли на место, где предполагается

построить часовню в честь Царственных мучеников, прочитали акафист и поставили крест.

Если в первые дни Крестного хода погода была теплая, солнечная, то позже, в горах, она стала «капризничать»: мокрый снег сменялся дождем, а пронзительный ветер — крепким морозом: однажды отметка в термометре показывала «минус двадцать пять». Несмотря на это, никто не простыл и не заболел.

В Лоо, Головинке, Лазаревской, Туапсе и в других населенных пунктах участников Крестного хода встречали местные христиане и вместе с ними служили молебен. И те, и другие стали свидетелями многих чудес. Например, у одной из женщин заблагоухал крест.

Во многих храмах по пути следования Крестного хода мироточили иконы. В Джубге, например, в Успенском храме мироточили иконы Спасителя и Владимирской Божией Матери (все литографические). По храму разлилось благоухание.

В Туапсе мать с сыном решили вернуться домой. Каково же было удивление участников Крестного хода, когда в первом населенном пункте, куда они пришли, они снова увидели мать с сыном. У последних обновилась литографическая иконка Пресвятой Троицы, которую им подарили в одном из храмов, — все фигуры на ней стали очень четкими. Увидев такое чудо, они, не раздумывая, взяли билеты на рейсовый автобус и догнали Крестный ход.

В Лазаревской участники торжественного шествия увидели радугу вокруг солнца, которое «играло» как на Пасху. Они ощутили необыкновенную радость.

«Чада, не сходите с Крестного пути!»

Однажды (это было уже вблизи краевого центра) мы шли ночью. Мимо проносились машины, было очень

опасно. Один из мужчин пошел впереди с фонарем. Еще у нас было металлическое било, — так что нас и видели, и слышали. Слава Богу, до города дошли благополучно.

— Где остановились?

— В Покровском храме. Нас очень тепло встретили. Там нас ждало явное чудо: на одном аналое мироточила иконка блаженной Матроны Московской, а на другом была икона святителя Тихона, Патриарха Московского; в его руках был свиток с надписью: «Чада, не сходите с Крестного пути, дарованного вам Господом». Мы восприняли эти слова так, как будто они были обращены непосредственно к нам.

II

К нашей беседе присоединилась матушка Ольга, супруга отца Виктора.

Огненный столп

Отец Виктор: — Из Краснодара мы вышли семнадцатого мая, а в Дивеево пришли двадцать второго июля. В краевом центре мы встретили чудотворную икону Божией Матери «Державную», которая прибыла сюда из Москвы. Встреча была очень торжественная: играл оркестр, было очень много народу — архиереи, священнослужители, казаки, студенты. В соборе мы приложились к этой великой святыне и отправились в путь.

— Много вас было?

— Человек семьдесят. У нас было два автобуса, их содержание взял на себя один из сочинских предпринимателей. А одна женщина пожертвовала большое количество духовной литературы и икон, которые мы

раздавали в пути. Когда мы шли, то перед нами был как бы огненный столп, который и вел нас. И, конечно, нам помогал Царь-мученик Николай Второй – он сам был в Дивеево и помогает всем, кто туда идет с благочестивыми целями.

В первый день мы прошли очень мало – из-за предыдущей бессонной ночи (мы ехали в автобусах из Сочи в Краснодар). В последующие дни мы проходили двадцать, тридцать, а иногда пятьдесят километров.

– Что вам помогало проходить такие большие расстояния?

Матушка Ольга: – Главное условие нашего Крестного хода – молитва. Утром мы читали Богородичное правило (сто пятьдесят раз «Богородице Дево, радуйся...»), а в пути – Иисусову молитву нараспев и акафист преподобному Серафиму.

Мизинец в мешочке

– Говорят, в Крестном ходе большое значение имеет обувь...

Отец Виктор: – Опыта по этой части у нас было мало, и поэтому приходилось страдать, особенно тем, у кого была неважная обувь. Мы скоро поняли, что обязательно нужны шерстяные носки. У многих появились мозоли. Медсестра Людмила их лечила. Ну а потом у нас прибавился опыт, и дела пошли получше. Особенно трудно было, когда попадали в дождь, – обувь намокала.

– Никто не сошел с дистанции из-за мозолей?

Матушка Ольга: – Двоим ребятам пришлось вернуться домой, потому что подошвы у них были – одни лохмотья. Мизинец у одного из них, Георгия, был как в мешочке.

Цветы и тернии

— Как вас встречали в городах, селах, деревнях?

Отец Виктор: — Очень хорошо. Выходили встречные Крестные ходы. А в некоторых городах люди бросали нам под ноги цветы — это было очень умирительно.

— А были ли случаи враждебности?

— Да, иногда нас встречали очень холодно — люди не понимали, что такое Крестный ход, смотрели на нас как на непрошенных гостей. Первый такой случай произошел в Екатеринодарской епархии: один священник из станицы был категорически против того, чтобы нас принять и разместить на ночлег; его помощники вели себя агрессивно; наутро они попытались сгладить свой промах, но первое впечатление откровенной враждебности у нас так и осталось.

В Миллерово (Воронежская епархия) тоже очень плохо приняли (я выражаюсь очень осторожно).

Ну, а в основном народ православный принимал нас хорошо.

— Как проходили ночевки?

Матушка Ольга: — Ночевали обычно в школах (в спортивных залах), там были спортивные маты, а у каждого из нас был спальник, так что устраивались хорошо. Но чаще бывало так: батюшка (местный) обращался к прихожанам, и те разбирали нас по домам. Принимали прекрасно: топили баньку, где мы могли попариться березовым веничком, а потом пили чай с малиной. Наутро мы были свеженькими.

Повторяю, нас принимали очень радушно — как будто мы прибыли к близким родственникам... Утром проводжали, шли с нами некоторое расстояние, продукты предлагали — кто молоко, кто яйца, кто хлеб домашний, кто огурцы, кто помидоры... А мы, в свою очередь, молились

о наших благодетелях — и в пути, и на стоянке, и в храмах, и в монастырях...

Отец Виктор: — Иногда приходили в населенный пункт поздно, около полуночи, времени для отдыха оставалось мало, потому что в пять часов утра мы уже вставали и служили молебен, а в семь часов отправлялись дальше. Километров через десять делали привал, завтракали, а потом продолжали путь.

Бунт на корабле

— Конечно, такой длительный и серьезный Крестный ход не мог обойтись без искушений, и притом серьезных.

Отец Виктор: — В начале Крестного хода, когда мы занимались организационными делами, Людмила Лучко и Фекла Турханова помогали мне: звонили по епархиям, оформляли документацию, утрясали некоторые вопросы с администрацией города Сочи. Я от души благодарил их. Думал: «Вот какие хорошие у меня помощницы!» Очень скоро, однако, я переменил свое мнение, так как Фекла и Людмила повели себя не похристиански. Причина этому одна: они были невоцерковленными людьми.

— В чем это выразалось?

— Они подняли вопрос: кто должен возглавлять Крестный ход?

— Тут, по-моему, вся ясно: Крестный ход должен возглавлять священник, а не мирянин.

— Это вы так думаете, а у них было другое мнение. Они называли себя духовными чадами старца схиархимандрита Симеона (он сейчас болеет и лечится в Москве) и считали, что у них есть какие-то особые права в связи с этим. Меня они как священника игнорировали и постоянно со мной спорили, когда решался тот или иной вопрос, мно-

гое делали без благословения. Например, несколько раз ездили в Дивеево, чуть ли не с середины пути, тратили на свои нужды церковные деньги...

— Во что это непослушание в конце концов вылилось?

— Как-то я поехал в следующий пункт нашего шествия, чтобы договориться о встрече. У нас были и пожилые люди, и дети, и я хотел познакомиться с предстоящим маршрутом — как его лучше пройти, на сколько этапов разделить, потому что был очень жаркий день. Когда я вернулся, то обнаружил... бунт на корабле. Фекла объявила, что с сегодняшнего дня руководителем Крестного хода будет... Людмила. Они уже построили людей, готовясь выйти в путь без моего благословения. Произошел крупный разговор.

Матушка Ольга: — Они повели на батюшку самую настоящую атаку: стали его обличать, мол, у тебя и духовности никакой нет, чтобы вести Крестный ход, и способностей нет, и ты взялся не за свое дело. А потом и оскорблять начали, мол, ты жид и масон (!). То есть в своем непотребстве дошли до последнего предела.

Отец Виктор: — Они представляли из себя жалкое зрелище...

— И кто же дальше возглавлял Крестный ход?

— Разумеется, я.

— А Фекла и Людмила смирились?

— И не подумали даже.

— Они что, вернулись домой?

— Это был бы идеальный выход из положения, но они и не подумали об этом.

— Куда же они делись?

— Пошли с нами.

— И много прошли?

— До конца.

— И все время портили Вам кровь?

Отец Виктор кивнул головой:

– И Фекла, и ее подруга были послушными игрушками в руках врага. Чего только они не вытворяли! Например, Фекла стала распускать самые невероятные слухи: что Дивеево закроют, там будет три зоны, и попасть туда будет нельзя. «Надо идти быстрее! Быстрее!» – подгоняла она нас. Я ее тут же «укрощал». Легко себе представить, что бы произошло, если бы мы послушались ее: мы бы сбились с ритма и быстро выдохлись. А врагу только это и нужно.

Санаксарский монастырь

Отец Виктор: – В Санаксарском монастыре мы ожидали теплого приема (монахи все же!), но все пошло как-то наперекосяк. Мы вошли в монастырь – с хоругвями, иконами, крестами, а на нас ноль внимания. Сначала монахи пошли в трапезную, после трапезы у них было вечернее правило – мы ждали, ждали, а потом стали расходиться: одни пошли на могилку святого Феодора Ушакова, другие – в книжную лавку, третьи сели отдыхать (как никак мы весь день были в пути).

На другой день я разговаривал с секретарем настоятеля и просил его помочь нам пройти через Мордовский заповедник, но тот сказал, что, мол, братия там не ходит, и я ничего не знаю (если идти в обход заповедника, то это заняло бы четыре-пять дней, а напрямую – полдня).

Две удачи

Отец Виктор решил съездить в Дивеево (со своими ближайшими помощниками), чтобы решить вопрос о разме-

щении. (Такие вещи нужно обговаривать заранее: десятки человек свалятся, как снег, на голову, а им скажут: «Мест нет!» Кто будет виноват?) Священнику не удалось встретиться ни с игуменией, ни с благочинной, ни с владыкой Георгием Нижегородским (он как раз был здесь). Потом оказалось, что с ними и не нужно было встречаться, так как Господь уже давно позаботился о паломниках. Отец Виктор встретился с Ириной Шикиной, матушкой почившего священника Владимира Шикина. Она пригласила паломников в гости и рассказала о Дивеево и всех последних событиях, связанных с приготовлениями к празднику. А потом добавила, что участники Крестного хода могут остановиться в ее доме и в доме ее хорошего знакомого.

Одна удача привела за собой другую: на обратном пути паломники заехали к директору Мордовского заповедника, и он разрешил идти в Дивеево кратчайшим путем.

Клевета

Отец Виктор: — В Санаксарском монастыре меня ожидал «сюрприз».

— Опять смутьянки?

— Да. В мое отсутствие они пошли к настоятелю монастыря и сказали ему, что, мол, я забрал кассу Крестного хода и сбежал с нею домой.

— А он поверил этому?

— К сожалению, да.

— Но ведь это можно было легко проверить.

— Конечно. Можно было подойти к матушке Ольге, к моим детям, да к любому участнику Крестного хода... Смутьянки между тем сделали еще один глупый шаг: заказали «Икарус», чтобы отвезти хоругвеносцев и других участников Крестного хода в Дивеево. То есть скомкать

концовку нашего шествия. Но никто в автобус не сел. Все остались верны священнику.

- Целая детективная история!
- Да еще какая!

Заповедник

– Как дальше развивались события?

– Я повел народ через заповедник, но никому не говорил, куда мы идем. С нами был сопровождающий, он прошел несколько километров, а потом вернулся домой. Дальше мы шли одни.

– И не заблудились?

– Слава Богу, нет.

– Что представлял из себя заповедник?

– Очень печальное зрелище: полувысохшие хвойные деревья, птички не пели.

– Почему?

– Потому что их здесь не было! То и дело мы слышали подземные взрывы: видимо, это были какие-то испытания – ведь рядом находился ядерный центр.

Матушка Ольга: – В заповеднике было много ягод: земляника, голубика. Люди рассеялись по лесу – трудно было удержаться, чтобы не полакомиться. Батюшка стал их собирать, кличет, кличет, а никто не откликается – все увлеклись ягодой.

– Никто не остался в лесу?

– Никто.

– Волков не было?

– Ни волков, ни лисиц, ни белочек, ни птичек – никого!

– А грибов?

– Грибов тоже не было.

Если внешних волков не было, то внутренние были. «Они, смутьянки, могут сделать все, что угодно, — размышлял отец Виктор. — Устроят, например, пожар в лесу, а потом все свалят на меня». Поэтому он попросил одного из своих верных духовных чад — Георгия — присматривать за ними. Тот шел в хвосте колонны и не выпускал их из виду. Они говорят:

— Ты, кажется, следишь за нами?

Он отвечает:

— Да, слежу.

— А зачем?

— Чтоб не потерялись, — отшутился Георгий.

«Я хочу изгнать попа»

На этом искушения не закончились.

В пути к паломникам присоединялись христиане из разных приходо́в. И трудно было сразу узнать, что это за люди, что у них на уме. В Ростовской епархии, например, присоединился весьма странный молодой человек. Его звали Павел. В беседе со священником он сказал, что совершает особые поступки по указанию Архангела Михаила. Отца Виктора это насторожило. Он отметил у него какой-то недобрый взгляд. Прошла неделя или две. Однажды Павел сказал Георгию:

— Я хочу изгнать попа.

— Ты что, с ума спятил? — возмутился Георгий.

— Мне велел это сделать Архангел Михаил, — ответил Павел. — Поможешь мне?

— Не только не помогу, но и сделаю все возможное, чтобы этого не произошло!

Георгий рассказал об этом разговоре отцу Виктору.

Тот понял, что от Павла нужно избавиться. И как можно скорее. Но как? Помог случай. В группе был один немой. Но скорей всего он был не по-настоящему немой, а взял на себя подвиг молчания (однажды ночью, во сне, он что-то бормотал). И вот этот немой (его звали Анатолий) как-то утром повздорил с Павлом, и тот ударил его по щеке. Анатолий подставил ему другую щеку, он и по второй щеке ударил. Анатолий перекрестился:

— Слава Тебе, Господи!

Отец Виктор сказал Павлу:

— Так поступать нельзя. Это не по-христиански. Ты должен покинуть нас.

Он купил ему билет, посадил на поезд и отправил домой. Это произошло в городе Ртищево (Саратовская епархия).

Иисусова молитва

— Каков был духовный «пульс» вашего коллектива?

Матушка Ольга: — Во-первых, батюшка запретил в пути любые разговоры. Каждый должен был повторять про себя Иисусову молитву. Кроме того, мы постоянно пели акафисты. В любую погоду. Каждый день, утром, служились молебны. Мы часто причащались Святых Христовых Таин (слава Богу, храмы на Руси не перевелись).

— Батюшка, скажите несколько слов о послушании в Крестном ходе.

Отец Виктор: — В самом начале Крестного хода, когда мы остановились в одной из станиц, местный священник сказал, обращаясь к моей пастве: «Слушайте батюшку. Если вы не будете его слушаться, то до Дивеево не дойдете».

Нелегкое дело — одолеть тысячу семьсот километров, да еще по жаре или под дождем, да еще с хоругвями и с иконами, а без послушания и вообще невозможное.

Иоанн

— Если на дороге было большое движение транспорта, то как вы поступали?

Отец Виктор: — Такие места действительно были, и тут я проявлял очень большую строгость. Иногда шли колонной по два человека, а иногда даже по одному — если дорога была слишком узкой. И я следил, чтобы никто не нарушал моего указания.

— Сотрудники ГАИ вам помогали?

— Конечно. В Краснодарской епархии милиционеры не только сопровождали нас, но и вещи наши везли. Это было очень кстати, потому что в то время у нас не было своей машины.

Один милиционер помогал паломникам не за страх, а на совесть. Он объявлял по громкоговорителю встречным водителям: «Держитесь правее!» или: «Остановитесь! Глушите двигатели!» или: «Будьте осторожны! Идет Крестный ход!» И водители послушно останавливались, глушили двигатели и пережидали, пока пройдут люди. Его звали Иоанн; он был верующим, вместе со всеми молился, и его семья — жена и дети — тоже участвовала в шествии.

Он сопровождал Крестный ход несколько дней.

Старушка

Иногда помощь приходила совсем неожиданно.

Матушка Ольга: — Это было, если не ошибаюсь, в Саратовской епархии. Идем и видим: к нам бежит старушка, маленькая, сухонькая, хроменькая. Бежит из села, которое стояло вдали от дороги. Мы, не сговариваясь, остановились. А она бежит, бежит, насколько позволяют ее силы.

А какие у нее силы, если ей уже под восемьдесят! И вот она, запыхавшись, подбежала к нам и стала целовать иконы: и Царя-мученика, и Божией Матери, и Николая Чудотворца, и преподобного Сергия. Говорит: «Ягодки мои!» В селе храма не было, и она, может быть, впервые в своей жизни прикладывалась к иконам! Это было так трогательно! Старушка вдохнула в нас такие силы, что мы в этот день не шли, а, наверно, летели!

Вот уж действительно: не стоит село без праведника!

Духовная ошибка

— Батюшка, удалось ли Вам и Вашей пастве до конца выдержать высокий молитвенный настрой?

— К сожалению, нет. К концу Крестного хода этот настрой сильно снизился, а когда мы вошли в Дивеево, то и вообще исчез, потому что я дал людям свободу, и они занимались, кто чем хотел: один паломник шел на источник, другой — в храм, третий — на могилки дивеевских монахинь. Это была моя серьезная ошибка. И враг, конечно, не замедлил этим воспользоваться.

— Где он нашел лазейку?

— Нас одолел страх — как будто смерть близка, как будто должно произойти что-то страшное. И такое испытывал не только я, но и все остальные участники Крестного хода. Например, с нами была монахиня Клавдия. Она не выдержала и до наступления праздника уехала домой. А за ней — и другие паломники.

Представьте себе: в течение двух месяцев у нас была большая физическая нагрузка — длительные переходы, мы мало спали, но зато много молились, и все было нормально, Дух Святой нес нас на Своих крыльях, и мы даже

не замечали усталости. А тут расслабились — и враг немедленно поймал нас в свои сети... Я получил большой духовный урок.

Не последнюю роль сыграли события, о которых мы узнали в монастыре: на Канавке одну девочку пырнули ножом сатанисты, они же напали прямо днем на священника, — появилось ощущение опасности...

«Я встал на колени...»

— Как вы преодолели последние километры?

Отец Виктор: — В Аламасово, последнем пункте перед Дивеево, мы отслужили молебен, я встал на колени и попросил у всех участников Крестного хода прощение за мои ошибки, видимые и невидимые. «Бог простит», — ответили мои духовные чада и тоже встали на колени: «Простите и нас, батюшка».

— А Фекла и Людмила встали на колени?

— Чего не было, того не было...

Калиточки

Матушка Ольга: — Мы идем дальше, а калиточки во всех дворах открыты; даже если и людей не видно, калиточки все равно открыты.

— Это о чем говорило?

— Это хорошая русская традиция. Раньше, когда проводились Крестные ходы, в деревнях всегда открывали ворота и калитки. Мол, заходите, мы вам рады: и хлеб-соль предложим, и напоим водой, и на ночлег устроим — вы Христа ради подвиг духовный совершаете, и мы хотим по мере сил участвовать в нем.

Бегство

- Как Фекла и Людмила вели себя в Дивеево?
Отец Виктор: – Ничуть не лучше, чем в пути.
- Неужели и здесь они строили козни?
– Было бы странно, если бы они их прекратили! То, что я рассказал, это «ягодки».
- Были и «цветочки»?
– Еще какие! У Феклы была наша церковная касса, и она распорядилась деньгами. Я как-то спросил у нее: «Сколько денег в кассе»? Она ответила: «Восемьдесят тысяч». Сумма могла быть и больше, но я не мог проверить.
- Почему?
– Она бы закатила сцену.
- Почему-то к деньгам всегда льнут нечистоплотные люди. По примеру Евангельского Иуды.
- Вот именно.
- Ну и что же случилось с деньгами?
– Они исчезли.
- Куда?
– В неизвестном направлении. Вместе с Феклой.
- А Людмила?
– Исчезла вместе с ней.
- Вы их не искали?
– Если бы я подключил к их поиску Интерпол, то и тогда ничего бы не вышло!

«Храм – лицо нашей души»

- Ваш Крестный ход помогал народу оттаивать и обращаться к церкви, к Господу Богу, не так ли?
Отец Виктор: – Вы совершенно правы. Одна деталь: в тех селах, где храмы были когда-то разрушены, люди хо-

тели построить хотя бы часовню. Для начала. Они об этом мне говорили. Я отвечал: «Молитесь, просите Господа и не опускайте рук! И потихоньку дело пойдет».

Однажды, проходя через село, мы зашли в полуразрушенный храм. Я начал служить молебен, и к нам присоединились местные жители. После молебна я произнес краткую проповедь. «Храм, — сказал я, — это лицо нашей души. Какова душа — таков и храм. Если вы желаете, чтобы ваша душа очистилась от грехов и возродилась, то открывайте храм».

Одна местная женщина рассказала: «Накануне я видела сон: стоит храм, очень мрачный. И вдруг легкие серебряные нити поднимают его на воздух, и он преображается».

После того как мы покинули село, жители пришли в храм и стали приводить его в порядок: убрали мусор, застеклили окна, побелили стены, помыли полы; принесли иконы, которые когда-то украшали эту церковь; отремонтировали крышу. Почти все село принимало в этом участие. Очень скоро приехал священник и отслужил Божественную Литургию. Очень многие причастились Святых Христовых Таин.

Вот что сделал Крестный ход! Не мы, не мы, грешные, пробудили людей, а Дух Святой!

Матушка Ольга: — В народе говорят: чего ни попросишь во время Крестного хода, то обязательно исполнится.

Первая Литургия

— Батюшка, как часто во время Крестного хода Вы служили Божественную Литургию и как часто люди приступали к Таинствам?

— У нас сложилось такое правило: в субботу мы старались прибыть в такое село, где есть храм — там мы слу-

жили всенощное бдение, а наутро Литургию. Участники Крестного хода обязательно исповедовались и причащались Святых Христовых Таин. Иногда мы служили Литургию до или после воскресенья (все зависело от того, где находится храм).

Матушка Ольга: — Как-то мы пришли в село (к сожалению, не помню его названия), и там нас очень радушно встретили. В селе был храм, и вот батюшка говорит: «Меня только-только рукоположили, и я не служил еще ни одной Литургии». А отец Виктор говорит: «Вот завтра вместе и отслужим». И этот батюшка был очень доволен, что так получилось и что Крестный ход подвигнул его совершить первую Литургию.

Отец Виктор: — Нам очень везло, потому что мы не пропустили ни одного большого церковного праздника и всегда служили.

В Дивеево, в праздник преподобного Серафима, те наши люди, которые не уехали, тоже, разумеется, приступали к Таинствам.

— Удалось ли Вам участвовать в Крестных ходах из Дивеево в Саров и обратно?

— Конечно. Таких многолюдных Крестных ходов я ни разу в жизни не видел! Отраднo, что наш народ так почитает батюшку Серафима. Мы были просто счастливы, что приняли участие в этих шествиях. В нашем, Сочинском, Крестном ходе хоругви и кресты были намного легче, иначе мы не одолели бы наш путь.

Чудеса

— За два месяца Крестного хода наверняка произошло много чудес...

Отец Виктор: — Господь Своею благодатию покрывал нашу усталость, и наутро мы чувствовали себя так, как

будто и не было вчерашнего утомительного перехода. Четырех-пяти часов сна вполне хватало, чтобы полностью восстановиться.

Почти во всех храмах (когда мы входили в них или выходили) на нас проливался как бы маленький дождичек: жара, безоблачное небо, и вдруг набегают тучка, орошает нас, а потом исчезает.

Матушка Ольга: — Иногда такое бывало и в пути: солнце палит, пить хочется — и вдруг, откуда ни возьмись, появляется тучка, повеял ветерок, дождичек прохладил нас и тут же закончился.

— Это, конечно, был не дождичек, а Божия благодать...

Отец Виктор: — Совершенно верно! Когда я рассказывал об этом корреспондентам местных газет по пути следования, они только качали головами.

— Верили или нет?

— Одни верили, другие — нет.

— О каких чудесах Вы еще можете рассказать?

— У нас была икона Святителя Николая, так вот, она два раза мироточила. Первый раз образовались три большие капли миро. Мы были в храме (в одном из сел Воронежской епархии), и батюшка, который нас принимал, помазал всех христиан этим миром. А в другой раз три струйки миро текли из глаз угодника Божия.

Матушка Ольга: — Из его благословляющей руки текла еще одна струйка. Было очень сильное благоухание в храме.

Отец Виктор: — Однажды мы читали акафист Царю-мученику Николаю перед его иконой. И вдруг икона покрылась... как будто на нее подышали... а это было в полдень, никакого перепада температур не было.

Когда мы приближались к Мордовскому заповеднику, нам кланялась лошадь.

— Кто, кто?

— Лошадь, гнедая. Она паслась на лужайке, а, увидев нас, стала кланяться. Так натурально кланялась, что не передать. В цирке есть дрессированные лошади, так там сразу видно, что ее учили кланяться, а эту лошадь никто не учил. Я шел впереди Крестного хода, слышу — кричат: «Батюшка, посмотрите на лошадь!» Я поворачиваюсь, и лошадь тоже поворачивается ко мне и кланяется.

Матушка Ольга: — Когда мы выходили из Балашово (не помню, какая епархия), к нам присоединилось стадо козочек. Они убежали от своего пастуха и долго шли с нами — то справа, то слева, то посреди нас.

Отец Виктор: — Помню (это было еще на юге), мы шли от одной станицы к другой и пели «Богородице Дево, радуйся!». В стороне, посреди поля, отдыхало стадо коров. Неожиданно одна корова поднялась, за нею все остальные, и вот все стадо присоединилось к нам и идет, идет, даже бежит. Пастухи поспешили следом, стали останавливать коров, а те все идут и идут, не обращая на них внимания.

— Они, наверно, перепугались, думали, вы все стадо уведете с собой...

— Еще как перепугались! Они же не знали, что Божия благодать действует и на животных... А иногда так бывало: коровы выдергивали колышки, за которые были привязаны, и следовали за нашим Крестным ходом...

Матушка Ольга: — Один крестьянин ехал на лошади, запряженной в телегу. И лошадь все время порывалась идти с нами; крестьянину стоило больших усилий удерживать ее.

И еще о животных, на этот раз самых маленьких: в поле, как столбики, стояли на задних лапках суслики и свистели; мы шли, а они все свистели и свистели.

В некоторых случаях животные более чувствительны, чем люди; гораздо лучше славят Бога, чем мы.

Игорь Масленков, трудник Старочеркасского монастыря, в течение всего пути нес вырезанный из дерева крест. И вот однажды его укусила то ли оса, то ли пчела. Ему стало плохо. Он побледнел, лицо сильно изменилось. Он вышел из Крестного хода и стал расстегивать пояс, на котором крепилось древко. Паломники поспешили к нему на помощь: взяли крест, помогли снять пояс. Видят: ему нужна срочная медицинская помощь. Населенный пункт далеко. Что делать? Они остановили первую же машину, которая шла по шоссе. И что же? В ней ехала врач, и у нее были все необходимые средства, чтобы помочь пострадавшему. Она немедленно сделала Игорю укол, и ему стало лучше. На следующий день он был совершенно здоров и снова нес православный крест.

Придя в Дивеево, паломники прочитали акафист преподобному у его раки, приложились к его мощам, к чугунку, в котором он варил траву сныть, а потом монахини попросили их перенести несколько десятков икон Иверской Божией Матери из Троицкого собора в Преображенский. Когда они пришли с иконами в Преображенский собор, им сказали, что иконы нужно нести обратно, то есть их переблагословили. И они отнесли их в Троицкий собор. Таким образом, они совершили два маленьких Крестных хода на территории Дивеевского монастыря.

Это произошло, конечно, по благословению преподобного Серафима.

После этого паломники поселились на жительство около Иверского источника.

Отец Виктор: — Главное же чудо состоит, на мой взгляд, в том, что Господь по Своему величайшему человеколюбию дает нам совершать Крестные ходы. И мы, немощные, отпадшие от древнего христианского благочестия,

слабые в вере, не имеющие ревности ко спасению, можем во время этих шествий каяться в своих грехах и просить Бога помиловать всех нас и спасти погибающую Россию. Господь собрал нас, больных, хромых, слепых, расслабленных (как в Евангельской притче) и повел от одной деревни к другой. С нами шли дети, старухи, старики, и преодолеть тысячу семьсот километров без Божией помощи (даже и нам, молодым), конечно, было невозможно. Вспоминаешь этот путь и содрогаешься: а мы ли прошли его? Может, кто-то за нас это сделал?

Царская полушка

— Матушка, а Ваши дети тоже участвовали в Крестном ходе?

Матушка Ольга: — Да, дети шли с нами: дочери Неонилла и Мария и сын Георгий.

— Как они перенесли путь?

— Сначала им было скучновато. В Ростовской области один священник (его звали отец Алексей) отправил с нами свою дочь, двух ее подружек и тещу, Нину Павловну. После этого скука исчезла, вместе со сверстниками идти куда веселей! Они пели на молебнах в течение всего пути, иногда четыре раза в день.

У Неониллы день рождения второго августа, мы праздновали его в Дивеевской обители, под сенью преподобного Серафима. Подружка говорит ей: «Я подарю тебе самое дорогое, что у меня есть». И подает ей царскую полушку. Когда мы приехали домой, Неля вспомнила о подарке, почистила монету, и что вы думаете? На ней оказался вензель нашего Царя-мученика Николая и дата — 1840-й год.

Велосипед

У Георгия был щадящий режим, потому что зимой он сломал ногу, мы лежали в больнице, и только весной он начал ходить.

— Он сам попросился участвовать в Крестном ходе?

— Да. Кое-где шел, кое-где ехал. А вот Крестный ход Дивеево-Саров прошел пешком полностью.

Еще одно маленькое чудо: если до Дивеево он прихрамывал и довольно сильно, то после Дивеево хромать перестал.

— По-моему, это чудо совсем не маленькое.

— Может быть.

— У него был с собой велосипед?

— Нет. Но так как он очень любит кататься на велосипеде, то всегда его находил. Иногда, бывало, так: он приедет на машине в какой-то населенный пункт, найдет там велосипед и едет нам навстречу.

В течение Крестного хода у детей было много знакомств. И сейчас они переписываются со своими новыми друзьями и подругами и обмениваются фотографиями, которые сделали в пути.

Современные апостолы

— А теперь перейдем к воспоминаниям...

Отец Виктор: — Воспоминания накатываются волнами. Кто может быть тебе ближе, как не человек, который вместе с тобой преодолевал трудности пути, жару, жажду, искушения?! Настоящий друг проявляется именно в таких серьезных испытаниях.

Я сейчас получаю письма от незнакомых людей. Они пишут: «Вы проходили через наше село (или деревню),

для нас это был незабываемый праздник!» Наш Крестный ход... *Это была моя лучшая проповедь...* Мы были как апостолы, и наши хоругви, иконы и резные кресты говорили лучше всяких слов!

Крестный ход пробуждает народ от сна! Это я видел собственными глазами. Проводя «стационарную» жизнь, находясь все время в храме, народ не поднимешь. Представляете: через мое окаянство люди пробуждаются! Да после этого я пройду не тысячу семьсот километров, а в два раза больше!

В некоторых письмах содержится такая просьба: «Батюшка, сообщите, когда Вы пойдете следующим Крестным ходом? И по какому маршруту? Мы Вас будем встречать!»

— Вы, наверно, и в самом деле планируете свой очередной Крестный ход?

— Если Бог даст и если будем живы, то в ближайшем будущем хотим пройти Крестным ходом из Сочи до Сухуми, а, может быть, и до Батуми. А вообще по всей Руси надо ходить Крестными ходами — вдоль и поперек! У нас нет ни покаяния, ни древнего благочестия... Что мы можем принести Господу Богу? Хотя бы вот таким образом потрудиться во спасение себя, наших близких и нашего Отечества...

2003

СВЕТИ С НЕБА

«Тогда говорит (Иисус) ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (Мф. 9, 37–38).

Дорога в Дамаск

Стоял жаркий летний день. По дороге, ведущей в Дамаск, двигалась группа всадников. Впереди ехал черново­лосый мужчина с волевым загорелым лицом; у него была гордая посадка, говорящая о том, что ему принадлежит немалая власть, которую он умеет — когда нужно — при­менить на деле; под ним была караковая лошадь с тонки­ми чуткими ноздрями и горящими глазами.

Вдруг ослепительный свет, подобно вспышке молнии, осиял всадника-предводителя. От неожиданности он не удержался в седле и, неловко взмахнув руками, свалился на землю. Лошадь задрожала и, как вкопанная, замерла на месте, нервно прядя ушами. Отряд остановился. Всад­ники (они вспышки света не видели) недоумевали, в чем дело. Им показалось, что с их предводителем случился солнечный удар, и, спешившись, они поспешили ему на помощь.

Черново­лосый всадник (его звали Савл) не мог прийти в себя; он не знал, что с ним произошло; он попытался приподняться и слышал чей-то голос:

— Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?

Трепет пробежал по жилам Савла. Он спросил:

— Кто Ты, Господи?

И слышал ответ:

— Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти про­тив рожна.

Савл пришел в ужас. Ему казалось, что он лишился рассудка. Слова, которые он произнес, как будто сказал не он, а совсем другой человек:

— Господи, что повелишь мне делать?

Господь сказал:

— Встань и иди в город, и сказано будет тебе, что на­добно делать.

Всадники пребывали в оцепенении: они слышали, что их начальник с кем-то разговаривал, а никого не видели.

Выполняя приказ, Савл встал с земли. Глаза его были открыты, но он никого не видел. Он протянул вперед руки и сказал:

— Ведите меня.

Его спутники в страхе подошли к нему, осмотрели его со всех сторон. Это был их начальник и в то же время это был не он.

Отряд (теперь уже пешком) тронулся в путь. Через несколько часов он прибыл в Дамаск.

Монастырь

В шестидесятых годах прошлого столетия французские археологи вели раскопки в тридцати километрах к югу от Дамаска. То, что они обнаружили на вершине холма, углубившись в него на десяток метров, превзошло все их ожидания: во-первых, их глазам предстал фундамент древнего храма; во-вторых, они нашли несколько православных крестов, а также церковную утварь — лампы, кадило, цепочки от них, потир, дискос; и, в-третьих, рядом с основанием храма открылось несколько пещер.

В церковной среде родилось мнение, что именно на этом месте было явление Господа святому Апостолу Павлу. Вопрос долгое время обсуждался, и, поскольку серьезных возражений не нашлось, Антиохийская Православная Церковь остановилась на этой, не лишенной веских оснований, версии.

Об открытии сирийских археологов вскоре узнал Святейший Патриарх Алексий (Симанский). У него возникла прекрасная идея — построить на этом месте православный монастырь. Антиохийская Церковь не возражала.

Для осуществления своей идеи Алексей I выделил крупную денежную сумму. В 1965 году обитель была построена. В этом же году здесь состоялась первая Божественная Литургия.

Минуло сорок лет. В Москве возник Фонд «Духовное наследие святого Апостола Павла» (президент — Самир Эль-Гадбан), цель которого — восстановление и развитие духовных и культурных связей между Россией и Сирией. Продолжая благое дело Патриарха Алексия I, Фонд решил установить в монастыре памятник Апостолу Павлу. Скульптурное произведение создал народный художник России Александр Рукавишников. И вот большая русская делегация (ее возглавил архиепископ Курский и Рыльский Герман) вылетела специальным рейсом в Дамаск на его открытие.

Вселенская Пасха

Этот день наверняка запомнился всем, кто принял участие в великом торжестве. Мы прибыли на автобусах почти к самой границе с Израилем. Прямо перед нами — священная Гора Ермон с заснеженной вершиной. Вот она какая! «Фавор и Ермон о имени Твоем возрадовастася». Совершая несколько лет назад паломническое путешествие по Святой Земле, я пытался разглядеть Гору Ермон с Горы Фавор. Увы, расстояние было слишком большое, я видел только ее неясные очертания. А здесь она совсем рядом! Справа, тоже недалеко, видны Голанские высоты, из-за которых между Сирией и Израилем ведется долгая непрекращающаяся война. Во-первых, это важное стратегическое место — кто владеет высотами, тот владеет ситуацией; во-вторых, это богатая житница. Сейчас Голанские высоты в руках евреев.

Показался монастырь «Явление Господа святому Апостолу Павлу». Он стоит на холме и виден издалека. Храм на его территории похож на парящий корабль. Это впечатление усиливается по мере приближения к нему. Около обители – сотни и сотни автомобилей. Мы с трудом проходим на ее территорию – она запружена народом; кажется, вся Сирия собралась сегодня сюда. В верхней части монастыря, на постаменте, виден памятник, он закрыт полотном.

На торжественном митинге, посвященном открытию памятника, выступили архиепископ Курский и Рыльский Герман, генерал Валентин Иванович Варенников, епископ Муса (Антиохийская Церковь). Они говорили о том, что сегодняшнее событие – это праздник не только сирийского народа, но и всего православного мира.

Настал кульминационный момент. Епископ Муса сдернул покрывало, и присутствующим в свете прожекторов предстал памятник славному первоверховному Апостолу Павлу. Фигура Апостола строгая, лишена внешних эффектов, но в ней заключен большой духовный смысл. Здесь, на этом месте, Апостол стал ревностным проповедником христианского учения. В руках у него Евангелие, и он, шагая, несет Благую Весть людям. Он нес ее в первом веке, несет и сейчас, в начале двадцать первого столетия. Он как бы говорит людям: ***«Мир погибает от безбожия. Он нуждается в Евангельской проповеди. Сегодня каждый верный православный христианин должен стать апостолом и нести Свет Христов заблудшим овцам. Ибо жатвы много, а делателей мало».***

Обитель ликовала. Тысячи и тысячи людей радостными криками и песнопениями выражали свой по-детски чистый, неподдельный восторг!

Стемнело. Гора Ермон и Голанские высоты потонули во мраке. На ночном небосклоне ярко сияли звезды. Но

еще ярче сияли звезды земные — сердца людей, которые пришли на это святое место.

— Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав! — на всю округу звучало Пасхальное песнопение в исполнении мужского хора московского Данилова монастыря.

Люди, собравшиеся в обитель, праздновали не просто Пасху, а Пасху Вселенскую!

На небе зажигались все новые и новые звезды, а христиане не расходились — они были соучастниками благовестия, которое нес Апостол Павел.

Скульптор

Пока мы ехали обратно в Дамаск, мне удалось поговорить со скульптором Александром Рукавишниковым. Чуть выше среднего роста, открытое русское лицо, возраст зрелый — пятьдесят лет, крепкий торс, сильные руки — таким, наверно, и должен быть настоящий скульптор. Меня подкупили его простота и искренность. Я разговаривал с ним так, как будто мы были знакомы давным-давно.

— Как возникла идея создания этого памятника и как Вы воплощали ее?

— Честно говоря, я не думал, что буду заниматься этой работой, и когда представители Фонда «Духовное наследие Апостола Павла» пришли ко мне и предложили создать памятник, то я ответ дал не сразу. Они рассказали, где этот памятник будет установлен, как он важен и для сирийцев, и для русских, короче, зажгли меня, и я согласился. Я стал изучать этот вопрос. Просмотрел литературу обо всех авторах, которые создавали скульптуры Апостола Павла. Ближе всего мне показался образ, выполненный Феофаном Греком, современником Андрея Рублева. Он меня вдохновил, я принялся за работу и создал памятник.

– Какую идею Вы воплощали?

– Скульптура – вещь довольно сложная: тут нет сюжета, цвета, текста, музыки. Поэтому фигура, которую создает скульптор, должна иметь какое-то эмоциональное наполнение. Если оно есть, то это хорошая скульптура, если его нет, то плохая. Вот Бельведерский торс: нет ни головы, ни рук, ни ног, но он излучает страшную энергетику. Моя задача – путем сочетания форм, сечений каких-то, своих приемов сделать так, чтобы эта вещь излучала энергию. Это дело весьма загадочное – никогда не знаешь, получится у тебя что-то или нет. Бывает, произведение сделано идеально – по пропорциям, по другим каким-то вещам, и выполнялось долго, но оно не несет эмоционального заряда. А бывает так, что произведение сделано вроде небрежно и быстро, а заряд несет. Тут загадка. Получилось у меня или нет с Апостолом Павлом, судить не мне, а зрителям.

– Памятник Апостолу Павлу – это Ваша большая творческая удача. Это не просто скульптура человека, пусть и великого, это духовный образ.

– Когда я начинаю работать над каким-то произведением, то стараюсь как можно больше узнать об эпохе, в которую жил тот или иной человек, его биографию, мировоззрение, характер, привычки, прочитав как можно больше книг о нем, короче, чтобы у меня был фундамент, на котором я смог бы построить свой «дом». Так было и здесь. Не надо забывать, что это один из самых великих святых Вселенской Православной Церкви, это первоверховный Апостол, который обратил ко Христу множество народов и который своими пламенными Посланиями и сейчас учит людей правильно жить. А как он прозрел и стал Апостолом? Это же явное чудо! И все это должно присутствовать в моей скульптуре – многое в самой фигуре, а, возможно, еще больше – в «подтексте».

Если книга стоит на полке и ты можешь ее не открывать, то скульптура, стоящая на площади, мозолит тебе глаза, хочешь ты этого или не хочешь.

Вот почему скульптор должен чувствовать *особую ответственность* за свою работу. Ну, а уж когда он предлагает свою работу в другую страну, то тут ответственность возрастает, на мой взгляд, в геометрической прогрессии — ведь по твоей скульптуре судят о целом народе, о его творческом потенциале.

Что касается Сирии, то она произвела на меня очень приятное впечатление: люди открытые, искренние, я был очень рад, что скульптура Апостола Павла им понравилась, на открытии памятника они выражали свой восторг, поднимали своих детей, чтобы те смогли дотронуться до фигуры Апостола.

— Апостол работает сейчас и днем, и ночью — он не заходит в помещение, не ложится спать (Ангелы, кстати, тоже не ложатся спать), круглые сутки проповедует слово Божие. В руках у него Евангелие, и он как бы говорит всем людям, которые его видят: читайте эту книгу, потому что без нее спастись нельзя.

— И духовно без нее расти нельзя...

Крещение Апостола Павла

В течение трех дней Савл был слеп, ничего не ел и не пил.

В Дамаске жил священник по имени Анания. Однажды в видении ему явился Господь и сказал:

— Анания!

Тот ответил:

— Я, Господи.

Иисус продолжал:

– Встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина по имени Савла; он сейчас молится и видел в видении тебя, Ананию: как ты пришел к нему и возложил на него руку; и после этого он прозрел.

Анания ответил:

– Господи! Я от многих людей слышал об этом человеке. Он причинил много зла Твоим ученикам. Он выпросил у первосвященника в Иерусалиме письмо, чтобы здесь, в Дамаске, хватать и вязать мужчин, женщин и детей.

Господь сказал:

– Все это правда, Анания, но этот человек – Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями, и сынами Израилевыми; и Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое.

Анания пошел на улицу Прямую и нашел нужный дом.

– Мне необходимо видеть Савла, – сказал он.

– Это я, – ответил черноволосый мужчина.

– Брат Савл! – продолжал Анания. – Господь Иисус, явившийся тебе на пути в Дамаск, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа.

И возложил на него руки.

С глаз Савла как бы слетела чешуя, и в ту же секунду он прозрел.

– Я готов ко Святому Крещению, – сказал он.

– Для этого я и пришел сюда, – ответил Анания и совершил Таинство Святого Крещения.

После этого Павел (из Савла он превратился в Павла) вкусил пищи и почувствовал себя таким же крепким, как и раньше. Несколько дней он пробыл в Дамаске с учениками Иисуса Христа, а потом стал проповедовать Евангельское учение в местных синагогах.

Жители Дамаска, видя, как Павел смело и невозбранно говорит об Иисусе, что Он есть Сын Божий и что после

Крестной смерти Он на третий день воскрес и вознесся на Небо, весьма удивились.

— Не тот ли это человек, который гнал в Иерусалиме учеников Иисуса? — говорили они. — Да и сюда, в Дамаск, он прибыл с той же целью!

А Павел, не переставая, проповедовал о Воскресшем Христе, и слово его с каждым днем становилось все сильнее и убедительнее.

Дом священника Анании

Он находится в старом городе. Мы шли по его бурливым улочкам, впитывая и глазами, и ушами, и обонянием его неповторимый аромат. Мы как будто перенеслись на несколько веков назад. Смуглые южные люди в светлой свободного покроя одежде, незнакомая быстрая речь, прилавки с экзотическими южными фруктами, гладкие камни под ногами, до блеска вытертые толпами шумных туристов — все говорило о том, что это Ближний Восток.

Старый Дамаск — он занимает центральную часть города — действительно старый: старые двух- и трехэтажные дома с серыми стенами, которых никогда не касалась рука штукатурки или маляра; кое-где в стенах видны трещины, иногда такие, что кажется, дом вот-вот обрушится, а жителям до этого и дела нет — они спокойно попивают черный кофе, сидя в своих лавчонках; старые балконы, которые держатся на честном слове, старые окна, которые, похоже, не открывались несколько сотен лет; старые автомобили, старые тележки для перевозки овощей и фруктов, старые велосипеды — двадцать первый век сюда, кажется, и не заглядывал.

Улочки узкие, тесные — идти трудно, потому что много людей; тротуары такие, что их и тротуарами-то не назо-

вешь: двум встречным пешеходам разойтись проблематично — одному из них, а лучше обоим требуется проявить и хладнокровие, и сноровку, а главное, сообразительность. Я применил такой способ: увидев встречного туриста, нырял в ближайшую открытую дверь какой-нибудь лавчонки или магазинчика (а первые этажи домов из них только и состоят) и, когда турист проходил, выбирался из своего временного убежища и продолжал путь. Правда, очень скоро мне пришлось эту тактику сменить, потому что я мог отстать от своей группы, а заблудиться в чужом городе — это такая напасть, что лучше об этом и не говорить.

Наша группа была довольно большая, то и дело кто-то задерживался — что-то посмотреть или купить, и наш гид Ахмад Аттар — подвижный, улыбающийся сириец с темными немного навывкате глазами — собирал нас, как птица собирает своих птенцов под крылья. Мы миновали ряд улочек (запомнить их названия не было никакой возможности), и, слава Богу, никто не потерялся, когда мы подошли к дому священника Анании.

Сначала мы попали в небольшой, чистенький дворик и, не задерживаясь, по лестнице спустились вниз, в подвальное помещение. Но это, конечно, не подвал: просто две тысячи лет назад там была комната, вернее, дом, в котором священник Анания помог Савлу превратиться в Апостола Павла.

Сравнительно большая прямоугольная комната с несколькими рядами скамеек, впереди — гладкий каменный стол (он похож на церковный престол), над ним триптих, посвященный Апостолу Павлу. Здесь, видимо, совершаются молебны, а, может быть, и богослужения — ведь сюда приходят верующие разных конфессий.

Но главная комната все же не эта, а следующая (в нее ведет отдельная дверь). Здесь нет никакого убранства —

только несколько подсвечников, а на передней, овальной стене — икона Божией Матери, благословляющей Апостола Павла. Здесь произошло то известное событие, о котором рассказывает книга «Деяния святых Апостолов».

Мы приложились к иконе и помолились про себя. Я помолился о том, чтобы Апостол Павел помог русскому народу креститься и быть со Христом.

Корзина

Проповедь Павла имела огромный успех. Многие жители Дамаска, уверовав во Христа, присоединялись к Святой Церкви. Это приводило иудеев в ярость; они составили заговор против Павла, решив его убить. День и ночь они проводили у ворот, дожидаясь Апостола. К счастью, ученики Христа узнали об этом злом умысле. Они сплели большую корзину, посадили в нее Павла и, когда настала ночь, спустили его с городской стены. А потом проводили в Иерусалим...

На этот раз мы не плутали по узким извилистым улочкам Старого города, а приехали на автобусе прямо к тому месту, где Апостол Павел был спасен. Сейчас здесь находится храм, посвященный его имени. Он был пуст: туристов больше интересует восточный базар, а паломников, в том числе и из России, пока в Дамаске маловато. И фрески, и иконы, и картины — все в этом храме посвящено первоверховному Апостолу.

— А где же Павлова корзина? — спросила шестилетняя Маша, самая юная участница нашей группы.

— А вот она! — ответил Ахмад, спустившись на несколько ступенек в передней части храма.

Корзина была высокая, почти до Машиного подбородка, прочная, канат, прикрепленный к ней, тоже был прочный, надежный.

— Это *та самая* корзина? — продолжала Маша.

— Наверно, нет, — почесывая подбородок, ответил Ахмад. — Ведь с тех пор прошло две тысячи лет.

— А прокатиться в ней можно?

Ахмад посмотрел вверх, под купол храма, взял в руки канат, отошел с ним к противоположной стене, проверяя его длину, вернулся обратно, сложил кольцами канат, повесил его сбоку корзины.

— Конечно! — ответил он уверенным тоном и посмотрел Маше в глаза: — А ты не боишься высоты?

— Вроде нет.

— В Москве, в Парке культуры имени Горького, есть колесо обозрения. Ты каталась на нем?

— Да.

— И не боялась?

— Ни капли.

— Молодец! А на Останкинской башне была?

— Поднималась с папой.

— Голова не закружилась?

— Нет.

— Значит, ты высоту переносишь хорошо. И если поедешь в корзине, не испугаешься.

— А стена высокая?

— По сравнению с Останкинской башней — нет.

— Тогда поехали!

— Сейчас, к сожалению, нельзя.

— Почему?

— Блоки на стене еще не поставили.

— А они и не нужны! Ведь Апостола Павла спускали вручную!

— Что верно, то верно. Но, боюсь, нужных людей нет под рукой.

— Паломники помогут.

— К сожалению, Машенька, спуск в корзине не предусмотрен. А было бы очень хорошо, если бы предумо-

трели. Я поговорю об этом с настоятелем храма. И когда ты в следующий раз приедешь в Дамаск, то, возможно, прокатишься в Павловой корзине. А пока... — Ахмад ловко подхватил девочку подмышки и посадил в корзину. — Нравится?

— Как в дирижабле! — На Машином лице светился восторг.

Святая Фекла

Святая Фекла была ученицей Апостола Павла. От него она услышала об Иисусе Христе и о том, что путь ко спасению лежит через многие скорби...

В сорок пятом году по Рождестве Христовом святые Апостолы Павел и Варнава, благовествуя миру Евангелие, пришли в Иконию (юг современной Турции). Они поселились у Онисифора. В этом городе жила восемнадцатилетняя девушка по имени Фекла. Она была красива, прекрасно образована и богата (ее отец был римским наместником в Икони). Фекла любила слушать беседы Апостола Павла, стоя у окна вместе с другими жителями города. На добрую почву упало семя слова Божия — девушка уверовала во Христа. Павел, по внушению свыше, сказал, что девушка, хранящая ради любви к Иисусу свое девство, подобна Ангелу, она — невеста Христу, а Христос — ее Жених. Фекла решила презреть все сладости этого мира и служить Иисусу в чистоте до самой кончины.

Мать Феклы, узнав об увлечении дочери, схватила ее за руку и силой увела домой; здесь она дала волю своему гневу: била дочь, таскала за волосы, топтала ногами; а потом заперла в комнату и морила голодом. И все же, побеждаемая естественной материнской любовью, плакала о своем чаде. Через два дня, выпустив Феклу из домашнего плена, она обняла ее и сказала:

— Образуясь, дочь моя. Ты поверила басням какого-то проходимца. Лучше подумай о предстоящей свадьбе. У тебя есть обрученный жених, богатый, красивый, благородный. Он очень любит тебя и ждет не дождется того часа, когда ты станешь его женой.

Они сели за праздничный стол. Фамир (так звали ее жениха) предлагал ей разные кушанья. Но Фекла ни к чему не притронулась; она смотрела вниз и думала о своем Небесном Женихе. Когда Фамир хотел обнять и поцеловать ее, она плюнула ему в глаза и вырвалась из его рук, как птица из сети. Мать пришла в ярость и снова стала бить ее, а Фамир, сильно опечаленный, пошел к правителю Иконии.

— В нашем городе появился опасный человек, — сказал Фамир. — Он прельщает народ и обращает его к Иисусу Христу, распятому на Кресте. Он заморочил голову моей невесте, которая сначала любила меня, а теперь не только не хочет на меня смотреть, но и гнушается мною как прокаженым.

Правитель призвал к себе Павла и спросил, кто он и чем занимается в городе. Апостол стал рассказывать ему о Христе и об Евангельском учении.

— Послушаем тебя в другой раз, — прервал его правитель и приказал заключить Павла в темницу.

Фекла, узнав об этом, тайно покинула дом и под покровом ночи пришла в тюрьму. Она сняла с себя драгоценное ожерелье, золотые серьги, кольца и отдала их стражнику, сказав, что ей нужно пройти к Павлу.

Стражник, с радостью приняв золото, открыл двери темницы. Фекла вошла в камеру. Павел, увидев юную красавицу, пришел в ужас: он подумал, что к нему пришла блудница. Когда же Фекла сказала ему, кто она и с какой целью явилась в темницу, Павел успокоился и похвалил девушку за ее любовь ко Христу, за мужество и за твердую

веру. Фекла пробыла в темнице всю ночь, слушая поучения Апостола и слагая их в своем сердце, как многоценное сокровище. Павел наставлял девушку и далее хранить целомудренное девство и утвердил ее в учении Христовом.

Между тем в доме Феклы обнаружили, что она куда-то исчезла. Возникло подозрение, что она наложила на себя руки. Мать рыдала о своей любимой дочери, Фамир — о невесте, рабы — о своей госпоже. Слуги искали девушку по всему городу и не находили. Наконец стало известно, что она в тюрьме. Посланцы, войдя в темницу, увидели, что Фекла сидит около Павла и с величайшим вниманием и наслаждением слушает его слова. Девушку привели домой, а о случившемся доложили правителю. Тот назначил суд над Апостолом.

Когда Павла привели в судилище, народ закричал:

— Этот человек достоин казни, потому что он — волхв!

Правитель долго допрашивал его, но не нашел в нем никакой вины, кроме проповеди Христовой, и потому не осудил на смерть, а повелел бить и изгнать из города. Вместе с Павлом были изгнаны Варнава и Онисифор с сыновьями. Впрочем, Павел и сам стремился побыстрее покинуть этот город, так как его жители противились слову Божию. Апостол и его спутники поселились в пещере недалеко от Иконии, желая узнать, что будет с Феклою. Они наложили на себя строгий пост и усердно молились о ней.

Правитель, призвав к себе Феклу, старался убедить ее не отвергать своего жениха, а относиться к нему с прежней любовью и почтением. Однако старания его не увенчались успехом. Тогда мать Феклы, разгневавшись и совершенно потеряв контроль над собой, закричала, обращаясь к правителю:

— Сожги ее, потому что она нарушила все законы: отвергла не только меня, но и своего жениха! Пусть ее смерть

послужит уроком для других девиц! Она не дочь мне, не порождение утробы моей, но проклятое отродье и сухая ветвь! Сожги ее побыстрее!

Правитель приказал приготовить побольше сухих дров и хвороста для костра. Воины взяли Феклу за руки, чтобы отвести на место казни. Но она отстранила их и, сотворив крестное знамение, сама вошла на приготовленное для нее место, готовая сгореть — не страшен был ей огонь вещественный, ибо она горела огнем любви Божественной.

— Я твоя, Жених мой возлюбленный! — сказала она и увидела Иисуса Христа, Который благословлял ее, повелевал ничего не бояться и быть твердой в вере.

Воины подожгли хворост и дрова со всех сторон. Пламя взметнулось вверх и окружило Феклу, не причиняя ей никакого вреда. В следующую минуту начался проливной дождь с градом, который погасил костер. Люди в страхе разбежались. Фекла сошла с костра совершенно невредимой.

Тогда правитель отдал святую на съедение зверям. Однако ни львы, ни тигры, ни пантеры не прикоснулись к святой деве: кровожадные звери вели себя, как безобидные овцы. Люди пришли в изумление: одни из них прославляли Бога, Которого исповедовала Фекла, другие — хулили Его:

— Она — чародейка! — кричали они. — Ее чары заключены в ее одежде! Вот почему не прикасаются к ней звери!

Правитель был того же мнения. Он перенес казнь на завтра.

— Не кормите зверей, — распорядился он. — Голодные, они в один миг растерзают ее на части.

Наступило утро. Феклу снова вывели на арену. Правитель громко произнес:

— Обнажите эту волшебницу, и мы посмотрим, останется ли она цела.

Слуги исполнили приказ. Один стыд оставался ее покровом. На арену выпустили зверей. Барсы и пантеры, львы и ягуары, тигры и леопарды при виде юной девы преклонили головы и, как бы стыдясь ее наготы, отступили назад. Дивное зрелище: звери чувствовали стыд! Они отводили свои глаза от девичьей наготы, а люди бесстыдно смотрели на нее. Бессловесные животные стали обличителями людей: будучи кровожадными по природе, звери приняли на себя нрав целомудренного человека; люди же, будучи разумными, уподобились диким зверям. Но чего они достигли? Обнажив при всех юную деву, они хотели обесчестить ее, но добились противного — подняли ее честь.

Одна из львиц подошла к Фекле и стала лизать ей ноги, как бы воздавая честь ее девственному целомудрию.

Народ, пораженный чудом, воскликнул:

— Велик Бог, исповедуемый Феклой!

Мучитель же, кипя злобой, как ехидна, решил погубить юную деву иным способом: он приказал вырыть глубокую яму, наполнить ее различными гадами и бросить туда святую. Но змеи и скорпионы не причинили ей никакого вреда.

Правитель, убоявшись Бога, хранящего Феклу, велел с честью облечь ее в одежду и отпустил на свободу.

Охраняемая Ангелом хранителем, святая дева удалилась в дикую незнакомую пустыню. Ее жгло солнце и томила жажда, но она продолжала свой путь. В зеленых оазисах, где били родники, она отдыхала. Через несколько месяцев Фекла достигла Маалюльских гор. Силы оставили ее. Чтобы спуститься в селение, надо было преодолеть высокую гору. Упав на колени, святая дева попросила Господа помочь ей. И произошло чудо: гора расступилась и образовала узкий проход, по которому Фекла вошла в селение (слово «маалюля» в переводе с арамейского означает «проход»).

Угодница Божия поселилась в пещере на краю ущелья, проводя дни в строгом посте. По ее молитве здесь забил святой источник. Узнав о ее беспорочной жизни, к ней стали приходить люди из разных сел. Фекла наставляла их в христианской вере, крестила в святом источнике, исцеляла различные недуги. Она прожила в Маалюльской пещере долгую аскетическую жизнь и отошла ко Господу в возрасте девяноста лет.

Монастырь святой Феклы

Мы больше часа ехали по холмистой однообразной пустыне. Впереди показались горы, и мы въехали в ущелье. И на правом, и на левом склонах лепятся небольшие белые домики. Это село Маалюля, в котором находится монастырь святой Феклы. Он поражает своими размерами: несколько больших серо-белых корпусов у правого склона (в одном из них живут девочки-сироты, которых воспитывают монахини); между ними, на возвышении, белоснежный храм, на крыше которого расположены купол с крестом и колоколья. Храм назван именем Иоанна Крестителя — в знак того, что святая Фекла первой в Маалюле крестила местных жителей, которые были идолопоклонниками.

Нас встречает матушка игуменья с сестрами.

Входим в храм; начинается молебен, после которого владыка Герман и матушка игуменья обменялись приветственными словами. А потом мы поднялись по одной лестнице, по второй и оказались у пещеры, в которой подвизалась святая Фекла. Чтобы войти в пещеру, надо наклонить голову. Пещера небольшая, в ней царит полумрак; почти половину ее занимает престол, на котором горят свечи, — тут святая Фекла молилась. Я преклоняю

колени и прошу ее разорвать сети лукавого над Россией и помочь русскому народу обратиться к Господу Богу; затем с благоговением прикладываюсь к нише, за которой покоятся мощи угодницы Божией.

Через другую дверь выхожу на площадку и иду к святому источнику. Монахиня подает мне ковш с драгоценной влагой. Вода холодная, родниковая, но холод не чувствуется — вода чудодействует; пью, пью и не хочется отрываться; остановился только потому, что не хватило дыхания дальше пить; умываю лицо — какая благодать!

Следом за мною ковш взял молодой мужчина. Выпив до дна, он сказал:

— Зачерпните еще!

Молодец! Это прекрасный способ узнать святую Феклу. Да и с собой неплохо бы взять воды.

Затем мы вышли из монастыря и направились вверх по горной дороге. Перед нами были песчано-желтые высокие скалы. Мы подошли к ним вплотную, и только тогда увидели узкий проход, который терялся вдали. По этому проходу святая Фекла вошла в село. Он был такой узкий, что наша группа растянулась на многие десятки метров. Было видно, что скалы по молитвам святой Феклы действительно раздвинулись: если на одной стороне скалы была выпуклость, то на другой — углубление, из которого эта выпуклость вышла. Проход был похож на реку, которая, прихотливо извиваясь, текла по Богом назначенному направлению.

Я поднял голову — небо едва виднелось среди взметнувшихся вверх скал.

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас», — вспомнил я Евангельские слова. — У святой Феклы была вера наверняка больше горчичного зерна, а у нас — сколько нас ни себе-

ри — и тысячной доли того зернышка не найдется. А если бы нашлась, то мы бы уже давно раздвинули горы неверия русского народа, — размышлял я, шагая по тесному нерукотворному коридору. Этот путь привел угодницу Божию в Царствие Небесное, а нас — к почитанию ее подвигов и стремлению жить так, как она.

Потом мы прошли в то место, откуда открывалась прекрасная панорама села Маалюля. На склонах ущелья были видны небольшие отверстия — келлии христиан первых веков.

— Жители села до сих пор говорят по-арамейски, на языке, на котором говорил Господь наш Иисус Христос и Его ученики, — сказал наш гид. — Четырнадцатого сентября, в день праздника Воздвижения Креста Господня, люди зажигают на горах большие костры. Все село озаряется огненным сиянием. Христиане поют и танцуют. В 325 году, когда в Иерусалиме был обретен Крест, на котором был распят Иисус Христос, с помощью таких костров была передана радостная весть в Константинополь.

Генерал

Одной из самых заметных фигур среди паломников был генерал Валентин Иванович Варенников. Сирия для него — знакомая страна. Он приезжает сюда не первый раз. Я попросил его рассказать о своих прошлых визитах в эту страну (мы беседовали в холле гостиницы «Шертон»).

— У России с Сирией всегда были хорошие, дружественные отношения, — начал он. — И вот когда Израиль проявил себя как агрессор и захватил территории, принадлежавшие Сирии, угрожал Дамаску и вообще независимости республики, то мы должны были помочь на-

шим друзьям. Генеральный штаб направил меня в Сирию, чтобы я оценил ситуацию на месте. Я прибыл в район Голанских высот и обнаружил, что здесь располагаются все основные радары, то есть управленческие пункты, которые руководят действиями авиации во время налетов на Сирию. С этих высот просматривалась на десятки километров территория Сирии, а Дамаск был виден как на ладони. Значит, решил я, эти радары надо уничтожить в тот момент, когда израильские самолеты поднимутся в воздух; авиация без радаров становится слепой. Я предложил установить минометные и артиллерийские расчеты, а также поставить в окопах танки напротив Голанских высот. Они были в двухминутной готовности к бою. План был утвержден начальником Генерального штаба сирийских вооруженных сил.

Я позвонил в Москву и доложил об этом плане. Мне ответили, что надо действовать так, чтобы израильтяне об этих шагах ничего не знали. Я ответил: надо делать вид, что мы все делаем секретно, но чтобы они, израильтяне, знали — вот какая участь ждет вас, если вы нарушите границу. В Москве согласились с моими доводами.

В Генеральном штабе сирийской армии были израильские шпионы, и они, конечно, доложили своим хозяевам о наших действиях. И ни один израильский самолет не поднялся в воздух! До сих пор эта противорадарная система существует: я разговаривал недавно с начальником Генерального штаба, и он говорит, что израильтяне и носа не показывают, зная о наших танках и артиллерии. Я встречался также с президентом Сирии и рассказал ему, как виделся с его отцом, бывшим президентом, и докладывал ему о том, как идет подготовка к обороне сирийских границ. Он поблагодарил наших офицеров за самоотверженный труд.

В свою первую командировку в Сирию (это было в 1973 году) я ездил в Ливан, — продолжал генерал. — Ознаком-

мившись с обстановкой, я предложил ввести в Ливан армейский корпус, чтобы обеспечить безопасность Сирии. Он находился там до недавнего времени и лишь под давлением американцев был выведен оттуда.

Я был в Сирии трижды – по несколько месяцев каждый раз. Удалось многое сделать. Мы послали в Сирию два русских полка с комплексом ПВО С-200. Для них были построены бетонные позиции, а также командные пункты. Был также построен подземный командный пункт для Генерального штаба. Создали надежную систему управления вооруженными силами на государственном уровне.

Как-то я был на одном из командных полковых пунктов и на радаре смотрел, как летает над Средиземным морем какой-то самолет. Он, конечно, вел разведку. Я спросил офицера-оператора: «Это что за самолет тут барражирует?» Он ответил: «Это американский «Авакс». «Сколько километров до него?» «Двести». А наши ракеты могли сбить цель на расстоянии двести сорок километров. После некоторого молчания офицер спросил: «Разрешите сбить?» Я говорю: «Пока не надо».

Однажды произошел курьезный случай. Наши ракетные позиции охраняли комплексы-дивизионы ПВО «Оса». Они очень чувствительны и стреляют по низколетящим самолетам. Вдруг мне докладывают, что дивизион выпустил ракету по какой-то цели. Я вышел на улицу и увидел взрыв в небе. Вернулся обратно и стал разбираться, что же произошло. Кто-то высказал предположение, что это была неуправляемая американская ракета. Я подумал: вряд ли, потому что такие ракеты запускают при массированном налете. Потом выяснилось следующее: летела большая стая гусей на высоте сто метров, а комплекс среагировал и выпустил ракету, чтобы уничтожить «цель».

Генерал посмотрел в широкое, во всю стену, окно, пригладил волосы. Официант поставил на столик два фужера с апельсиновым соком.

– Сирия для американцев как бельмо в глазу, – сказал я. – Не секрет, что они могут начать бомбить ее в любой момент. Как, например, бомбили Ирак. Как Вы считаете, такая возможность существует?

– После того, как распался Советский Союз, для американцев существует любая возможность, – ответил генерал. – Они что хотят, то и творят. Они могут напасть и на Сирию, и на Иран, и на Северную Корею, и на Кубу. Для них глубоко безразлично, что скажет о них, например, Организация Объединенных Наций. А что касается нас, то мы должны помогать Сирии, как помогали и раньше.

У американцев один метод войны – ковровая бомбежка. С большой высоты сыпят сотни, тысячи бомб и уничтожают все подряд. Говорят, у них «точечная бомбежка». Ерунда! События в Ираке и Югославии опровергли это. Во Вьетнаме они проводили тактику «выжженной земли». В Афганистане то же самое. Воевать они не умеют. Они умеют только сыпать бомбы. На словах «миротворцы», а на самом деле агрессоры.

Архимандрит

Архимандрит Александр (Елисов) несет послушание на Ближнем Востоке. Он встречал нашу делегацию, сопровождал в поездках к православным святыням, помогал решать самые разные вопросы. После воскресного богослужения в Патриаршем соборе мы присели на скамейку, стоящую под большой раскидистой пальмой, и я смог задать ему несколько вопросов.

– Отец Александр, расскажите, пожалуйста, о том, как Господь привел Вас на Ближний Восток и как началось здесь Ваше служение.

– Сейчас, когда я обращаю мысленный взор в прошлое (я нахожусь на Ближнем Востоке уже шесть лет), то вижу,

что меня вел Промысл Божий. Бабушка, которая воспитала и наставила меня на христианский путь, носила имя Евдокии. Место рождения преподобной Евдокии был город Тир на юге Ливана. И по молитвам этой святой я оказался в Ливане, где и начал свое пастырское служение: осенью 1999 года меня назначили настоятелем Русского подворья в Бейруте. И еще одна деталь: в первую степень священства — диакона — меня рукоположил митрополит Минский Филарет (он возглавлял в то время Отдел внешних церковных связей). Это произошло — где бы Вы думали? — в Антиохийском подворье в Москве в день памяти священномученика Игнатия Богоносца, который был первым архиепископом Антиохийской Православной Церкви и в честь которого назван наш храм в Дамаске. Все это произошло после длительного служения в Европе — десять лет я был настоятелем прихода во Франции.

В Сирии объем моих служебных обязанностей возрос. Я стал окормлять не один, а множество приходов, раскиданных по всему Ближнему Востоку.

— Это значит, что Московская Патриархия построила свои храмы?

— В этом нет нужды. Мы пользуемся храмами Антиохийской Православной Церкви. Блаженнейший Патриарх Игнатий IV сказал мне: «Все храмы нашей Церкви — ваши храмы». За последнее время (кроме Дамаска и Бейрута) сложились русские общины в Алеппо, Латакии, Тартусе (Сирия), в Захли, Тире и Сайде (Ливан). В Тегеране служит игумен Александр. Он обслуживает также общины в Шарджи и Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты).

— Расскажите, пожалуйста, о русских людях, живущих на Ближнем Востоке.

— Их очень много. Одни приезжают отдыхать, другие работать. В Сирии и Ливане русские работают преподава-

телями в университетах, консерваториях, в военных учебных заведениях, на гидроэлектростанциях. Мы обязаны их духовно окормлять.

– Они крещеные?

– К нам часто приходят креститься люди, приехавшие в командировку. В Сирии много святынь, которые пробуждают их от спячки. В первую очередь это монастырь святой Феклы в Маалюле и монастырь Сайдная. Младенцев они крестят, как правило, дома, в России.

Теперь о русских женщинах, которые вышли замуж за мусульман. Они, женщины, не могут крестить своих детей в наших православных храмах, потому что их мужья мусульмане. В мусульманских семьях мужчина является главой во всех отношениях, и крестить ребенка без его согласия жена не может. Если муж мусульманин, то и ребенок, конечно, мусульманин.

Многие русские люди, прожившие в браке десять-пятнадцать лет и приехавшие на Ближний Восток, просят их обвенчать. То есть в моем служении есть миссионерское начало.

При нашем посольстве в Сирии есть средняя школа, в которой обучаются около двухсот детей. По договоренности с послом и с директором школы я читаю там лекции о Православии. Для меня выделены специальные часы в разных классах.

– Расскажите, пожалуйста, об открытии памятника святому Апостолу Павлу. Ваш взгляд на это событие.

– Событие было очень важным. Взглянем на него с Евангельской точки зрения. Здесь, близ Дамаска, произошло обращение Апостола Павла, зародилась его горячая христианская проповедь. Он открыл христианство для многих и многих народов. Проповедь получила историческую перспективу. Сейчас наступило время подчеркнуть это. Почему? При оценке этого события необходимо иметь в виду связь времен.

Присутствие Русской Православной Церкви в этом регионе имеет давнюю историю. Первые паломники попадали сюда по такому маршруту: Малороссия-Одесса-Босфор-Дарданеллы-Турция, а потом через Дамаск в Святую Землю. Императорское Палестинское общество проделало здесь огромную работу. Оно не только приобрело значительное количество земельных участков, благодаря чему были сохранены многие святыни и памятники, но и оказало помощь местным христианам, которые терпели от турок всяческие притеснения и гонения. Стали открываться школы для детей, дома для престарелых, больницы, сюда приехало много наших врачей, монахов, священников; преподавание шло на национальном языке, и благодаря этому сохранилась культура арабских христиан. Кроме того, мы помогали арабам строить и восстанавливать храмы.

Арабы считались людьми второго сорта и мало кого интересовали. И вот среди христиан-арабов появилось много ученых людей — благодаря нашей помощи. Самые достойные и способные из них уезжали в Россию и продолжали там свое образование. Это оставило глубокую память и связало нас прочными духовными узами на долгие времена. Даже сейчас, по прошествии многих лет, можно встретить и в Ливане, и в Сирии людей, которые учились в русских школах и которые могут прочитать «Отче наш» на славянском языке. Они с любовью вспоминают русское духовенство, которое заботилось о них, совершало богослужения в храмах. Во многих домах сохранились портреты Государя Императора Николая Александровича как благотворителя Палестинского общества.

Однажды он совершал путешествие по Ближнему Востоку и увидел храм святого Георгия Победоносца (в селении Езра, примерно в сорока километрах к югу от Дамаска). У храма была ветхая крыша, и он пожертвовал немалые деньги на ее обновление.

Во времена советской власти у нас с Сирией тоже были хорошие отношения, мы помогали этой стране: строили гидроэлектростанции, поставляли оружие, оборудование для заводов и фабрик и так далее. Но эта помощь была чисто материальная. И когда она закончилась, взаимный интерес погас — не было глубинного фундамента.

Когда я приехал на Ближний Восток, я это сразу понял. То, что было сделано для Сирии до революции, оставило более глубокий след, чем то, что было сделано в сравнительно недавнее время. Мне было приятно, когда мне говорили в том или ином месте: «Вот здесь была русская школа или русская больница». От здания уже ничего не осталось, но осталась память о русском присутствии.

Сегодня назрела необходимость продолжить духовную связь между нашими странами. Конечно, молитвы всегда были, но нужно, чтобы они подкреплялись какими-то конкретными делами. Открытие памятника святому Апостолу Павлу — это и есть продолжение давней духовной традиции.

— Батюшка, расскажите, пожалуйста, о Ваших путешествиях и о встречах как с русскими, так и с арабами. Постарайтесь передать «аромат» Ближнего Востока.

— Каждый месяц я совершаю четыре пастырские поездки. У меня сложилось такое расписание: субботу, воскресенье и двенадцатые праздники служу у себя, в Дамаске, затем день передышки — и вперед. Или в Алеппо, или в Латакию — это большие расстояния: двести, триста пятьдесят километров в одну сторону. Люди и в Ливане, и в Сирии очень доброжелательные и всегда готовы прийти на помощь. Если остановишься на дороге, чтобы немного размяться, они уже бегут к вам: «Не нужно ли чего?» Принесут чай, кофе, воды, фруктов. Причем делают это совершенно бескорыстно.

Это восточная непосредственность.

– Ну вот, вы добрались до города...

– Меня встречают очень приветливо. Я уже говорил, что служу в храмах Антиохийской Церкви. Много исповедников и причастников, потому что я приезжаю всего один раз в месяц. После Литургии обязательно чаепитие и беседа; я отвечаю на вопросы. После этого еду к правящему архиерею, и мы решаем насущные вопросы.

– А дальше?

– Еду в другой город, где утром служу Божественную Литургию. Таким образом я проехал Сирию вдоль и поперек.

Теперь о поездках в Ливан. Это – страна гор, прекрасных пейзажей. Я езжу в Сур (бывший Тир) и Сайду (бывший Сидон). Если Бог даст, скоро будем служить в Триполи.

На юге Ливана живут русские люди. Некоторые из них уже тридцать лет не были в России. Юг Ливана очень исламизирован, семейные порядки очень трудные, так как изолируют женщин. Мой приезд – для них большая отдушина. Я привожу для них Евангелия, молитвословы, другую духовную литературу.

Несколько раз в году бываю в Бахрейне, маленьком государстве на берегу Персидского залива. Жара невыносимая: последний раз был там в мае, думал – не выживу. Очень влажный и теплый воздух – как будто попадаешь в турецкую сауну. Одежда все время мокрая. Когдаходишь в помещение, то сначала оказываешься в тамбуре, постоишь немного, чтобы влага ушла, потом открываешь вторую дверь, ну а там уже кондиционер.

Бахрейн знаменит своими многочисленными пресными источниками, благодаря им растительность весьма буйная: пальмы высокие, эвкалипты, олеандры, птицы экзотические поют. Русских там мало.

Ученый

Сирия — та же Святая Земля, где святые Апостолы проповедовали Слово Божие. Мы, паломники, только-только открываем ее. Однако среди нас был человек, который знает эту страну очень хорошо, потому что провел здесь в качестве дипломата многие годы. Его зовут Игорь Васильевич Петраков. Сейчас он ученый секретарь Императорского Православного Палестинского общества. Мы беседовали с ним в автобусе, когда воскресным утром ехали в Патриарший собор на Божественную Литургию.

— Как ученый секретарь Вы во время поездки преследовали свои цели. Насколько они осуществились?

— Я использовал свое время для восстановления связей нашего Общества с различными организациями Сирии (с Ливаном у нас уже наладились отношения). У меня был ряд интересных и полезных встреч. Одна из них состоялась в Антиохийском Патриархате (по благословению Блаженнейшего Патриарха Игнатия IV). Мы обсуждали вопрос об открытии в Сирии русской школы, в которой будут обучаться православные арабские мальчики и девочки. Она будет построена, скорее всего, на территории монастыря «Явление Господа святому Апостолу Павлу». Обучение будет вестись на арабском языке. Очень серьезно будет изучаться русский язык, в чем сирийцы очень заинтересованы. В школе будут учиться сто пятьдесят-двести человек. Их будут принимать на конкурсной основе. Это будущие апостолы, которых нам очень не хватает.

Мы договорились также о том, чтобы переснять все материалы на арабском языке в московских архивах и библиотеках, касающиеся связей России с Ближним Востоком, и, в частности, с Антиохийской Церковью.

Чаепитие

Старый Дамаск — это одновременно и музей, и театр, и магазин, и базар, и мастерская. Можно целый день ходить по его улочкам и площадям, на каждом шагу встречая что-то любопытное. Здесь есть пища и для глаза, и для уха, и для обоняния, и для осязания. Здесь живут прекрасные люди, сердца которых открыты для добра.

Однажды, знакомясь со старым городом, я устал и присел отдохнуть на стул, который стоял на тротуаре. Вскоре ко мне подошел сириец лет сорока, гладко выбритый, с кустистыми бровями, в светлой рубашке с короткими рукавами, в сандалиях на босу ногу. Узнав, что я русский, он воскликнул:

— Москва — карашо!

Он открыл магазин, который закрывал на время обеда, вынес маленький столик и поставил его передо мной; затем принес кофе и восточные сладости. От кофе я отказался, и тогда он принес чай и много других сладостей.

— Москва — карашо! — снова сказал он, улыбаясь.

Пока я пил чай, он стоял рядом, стараясь угадать мое желание и немедленно исполнить его.

Знаки внимания со стороны сирийцев испытал, наверно, каждый паломник нашей большой делегации. И на базаре, и в ресторане, и в монастыре — везде сирийцы, узнав, что мы из России, своим поведением показывали, что они относятся к нам совсем небезразлично.

Такое отношение к нам, русским, я встречал только в Сербии. Я понял: *Сирия для России — это вторая Сербия.*

Дамаск — Москва.

2005

*АПОСТОЛЬСКИЙ
РЕЙС*

«Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего? И как проповедовать, если не будут посланы? как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!» (Рим. 10, 14–15).

«Но Он сказал им (людям): и другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан». (Лк. 4, 43).

Есть путешествия, которые очень скоро забываются, потому что не содержали в себе «изюминки». Есть путешествия, которые хранятся в памяти несколько дней и даже недель, потому что были интересные. Но есть путешествия, которые остаются с нами на всю жизнь, потому что содержали в себе великое духовное делание.

Паломническо-миссионерское путешествие по реке Енисей, посвященное пятнадцатилетию восшествию на Патриарший всероссийский престол Алексия II, Предстоятеля Русской Православной Церкви, пятнадцатилетию возрождения Красноярско-Енисейской епархии и единению земель Красноярских, относится именно к таким, последнего рода, путешествиям.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Река-жемчужина

Я отношусь к людям, которые любят путешествовать. Причем больше по родной земле, чем по какой-либо другой. Пробыв за границей (какая бы экзотическая она ни была) два-три дня, начинаешь тосковать по русским полям, перелескам, родникам, бьющим на краю тенистого оврага, по неказистым деревушкам, раскинувшим свои дома по берегам тихих неглубоких рек. Казалось бы, что привлекательного в этих глухих деревушках и в этих старых, часто покосившихся домах с неухоженными палисадниками? А привлекательность их заключается в том, что они *русские*, что они стоят на *русской земле*, что в них живут исконно *русские* люди – крестьяне, простые, бесхитростные, нетребовательные, не алчные до денег или дорогой одежды; а также в том, что в облупившемся наличнике или в стайке гусей, резвящихся в заросшем осо-

кой пруду посреди улицы, или в молодой ветле, стоящей одиноко на берегу речки и склонившей свои ветви до самой воды, заключена бездна поэзии.

По милости Божией мне предоставилась возможность совершить путешествие по Енисею. Сибирь, первозданная, еще не загаженная человеком природа, просторы, которые и не снились человеку, живущему в Европе, знакомство с сибиряками, которые и сейчас, в начале двадцать первого века, остались людьми простодушными, — как же можно отказаться от такой поездки?! Если бы мне предложили пройти под парусом или на веслах по Десне или по Оке, я бы, не раздумывая, согласился. А тут Сибирь! И сравнения никакого нет! А если к этому добавить, что Красноярье — моя родина, здесь прошли мое детство и юность, и что сам воздух этих мест является живительным для меня, то станет понятным, с каким нетерпением я ждал часа, когда ступлю на сибирскую землю.

И вот я шагаю по улицам Красноярска. Они те же, что в годы моей юности, и не те: старый город уступил место новому. И только кое-где, чаще на второстепенных улочках, остались старые деревянные, осевшие до самых окон дома. Они не портили вида города, наоборот — придавали ему неповторимый колорит. Неизменным, как и тридцать лет назад, остался Речной вокзал — большое, по краевым меркам, монументальное здание. У главного причала замер теплоход «Александр Матросов», трехпалубный бело-снежный красавец.

Показался Крестный ход, который начался у Покровского кафедрального собора и который возглавил архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний. Развеваются на ветру хоругви, звучат церковные песнопения. Торжественное шествие достигло причала, и тут был совершен молебен о путешествующих. Теперь нам не страшны ни грозы, ни штормы, ни мели, ни туманы — мы

поплывем сохраняемые рукой Всевышнего! Владыка, губернатор Красноярска Александр Хлопонин, глава города Петр Пимашков и сопровождающие их лица поднимаются на борт теплохода.

Звучит протяжный густой, слышимый, наверно, в центре города гудок. Убран трап, отданы швартовые; теплоход медленно, незаметно, сантиметр за сантиметром отделяется от причальной стенки. Провожающие (запружен весь берег) машут руками, кричат последние напутственные слова; паломники посылают им воздушные поцелуи. Военный оркестр исполняет бравурный марш.

Сколько раз за свою немалую жизнь испытывал я подобные минуты! И каждый раз мое сердце билось так, что готово было выпрыгнуть наружу! Привыкнуть к этому невозможно — ведь каждое новое путешествие сулит незабываемые впечатления, встречи с интересными людьми, замыслы новых духовных произведений, жизненные прозрения.

Теплоход делает плавный разворот и берет курс на север. Фигурки людей на берегу становятся все мельче и мельче и скоро исчезают совсем. Судно набирает скорость. Впереди — долгий, захватывающий, трудный, но очень благодатный путь.

Справа, на берегу, — краны, краны, краны, идет погрузка и разгрузка разных судов, слева — баржи, сухогрузы, буксиры, большие и малые танкеры — навигация на Енисее в разгаре. Скоро рабочие окраины краевого центра заканчиваются, плес становится просторным, нас окружает чистая, свежая, яркая, радующая глаз природа. Паломники проводят время на палубах, впитывают в себя краски, запахи, звуки великой сибирской реки.

Берега высокие, зеленые, они отражаются в воде, и она кажется тоже зеленой, а на фарватере — сверкающая на

солнце, с разводами, и даже мусор (видимо, последствия лесосплава) не портит впечатление.

Вот крутые склоны, по которым наперегонки, словно девчата после школьного выпускного бала, бегут легкие сосенки; вот скалистые уступы; кажется, и трава-то на них не вырастет, а нет, и тут прилепились каким-то образом тонкие сосеночки; вот строгий остров, похожий на безукоризненный по своим очертаниям крейсер; вот берег убегает вдаль, а за ним, вдали, маячит неровная горная гряда.

«Александр Матросов» идет гораздо быстрее, чем дизель-электроход «Композитор Прокофьев», на котором мы совершали плавание пять лет назад в город Туруханск: мы то и дело обгоняем разные суда. Только что остался позади буксир «Капитан Лобастов»; он толкает громадную широкую баржу, на ней металлические трубы, арматура и другие строительные материалы.

Деревни встречаются редко. Людей не видно, кажется, что они и не живут здесь. Но это впечатление обманчивое: женщины, как правило, трудятся на огородах, а мужчины рыбачат на реке; то тут, то там виднеются лодки с одинокими рыбаками, в руках у них удочки, они замерли в склоненной позе, не отрывают глаз от поплавков, даже на теплоход не оглядываются, хотя такие суда, как «Александр Матросов» появляются не часто. Одного рыбака я увидел совсем в диком месте, среди скал, свою лодку он оставил в маленькой бухточке, метрах в ста от себя.

Какую реку-жемчужину создал Господь! Сколько в ней движения, жизни, внутренней силы, достоинства! Сколько буйства, отваги, задора! Сколько смирения, терпения, благородства! Сколько, наконец, щедрости! Сколько красок и звуков! Глаз смотрит, смотрит и не может насмотреться! Ухо слушает, слушает и не может наслушаться!

Молитва матери

Я совершаю путешествие по Енисею (по благословению гостеприимного владыки) третий раз, поэтому среди паломников у меня много знакомых: священники, диаконы, фотографы, журналисты. Мы обмениваемся впечатлениями, советуемся друг с другом по разным вопросам. Радиожурналист Людмила Зотова и в прошлый раз, и сейчас ведет на судне живую радиогазету. Газета получается очень интересной; выпуски посвящаются какой-то определенной теме.

Как-то Людмила, встретив меня на прогулочной палубе, сказала:

— Я хочу рассказать вам одну историю.

— На ловца и зверь бежит: я как раз любитель разных историй.

Мы присели на скамейку.

— Мой сын Ваня (он учится в девятом классе) любит ходить в заповедник «Столбы», — начала Людмила. — Как только выдастся свободное время — он сразу туда. В прошлом году, в начале сентября, он в очередной раз отправился в свое любимое место отдыха. Гулял, любовался скалами, разлапистыми елями, пихтами и не заметил, как начало смеркаться; Ваня поспешил домой. Неожиданно пал туман, тропа исчезла. Куда идти — неизвестно. Невдалеке завыли волки. Дело принимало серьезный оборот. Ваня вернулся к скале, которую приметил чуть раньше, присел, прислонившись к ней спиной, ноги поставил в рюкзак, закрыл его повыше, согнулся лепестком и замер.

Когда стемнело, а Ваня домой не пришел, я поняла, что с ним что-то случилось. Я встала на колени и стала горячо молиться (так умеет молиться только мать о своих детях), чтобы Господь сохранил его от опасности, чтобы Ангел-хранитель не оставил его. Кроме того, я позвонила

своим друзьям-христианам и попросила их помолиться о пропавшем сыне: сентябрь в Сибири — не шутка, и Ваня мог замерзнуть. Всю ночь я не сомкнула глаз и молилась, молилась, молилась.

— А дальше? — нетерпеливо спросил я. — Что стало с Ваней?

— Он просидел под скалой всю ночь. Потом рассказывал: «Меня как будто кто крыльями укрывал, и мне не было холодно. А когда я засыпал, то меня кто-то будил, чтобы я не замерз». Когда стало светать, он поднялся, нашел тропинку и вышел на знакомую дорогу. Вскоре его догнал «Уазик». Ваня проголосовал. Водитель довез его до города, остановился у ближайшего магазина, попросил продавщицу напоить мальчика горячим чаем. Ваня отогрелся. Продавщица между тем позвонила мне домой, я попросила моих друзей съездить за сыном. Дома я растерла его водкой и уложила спать. Он не простыл, представляете себе, даже ни разу не чихнул, — закончила свой рассказ Людмила.

— Вот что значит молитва матери, — сказал я. — Она пробивает небеса и беспрепятственно достигает Престола Божия.

Енисейск

Рано утром мы прибыли в город Енисейск. Новая встреча с бывшей столицей Енисейской епархии. Знакомый причал, знакомые смотровые площадки, знакомые храмы. Снова нас встречают на берегу священнослужители местных храмов, многочисленные верующие, глава администрации Валерий Федорович Астафьев, другие представители власти. Владыка Антоний и священнослужители выходят на берег, архиерею преподносят тради-

ционные хлеб-соль, а потом мы Крестным ходом идем по улицам города. Жители на крылечках домов, в открытых окнах, на тротуарах — разве можно пропустить такое редкое событие!

Крестный ход закончился в Успенском соборе. Здесь владыка совершил Божественную Литургию. В ней приняло участие большинство христиан города. Служба была торжественная, пел архиерейский хор, ектении произносил протодиакон. Многие христиане приступали к церковным Таинствам.

Затем Крестный ход с пением тропарей прошел в Крестовоздвиженский монастырь, где был совершен молебен.

Между тем день разыгрался (утро было свежее и прохладное), небо очистилось от облаков, солнце осветило город, словно для того, чтобы мы, выйдя из храма, могли подольше пообщаться с местными христианами. Ко мне подошел мужчина средних лет с ребенком на руках.

— Я хочу окрестить сына, — сказал он. — Как вы считаете, можно ли его окрестить в Енисее?

— Наверно, да, — ответил я. — То, что для Святой Земли Иордан, то для Сибири Енисей. В Иордане люди крестились в течение многих веков, да и сейчас крестятся. Бывает так: приезжает некрещеный человек, даже закоренелый атеист, в Святую Землю и, под действием Божией благодати, принимает решение окреститься. В Енисее, я думаю, тоже многие люди принимали Таинство Крещения. Так что ваше желание окрестить ребенка именно в реке вполне естественное.

Благодаря Енисею и его притокам русские миссионеры в прошлые века могли добраться до самого отдаленного поселения, — продолжал я. — Да и сегодня такая нужда есть, потому что многие жители глухих мест о крещении даже и не слышали. Так что можно с уверенностью ска-

зять, что Енисей является главным помощником для миссионеров вашего края.

Узнав, что я из Москвы, мужчина спросил:

– Наверно, в столице легче спастись?

Я ответил:

– В Москве спастись во много раз труднее, потому что там миллион соблазнов: на улице, в метро, в магазине, в троллейбусе, в подъезде собственного дома. Мы исповедуем Христа в очень тяжелых условиях. В Москве частенько происходят взрывы и теракты – мы живем как на пороховой бочке. Христиан первых веков бросали в котел с кипящим оловом за исповедание Христа. Москва – тот же котел с кипящим оловом, и нас туда не надо даже бросать, так как мы находимся в нем с утра до вечера.

Итог нашего пребывания в городе подвел владыка Антоний, когда мы вернулись на борт теплохода.

– Прибытие «Александра Матросова» в Енисейск, – сказал он, – то же самое, что прибытие Апостолов Павла и Варнавы в Иконию.

СКВОЗЬ ДОЖДЬ

Теплоход продолжил свой путь на север. Берега стали более пологими, на смену сосенкам пришли березки. Вода приняла свинцовый оттенок. Набежали серые тучи, пошел дождь. Река потемнела, но не вся – ближе к правому берегу виднелись белые полосы, которые через некоторое время тоже стали темными. Дождь был густой и напористый: поверхность реки покрылась белыми фонтанчиками. Видимость резко упала, однако судно шло, не сбавляя скорости. Скоро мы вышли из дождевого фронта, небо посветлело, вода разгладилась.

* * *

По судовому радио прозвучало объявление:

– Сегодня, в шесть часов вечера, в судовой часовне состоится Таинство Крещения.

Чадами Христовыми стали сразу двадцать два человека – члены экипажа, среди них начальник радиостанции, и работники ресторана.

* * *

Перед ужином я решил прогуляться; выйдя на палубу, я встретил Анну Киселеву, молодую темноволосую со вкусом одетую женщину с живыми выразительными глазами. На теплоходе ее знал каждый человек: она была оперной певицей. Всегда жизнерадостная, на этот раз она выглядела весьма озабоченной.

– У вас что-нибудь случилось? – спросил я, остановившись и изменив свои планы насчет прогулки.

– Да как вам сказать, – откликнулась Анна; по выражению ее лица я понял, что у нее была настоящая потребность поделиться причиной своей озабоченности. – Не столько со мной, сколько с моей сестрой.

– Она тоже на теплоходе?

– Нет, осталась в Красноярске.

– А что с ней произошло?

– Накануне отъезда я зашла к ней домой. Дарья (так зовут мою сестру) собиралась в отпуск. Дверь квартиры была приоткрыта. Мы зашли на кухню, и, видимо, в этот момент какой-то человек, заглянул в квартиру, увидел женскую сумочку, прихватил ее и был таков. Сумочка была Дарьяна, в ней был паспорт и отпускные деньги. Как тут не печалиться? Отпуск у нее пропал: без документов и без денег никуда не поедешь. А она собиралась на Черноморское побережье Кавказа.

Анна замолчала, погруженная в раздумье.

— Эта ситуация человеческими средствами не решается, — сказал я. — Ее можно решить только с Божией помощью. Вы крещеная?

— Да.

— Тогда давайте вместе помолимся.

— А это поможет?

— Конечно. Господь сказал: «По вере вашей да будет вам». В первую очередь помолимся Святителю Николаю. Он быстрее всех откликается на наши просьбы. Я буду молиться, а вы внимательно слушайте.

Я спел тропарь Святителю Николаю, а потом помолился ему, попросив, чтобы он пробудил совесть вора, и тот вернул документы, а, возможно, и деньги. Затем я помолился мученику Трифону, Царю-мученику Николаю, а также местным святым — мученику Василию Мангазейскому и праведному Даниилу Ачинскому.

Анна внимательно меня слушала, в ее глазах затеплилась надежда.

— Верите, что все закончится благополучно и ваша сестра уедет отдыхать? — спросил я.

— Да, — ответила Анна.

— И я тоже верю. А Господь сказал, что если двое или трое попросят Его о чем-нибудь, то будет им.

Забегая вперед, скажу, что в течение рейса мы еще несколько раз помолились с Анной о ее сестре. И еще раз забегу вперед: вернувшись в Красноярск, я позвонил Анне, и она сказала, что вор подбросил Дарьин паспорт в почтовый ящик. «Мы собрали немного денег, и она уехала отдыхать на один из местных курортов», — добавила она.

Поселок Бор

Праздник Всех святых мы отметили в поселке Бор (он расположен напротив устья Подкаменной Тунгуски). Те-

плоход причалил к очень высокому крутому берегу; наверх вела новая деревянная лестница. Крестным ходом мы прошли к храму святого мученика Василия Мангазейского; он расположен в обычном доме. Рядом строится большой деревянный храм, уже возведены стены.

Владыка Антоний с сонмом священнослужителей отслужил молебен на освящение пяти колоколов. Их тут же водрузили на временную колокольню. Раздался первый удар колокола — звук поплыл над березовой рощей, где стоит храм, над домами, над рекой. Две старухи, услышав звук, выбежали из своих домов, недоумевая, что же это такое? — они слышали звучание церковного колокола первый раз в жизни. За первым ударом колокола последовал второй, третий, вступили другие колокола, помогая главному, — колокольная симфония звучала уже в полную силу, напоминая жителям, что земная жизнь очень коротка и нужно позаботиться о своем спасении.

После этого был отслужен молебен в честь праздника Всех святых. Владыка поздравил паломников, а также местных прихожан с днем Ангела — ведь в этот праздник каждый крещеный может считать себя именинником.

Поселок Бор находится в очень красивом месте — сосны, березы, ели, пихты — ни один городской парк, какой бы знаменитый он ни был, не выдержит сравнения с местной природой. Поэтому после окончания богослужения мы не торопились возвращаться на корабль, а гуляли по поселку, любуясь сосновым бором и вдыхая целебный воздух. На берегу Енисея, откуда открывался чудесный вид на реку, я встретил местную жительницу. Ее звали Мария Александровна.

— Наверно, любите свой поселок? — поинтересовался я.

— Не то слово! — охотно откликнулась моя собеседница (не так уж часто приезжают сюда новые люди). — Я здесь

родилась, прожила всю жизнь и никуда уезжать не собираюсь. Как можно покинуть такую красоту!

— А дети?

— Дети — другое дело. У меня три сына, все уехали в Красноярск.

— В храм ходите?

— А как же! Душа умирает без храма! Ни одного праздника не пропускаю! Батюшка у нас хороший: внимательный, заботливый. Если кто из прихожан не придет в храм в воскресенье, он сразу интересуется, не случилось ли чего. И правильно делает: сектанты могут переманить.

— Неужели и в этой глухомани есть секта?

— Не одна, а целых четыре! Сектанты разных мастей!

— Какие пряткие!

— И откуда только берутся? Хитры, как лисы: покупают людей — то модной кофтой, то обувкой, то конфетами или колбасой, а то и просто деньгами. Приходите, говорят, к нам, у нас хорошо. А люди не понимают, что это секта, и приходят.

— А вы им объясняйте, что к чему.

— Да объясняла, и много раз. И батюшка объяснял. А они: «Нас там поят чаем с тортом, а у вас этого нет». Вот и поговори с ними...

— Будем молиться об этих заблудших овцах. И вы тоже молитесь.

— А как же, не пропадать же людям.

За ужином Людмила Зотова рассказывала:

— Какие же хорошие люди живут в Бору! Встретила одну женщину, в руках у нее грибы. «Где насобира-ла?» — спрашиваю. «Рядом с домом, — отвечает. — У нас все рядом: и грибы, и ягоды». «А ягоды какие?» «Самые главные: черника, клюква, брусника. Ото всех болезней. Я лекарств не употребляю, только ягоды». «А рыба какая в реке?» «Разная: осетр, белуга, стерлядь. Пойдем в дом, я

тебя ухой угощу». «Спасибо, — говорю, — я опаздываю на пароход». У этих людей душа не зачерствела.

День Сербии

Среди нас были паломники не только из краевого центра и других городов России, но и из далекого зарубежья. К последним относился посол Сербии и Черногории в республике Белоруссия доктор Сречко Джукич с супругой. Прекрасно образованные и воспитанные, деликатные и внимательные, они были любимцами всего теплохода. Они хорошо владели русским, поэтому у нас не было затруднений в общении.

По благословию владыки один из дней был посвящен Сербии, стране, которая нам, русским, далеко не безразлична. Нас, русских и сербов, связывают очень тесные узы, исторические, церковные, культурные. Все, что происходит в Сербии, в том числе трагические события на Косово, острой болью отзываются в наших сердцах. Многие из нас, в том числе и владыка Антоний, несколько раз бывали в Сербии, общались с людьми разных сословий, своими глазами видели разрушения, причиненные недавней войной. Поэтому когда прозвучало объявление о том, что состоится встреча с господином послом, то все свои дела и заботы паломники отложили до другого раза и поспешили в кают-компанию.

Вопросов было много, и посол отвечал по порядку.

— Как Вы стали дипломатом?

— Я закончил экономический факультет Белградского университета и в течение десяти-пятнадцати лет занимался экономической дипломатией, — сказал Сречко Джукич. — В те времена Югославия поддерживала тесные экономические отношения не только со странами социа-

листоческого лагеря, но и с капиталистическими странами. А потом я стал политическим дипломатом. Уже много лет я работаю послом в славянских странах. Три раза был послом в России, работал в Болгарии и вот сейчас – в Белоруссии. Это дало мне как человеку и как христианину очень многое. Я понял, какую могучую силу представляют из себя славянские народы: русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, чехи, словаки. У нас единая вера – Православие, наша сила – во Христе. К большому сожалению, сейчас славянские народы разобщены. Враг рода человеческого – диавол – посеял рознь между нами. Но это явление временное. По пророчеству святых отцов, придет время, когда все славянские народы объединятся, и этот союз будет прочнее стали, нас никто не сможет одолеть. Константинополь будет в наших руках, мы будем контролировать проливы Босфор и Дарданеллы.

Федор Достоевский в июне 1876 года писал: «Да, Золотой рог и Константинополь – все это будет наше, но не для захвата и не для насилия... Это случится само собой, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще... то действительно время близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы».

Далее он продолжал: «Во имя чего же, во имя какого нравственного права могла бы искать Россия Константинополя? Опираясь на какие высшие цели, могла бы требовать его от Европы? А вот именно – как предводительница Православия, как покровительница и охранительница его, – роль, предназначенная ей еще с Ивана III, поставившего в знак царьградского двуглавого орла выше древнего герба России, но обозначившаяся уже несомненно лишь после Петра Великого, когда Россия сознала в себе силу исполнить свое назначение и стала... единственной покровительницей и Православия, и народов, его исповедующих...»

Когда произойдет единение славян, то глобализация, темным валом захлестывающая планету, захлебнется. Для этого нам нужно только одно — обрести веру, и Сам Бог постоит за нас, как это часто бывало в нашей истории.

По мнению Достоевского, славянская идея в ее высшем смысле — это прежде всего... жертва, потребность жертвы... за братьев, с тем, чтобы «основать впредь великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству и защиту всех слабых и угнетенных в мире».

Сербский святой — преподобный Иустин (Попович), — с увлечением прочитав всего Достоевского, написал большой труд, который называется «Достоевский о Европе и славянстве». В нем он глубоко и всесторонне рассматривает славянскую тему.

— Какую роль в жизни государства и народа играет Сербская Православная Церковь? — последовал еще один вопрос.

— Очень большую. История нашей Церкви — это история нашего государства. И во времена турецкого ига, которое продолжалось пять веков, и во время других испытаний Церковь не давала угаснуть духу нашего народа. Враги хотели искоренить нашу веру, но это им не удалось. Мы всегда уповали на Бога, но не на человека, как бы велик он ни был.

Сейчас, по попущению Божию, Косово и Метохия оказались в чужих руках: там правят бал албанские бандиты и иностранные войска. Сербь, которые остались здесь, живут как будто в концлагере. Им очень трудно. Их единственная надежда и опора — Сербская Церковь. Она молится о своих братьях и сестрах, укрепляет их дух, помогает выносить скорби и страдания.

— Трудна ли работа посла?

— Посол — это дипломат. Дипломатическим путем можно решать, и весьма успешно, очень трудные и запу-

таннные вопросы. Один дипломат может принести своей стране больше пользы, чем целая армия, оснащенная самым совершенным оружием. Дипломаты разговаривают, а солдаты стреляют. По-моему, лучше разговаривать, чем стрелять.

Посол — образец вежливости, тактичности, предупредительности. Он везде и всюду должен оставлять о себе хорошее впечатление, потому что за ним — его страна, а он — ее эталон.

Мне больше всего нравится работать в России и Белоруссии. Я нахожусь здесь среди братьев. Мне легко решать с ними все или почти все вопросы.

Самый трудный период для меня как посла был во время НАТОвской агрессии. Я в то время работал в Болгарии. Почти каждый день приносил скорби. Мне приходилось устраивать беженцев, которые покинули Родину и у которых не было крыши над головой.

— Ваше впечатление о Сибири?

— Сибирь произвела на меня очень сильное впечатление. Своими просторами, своим богатством, своими людьми. Я родился и вырос в Сербии, маленькой стране, — и вдруг попал в Сибирь, которая вмещает в себя сотни Сербий! Енисей — это такая река, что дух захватывает! Если собрать все реки Европы, то это будет для него одна капля! В Европе людям уже негде жить, а тут на сотни и сотни километров тайга, где еще не ступала нога человека! Будущее, разумеется, за Сибирью!

Здесь живут люди, которые не заражены проказой цивилизации. Они просты, добры, отзывчивы, как дети. Я бы хотел пожить среди них, но я так занят, что, к сожалению, это невозможно.

С не меньшим интересом мы слушали и супругу посла — Веру.

— Вы помощница мужа. Какое главное направление в Вашей работе?

— Мы устраиваем встречи для работников посольства с дипломатами, деятелями культуры — писателями, художниками, композиторами, певцами, общественно-политическими деятелями...

В Минске есть Международный клуб женщин, который объединяет жен не только послов, но и других дипломатов и иностранных представителей. Мы часто проводим благотворительные вечера. На вырученные деньги покупаем одежду, обувь, музыкальные инструменты для детей-инвалидов, организуем их отдых, помогаем пострадавшим от чернобыльской аварии. В следующем году, в связи с двадцатилетием чернобыльской катастрофы, все собранные деньги мы передадим чернобыльцам. В конце каждого года мы посещаем детские больницы и дома-приюты, чтобы порадовать детей новогодними подарками.

У меня есть хобби — живопись. Я пишу портреты, пейзажи, натюрморты. Живописью увлекаются еще несколько наших женщин, в том числе моя подруга — жена казахского посла в Беларуси. Однажды нас пригласили в город Любань, там мы устроили выставку наших работ; она пользовалась большим успехом.

Недавно в Белоруссию по нашему приглашению приехала группа детей из Косово. Этот творческий коллектив называется «Косовские пионы»; им руководит сербская актриса, председатель общества сербско-русской дружбы Ивана Жигон. Коллектив участвовал в Третьем международном театральном форуме «Золотой витязь», который организовал и руководит известный кинорежиссер Николай Бурляев. Встреча происходила в минском Доме милосердия, в ней участвовали дети из воскресных школ, преподаватели, священники. Нас посетил высокий гость — митрополит Минский и Белорусский Филарет. «Косовские пионы» исполнили несколько сербских пе-

сен, в которых говорилось о родном крае, о потерянной свободе, а также прочитали стихотворения сербских поэтов, посвященных косовской трагедии. Коллектив получил один из главных призов «Золотого витязя».

— Что Вам лично дало пребывание в России и Белоруссии?

— Оно меня сильно обогащает. Я соприкасаюсь с православной культурой: смотрю театральные спектакли, слушаю музыку в концертных залах, хожу на художественные выставки, читаю русских писателей и поэтов. Мне становится понятнее славянская душа.

— В какой храм Вы ходите в Минске?

— В храм Всех святых. Мы с мужем верующие православные люди, и храм является нашим вторым домом.

А вечером Людмила Зотова пригласила всех людей, которые были в Сербии, в радиостудию и попросила их поделиться своими впечатлениями об этой стране.

* * *

Для капитана теплохода Владимира Сергеевича Князева и его супруги Ирины этот день был праздником вдвойне: в судовой часовне состоялось их Таинство венчания. Его совершил протоиерей Вячеслав Бачин. В богослужении участвовал один из диаконов и несколько певчих архиерейского хора.

— Ваше венчание состоялось не на земле, а на Небе, — сказал отец Вячеслав, поздравляя капитана и его супругу с торжественным событием.

Почетный эскорт

Плёт серебрился, играя мускулами, дали отливали синевой, небо то покрывалось сизыми облаками, то стано-

вилось безупречно бирюзовым. Мы приближались к селу Верещагино, которое виднелось на правом невысоком берегу. Вдруг около судна показалось шесть моторных лодок. Они шли на высокой скорости, поднимая тучу брызг. Дул северо-восточный ветер, штормило, лодки взлетали на волнах и, казалось, вот-вот выскочат из воды. Однако ни ветер, ни волны, ни брызги нисколько не смущали людей, которые управляли лодками. Для них это было так естественно — быть посредине штормовой реки на малых, но быстрых суденышках! Если бы они были всадниками, то так же лихо, без седел и без стремян, мчались бы на горячих скакунах, перегоняя друг друга!

«Надо же, какие молодцы!» — невольно вырвалось у меня.

Я хорошо видел их лица — и молодые, с румянцем, и морщинистые, с жесткой щетиной на скулах и подбородке.

Лодки, без какой-либо видимой команды, перестроились: три мчались по левому борту и три — по правому.

«Как будто почетный эскорт!»

Они легко обходили наш корабль, но не спешили расставаться с нами: сделав плавный разворот (одни налево, другие направо — как будто плетя пенными следами кружева), снова подходили к нашему кораблю (некоторые лодки совсем близко), сбавляли скорость, чтобы подольше побыть рядом с нами. Парни ослепительно улыбались и махали нам руками; пожилые — сдержанно кивали. Паломники, в основном молодежь, радостными криками отвечали отважным речникам.

Поведение сибиряков не было для нас чем-то удивительным и неожиданным. Дело в том, что по бортам нашего судна были прикреплены белые ленты с крупными надписями: «РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ!» Они привлекали не столько взоры, сколько

сердца сибиряков, которые их видели. Как пчелы летят на яркий цветок, чтобы собрать с него нектар, так и люди, увидев белоснежный корабль с православным призывом, спешили к нему, влекомые подчас непонятной, но требовательной и очистительной силой.

Люди в лодках как бы говорили нам: «Мы православные! И хотя живем в далеком северном селе, в котором до сих пор нет православного храма, все равно храним — насколько это в наших силах — веру наших отцов и дедов! Мы очень жалеем, что в нашем маленьком селе нет причала для такого большого корабля и что вы не можете остановиться и побыть здесь хотя бы несколько часов. Но то, что мы видели не только ваш корабль, но и ваши прекрасные лица, является для нас большим утешением. Русь не погибнет, потому что хранит свою святую веру!»

Верещагино осталось за кормой. Моторные лодки еще чуть помедлили, а потом сбавили скорость и, сделав разворот, направились в сторону села. Скоро они превратились в маленькие точки.

Василий Мангазейский

Я с волнением ждал встречи с Туруханском, городом, который был мне уже знаком: пять лет назад с большой группой паломников на дизель-электроходе «Композитор Прокофьев» я прибыл сюда на празднование четырехсотлетия со дня успения святого мученика Василия Мангазейского, мощи которого покоятся в местном Троицком монастыре. С тех пор Василий Мангазейский стал одним из моих любимых святых, и я молился ему каждый день. Я очень хорошо знал его житие, подробности его мученической кончины. Мне было легко ему молиться; у него очень доброе сердце, и он быстро откликался на мои

просьбы, помогая мне в разных жизненных ситуациях. Между нами образовался духовный мост.

С палубы теплохода я увидел храм Троицкого монастыря; мое сердце забилося сильнее: скоро, совсем скоро я снова встречу со святым Василием.

На берегу я увидел протоиерея Сергия Шачина, настоятеля Норильского храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

— Никак не ожидал увидеть вас, — сказал я, подойдя к нему.

— Я должен быть здесь, — ответил он, — потому что это мое благочиние.

«Такого большого благочиния нет, наверно, ни у одного священника во всем православном мире, — подумал я. — Чуть ли не вся Европа поместится в его владениях».

Снова, как и пять лет назад, Крестным ходом идем до Троицкого монастыря. Он, Крестный ход, освящает улицы города, прогоняет духов злобы, веселит сердца местных жителей, напоминает им о Небе, укрепляет их веру, учит молитве. На улицах, по которым мы идем, несмотря на будний день, гораздо больше народу, чем пять лет назад — просыпаются понемножечку люди! Колокольный звон монастыря все ближе и ближе. Мы входим под своды храма.

Я спешу к мощам святого Василия. Над ними — новая красивая деревянная рака, чудесная икона. Я с благоговением прикладываюсь к великой святыне, которой недостойны не только многочисленные драгоценные металлы Норильска, но и все сокровища Вселенной. Я благодарю святого за то, что он снова привел меня в Туруханск и за все его благодеяния.

Литургия промелькнула как одна секунда. Было много причастников. Я тоже сподобился Святых Христовых Таин. В этом мне помог святой Василий.

А потом мы пошли Крестным ходом вокруг храма. И снова, как и пять лет назад, нас сопровождал мелкий, как из сита, дождь. Но это был, конечно, не дождь, а Божия благодать, изливающаяся по молитвам святого Василия Мангазейского. Меня это очень умилило — законы Неба остаются непреложными во все времена, на всех широтах, на любом континенте.

Батарейка

Я решил сфотографировать храм, но фотоаппарат не работал — села батарейка. Я вставил запасную, но и та отказалась работать. Я отправился в местный магазин (мне помог водитель, обслуживающий паломников), но там нужной мне батарейки не было. Я помолился святому мученику Василию Мангазейскому и попросил его о помощи.

Отец благочинный, которому я рассказал о своей нужде, сказал:

— Подойди к отцу Софронию (иеромонаху Троицкого монастыря), он что-нибудь придумает.

И правда, отец Софроний как будто только и дожидался этой просьбы.

— У меня в келлии есть батарейка, какая вам нужна, — сказал он, — я ее вам отдам.

Мы прибыли на пристань. Паломники поднялись на борт теплохода. До отправления остались считанные минуты.

Отец Софроний, попрощавшись с владыкой, обратился ко мне:

— Я сейчас еду домой, водитель скоро вернется и, если успеет, передаст батарейку.

Я поднялся на третью палубу и продолжал молиться святому Василию. Теплоход дал длинный прощальный гу-

док. Вахтенный матрос отдал швартовы. «Александр Матросов» стал медленно отделяться от дебаркадера. В этот момент на дороге, ведущей к причалу (примерно в трехстах метрах), показался «Уазик» отца Софрония.

«Да, немножко поздновато», — подумал я.

Когда расстояние между теплоходом и причалом достигло примерно десяти-пятнадцати метров, на дебаркадере появились три женщины. Это были работницы ресторана, они отлучались на берег по своим делам и припозднились. Они замахали руками. Теплоход замер на месте, как бы раздумывая, что делать, а потом медленно стал приближаться к причалу: не оставлять же ценных работников на берегу! Судно носом подошло к верхней части дебаркадера, матрос выкинул трап, и женщины поднялись на борт. К этому времени «Уазик» достиг причала, и водитель передал батарейку матросу, который убирал трап.

Для Василия Мангазейского не было ничего невозможного!

«Я всю жизнь нес людям слово Божие»

У меня язык не поворачивается назвать его американцем, хотя он живет в Америке. Он был и остается русским! Высокий, чуть сутулый, с седыми, гладко зачесанными волосами, с умным, пронизательным взглядом, он сразу привлекал к себе внимание. Протоиерей Димитрий Григорьев является почетным настоятелем Свято-Никольского собора и профессором Джорджтаунского университета в Вашингтоне. Как он попал в Америку, как сложилась его судьба, какое место занимала в его жизни Россия — об этом и о многом другом мне хотелось услышать от отца Димитрия. Я с нетерпением ожидал того дня и часа, когда

состоится встреча с ним. И вот мы сидим на корме теплохода, день теплый солнечный, Енисей не перестает удивлять нас своими красотами, беседовать в такой обстановке одно удовольствие.

— Мои родители вынуждены были покинуть Россию, потому что большевистская безбожная власть преследовала неугодных ей людей, — начал мой собеседник; у него негромкий, чуть хрипловатый голос; он говорит не спеша, словно взвешивая на невидимых весах каждый эпизод долгой, наполненной разнообразными, подчас трагическими событиями жизни. — Моего отца арестовали и хотели расстрелять. Один солдат из охраны хорошо знал его и помог ему бежать. Последним поездом он отправил отца, мать и мою сестру, которая была маленькой девочкой, в Ригу. Они пробыли там недолго. Красные войска приближались к городу. Семье удалось уехать в Англию. Там я и родился.

В Англии я прожил всего две недели. Отец (он был дипломатом) принял решение уехать в Японию. Перед отъездом он меня окрестил. Мы прожили в Японии не так долго. Когда закончилась гражданская война, отец вернулся в Ригу. Летом 1940 года Прибалтика была оккупирована советскими войсками. Я радовался: пришли мои соотечественники. Солдаты пели русские песни, которые напоминали мне о Родине, — мне не хотелось никуда уезжать.

Но все сложилось иначе. Через некоторое время ко мне пришел чекист, показал свое удостоверение и сказал примерно следующее: «Если вы лояльны к советской власти, то вы должны с нами сотрудничать. А если вы не захотите с нами сотрудничать, значит, вы не лояльны. А если вы не лояльны, то вы знаете, что вас ожидает».

Поскольку я родился в Англии, то был английским подданным, поэтому мне удалось отклонить предложение чекиста стать доносчиком и предателем.

Мне был уже двадцать один год. Я начал работать в газете. Моя работа заключалась в том, что я должен был ходить по разным собраниям, собирать материал и готовить статьи. Газета «Сегодня» была самой большой и популярной русской газетой за границей. Кроме русских, ее читали поляки, финны, эстонцы, литовцы, латыши — их объединял русский язык.

Мать и сестра хотели, чтобы я побыстрее уехал (отец к этому времени уже умер), они боялись за меня: в любую минуту мог приехать «черный ворон» и забрать меня. Я принял решение покинуть Ригу. Между советским и английским правительством было заключено соглашение: все английские подданные беспрепятственно выедут из Прибалтики в Австралию. Попасть в Англию в это время было невозможно — она находилась в блокаде.

В Австралии я прожил два с половиной года. А потом судьба распорядилась так, что я попал в Нью-Йорк. Здесь я встретил друзей моего отца, которые убедили меня не уезжать в Англию. Я решил получить богословское образование и поступил во Владимирскую духовную семинарию, потом закончил духовную академию; изучал светские науки. Позже, когда я стал преподавать в Джорджтаунском университете, это мне очень пригодилось (я преподавал в нем тридцать лет). Я преподавал русский и церковнославянский языки, историю русского языка, русскую литературу. Потом я стал священником, служил в Свято-Никольском соборе; он был освящен в 1962 году, но приход был образован русскими эмигрантами еще в 1925 году. Собор является точной копией Димитриевского собора во Владимире-Суздальском (двенадцатый век). В 1992 году по благословению Святейшего Патриарха Алексия к нам приехала группа художников-иконописцев, которая несколько лет расписывала храм. В этой работе принимал участие выдающийся, на мой взгляд, художник Александр Иванович Чашкин.

— Что из себя представляет ваш приход? — спросил я.

— Половина нашего прихода — англоговорящие люди. По воскресеньям у нас служатся две Литургии: первая — на английском языке, а вторая — на церковнославянском. Если случается какой-то праздник, то богослужение идет на двух языках: одна ектения — на английском, вторая — на церковнославянском.

Долгое время я был активным настоятелем Никольского собора, а когда ушел на пенсию, меня сделали почетным настоятелем. Теперь у меня много свободного времени, я могу путешествовать и читать. Очень люблю Достоевского, считаю его лучшим христианским писателем; сейчас он особенно нужен людям.

— Были ли русские люди миссионерами на чужбине?

— Когда русские люди оказывались за границей, они в первую очередь создавали церковную общину и строили храм. *Чтобы сохранить свою веру в чужом мире. И кусочек Родины.* Люди собирались вместе, чтобы разговаривать на русском языке, обсуждать злободневные вопросы, печь русские калачи и пирожки, пить чай из самовара. Общаюсь с коренными жителями, они сеяли семена Православия, которые в свое время давали всходы.

— Когда началась Ваша церковная жизнь?

— С семи лет я стал прислуживать в церкви; бывал на всех службах и хорошо знал их; потом был иподиаконом; вся моя жизнь связана с церковью, я не представляю себя вне церкви. Жена моя была из церковной семьи; ее дедушка был протодиаконом в Нарвском соборе в Эстонии.

— Расскажите немного о Вашем детстве.

— Помню несколько детских впечатлений. Мы с мамой стоим на церковной службе в японском городе Иокогама. Мне захотелось побегать, и я решил выйти из храма. А мама дала мне мое любимое печенье, и я остался.

Там же, в Японии, ночью, на отца было совершено покушение. Помню лужу крови на полу (отцу порезали

руку). Потом пришли полицейские – строгие, в фуражках с высокой тульей, в белой форме, подпоясанные ремнями с блестящими пряжками, с шашками на боку. Я испугался.

Однажды случилось землетрясение. Мама схватила меня на руки и выбежала на улицу. Я слышу: все дребезжит, ветхие строения рушатся. Это землетрясение было небольшое. А через полгода, когда мы были уже в Америке, случилось очень сильное землетрясение – большой многоэтажный дом упал на наш маленький деревянный: Господь вовремя вывел нас из этой страны.

Отец Дмитрий посмотрел на удаляющийся встречный сухогруз, на воду, бурлящую за его кормой, на матроса, который драил палубу, перевел взгляд на пустынный берег, затем на чаек, которые кружили над нашим теплоходом, – ему хотелось запомнить каждую деталь, каждую мельчайшую подробность нашего путешествия – ведь это была его Родина (несмотря на то, что он родился за границей), Родина, с которой он связан невидимыми духовными нитями и которая занимает в его сердце гораздо больше места, чем американская столица, где он прослужил несколько десятков лет.

– Что Вы считаете самым главным и самым важным в Вашей жизни?

– Самое главное для меня – нести слово Божие людям. Это я делал всегда и везде: в храме, во время поездок по той или иной стране, во время прогулок, в парке или сквере, когда возникал случайный разговор с тем или иным человеком.

И сейчас, во время путешествия по Енисею, отец Дмитрий занимался тем же самым. В населенных пунктах, где мы делали остановки, после богослужения владыка Антоний обязательно предоставлял слово седовласому священнику, и тот горячо, убежденно, взволнованно говорил о том, что русский народ еще не сказал своего

последнего слова и что он, очнувшись от бесовского наваждения, снова станет народом-богоносцем, и его пламенная вера и вдохновенная соборная молитва устрасит врагов Православия.

Долганский апостол

В нашу поездку владыка пригласил группу интеллигенции коренных жителей Таймыра — долган. Они участвовали в акции «Таймыр: вера, надежда, единство». Таймыр всегда был неотъемлемой частью Красноярского края, останется он таким и в дальнейшем — так хотят его жители, в том числе старший редактор Таймырского радио Нина Кудрякова и школьный учитель Галина Веретенникова. В свободное время я беседовал с ними, расспрашивал об укладе жизни, привычках, характере, нравах жителей полуострова. Нина рассказала мне об одном долганине, которого знает весь Таймыр:

— Пятнадцать лет назад московский Институт перевода Библии принял решение донести Евангельское слово до малочисленных народов Севера, в том числе и до долган. В этом была большая нужда: по последней переписи долган насчитывалось шесть тысяч человек, половина из них — некрещеные. Наш народ принял христианство в восемнадцатом веке. Сейчас многие люди ходят в храмы, приступают к Таинствам (церкви есть в Дудинке, Хатанге, Норильске). В домах есть иконы, а также Евангелие на русском языке. А вот Евангелия на долганском не было. Долганский журналист и писатель Николай Анисимович Попов (он родился в верующей семье) согласился перевести Евангелие от Луки на наш родной язык. Это было очень трудное дело: в долганском языке не сохранились такие понятия, как «Святой Дух», «благодать», «благая

весть» и другие. На помощь пришли все грамотные люди Таймыра. Через три года перевод был завершен. После этого к работе приступили редакторы. Одним из них была я. Я выехала в Москву, где в течение длительного времени тщательно выверяла и проверяла каждый стих Евангелия. Мне помогала богослов Елена Шатилова. Мы с ней написали предисловие к книге, а также нашли рисунок для обложки.

Три года назад Евангелие от Луки было опубликовано. Скоро увидит свет книга «Деяния святых апостолов».

Николай Анисимович также перевел Евангелие от Марка и написал детскую Библию «Иисус Христос – друг детей».

Песня

Однажды я гулял по палубе с Галиной Веретенниковой, и она рассказывала мне о своей жизни:

– Сначала я работала учителем начальных классов, потом поехала в Ленинград, поступила в пединститут (специальность география и биология, я эти предметы очень люблю). Получила диплом. Мне сказали: «Поступай в аспирантуру». Но меня потянуло домой. «Приеду через год», – пообещала я, но не приехала ни через год, ни через два, ни через три – не могла расстаться с родиной.

Мне кажется, я ни одного дня не могу прожить без тундры. Как-то мы с мужем поехали в отпуск на материк. Уже через несколько дней я так затосковала по ряби на озере, по излучинам рек, по крикам птиц, по утренней росе на стойбище, что села на самолет и улетела на Таймыр. Здесь я чувствую себя как в родном доме. У меня есть ружье, которым я владею так же хорошо, как плотник топором. Я умею охотиться и на птицу, и на зверя; умею ловить

рыбу — я же выросла на рыбалке; хорошо хожу на лыжах, пройти десяток-другой километров в погоне за зверем мне ничего не стоит.

— А холод вы замечаете? Все же Заполярье!

— Нет, не замечаю. Мне кажется, Таймыр — самая теплая страна.

Я знал, что Галина сочиняет песни и сама исполняет их, поэтому спросил:

— О чем Ваши песни?

— Об утренней заре, о журчании ручья, о журавлиной стае, улетающей на юг, о девичьей красоте.

— Вы крещеный и церковный человек. Наверно, у Вас есть и духовные песни?

— Конечно.

— Спойте одну из них.

Галина остановилась, задумалась, вглядываясь в речную даль, а потом запела. У нее был высокий чистый приятный голос, которым она хорошо владела. На ее лице сияла улыбка, содержание песни полностью захватило ее. Мелодия была незатейливая, но дело было не в мелодии, а в том, как песня исполнялась.

— Как называется песня? — спросил я, когда замолк последний звук.

— «Благословение».

— О чем она?

— Я пела о том, что Господь благословляет наше путешествие и людей, которые находятся на теплоходе. Он хочет, чтобы люди, живущие на берегах Енисея, побыстрее увидели Свет Христов.

— Вы давно сочинили эту песню?

— Только что.

— ?

— Это песня-экспромт: на ваших глазах рождались слова, мелодия, на ваших глазах она началась и закончилась.

Когда я буду исполнять ее еще раз, то, возможно, что-то изменится: слова будут другими, мелодия посветлеет. Но содержание останется то же.

Столица Таймыра

Ночью мы прошли Полярный круг. Енисей-батюшка, вобрав в себя воды сотен малых и больших рек, стал еще полноводнее; он раскинул свои берега так далеко, что их с трудом можно было найти глазами. День стал очень длинным, так как ночи не стало: солнце светит и светит и никуда не заходит, освещая наш путь, — оно заступило на сверхурочную «вахту». Я задернул занавески на окнах каюты, но это мало помогало.

В сияющее, радостное, безоблачное утро мы прибыли в Дудинку. Это большой рабочий порт — на берегу краны, краны, краны. А дальше, на возвышении, многоэтажные кирпичные и блочные дома. Единственное деревянное здание — бывший речной вокзал; его оставили, видимо, как реликвию, как воспоминание о былых временах, когда он принимал суда из краевого центра и на встречу первого парохода выходил чуть ли не весь город.

Дудинка знакома мне с давних пор. Лет тридцать пять-сорок назад я провел здесь почти все лето (хотя оно и маленькое). Город тогда был в основном деревянный; из каменных зданий запомнился только Дом культуры да еще два — три дома; тротуары тоже были деревянные; морской порт был таким же большим: сюда прибывали грузы для Норильского комбината. Больше ничего не осталось в памяти.

Сейчас столица Таймыра совсем другая — компактный каменный город. Местный житель сказал: «Город похож на прямоугольник. Длинную его сторону можно пройти за двадцать пять—тридцать минут, короткую — за десять».

Мы пришвартовались в морском порту — здесь удобный причал. Встречающих, несмотря на будний день, было больше, чем в предыдущих местах стоянки, поэтому Крестный ход был особенно многолюдным. Мы идем к местному храму. Он стоит на холме и виден издалека, высокий, из темно-красного кирпича, с позолоченным куполом и крестом, которые ярко сияли в лучах полярного солнца.

Рядом с храмом, на Набережной площади, был совершен праздничный молебен. Местные верующие смогли приложиться к ковчегу со святынями, который прибыл сюда с Крестным ходом.

Во второй половине дня мы познакомились с городом. Большое впечатление произвел на нас краеведческий музей. Он открыт двадцать пять лет назад — срок небольшой, но за это время сотрудники музея сумели создать ряд интересных экспозиций, посвященных истории города, флоре и фауне Таймырского полуострова, быту коренных народов. Музею тесновато в старом помещении, хотя оно и неплохое. Эта беда поправима: на Набережной площади строится большое великолепное здание, предназначенное для краеведческого музея (на мой взгляд, даже в крупных городах нет ничего подобного).

Порадовала нас и Таймырская окружная библиотека — как своим абонементом, так и читальным залом; есть в ней и компьютерный зал. Сотрудники библиотеки принимали нас как самых желанных гостей. Было видно, как они любят свое дело и заботятся о читателях. Я пообещал подарить библиотеке свою новую книгу и при первой же okazji передал ее в Дудинку.

Цветок на лугу

Я с нетерпением ожидал поездки в Норильск. Что представляет из себя этот русский Клондайк, за право владе-

ния которым сшибают копья влиятельные корпорации? Что за люди живут в этом городе, что привело их сюда, надолго ли пускают они здесь корни? Каковы условия их существования? Много ли верующих в Норильске и как активно они ходят в храм?

В этом городе я был один или два раза, но очень давно. Был зимой, когда здесь мели вьюги и трещали пятидесятиградусные морозы. А что можно увидеть в снежной круговерти, когда тобою владеет единственное желание — побыстрее добежать до гостиницы и отогреться? Ну правда, летал с местными летчиками на далекую заимку, к рыбакам, — так там вообще ничего не было, кроме снежной пустыни и маленького домика, в котором жили рыбаки. А самое главное, я тогда мало чего понимал, смотрел на вещи романтическими глазами и не мог сделать правильных выводов...

Мы выехали в Норильск ранним утром: дорога дальняя, около ста километров, а программа насыщенная. Пасмурно, серо, солнце выглянет на одну секунду и опять скроется. Дорога гравийная, ухабистая, автобус тащится еле-еле. Это еще полбеды. Пыль — вот что досаждало больше всего; окна закрыты, но пыль проникает сквозь щели, так что трудно дышать.

Впрочем, все это пустяки по сравнению с тундрой — она изумительно красива! Однообразием тут и не пахнет — тундра холмистая, ярко зеленая, сверкающая, с множеством маленьких очаровательных озер. Когда это все успело расцвести, если лето еще не вступило в свои права? Я начал немножко понимать Галину Веретенникову: мы любуемся и не можем налюбоваться тундрой из окна автобуса, а она жила в тундре, на берегу вольной реки, среди трав и цветов, выходила с отцом на рыбалку и вдыхала запах невода, поднятого в лодку с жирными, блестящими на солнце осетрами.

Кое-где видны небольшие плешины сиреневого снега, а на косогорах, особенно на их теневой стороне, — громадные пласты: они, по всей вероятности, не растают и за все лето, которое закончится, не успев начаться.

Деревца в тундре маленькие, хиленькие, чахлые.

— Если их скосить, получится веник, — пошутил один из паломников.

Проехав примерно полпути, мы увидели несколько многоэтажных домов; они были явно нежилые — пустые глазницы окон, сорванные двери подъездов, вокруг домов — полное запустение.

— Что это? — спросил я у Раисы Петровны Гостевой, которая сидела рядом со мной.

— Это дома, в которых жили сотрудники аэропорта Алыкель. Предприятие развалилось, и люди разъехались кто куда.

«Везде одно и то же — что на юге, что на севере, — подумал я. — Перестройка не щадит никого».

После Алыкеля наступило серьезное облегчение: дорога стала асфальтированная, и автобус побежал веселее. Вскоре показался город.

— А вот и Норильск! — обрадовался я, потому что дорога меня порядочно утомила.

— Нет, это не Норильск, — возразила Раиса Петровна.

— А что же?

— Кайеркан. В переводе с долганского — Город смерти.

«Не очень-то приятно жить в городе с таким названием», — подумал я и спросил:

— А почему его так называли?

— Металлы, которые здесь добываются, — никель, кобальт, молибден — ядовитые, — люди долго не выдерживают.

Пейзаж был мрачноватый: там и сям дымили гигантские трубы, снег был черный, по земле, словно тропиче-

ские анаконды, тянулись бесконечные трубы — это были трубы отопительной системы: из-за вечной мерзлоты их нельзя укладывать в землю. И вдруг — словно цветок на лугу — я увидел православный храм: он скрашивал, смягчал, облагораживал весь город.

— «Слава Тебе, Господи! И здесь люди могут спастись!» — подумал я.

Наш дальнейший путь пролегал между сопок. Через некоторое время показался еще один город, похожий на предыдущий.

«Ну это уж явно не Норильск», — подумал я и ошибся. Раиса Петровна сказала, что это как раз Норильск. Город был большой, но однообразный — коробки жилых домов на сваях (вечная мерзлота!), похожие, как близнецы, друг на друга. Улицы тоже похожи друг на друга, во всяком случае с первого взгляда. Но вот улица, которую никак не спутаешь с другими, потому что здесь находится красивый православный собор. Он назван в честь Божией Матери — «Всех скорбящих Радость». Да, этот храм — отрада и радость для всех верующих Норильска. Их немало. Почти все они сегодня в храме.

— А сейчас мы поедem на шахту Шмидтиха, — сказала Раиса Петровна, когда Божественная Литургия закончилась.

— Добывать уголь? — пошутил я.

— Нет, шахта давно закрыта; там находится мемориал в честь людей, которые погибли в годы репрессий.

— Раиса Петровна, — заметил я, — вы знаете о Норильске буквально все.

— Почти все, — уточнила моя собеседница. — В свое время я работала в краевом отделе культуры и очень часто (несколько раз в год) ездила в командировку в Норильск. Я была во всех его городах-спутниках — Кайеркане, Талнахе и других. Так что могу работать здесь гидом.

Через десять-двенадцать минут мы прибыли на окраину Норильска, к горе Шмидтиха. Она возвышалась над городом, как идол, темная, мрачная, неприветливая. Здесь построена часовня для поминовения усопших. Мы идем от одного обелиска к другому (литовский, латвийский, украинский, белорусский) — на них начертаны имена людей, которые сложили здесь свои головы.

— Норильск и его города-спутники построены на костях людей, — молвила Раиса Петровна. — Людей ста двадцати восьми национальностей. Их привозили сюда сотнями тысяч. На заклатие. До сих пор в окрестной тундре валяются мотки колючей проволоки — это был большой концлагерь. Среди репрессированных было много верующих. Они пострадали за Христа и находятся сейчас в Селениях Праведных.

На обратном пути в Дудинку нас ждало большое утешение: мы остановились у источника святого мученика Василия Мангазейского. Все паломники испили святой водички и умылись. На душе стало радостно! Мы хотели искупаться в источнике, но он был слишком мелкий, а ведра, чтобы облиться, к сожалению, не было. Жалко! Пора, давно пора сделать здесь хорошую купальню. Эта мысль, конечно, приходила, и не раз, отцу Сергию Шачину, но воплотить ее в жизнь пока не удалось.

В нашем автобусе ехала подруга Раисы Петровны (забыл ее имя), которая прожила в Норильске около тридцати лет. Я спросил ее, как ей это удалось.

— Нам с мужем здесь не понравилось, и мы решили: доживем до весны и уедем, — начала она свой рассказ. — Пришла весна, холода отступили. Ну ладно, так и быть, решили мы, доживем до ранней зимы, и до свиданья. Пришла ранняя зима, а потом и поздняя. Ну здесь зима и там зима, стоит ли уезжать? Давай останемся до весны, предложил муж. Я согласилась. Вот так оно и шло. Каж-

дый год добавлялись полярные, а терять их не хотелось. Пятьдесят, семьдесят, девяносто процентов полярных! Попробуй расстанься с ними! Вот так полжизни и прошло!

— Это у тебя полжизни, а у моего брата вся жизнь! — вступила в разговор Раиса Петровна. — Ну правда, у него должность большая — начальник рудника. Он — надо отдать ему должное — следил за своим здоровьем: каждый год отдыхал по два месяца на Черном море, да и здесь, в Заполярье, питался очень хорошо: овощи, фрукты у него не переводились...

В течение двух часов было очень пасмурно, частенько хлестал дождь, но как только мы сели на теплоход и отчалили от берега, сразу засияло солнце, и река засверкала ослепительными бликами.

Мы возвращались в Красноярск.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Молитва в недостроенном храме

На следующий день «Александр Матросов» прибыл в Игарку. На смотровой площадке, расположенной на обрывистом берегу и похожей на театральный балкон, много людей. В основном молодежь. Это очень приятно. Ведь сюда прибыл не цирк с дрессированными медведями и тиграми, не эстрадная «дива», прославившаяся не голосом, а безобразным кривляньем на сцене, не выездной дом моделей, не всемирно известный маг и чародей, а миссионерский теплоход. Видимо, пришло время, когда душе потребовалась не отрава, не суррогат пищи, а настоящая духовная пища. Юноши и девушки прошли с нами Крестным ходом до самого храма, через весь город, и не

постеснялись, что кто-то, возможно, скажет о них: «Смотри, до чего докатились! С попами пошли!»

Храм расположен в зеленом саду, в здании бывшего детского сада; у него нет даже купола, не успели соорудить; икон на стенах всего ничего. Трудности эти и нищета, будем надеяться, временные — главное то, что и сейчас в стенах храма слышится духовное пение, звучит молитва.

В Игарке совершенно изумительный краеведческий музей, с которым хозяева города знакомили нас с законной гордостью. Он расположен на окраине города, в зеленой зоне (здесь уже лесотундра). В нем три самостоятельных раздела, и каждый из них занимает отдельный дом.

В первом разделе отражены история Игарки, а также освоение морского и речного пути; есть тут и зал Виктора Астафьева (его детдомовское детство прошло в Игарке, о нем он весьма красочно рассказывает в своих автобиографических произведениях).

Второй раздел называется «Проект 503». Он рассказывает об одной аванюре большевиков: они решили провести железную дорогу от Салехарда до Игарки. В музее много экспонатов, которые рассказывают, кто, как и в каких условиях осуществлял это строительство. Конечно, это делали «зэки», их костями устлан весь путь. Вскоре «Проект-503» заглох.

А потом хозяева провели нас в музей вечной мерзлоты. Сначала экскурсовод поведала нам о том, где начинается вечная мерзлота и каковы ее особенности. Затем она предложила на практике узнать, что это такое: для этого нужно было спуститься вниз по нескольким лестницам в специальное помещение, где «все дышит холодом». Я благоразумно отказался от посещения этого весьма интересного, но далеко небезопасного, на мой взгляд, заведения. Многие паломники, однако, согласились: «экзотика все же!» Я на всякий случай пересчитал их, когда они от-

важно перешагнули порог, ведущий вниз. И засек время. Полчаса, в течение которых паломники пробыли под землей, были, пожалуй, самыми тревожными в моей жизни: я сильно переживал за них. И молился. Время тянулось на редкость медленно. Я ходил взад и вперед перед дверью, через которую паломники должны были выйти на свет Божий. А она все не открывалась.

Наконец показался первый паломник. Это был мужчина косой сажени в плечах, в теплой куртке. Борода его была покрыта инеем. Следом за ним вышли две женщины, отнюдь не хрупкого телосложения, они беседовали так непринужденно, словно побывали в картинной галерее.

«Мои дела, кажется, не так плохи, — подумал я. — Может, все и обойдется».

Потом на улицу, поеживаясь и потирая руки, выскочили сразу три девчушки; чтобы согреться они устроили игру в догоняшки. Я облегченно вздохнул только тогда, когда последний паломник покинул холодное заведение: количество людей, спустившихся вниз, совпало с количеством людей, поднявшихся наверх.

Мы вернулись на берег. До отхода судна оставалось еще несколько часов, и я решил посмотреть город. Он выглядел пустынным. Я обрадовался, когда увидел местную жительницу, которая направлялась куда-то по своим делам.

— Не скажете, где находится клуб моряков? — обратился я к ней. — В добрые времена, кажется, было такое заведение.

Женщина, простоволосая, с обычным, ничем не примечательным лицом, в поношенной, но чистой серой кофте, остановилась, внимательно посмотрела на меня, хотела удивиться, но, поняв, что я не местный, не удивилась.

— Вот именно в добрые, — охотно вступив в беседу, ответила она. — А сейчас не только клуба, но и магазина, и

детского сада, и многого чего другого нет — все разрушилось, все сошло на нет.

— А почему так?

— Все держалось на лесокомбинате. Пока он был жив — была жива и Игарка. А как он окочился — не стало и Игарки. — Женщина тяжело вздохнула, привычным движением руки убрала прядь волос за ухо. — Было время — Игарка гремела: приходили суда со всех стран мира. За древесиной, самой лучшей в мире. По неделе и больше ждали своей очереди — и в протоке стояли, и даже в основном русле Енисея. В прошлом году было всего несколько судов, в этом, может, будет всего одно — последнее в его истории.

— А собственный флот куда делся?

— Был, да сплыл: все суда продали. Краны тоже продали — ничего не осталось... Люди разъехались; город вымирает на глазах.

— Начальство о чем-нибудь думает?

— Если и думает, то только о своем кармане. На нас ему наплевать... Видели смотровую площадку? Вся в дырах! Того и гляди, ногу сломаешь! И отец Александр, настоятель храма, и другие лица хлопотали о том, чтобы отремонтировать площадку к приходу «Александра Матросова». Ничего не получилось — не нашлось нескольких досок, чтобы закрыть дыры!.. А идол стоит в центре города, — моя собеседница указала рукой в ту сторону, где он стоял, — ну, в фуражке его обычно изображают, так его обихаживают, не забывают..

Женщина проводила взглядом двух парней, которые, свернув с дороги, направились вглубь квартала, туда, где стояли три порушенных общежития.

— Я разговариваю с вами, а сама переживаю, как бы кто в дом не забрался и не утащил последнее... Воровство в городе началось... Раньше о таком и не слышали...

Я поблагодарил женщину за беседу и вернулся на причал. Тут было многолюдно: местные ребятишки открыли купальный сезон, несмотря на то, что вода была еще, мягко говоря, холодная. Но разве это препятствие для сибиряков? Во-первых, был очень жаркий день, а, во-вторых, надо же показать гостям, на что они способны! Впрочем, и наши молодые паломники и паломницы не ударили лицом в грязь и, набравшись храбрости, нырнули с причала. Что оставалось делать местным купальщикам? Показать, как они хорошо плавают! Наши тоже не остались в долгу: встали в ряд несколько человек и прыгнули в воду одновременно! Им, конечно, не нужно было напоминать, чтобы побыстрее выходили из воды.

— Холодно? — спросил я у одного из них.

— Сначала обжигает, а потом — ничего, — сказал он, обтираясь полотенцем.

«Черный ворон»

На нашем теплоходе было несколько музыкальных коллективов, которые давали концерты не только на судне, но и в тех городах и поселках, где мы останавливались. Особым успехом пользовался молодежный духовный хор «Неувядаемый Цвет» (руководитель Кирилл Русяев). Однажды он исполнил казачью песню «Черный ворон», которая произвела на слушателей (в том числе и на меня) сильное впечатление. Во-первых, мастерским исполнением (чувствовалось, что хор работал над произведением не один день и не одну неделю); во-вторых, в песне был второй план — она говорила о сегодняшнем дне России, о тучах, которые сгустились над нею.

В книге невозможно передать мелодию песни, но текст привести можно и нужно.

*Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься.
Черный ворон, я не твой.*

*Что ты когти распускаешь
Над мою голову?
Иль добычу себе чаешь?
Черный ворон, я не твой.*

*Завяжу смертельную рану
Подаренным мне платком,
А потом с тобой я стану
Говорить все об одном.*

*Полети в мою сторону,
Скажи маменьке родной,
Ты скажи моей любезной,
Что за Родину я пал.*

*Отнеси платок кровавый
Милой Любушке моей.
Ты скажи: она свободна.
Я женился на другой.*

*Взял невесту тиху-скромну
В чистом поле под кустом.
Обвенчальна была сваха —
Сабля вострая моя.*

*Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься.
Черный ворон, я не твой*

Почувствовав в коллективе большие потенциальные возможности, я предложил Кириллу Русяеву создать программу, состоящую из русских народных песен.

— Почти каждая русская народная песня — это шедевр, содержащий прекрасный поэтический образ, — сказал я. — В них, песнях, заключена душа народа, знающего Бога, бьется трепетный нерв; как правило, содержится жизненное обобщение. Народ — самый высокий художник. В русских народных песнях нет фальши, они говорят о самых важных и самых главных моментах человеческого бытия. Они учат патриотизму и любви к своему Отечеству. Песни — это дыхание народа.

Желательно выбрать те произведения, которые созвучны сегодняшнему дню, — добавил я. — С этой программой хор может выступать в любой стране, на любом континенте.

Кирилл обещал подумать над моим предложением.

Бахта

Поселок Бахта — одно из самых интересных мест, в которых мы побывали. Он расположен на песчаном берегу. Причала в Бахте нет, но, несмотря на это, здесь останавливаются любые суда — земснаряд значительно углубил дно. Матросы проворно спустили на берег длинный трап, и мы, держась за поручни, цепочкой потянулись в новую палестину. У самой воды много рыбацких лодок, а рядом с ними — самодельные будки, в которых хранится нехитрое рыболовное снаряжение. Наверх ведет изрытая, с двумя глубокими колеями дорога. В отвесном песчаном берегу множество круглых отверстий: это гнезда стрижей; сотни птиц кружат у обрыва; кажется, что это хаотическое, необдуманное, никому ненужное кружение; это мнение ошибочное — каждый стриж занят делом: ловит мошек и

несет их своим птенцам. Загадка в другом: как стриж среди многих сотен отверстий безошибочно находит свое?

Молодые паломники уже на самом верху, а я осиливаю обрыв потихоньку, помаленьку, помня правило: тише едешь — дальше будешь. Дополнительная трудность заключалась в том, что вместо лестницы тут трап, как на судне, по которому особенно не разгонишься. С Божией помощью я все же одолел и его.

Наверху меня ждала награда: место оказалось неописуемой красоты! Единственная чистая, метров на сорокпять, улица (хорошие, добротные дома!) среди первозданной природы — кедры, пихты, березы, сосны, зеленая трава; и с одной стороны села, и с другой — привольные лужайки, на которых пасутся коровы, лошади, козы, овцы; собаки тут просто удивительные: ни одна не залаяла на нас, наоборот, все виляли хвостами, как будто видели давнишних друзей. Это означало только одно: если люди незлобивые, то и собаки такие же.

Шагаю по деревянному тротуару и вижу только своих, с теплохода, — как будто они здесь живут! А где же местные жители? Их немного, и они все при деле: кто на сенокосе, кто на рыбалке, кто занят домашним хозяйством.

Наши быстро освоились в Бахте: уже накупили всякой рыбы — и соленой осетрины, и копченой стерляди, и вяленого хариуса; несут и в сумках, и в целлофановых пакетах, и в газетных кулках, а у кого нет таких, держат рыбу высоко в руках. Но где же они ее покупают?

Пройдя еще немного по улице, я увидел почти московскую сценку: к ларьку выстроилась порядочная очередь. Впрочем, это не ларек, а коптильня, она похожа на домик на курьих ножках; в нее ведет небольшая лесенка; внутри рядами висит копченая рыба; специфический запах я ощутил еще за несколько метров от коптильни. Продавец — мужчина лет под пятьдесят, босиком, в закатанных брюках, в синей, лоснящейся от рыбы футболке — коп-

ченую стерлядь отпускал очень быстро, не взвешивая; а зачем взвешивать, если все рыбины одинаковы: две штуки – сто рублей, а десять – пятьсот. Конечно, это было очень дешево: в краевом центре одна такая рыбина стоила бы в несколько раз дороже, а в Москве и подавно.

Скоро довольные покупатели разошлись, а еще более довольный продавец спустился по лесенке на землю. У него было хорошее настроение, завязался непринужденный разговор. Мужчину звали Владимир Утилько.

– Чем живу? – переспросил он. – Да как и все: рыбалкой и охотой. Рыбы много, даже очень много: знай лови, не ленись.

– Грибы водятся?

– Любые: и белые, и рыжики, и опята, и лисички. Завались!

– А ягоды?

– Тем более: черника, брусника, малина, смородина, черемуха, клюква – что хочешь. И все рядом, прямо за домом.

– А зимой?

– Зимой охочусь. На соболя. У нас отменный соболь.

– И много?

– Очень. Приезжают заготовители, покупают оптом: одна шкурка шестьсот-семьсот рублей... У нас очень богатое место. Прямо на редкость богатое.

– Господь дает вам все это даром. Потому что Он милостив... Ты крещеный?

– Нет.

– А жена?

– Тоже нет.

– А дети?

– Дети и подавно.

– А как ты относишься к Господу Богу?

– Хорошо.

— А почему тогда не крестился до сих пор и семью не окрестил?

— Да все некогда: то одно, то другое.

— Запомни: крещение — самое главное событие в жизни человека. Это — трамплин в Царствие Небесное. Душа некрещеного человека после смерти тела уходит в ад. Разве тебе хочется уйти в ад на вечные муки?

— Нет, конечно.

— И жена, и дети то же самое скажут. Значит, какой вывод напрашивается?

— Да уж ясно, какой. — Владимир чешет затылок.

К нам подошла худая, невысокая женщина.

— Моя жена, — представил ее Владимир. — Вот спроси, — обратился он к ней, — как пользоваться ладаном.

— А для чего у вас ладан? — спросил я.

— От порчи и от сглаза, — ответила женщина.

— Это суеверие, — сказал я. — А значит, чепуха. Колдуны, чародеи, экстрасенсы действительно существуют и приносят вред людям. Но с помощью ладана от них не защитишься. Главная и самая надежная защита от них — крещение. Церковному человеку не страшен никакой маг, никакой чародей. Его защитником становится Сам Христос.

— Слышишь, Володя? Сам Христос. — Женщина обернулась к мужу. — А мы... — Она не договорила, отвернув лицо в сторону...

— Много, наверно, некрещеных в селе? — продолжал я.

— Да хватает, — ответил Владимир. — Храм далеко, не выберешься...

— Сектанты, небось, есть?

— Вроде, да.

— Кто они?

— Как же их кличут? Десятники, что ли?..

— Пятидесятники, — подсказал я.

— Во-во, они и есть...

- Много их?
- Несколько человек. Все алкаши.
- Смотри, не ходи к ним, а то наслушаешься всякой ерунды...
- Некогда мне к ним ходить. – Владимир махнул рукой.

Вдали послышался гудок теплохода, созывавший паломников. Я попрощался с Владимиром и его женой и поспешил к причалу. На борту судна я узнал приятную новость: священники собрали в Бахте прекрасный урожай – девятнадцать человек окрестили, освятили два дома и одного католика перевели в Православие.

Инкогнито

Однажды капитан Князев, спустившись по трапу с ходового мостика, встретил владыку Антония, который, облокотившись о перила, с интересом наблюдал за игрой воды в Енисее.

– Владыка, – сказал капитан, тоже облокотившись о перила, но смотря не в воду, а на медленно движущийся берег, – на моем судне ЧП.

– Что такое? – владыка повернулся к собеседнику. – Что-то серьезное?

- Кажется, да.
- Ну, ну, выкладывайте.
- На судне есть лицо, которое путешествует инкогнито.
- Неужели?
- Клянусь!
- Как же так, ведь я утверждал список...
- Это лицо вне списка.
- А как оно попало на корабль?
- Тайно, скорей всего, в Игарке.

— Это мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Как он выглядит?

— Не так, как все: в длинном плаще, в берете, какие носят иностранные моряки, в очках. — Князев понизил голос. — А самое главное — взгляд! — Он хотел дотронуться до руки владыки, но передумал и потрогал свой подбородок.

— Ну, ну, что же у него за взгляд?

— Как посмотрит на меня, так мне кажется, что я не капитан, а простой матрос.

— Очень интересно.

— У меня созрел план: мы подходим к Подкаменной Тунгуске. В ее верховья идет самоходная баржа с углем. Капитан — мой однокашник. Посадим человека в плаще на баржу и отправим к тунгусам.

— Для чего?

— Он расскажет им о Христе. Если все пойдет нормально, то через недельку-другую он их окрестит.

— Заманчиво.

— У меня такое ощущение, что он справится с этим делом.

Владыка выпрямился, взялся обеими руками за перила.

— Все это хорошо, но мне бы хотелось увидеть этого человека.

Капитан огляделся по сторонам, потом нагнулся к владыке и прошептал:

— Он как раз к нам подходит.

Владыка обернулся, чтобы увидеть незнакомца, и неожиданно широко улыбнулся.

— Я его прекрасно знаю; мы знакомы с ним лет десять-пятнадцать. Это московский писатель Николай Кокухин.

Лицо капитана вытянулось — он понял, что попал впросак.

Я подошел к владыке под благословение.

— К тунгусам мы его отправлять не будем, — сказал архиепископ, обращаясь к капитану. — Несмотря на то, что с миссионерским заданием он, конечно, справился бы. На корабле у него задание не менее важное: он собирает материал для книги.

Показалась Подкаменная Тунгуска. Самоходная баржа, под завязку груженная углем, делала плавный поворот в сторону ее широкого устья. Дул сильный ветер, и дым из ее трубы стлался темной полосой параллельно водной поверхности. «Александр Матросов» дал густой протяжный гудок, приветствуя ее. Баржа ответила таким же протяжным, но тонким переливистым голосом.

Ярцево

Чем дальше мы продвигались на юг, тем становилось все теплее и теплее, и, когда мы пришвартовались в старинном сибирском селе Ярцево, наступила сильная жара. Был праздник Всех святых, в земле российской просиявших. Настоятель местного храма Благовещения Пресвятой Богородицы иерей Сергей Лукашенко предусмотрел решительно все, чтобы этот праздник остался у нас в памяти надолго. Он не учел только одного — жару. И когда мы вошли в храм (а он был не такой уж большой), то нам показалось, что мы попали... на экватор. Все окна были закрыты и очень прочно, по-сибирски — рамы двойные (с учетом больших холодов), без форточек. Владыка дал команду открыть окна. Вот когда пригодились таланты одного из наших паломников — Сергея Овчинникова. Он попросил инструменты — топор, молоток, стамеску — и за считанные минуты выставил рамы во всех окнах. Экватор сменился умеренной среднерусской полосой, богомольцы ожили, в голосе диакона появилась сочность, хор без труда осилил «Иже Херувимы...».

После богослужения у нас было свободное время. Каждый из паломников использовал его по своему усмотрению. Я решил познакомиться с кем-нибудь из местных жителей, преследуя, однако и одну творческую цель: мне хотелось сфотографировать или владыку, или одного из священников, или доктора Сречко Джукича, причем в снимке должен был обязательно присутствовать деревенский колорит.

Около одного из домов (на ближайшей к Енисею улице) я увидел несколько поленниц расколотых дров (прекрасный фон для снимка!) и девочку лет десяти-двенадцати, которая качала детскую коляску.

— Папа, мама дома? — обратился я к ней

— Нет, — ответила девочка, с любопытством глядя на меня.

— А когда будут?

— Скоро.

— Есть ли у вас или теленочек, или овцы, или индюки? Мне хочется сделать запоминающийся снимок. — Я показал на фотоаппарат, который висел у меня на груди.

— Есть только теленочек, — ответила девочка.

— Симпатичный?

— Да, очень хороший.

— Тебя как зовут?

— Алена.

— А кошка у тебя есть?

— Есть. Даже две.

— А собачка?

— И собачка есть.

— Замечательно! Они нам пригодятся.

Пока мы разговаривали, к нам подошел загорелый мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с сильными мускулистыми руками. Я догадался, что это Аленин папа. Его звали Иван Георгиевич. Я объяснил ему цель своего визита.

— Идемте, — сказал он без раздумий, — я покажу вам теленочка.

Алена взяла из коляски девочку (это была ее двоюродная сестренка), и мы вошли во двор; за домом начинался огород: морковные, свекольные, огуречные, помидорные грядки; довольно большой участок занимал картофель. По доскам мы прошли в самый дальний угол усадьбы, к хозяйственным постройкам.

— А вот и наш теленочек, — сказал Иван Георгиевич, открывая калитку в небольшой загон.

Теленочек был светло-рыжий, гладкий, упитанный, смиренный. Он мне очень понравился.

— А можно его попозже вывести к поленицам? — спросил я. — Мне хочется сделать интересный снимок.

— Конечно, — ответил Иван Георгиевич. — Что же здесь трудного?

Мы вернулись к дому. Алена нашла своих кошек, собачку, посадила на колени двоюродную сестренку, рядом сел ее папа, и я сделал несколько снимков.

— А теперь я хочу показать вам свой дом, — сказал Иван Георгиевич. — Будете знать, как живут сибиряки.

Дом был большой, добротный, просторный (несколько комнат плюс кухня), чистый, ухоженный, уютный, — было видно, что у него есть хороший хозяин и хорошая хозяйка. Иван Георгиевич предложил мне угощение, но я отказался, так как спешил на теплоход — нужно было найти кого-то для задуманной съемки.

— Через полчаса я вернусь, — сказал я и не стал прощаться.

К большому сожалению, сделать снимок так и не удалось — и владыка, и священники, и Сречко Джукич вернулись на судно слишком поздно, буквально за минуту-другую до отхода. Я поднялся на верхнюю палубу и увидел Ивана Георгиевича с дочкой, которые вышли на берег. Прощаясь,

я помахал им рукой. Они ответили тем же. Алена достала платочек и, пока теплоход делал разворот, выходя на фарватер, весело махала им. Такими и остались они в моей памяти, добрые, отзывчивые, бесхитростные сибиряки.

Самый большой храм в Сибири

На одиннадцатый день нашего путешествия мы снова прибыли в Енисейск. Этот город стал для меня таким же знакомым, как и краевой центр. Был такой густой туман, что можно было, и то с большим трудом, разглядеть лишь прибрежные постройки. Людмила Зотова, объявив по радио программу сегодняшнего дня, добавила, что туман — признак хорошей погоды. И правда, денек разыгрался на славу.

Нам предстояла поездка в Лесосибирск, новый, растущий, перспективный город, который знаменит своим лесокомбинатом. Древесина, которая готовится здесь, пользуется широким спросом не только в России, но и за рубежом. Тридцать километров мы одолели очень быстро: во-первых, автобусы современные и комфортабельные, во-вторых, дорога асфальтированная (пять лет назад и автобусы были старенькие, и дорога гравийная). Молодой город заметно вырос и похорошел: появилось много новых зданий, а самое главное, завершён Крестовоздвиженский собор, самый большой в Сибири. Он поразил нас не только своим величием и красотой, но и территорией, которую занимает: на этих просторах разместился бы, наверно, порядочный город. Собор стал символом возрождения Сибирской Земли. Можно только похвалить руководство местного лесокомбината, сделавшего такой чудесный подарок сибирякам.

Мне всегда приятно видеть людей, которые принимают участие в церковных торжествах. На лицах взрослых

богомольцев написаны радость и умиление; на лицах молодых — любопытство, смешанное с долей недоверия; на лицах казаков — серьезность и ответственность. В храм все входят тихо, с благоговением, оставив посторонние разговоры.

Он такой просторный, что в нем могли бы одновременно молиться не только жители Лесосибирска, но и Енисейска. Я обратил внимание на красивый иконостас — и в Первопрестольной не часто встретишь такой!

Выйдя из храма, я присел на скамейку отдохнуть и разговорился с молодой девушкой. Ее зовут Елизавета, живет в Енисейске, ходит в Успенский храм, учится в Лесосибирском лесном университете.

— Братья или сестры есть? — спросил я у нее.

— Есть двоюродная сестра, но живет далеко — в Вильнюсе.

— Православная?

— Нет, католичка.

— Давно крестилась?

— Недавно.

Я сказал, что она, видимо, сделала это под давлением среды: католическая страна, много костелов; о католичестве она, скорей всего, ничего не знает, как, впрочем, и о Православии. Если ей открыть глаза на католичество, то она, конечно, поймет свою ошибку. Узнав о том, что Елизавета скоро поедет к сестре в гости, я посоветовал ей поговорить с сестрой на эту тему (предварительно прочитав необходимые книги) и помочь ей перейти в Православие. Моя собеседница сказала, что попробует это сделать.

Ходовой мостик

Выбрав свободную минуту и спросив разрешение у капитана, я зашел на ходовой мостик. Вахту несли штурман

и рулевой; они были в безупречной выглаженной форме, в белых рубашках. С мостика открывался прекрасный вид на плес. Штурман то и дело подносил к глазам бинокль, изучая обстановку на реке.

— Когда будем в Красноярске? — спросил я у него.

— Неизвестно, — сказал он.

Его ответ меня озадачил: штурман, и не знает такой простой вещи.

— А в чем загвоздка?

— В тумане. И ночью, и утром, по всей вероятности, будет изрядный туман.

— И что тогда?

— Придется бросать якорь и ждать, пока распогодится.

— А Казачинский порог нас не задержит?

— Проскочим за полчаса.

— А если очередь?

— Да какая там очередь, сейчас и судов-то не осталось.

«Да, быстро меняется ситуация, — подумал я. — Пять лет назад все было совсем по-другому».

Я заметил у ног рулевого двухпудовую гиру.

— Занимаетесь? — спросил я, указывая на нее.

— Иногда, — ответил он. — Чтобы размяться... Весной, когда ремонтируем судно, гири не надо: набегаясь за день так, что язык на плечо.

— Каждый год ремонтируете?

— Каждый. Не будем ремонтировать — не будем и плавать...

Закат

По вечерам я любил сидеть на корме и наблюдать закаты солнца. Много закатов видел я в своей жизни — и в Константинополе, и на острове Патмос, и на Святой Горе Афон, и в монастыре Студеница в Сербии, — но таких закатов, как на Енисее, нигде не видел...

Солнце опускалось все ниже и ниже к горизонту, и огненная дорожка на воде каждую минуту меняла свой цвет; облачная гряда рдела, словно стыдливая невеста. Теплоход сделал плавный полукруг по излучине реки, красный диск, спрятавшийся ненадолго за лесным массивом, выскользнул на свободу, и по воде, словно луч прожектора, ломаясь и искрясь в волнах, разбегавшихся от нашего судна, заскользил огненный столп; стояла чуткая тишина, нарушаемая лишь шумом движущегося теплохода; чаек становилось все меньше. Бордовый диск наполовину скрылся за лесом; огненная дорожка поблекла, но — странно! — светилась в глубине; еще мгновение — и она исчезла. Теплоход вошел в новую излучину, и оранжевый диск пропал; вода у берега стала темной, с редкими просветами; от бакена она расходилась белым конусом; запах реки был густой, влажный, но мягкий.

Смеркалось; облака стали нежно-пунцовые, освещенные невидимым солнцем. «Александр Матросов» вышел на широкий плес, и картина изменилась: вода стала светлой, с оранжевым оттенком — от последних облаков. Небо раздвинулось и посветлело. Было такое ощущение, что начинается новый день. Это продолжалось недолго; сумерки с каждой минутой становились все плотнее и плотнее, и скоро ночная мгла опустилась на реку.

«Еще поплаваем...»

Наступил последний день нашего путешествия. Дождавшись того часа, когда мои знакомые штурман и рулевой (жалко, не записал их имена) заступили на вахту, я снова поднялся на ходовой мостик.

— Ну как, ночью туман был? — обратился я к штурману.

— Был, но, к счастью, небольшой, — ответил он, не отрываясь от своих дел.

- Якорь бросали?
- Нет, шли. Правда, не быстро.
- Какая была видимость?
- Метров сто пятьдесят.
- Встречные суда попадались?
- Ни одного.
- По огонькам шли?
- Да их уже давно не зажигают, эти огоньки.
- Почему?
- Экономят энергию. Только в конце августа, когда падает густой туман, зажигают.
- А как же вы шли?
- Да вот так и шли, ощупью. С локатором. Раньше мы его почти не включали.
- Капитан помогал вам?
- Он всю ночь не уходил с мостика.

Енисей стал уже, а берега – выше, просто горы по сравнению с тем, что было раньше; деревушки и села стали встречаться все чаще и чаще; в красивых местах появились отдыхающие: по двое, по трое, а вот целый палаточный городок; в воде плещутся дети, за ними присматривают взрослые.

Я продолжил со штурманом разговор о судьбе пароходства, которое волею судеб оказалось в руках Норильского комбината. Делает ли новый хозяин что-нибудь хорошее?

– Нет, только плохое, – ответил на мой вопрос штурман. – Пароходство тает на глазах. Недавно продали за бесценок нашего флагмана – теплоход «Антон Чехов». За двадцать пять миллионов рублей. А он стоит самое малое двадцать пять миллионов долларов! Через десять лет после того, как мы его получили, был произведен ремонт, по мировому классу! Чтобы катать иностранных туристов. Это была картинка, а не теплоход!

— Так они не сегодня-завтра могут и «Александра Матросова» продать, — сказал я. — Аппетит приходит во время еды.

— «Александра Матросова» не продадут, — уверенно произнес штурман. — Ему уже пятьдесят лет, его никто не купит. Так что еще поплаваем. Много ли, мало ли, но поплаваем... В добрые времена в июле в Дудинку ходили полупустыми; только в августе, когда люди возвращались из отпусков, ходили под завязку, а сейчас — всю навигацию под завязку.

Впереди Енисей уходил вправо. На повороте показалось маленькое суденышко. Наш рулевой сбросил ход. Штурман взял в руки микрофон:

— Разойдемся правыми бортами, иначе мы сядем на мель.

— Вас понял, — прозвучал ответ со встречного суденышка.

Через несколько минут оно поравнялось с нами. Оно было загружено до предела: на палубе стояли ящики, тюки, коробки, контейнеры; у самой надстройки стоял грузовик, накрытый брезентом; нос суденышка сильно осел.

— Частное судно? — спросил я у штурмана.

— Да.

— А куда идет?

— По разным селам, развозит груз.

Как только мы прошли поворот, рулевой дал полный ход. До краевого центра осталось семь часов пути.

Двести тридцать апостолов

И вот мы в Красноярске; на берегу множество христиан; они встречают нас с цветами. Играет музыка. Прощаясь с паломниками, владыка Антоний сказал:

— Крестный ход по водам Енисея закончился. Позади — четыре тысячи километров. За время нашего путешествия мы окрестили более ста человек. Но если бы мы окрестили только одного, то и тогда наша поездка была бы оправдана.

На борту нас было двести тридцать человек. И все мы были апостолами. Наш корабль тоже был своеобразным апостолом. Сколько людей, глядя на него и на надписи по его бортам, вспомнили о Боге! Сколько людей проснулись от греховной спячки! Сколько людей подумали о том, что кроме земной, временной жизни есть Вечная, Небесная жизнь! Сердца скольких людей ощутили божественную радость при виде наших хоругвей и икон! Сколько людей мысленно пребывали на нашем корабле и молились вместе с нами!

Духовное значение нашего путешествия выходит далеко за пределы Красноярья. О нем будут вспоминать, рассказывать, думать, размышлять многие люди не только в России, но и далеко за ее пределами.

Старец Николай Псковоезерский сказал: «Россия спасется Крестными ходами». Сейчас по всей стране проходят тысячи Крестных ходов. Демоны не выносят сияния крестов, хоругвей, икон и исчезают во тьму внешнюю. Очищается воздух России. Крепнет вера людей. Наш Крестный ход достиг семидесятой параллели. Мы внесли свою, пусть малую лепту, в спасение России.

С нами Бог!

Красноярск — Енисейск — Бор — Туруханск — Дудинка — Норильск — Игарка — Бахта — Ярцево — Лесосибирск — Красноярск — Москва.

24 июня — 5 июля 2005 г.

*ЧЕРНОГОРСКИЕ
ТРОЗЫ*

*(из путевой тетради
русского паломника)*

26 сентября

Тот, кто побывал в Черногории хоть один раз, обязательно вернется в эту на редкость красивую и гостеприимную страну. Так было и со мной. Меня тянуло в этот край, как магнитом. Я приезжал сюда несколько лет подряд и, кажется, познакомился со всеми монастырями, храмами, святынями, каньонами, реками, озерами и другими заповедными уголками. Я бывал в Черногории и весной, когда солнце, набирая силу, согревает живительным теплом горные склоны и прибрежные сосновые рощи, и летом, когда чудно благоухают сады и воздух напоен ароматом горных трав.

В этот раз я поехал туда осенью. Над маршрутом моей поездки я особенно не задумывался, потому что меня пригласил к себе иеромонах Петр, настоятель монастыря Святителя Николая, который находится на северном побережье Скадарского озера. Кроме того, мне хотелось, сбежав от московской суеты, написать ряд вещей, а лучшего места, чем отдаленный монастырь, для этого и придумать нельзя.

Путешествие началось с серьезного искушения: Миша, мой зять, забыл дома водительские права. Он вспомнил о них только тогда, когда приехал ко мне; ехать в аэропорт нельзя, так как пост ГАИ, расположенный перед въездом на МКАД, поставив металлические ограждения и оставив узенький проезд всего для одной машины, проверяет всех водителей. Пришлось ехать объездным путем к Мише домой; это заняло почти час. До аэропорта мы доехали за полчаса.

Здесь нас ждало еще одно серьезное искушение: поскольку на мой рейс было продано мало билетов, нас объединили с другим рейсом, а этот рейс летит не в Подгори-

цу, куда мне было нужно, а в Тиват. Кроме того, этот рейс задерживался на один час — так что мы с Мишей могли и не спешить.

Вообще авиакомпания «Московия» оказалась очень лживой: при продаже билетов мне сказали, что будет «Boing», а полетел «ТУ-154». Самолет, конечно, хороший, но несколько устаревший. Ну ладно, долетели, причем, неплохо, и на этом спасибо.

В самолете нам объявили, что нас отвезут в аэропорт Подгорица, но это была еще одна ложь, никакого автобуса и в помине не было.

Я обратился к сотрудникам авиакомпании и попросил отвезти меня на Скадарское озеро. Сначала они возражали, но Святитель Николай нашел путь к их душам. Один из сотрудников отвез меня на своем автомобиле в Будву, вызвал такси, заплатил таксисту, и тот отвез меня на Скадарское озеро. Здесь меня встретил иеромонах Петр. Мы сели на катер и через полчаса прибыли в обитель.

Монастырь находится в удивительно красивом месте. Храм стоит на вершине горы; ровная площадка создана как будто специально для него. Внизу, метрах в двухстах, течет река Морача, вода в ней зеленая, так как она густо обрамлена акациями и грабами. Справа раскинулось Скадарское озеро. Видна его северная часть, обрамленная отрогами недалеких хребтов. Основной его бассейн — за выступом темного горного массива.

В двадцати метрах от храма — развалины старого двухэтажного церковного дома. В ветхих стенах зияют просветы бывших окон. Наверху видны три закопченных трубы печного отопления. Внизу были топки, от них вверх идут черные дымоходы. В бывшем зале и трапезной выросли высокие кусты орешника.

Рядом с новым церковным домом растет шелковица; на уровне второго этажа она спилена; новые сучья выма-

хали вверх на семь-восемь метров. Ниже по склону стоит высокое могучее дерево, оно дает такую густую тень, что под ним не растет даже трава.

Я был во многих местах Черногории и видел много красот, но такого живописного места, пожалуй, еще не встречал. Митрополит Амфилохий как-то сказал отцу Петру: «Если бы я был не архиерей, а простой монах, то выбрал бы именно этот монастырь».

Поздно вечером мы отслужили всенощное бдение под праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

27 сентября

Разница во времени по сравнению с Москвой — два часа. Немного, но и это ощутимо. Встал, вычитал правило ко Святому причащению. Вышел на улицу. Здесь уже собрались прихожане монастыря, человек шесть-семь; их привез на катере отец Петр.

— Сейчас я проведу исповедь, а потом начнем службу, — сказал он.

Мы прошли в храм. Батюшка почитал положенные молитвы перед исповедью. Я остался в храме, а среднего возраста серб вышел на улицу (нас было всего двое исповедников). Очень удобно исповедоваться в таких условиях. Я вслух исповедал свои грехи. Отец Петр накрыл мою голову епитрахилью и прочитал разрешительную молитву. Серб исповедовался очень долго (видимо, он давно не приступал к этому Таинству). Я гулял около храма и слышал иногда его громкий голос.

Потом началась Божественная Литургия. Пел монах Йован. В храме был постелен ковер, вернее, не ковер, а

специальное покрытие бордового цвета; очень удобно было класть земные поклоны.

Один серб был с двухлетней дочкой; она захотела спать, и он положил ее на два стула; во сне она повернулась и упала на пол; отец, кажется, успел ее поддержать; девочка не заплакала; отец снова положил ее на стулья, а сам встал рядом; девочка уснула.

Литургия продолжалась примерно один час. Я и серб причастились Святых Животворящих Таин. К этому времени девочка проснулась, и отец поднес ее к Чаше. Девочка стала кричать и сопротивляться. Вполне возможно, что она ни разу в жизни не причащалась. На помощь пришел еще один мужчина. Он держал голову девочки двумя руками; наконец, батюшке удалось ее причастить капелькой Христовой Крови. Девочка затихла.

Очень благодатная и умирительная была Божественная Литургия. Во всяком случае для меня.

Потом была праздничная трапеза для всех, кто присутствовал на богослужении. Еда была постной, так как сегодня, несмотря на воскресенье, постный день.

В течение дня в обители было много гостей, в основном русские. Все они оставляли пожертвования для монастыря.

— Если бы не русские, у меня не было ни одного евро, — сказал отец Петр. — И раньше, и теперь монастырь существует за счет русских.

Среди паломников были двое — муж и жена — из Тюмени. Он работает в крупной частной фирме, его отпустили всего на недельку. Остановились они в Будве, купаются, загорают. Он спросил, что еще посмотреть в Черногории. Я сказал, что надо обязательно побывать в Цетинском монастыре, а потом, в этот же день, в монастыре Острог.

Вскоре в обитель прибыла группа школьников — человек двадцать. Они прошли в храм, спели несколько цер-

ковных песнопений. А потом их фотографировал Зоран, личный фотограф митрополита Амфилохия (он приехал в монастырь на день раньше меня). Ну и я не утерпел, сделал серию снимков. Кстати, Зоран много снимал во время Божественной Литургии.

Вечером в храме мы служили вечерню и малое повечерие. Отец Петр благословил меня принять участие в службе, я читал «Свете тихий...» и другие молитвы.

Рано лег спать.

28 сентября

Проснулся в восемь часов местного времени. Выспался. Слава Богу! Понемногу втягиваюсь в новый режим. Погода чудесная: плюс двадцать девять градусов в тени.

Невдалеке от церковного дома (он построен одиннадцать лет назад) растет инжировое дерево, плоды уже поспели. Я вчера покушал вдоволь, думаю, и сегодня наведаюсь к этому чудесному дереву.

Зоран помог устроить мою келию для занятий, отыскал столик. Я поставил на нем Note-book, рядом положил папку с бумагами, авторучку, карандаш.

Хорошей воды в монастыре нет, ее приходится приносить снизу. Йован и Божидар, послушники обители, по очереди, а иногда вместе ходят за водой с канистрой вместимостью пятнадцать литров.

Вчера вечером, когда мы служили в храме, Зоран сделал несколько снимков в тот момент, когда я читал богослужебные тексты. Снимки получились удачные. А на праздничной Божественной Литургии он сфотографировал меня во время причащения Святых Животворящих Таин.

Сегодня он снова снимал храм. Точку съемки выбрал весьма оригинальную – развалины церковного дома. Йован помог ему поставить лестницу внутри развалин, он поднялся по ней и долго снимал.

– Охота пуще неволи, – сказал я, входя внутрь развалин. – Это относится не только к Зорану, но и ко мне.

Я попросил Зорана повернуться в сторону храма с камерой в руках и сделал несколько снимков, а потом попросил его спуститься пониже и сфотографировал на фоне древних стен.

Затем мы поменялись местами. Правда я поднялся всего на полтора-два метра, и Зоран сфотографировал меня.

Чуть позже он перенес снимки в Note-book и показал мне. Да, вот что значит мастер! Снимки были превосходнейшие!

* * *

Зоран по-русски говорит не очень хорошо, поэтому я иногда обращаюсь к нему по-английски. Зоран отвечает по-сербски:

– Не понимаю.

Я повторяю ту же мысль, но другими словами. Он мотает головой:

– Не понимаю.

Я ищу новый вариант, но цели опять не достигаю, так как в ответ звучит все то же:

– Не понимаю.

Я в растерянности замолкаю.

И вдруг Зоран на чистейшем английском говорит о том, что я хотел услышать. Обрадованный, я говорю фразу на английском. Зоран отвечает:

– Не понимаю.

И тут до меня дошло: *он принципиально не говорит по-английски. Америка принесла так много горя Сербии и Черногории, что он не хочет общаться на том языке, на каком говорят американцы.*

* * *

Вечером, перед тем как идти в келию отдыхать, я спросил у отца Петра:

– Какие у вас планы на завтра?

Он ответил:

– Планы на завтра? Пост и молитва. Молитва и пост.

И чуть помолчав, добавил:

– Как и всегда.

29 сентября

Итак, в обители три человека братии и двое гостей – я и Зоран. Каждый занимается своим делом. Да, я забыл сказать о других обитателях монастыря: о собаке, шести кошках и дюжине цесарок. Собака (имени ее пока не знаю) очень добрая, ни на кого не лает, всегда виляет хвостом. Она всюду сопровождает нас. Например, вечером мы зашли в храм, а она легла у дверей и охраняла нас. У кошек и цесарок очень ответственное послушание. Дело в том, что в этом месте, как, впрочем, и в других горных местах, много змей. Кто их не любит? Кошки и цесарки. Цесарки еще молоденькие, их выпускают на охоту тогда, когда они подрастут, а кошки готовы к исполнению своих обязанностей. Они всегда на улице, всегда готовы уничтожить змею, если она появится.

В обители не одно, а три инжировых дерева. На них много спелых плодов. Мне больше всего нравится самое дальнее, плоды его самые сладкие.

Вечером позвонил в Москву и поздравил Людмилу с днем Ангела.

30 сентября

В четыре часа утра раздался звон колокольчика: подъем. Через полчаса я вышел из келии и направился в храм. В небе стояла полная луна; кое-где просматривались звезды; было тихо и тепло; справа, на другом берегу озера, светились огоньки небольшого селения; над рекой Морача стелился туман.

Я вошел в храм; отец Петр зажег лампы у иконостаса и дал возглас: служба началась. За полунощницей последовала вечерня. Батюшка открыл одно из южных окон — в храм полился прохладный утренний ветерок. Йован и Божидар читали и пели быстро, я едва успевал следить за службой.

Отец Петр благословил меня прочитать шестопсалмие. Я читал в своем обычном темпе, тщательно выговаривая каждое слово. Зачем спешить? Надо ведь не просто читать, но и понимать, что ты читаешь — в противном случае все бесполезно.

У братии монастыря совсем другой тип служения — поскорю. У нас, в России, тоже такое бывает. Ектении отец Петр произносит очень быстро, на сербском языке, некоторые из прошений я не успеваю понять.

Пока шла служба, окна постепенно светлели. Где-то в середине утрени я вышел на улицу. Солнце еще пряталось

за горизонтом, но на поверхности озера, на востоке, появилась розовая полоса. Туман над рекой заметно поредел.

Утренняя закончилась без четверти восемь. Я прочитал первый час.

Мы вышли из храма; на траве блестела роса. Я подошел к алтарной части, чтобы еще раз полюбоваться рекой; в воздухе ощутимо пахло чабрецом. Вниз, к церковному дому, стелилась темная дорожка — от шагов братии по росе.

* * *

После обеда батюшка сказал:

— Бодижар и Зоран едут в монастырь Морачник по своим делам. Хочешь с ними поехать?

— А где находится этот монастырь?

— На Скадарском озере, в его южной части.

— Еду! — сказал я.

Сборы заняли считанные минуты, и мы отправились в путь. Зоран взял весь свой багаж — две большие сумки, в них — фотоаппаратура. Мы спустились вниз, к реке, ближним, очень крутым путем. Йован на катере довез нас до пристани; здесь мы сели в автомобиль (это был старенький, пропахший бензином Volkswagen); Божидар вел его уверенно и легко; мы миновали мост через водный перешеек и стали подниматься в гору.

Эта дорога была мне уже знакома: два года назад мы — отец Петр, Алексей Хохлов, Ольга, Людмила и я — совершили паломническое путешествие в монастырь Бешка, где нас тепло приняла матушка Фотина. Дорога довольно тяжелая, один поворот следует за другим; я смотрю только вперед, не поворачивая голову ни вправо, ни влево, чтобы она не закружилась и чтобы не возникла тошнота.

Опыт удался, несмотря на то, что Божидар ехал очень быстро.

Мы миновали перевал, спустились вниз и оказались на той самой пристани, где я и мои спутники были два года назад. Нас уже ждала лодка; за рулем сидел очень серьезный монах средних лет; кроме него, в лодке были две женщины. Зоран погрузил свой багаж, и мы поехали, вернее, поплыли. Одна из женщин стала угощать нас инжиром: коробка с плодами пошла по рукам, один раз, второй, третий, пока в ней не показалось дно. Трапеза была весьма кстати, так как день был очень жаркий. Кушать инжир в лодке очень удобно: после каждой ягоды можно помыть руки за бортом.

Минут через двадцать пять-тридцать мы причалили к небольшому каменистому острову. Здесь расположен монастырь Старчева Горица (имя монастырю дается по названию острова). От причала к храму вела крытая «галерея», под виноградными лозами. Дверь на территорию монастыря открыл его хозяин, монах Григорий, невысокого роста, щуплый, в старенькой, застиранной рясе, в такой же старенькой скуфейке, с седой бородой.

Прежде всего мы прошли в храм. Он был маленький, как и все храмы на островах Скадарского озера. На аналое — икона Божией Матери «Живоносный Источник», значит, и храм посвящен этой иконе. Стены и купол расписаны красочными фресками.

Отец Григорий угостил нас приятным напитком — то ли сливовым, то ли абрикосовым, видимо, собственного приготовления.

Вскоре выяснилась и цель нашего визита: отец Григорий отдал отцу Николаю, хозяину монастыря Морачник, агрегат для выработки электричества. Мужчины погрузили его в лодку, правда, не без труда, так как он был очень тяжелый, и мы отправились дальше.

Между тем день клонился к вечеру. Солнце спряталось за отроги хребтов, жара спала, лодка весело бежала по водам Скадарского озера. Женщин (с ними был подросток лет пятнадцати) мы высадили на острове Бешка. Последний отрезок пути мы преодолели минут за двадцать.

Остров Морачник по величине, если не ошибаюсь, только чуть-чуть уступает Бешке. Он такой же каменистый, только растительности здесь побольше, в основном акация, гранатовые и другие деревья. Первое, что бросилось в глаза, — обилие черепах. «Черепаховый остров» — такое я дал ему название.

Монастырь расположен в южной оконечности острова (здесь нашелся пятачок более или менее ровной земли, нет, не земли, а камня, земли как таковой, кажется, и во всей Черногории нет, а уж что говорить о маленьких озерных островках). Он окружен толстой каменной стеной. Маленький храм в честь иконы Божией Матери «Троеручица», а рядом жилой каменный корпус (в нижем этаже — кухня и трапезная, в верхнем — келии для гостей и паломников); к нему примыкает башня, в самой верхней части которой расположена часовня («капела», как ее называют сербы).

— Николай, увидим с тобою в Рай? — улыбаясь, спросил меня отец Николай (он хоть и монах, но все равно его все называют «отец»; такая же традиция, по-моему, и в России).

— Конечно, по милости Божией, — ответил я.

— Тогда пойдем в храм править службу.

— С большим удовольствием, — с готовностью согласился я.

Электричества в монастыре нет, мы читали богослужebные тексты, освещая страницы книг фонариком. Вечерню мы читали вдвоем (кое что наизусть, кое что по

книге), а канон Божией Матери я прочитал один. У отца Николая был прекрасный бас с бархатным оттенком; читал он быстро, глотая окончания слов, большую часть того, что он произносил, я не понимал, а только догадывался. Молитву «Господи, помилуй!» (двенадцать раз) он произносил весьма оригинально: начинал очень громко и заканчивал шепотом. Если же эту молитву нужно было произнести сорок раз, то мы это делали по очереди: он десять раз, а потом я; он быстро, а я медленно.

— Николай, увидим с тобою в Рай? — широко улыбаясь, снова спросил монах, когда мы выходили из храма.

— По милости Божией, да, — улыбаясь, ответил я.

Ночь уже вступила в свои права. Светила луна, соперничая со звездами, контуры далеких хребтов едва виднелись, свежий ветер порывами охлаждал каменные стены монастыря. Озерная гладь, освещенная луной, отливала сталью; волны набегали на берег и гулко шлепали о камни.

— Давай спустимся к воде, — предложил Зоран. — Послушаем прилив.

Мы открыли ажурную железную калитку и стали медленно спускаться; Зоран шел впереди. Тропинки не было, а камни были очень большие, так что идти было весьма затруднительно. Зорану было проще, он был в ботинках на надежных протекторах, а я — в обычной летней обуви. Не знаю как, но все же и мне удалось добраться до берега. Зоран сидел на большом камне, я устроился на камне, который размером был раза в два меньше.

Волны приходили со стороны Албании (одна треть озера принадлежит этой стране). Там они были мусульманские, но здесь, на территории Черногории, становились православными. О чем они говорили между собой во время долгого пути? О трудной ли судьбе черногорцев,

которым приходилось отстаивать свою свободу и независимость от алчных турок? О вероломстве ли мусульман, которым нельзя верить? Или о героях-черногорцах, которые показывали чудеса храбрости в непрерывных битвах с ними? О сладости ли завоеванной свободы? О силе Животворящего Креста, с которым не страшен ни один враг?

Да, обо всем этом они, наверно, говорили, а также о том, что православная вера — самое большое богатство, которое есть у черногорцев и которое никому у них не отнять.

Остро пахло водорослями, большие камни у самой воды походили на шлемы воинов, шелест волн то затихал на краткое время, то вновь возобновлялся с большей силой, ветер становился с каждой минутой свежее. Мы поднялись и с большой осторожностью вернулись в церковный дворик.

1 октября

Утро было прекрасное: на небе — ни одного облачка, солнце, уже проделав значительный путь, набирало силу, по озеру со стороны Албании бежали волны, хотя ветра совершенно не чувствовалось.

Отец Николай приготовил роскошный завтрак: свежая рыба (вечером он поставил сети, а утром вместе с Зораном привез улов, пусть небольшой, но зато свой), суп, заправленный разбитыми яйцами, сыр, виноград, фруктовый сок.

— Хочешь подняться на холм? — спросил меня Зоран, когда мы помолились после завтрака.

— А что там хорошего? — поинтересовался я.

— Храм.

— Древний?

— Увидишь.

Через минуту мы вышли в путь. На вершину холма вела утоптанная тропинка. И что самое поразительное, без камней. Ее протоптали строители, когда возводили храм, догадался я.

Примерно через сто метров мы обнаружили место, где обычно ночевали два ослика (из хозяйства отца Николая). Дальше тропинка пошла вверх, уже каменистая, но достаточно удобная. Зоран, уйдя вперед и оглянувшись, останавливался и поджидал меня, так как я шел гораздо медленнее. Поражало обилие диких гранатовых деревьев, плоды которых были сравнительно небольшие.

Через четверть часа мы были уже на вершине холма. Здесь стоял большой обитый светлой жестью крест. Зоран сделал несколько снимков креста, из разных точек; видимо, он еще заранее обдумал этот сюжет, а сейчас воплощал его в жизнь.

— Николай! — позвал он меня. — Встань возле креста!

Я не без труда (крест стоял среди хаотически разбросанных камней) выполнил его просьбу. Зоран сфотографировал меня моей камерой, а потом дал посмотреть, что получилось. Снимки получились очень оригинальными, и я от души поблагодарил фотографа.

— А где же храм? — спросил я.

— Вот! — показал Зоран.

Небольшой миниатюрный храм был то ли не достроен, то ли наполовину разрушен; у него не хватало крыши. Я заглянул внутрь: там ничего не было. Совершалось ли в нем хоть раз богослужение? Этого Зоран не знал. Но все равно это была святыня, при ней неотлучно был Небесный Ангел, и по ночам тут звучало Ангельское пение, которое мы, люди, увы, не слышали.

— У кого ты учился фотографировать? — спросил я у Зорана, когда мы спускались с холма.

— Первыми моими учителями были мои родители — профессиональные фотографы, — охотно отозвался мой спутник. — А потом у меня появился еще один прекрасный учитель. Его звали Живота Чирич. Такого мастера нет, пожалуй, во всей Сербии. Его фотографии публикуют все православные газеты и журналы. После НАТОвской агрессии он создал знаменитую серию фотографий под названием «Косовская Голгофа». Он был любимцев сербов, как молодых, так и пожилых. Коллеги звали его Чира, а родные — Жика.

— Почему ты все время говоришь про него «был»?

— Потому что он умер. Ему было немногим более сорока лет.

— Совсем молодой...

— Он был в расцвете творческих сил. Много, очень много мог бы еще сделать. Я до сих пор у него учусь, но его уровня еще не достиг. Я продолжаю его дело.

* * *

Попив чаю, мы поднялись с Зораном в башню, куда вела крутая лестница. Самый верхний этаж — это часовня. Тут стоял аналой, а на стенах было несколько икон.

— Для чего такому маленькому монастырю такая высокая башня? — спросил я у своего спутника. — Разве нельзя было обойтись без нее?

— Это военное оборонительное сооружение. Если турки или другие мусульмане нападут на нас, мы укроемся в этой башне. И, обороняясь, будем уничтожать наших врагов.

— Ты умеешь стрелять?

— Я солдат! — гордо ответил Зоран. — Это моя главная специальность. Все остальное — побочное.

— Ты служил в армии?

— Конечно. Это было лучшее время в моей жизни. Я держу в руках фотоаппарат, но мне больше нравится держать автомат. Враг может напасть на нас в любой день, и в этот же день я стану солдатом.

В глазах Зорана мелькнул острый огонек. Он был плоть от плоти и кровь от крови своего народа, который веками сражался против своих заклятых врагов и который ценил любезную свободу больше всех земных благ.

* * *

— Николай, хочешь внити в Рай? — обратился ко мне отец Николай.

— Хочу! — чистосердечно признался я.

— Тогда прочитай третий час.

Я взглянул на часы: было ровно двенадцать. Да, правильно, именно в это время монахи читают третий час. Я прошел в храм и внимательно, не спеша прочитал положенное. Да, когда читаешь таким образом, то многое понимаешь, чего раньше не понимал, тебе открываются глубинные духовные истины. Я был очень благодарен отцу Николаю за то, что он возложил на меня это маленькое послушание.

Между тем уже в течение нескольких часов раздавался стук молотка: Божидар менял деревянный пол в одной из келий (это была одна из причин нашего приезда в монастырь). Я поднялся на второй этаж. Божидар постелил уже пять или шесть деревянных планок, треть всего пола (работа была непростая и нелегкая).

Одна из черепаш приползла в поисках пищи в то место, где стоял на улице стол и где мы завтракали. Она нашла

оболочку съеденного винограда и стала завтракать. Зоран кинул ей плод иглицы, маленький, размером с ноготь большого пальца, коричневого цвета (это чисто южный плод, по вкусу отдаленно напоминающий яблоко). Черепаха попыталась раскусить его, но ей это не удалось. Тогда Зоран раздавил его ногой. Черепаха стала откусывать по маленькому кусочку и есть; держа в зубах кусочек, она то правой, то левой ногой отламывала его, а то, что оставалось во рту, не жуя, глотала.

Зоран сел на землю и стал снимать черепаху с помощью длинного объектива; поза показалась ему недостаточно удобной, он лег на землю и сделал несколько снимков; потом показал их мне; черепаха была снята очень крупным планом: была видна только голова и часть ее панциря.

— Николай, хочешь внити в Рай? — снова обратился ко мне отец Николай.

— Конечно, — с готовностью откликнулся я.

— Тогда прочитай шестой час.

— С большим удовольствием.

Я прошел в храм и углубился в чтение псалмов. «Как хорошо, что я читаю их здесь, на острове, и понимаю их содержание во много раз лучше, чем дома, где читаю не так внимательно», — подумал я, сделав маленький — в одну минуту — перерыв.

Мы предполагали вернуться домой, в монастырь Святителя Николая, сегодня, ближе к вечеру. Однако нам пришлось переменить наши планы, так как Божидар не успел справиться со своей работой.

— Надо обязательно позвонить отцу Петру и предупредить его об этом, — сказал я Зорану.

— Отец Николай уже позвонил, — успокоил меня фотограф. — Мы вернемся завтра.

Ветра по-прежнему не было, а волны все равно бежали; теперь они бежали к нашему острову с другой стороны, от серых каменистых хребтов. На этот раз волны были невысокие, а точнее, их совсем не было, вместо них бежала рябь — она бежала... *крестами*. Такого явления я ни разу нигде не видел. Сербы и черногорцы всю свою жизнь воюют за *Крест честной и свободу золотую*. Крест у них на груди, крест на каждом храме, крест на любой высокой точке Сербии и Черногории, крест при дороге, крест в доме, крест на городской или сельской улице, *крест в сердце*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он появился на воде Скадарского озера.

* * *

Ослики часто подходили к металлической калитке, подолгу стояли на одном месте, смотрели на людей, которые появлялись на церковном двореке. Не знаю, какой они были породы, но у них была одна любопытная особенность: на их спинах — темной линией по светло-рыжему фону — виднелись кресты.

— Их, эти кресты, кто-нибудь нарисовал или они естественные? — спросил я Зорана.

— Они естественные, — ответил Зоран.

Темная неширокая линия шла от шеи ослика по всему позвоночнику до самого хвоста; другая линия пересекала туловище около шеи, там, где начиналась гривка.

У меня появилась идея — сфотографировать осликов, обыграв эти кресты. Конечно, с хозяином, то есть с отцом Николаем. Но как это сделать? Ведь надо фотографировать откуда-то сверху, чтобы кресты были видны. И чтобы отец Николай был занят с осликами. После недолгих поисков я нашел место, где можно все это выполнить. За

оградой, рядом со входом в обитель. Я буду фотографировать со стены, на которую взойти очень легко, — она почти наравне с землей.

Я поделился своей идеей с Зораном, он ее одобрил, отец Николай тоже не возражал против съемки.

— Давай прямо сейчас снимем, — предложил я Зорану.

— Лучше попозже, — ответил он. — Ослики никуда не денутся.

Мы спустились по крутому склону к лодке, в которой уже находился отец Николай. Работая веслом, он вывел лодку из густых зеленых водорослей. Солнце освещало храм с западной стороны, а это как раз и нужно было Зорану, чтобы сфотографировать его.

* * *

Зоран прохаживался по церковному дворику. Шаги его были широкими, а дворик — очень маленьким. Зоран походил на тигра в клетке, который делает несколько шагов в одну сторону, а потом, склонив голову и быстро развернувшись, столько же в другую. Фотограф с тревогой поглядывал на горные хребты.

— Завтра будет дождь, — сказал он, обращаясь ко мне.

— Как ты это определил?

— По тем тучкам, что сгустились над перевалом, — ответил Зоран.

— А если ты ошибаешься в своем прогнозе?

— Ошибаются наши синоптики, а не я, — уверенно сказал фотограф. — Я здесь живу и знаю все приметы.

Вдруг раздались далекие и глухие раскаты грома. Над хребтами сгустились темные тучи.

— Ну что я говорил? — повернулся ко мне Зоран.

— Похоже, ты прав.

Над перевалом на какую-то долю секунды сверкнула молния, осветив рваные тучи, через некоторое время — еще одна, а потом — еще. Раскаты грома становились все громче. Надвигалась гроза. Вновь сверкнула молния, она осветила громадную тучу так, что та стала оранжевой. Зрелище было редчайшее. Другая молния в ином месте как будто подожгла снизу задумавшуюся тучу, но сгореть она не успела, так как огонь потух.

На камни церковного дворика упали первые капли дождя.

— Пойдем в дом, — сказал Зоран.

Не успели мы перешагнуть порог, как сзади нас обрушилась сплошная водяная стена — как будто само Скадарское озеро, поднявшись за какую-то долю секунды вверх и тут же передумав, вернулось обратно на землю. Гром грохотал, уже не переставая, молнии сверкали в разных местах, — южная гроза показывала свой буйный нрав.

2 октября

Дождь не переставал всю ночь. Сквозь сон я то и дело слышал раскаты грома — то вблизи монастыря, то где-то вдаль, над горами, — а также шум дождя, однако ни то, ни другое не мешало сну, наоборот, убаюкивало меня. К утру дождь немного угомонился.

— Надолго такая картина? — спросил я у Зорана утром, когда мы, стоя под дверным козырьком, оценивали обстановку.

— Да, наверно, на несколько дней, — заключил он.

— Осликов снять уже не удастся, — сказал я, очень жалея об этом.

— Придется в другой раз, — невесело отозвался Зоран.

— Другого раза обычно не бывает, — подвел я итог.

Через два-три часа Божидар закончил настилку пола, отциклевал его, и мы за считанные минуты собрались в дорогу. Отец Николай вручил нам дождевики.

Мы быстро сели в лодку, отец Николай вывел ее из плена водорослей, и мы помчались к пристани. Путь занял около получаса. Когда мы выходили на берег, дождь прекратился, а когда сели в машину, он снова стал моросить.

Божидар гнал машину так, как будто ехал по ровной дороге. Мы его не удерживали — не только ему, но и нам с Зораном хотелось побыстрее вернуться домой.

3 октября

Какая будет сегодня погода? — вот какой вопрос волновал меня и всех остальных обитателей монастыря. Дождь ночью прекратился, было довольно тепло, это уже прогресс.

— Какой прогноз на ближайшие дни? — спросил я у отца Петра.

— Хороший: в октябре будет в основном солнечная погода, — ответил он.

— Это нам и нужно, — обрадовался я.

Вечером мы отслужили всенощное бдение под воскресный день и отошли ко сну.

4 октября

Утром я вычитал каноны и Последование ко Святому Причащению, а потом исповедовался. На Божественной Литургии, кроме нас, присутствовало еще двое человек,

отец с сыном. Ратко и Данко Сладоевичи. Они родом из Боснии и Герцеговины, уже довольно давно живут в Москве. Ратко работает в крупной строительной фирме; Данко окончил МГИМО (экономический факультет), его сестра окончила этот же институт (факультет менеджмент). Данко приехал в монастырь четвертый раз, а его отец – впервые.

Отец Петр после чтения Евангелия произнес проповедь.

Кроме меня, причастился Божидар.

После трапезы батюшка пригласил меня и гостей совершить прогулку на катере. Сначала мы плыли по реке Морача, по левому руслу (их в устье два) вышли в Скадарское озеро и пошли прямо к противоположному хребту. Изредка мимо нас пролетали чайки. Невдалеке от хребта мы увидели небольшой островок, на котором виднелись развалины какого-то строения.

– Это какой храм? – спросил я.

– Это не храм, а бывшая тюрьма, – сказал отец Петр. – Во времена Оманского владычества турки содержали здесь православных сербов, а когда наступили лучшие времена, то король Николай сажал в эту тюрьму бандитов и разбойников.

– Теперь можно тюрьму превратить в храм, – предложил я.

– Остров очень маленький, а затраты большие, очень невыгодно. Кроме того, в Черногории много невосстановленных храмов.

5 октября

Ура! Солнечный день! Молодцы синоптики, не подкачали! Я совершил получасовую прогулку по дороге,

которая ведет на пристань, а попутно прочитал утренние молитвы. Солнце припекает, но в воздухе чувствуется прохлада — на дворе осень.

Инжир закачивается, зато есть яблоки и виноград. И арахис.

В келии включаю обогреватель, без него заниматься невозможно.

* * *

Поздний вечер. Солнце скрылось за хребтом. Узкая полоска неба на западе была все еще светлая, потому что ее освещало зашедшее солнце. Неровный контур хребта резко выделялся на фоне светлого неба.

А на востоке низко над горизонтом уже повисла луна. Она была полная, яркая, словно освещенная изнутри, и очень большая; она готовилась встать на ночную вахту.

6 октября

Проснулся рано и сразу вышел на улицу. Трава на склоне, ведущем к храму, отливала серебром — роса еще не успела испариться. Солнце едва поднялось над горизонтом. Отроги хребтов за озером млели в сизой дымке. Небо было безукоризненно синим. Его прочертили несколько белых полос, оставленных реактивными самолетами. Еще один самолет шел очень высоко, наверно, в двадцати километрах; казалось, он все еще набирает высоту. Но это было не так — его траектория показывала, что земля имеет форму шара. Самолет быстро прошел над Черногорией, оставив после себя дугу правильной формы.

Сегодня праздник: зачатие святого праведного Иоанна Предтечи. Еще вчера отец Петр предупредил меня, что мы поедем в храм, где будет совершена Божественная Литургия. В восемь часов утра мы четвером отправились в путь. Храм находился на склоне хребта недалеко от Скадарского озера. Без проводника мы бы его не нашли.

В храме два престола: левый посвящен Иоанну Предтече, а правый — Святителю Николаю, моему покровителю (он нигде не оставляет меня). Храм построен давно, даже внешне это заметно. У него два входа — в левый и правый приделы, дверей нет, впрочем, они и не нужны: во-первых, здесь нет воров, во-вторых, в храме нечего воровать, в-третьих, не нужно открывать окна для проветривания помещения. Между проходами высится колокольня, на вершине которой два колокола; чтобы позвонить, нужно взять в руки веревку и с помощью ее раскатать колокол; такой простой способ во всех сербских и черногорских храмах.

На богослужение прибыл архимандрит Григорий, благочинный этого округа, два священника, а также десять-двенадцать мирян из разных мест. Божественную Литургию возглавил отец Петр, ему помогал отец Иоанн. Пели все, кто присутствовал в храме, причем, пели слаженно, стройно, уверенно — было видно, что они это делают не от случая к случаю, а постоянно.

После богослужения отец Петр провел чин «славы» — в честь Иоанна Предтечи, покровителя храма и его прихожан; был освящен специально испеченный для этой цели хлеб.

Затем мы поехали к отцу Иоанну домой (его усадьба расположена на равнинном месте, в пяти минутах езды от храма). Нас радушно встретили его родители и предложи-

ли чудесную трапезу. Длинный стол (гостей было много) расположился под навесом из лоз киви (коричневатые плоды над нами походили на сувенирные фонарики). Мужчины пили неизменную сербскую ракию, женщины — домашнее вино. Отец Иоанн за стол не садился, а прислуживал дорогим гостям.

* * *

Сегодня луна совсем другая — пунцовая, гранатовая, кровавая. К чему бы это?

7 октября

В тени — двадцать один градус, на солнце, наверно, все тридцать — отменный денек.

Отдыхал и занимался.

Божидар и Йован съездили в монастырь Острог и привезли дары: лампадное масло, мука, сахар, печенье, фасоль и прочее. Острог — самый богатый монастырь в Черногории; он помогает бедным монастырям, в том числе и обители Святителя Николая.

Отец Петр целый день занимался пчелами; он то и дело надевает защитную сетку и идет к ульям; нужен бы специалист-пчеловод, но где его взять? Батюшка осваивает эту специальность, у него есть большая книга «Пчеловодство», которая помогает ему вникать в тонкости этого дела.

8 октября

Цесарки живут в клетке, каждый день Божидар выпускает их на волю погулять и пощипать свежую травку.

У них темные глазки, обрамленные большими светло-голубыми овалами, красные клювы, у некоторых с темными пятнышками, а на голове — маленькие отросточки; под клювами, ближе к шеям, виднелись миниатюрные розовые лепестки — какой цели они служат, я не знаю; оперение у одних птиц светлое, у других — в крапинку.

* * *

Батюшка решил купить несколько саженцев медоносных растений. Для этой цели он снарядил экспедицию в центральную Сербию. Йован поехал с ними, чтобы остаться в монастыре Чрна Река, мимо которого они будут проезжать. Отец Петр только к полуночи приедет в город Кралево, где живут его престарелые родители. Там он с Божидаром переночует, а на следующий день займется саженцами.

* * *

Солнце спряталось за горами, и над Скадарским озером опустилась чудная ночь. Далекие звезды — одни яркие, другие менее яркие, а третьи едва заметные — несут свою надмирную таинственную службу. Движения воздуха не чувствуется совершенно; листья на деревьях не шелхнутся. Тишина первозданная, ее не нарушают ни гудки автомобилей, ни шум электричек, ни разноязыкий говор туристов, ни наглая музыка транзисторов. Только изредка на реке Морача возникнет звук моторной лодки — это запоздалый рыбак возвращается домой, да вдруг залает Шапо (так зовут нашу собаку), услышав шорох ежа или мышки. Горбатые спины хребтов едва угадываются в ночном мраке; огни прибрежной деревушки, дробясь,

отражаются в водной глади. Неожиданно в темном боку хребта возникнет на секунду-другую свет и исчезнет, иногда он, продвигаясь слева направо, виден подольше — по горной дороге движется автомобиль; иногда возникнут сразу два или три огонька, в разных местах, но они быстро исчезают: дороги изобилуют крутыми поворотами, да и скал много.

Запахи трав и кустарников становятся острее, луна, бросая бледный свет на деревья и каменистые склоны гор, поднимается все выше, Скадарское озеро погружается в долгий чуткий сон.

9 октября

Инжир заканчивается, но все равно каждый день я нахожу восемь-десять спелых плодов.

* * *

Я единственный человек, который остался в монастыре. Можно сказать, я временно исполняющий обязанности настоятеля. Кроме молитвы, на мне лежат и другие обязанности: два раза покормил кошек и собаку, для них есть специальный корм, в виде таблеток; принес им воду; насыпал пшеницы цесаркам. Пожарил рыбу и сварил гречневую кашу (хорошо, что Божидар купил русскую гречку, фирмы «Мистраль»; несколько дней назад сварил какую-то другую гречку, кажется, австрийскую, так получилось неизвестно что).

День стал таким коротким, что не успеешь оглянуться, а его уже нет.

10 октября

Подойдя к храму, я увидел множество черных муравьев, которые бежали — одни направо, другие налево — по своей муравьиной дорожке. Дорожка была проторенная, ясно различимая. «Надо же, — подумал я, — проторили; а ведь муравьишки-то совсем невесомые. За много лет, а может, множество десятков лет протоптали, если можно так сказать про небольших муравьев, себе дорожку».

Дорожка петляла среди травы. Через несколько метров я обнаружил маленькую выемку, а в ней два крошечных отверстия; сюда и скрывались трудяги-муравьи, здесь был их дом.

Самое большое скопление муравьев было где-то в середине пути. Я опустил на колени, чтобы хорошо их видеть. Меня поразила быстрота движения насекомых. Уж как споро бегают москвичи, особенно в метро, но им далеко, очень далеко до муравьев. Они, муравьи, бежали толпами, если можно так сказать о них, не соблюдая правил «уличного движения», но, несмотря на это, не сталкивались, каким-то образом минуя друг друга.

Каждый или почти каждый муравей что-то тащил. Или травинку, или листочек, или кусочек букашки. Тащил на высокой скорости. Вдруг я заметил муравья, который тащил груз, превышавший по размерам в десятки раз его самого. «Что же такое он нашел?» — подумал я. В следующую секунду понял: он тащил дохлого червяка, свернув его пополам. Двигался он, конечно, задним ходом, так у них, муравьев, лучше получается. Продвигался... нельзя сказать, чтобы быстро, но и нельзя сказать, что медленно. Но вот что интересно: во время движения к червяку прилепилось несколько муравьев. Чтобы помочь? Отнюдь нет. Для того, чтобы ухватить кусочек добычи. И они, эти муравьи, были дополнительным грузом. И трудяга-муравей, ничтоже сумняшеся, тащил это все хозяйство.

Иногда он сбивался с дороги, попадал в траву, то есть в непроходимые заросли, буксовал, перебирая вхолостую ножками, но быстро понимал, что попал не туда, возвращался обратно и находил правильный путь.

«Пока он достигнет муравейника, от червяка, пожалуй, ничего не останется», — подумал я.

Муравьев, спешащих домой, было много, но еще больше спешило в обратную сторону.

«Интересно, куда они бегут?»

Дорожка привела меня к церковной стене. Вот куда они спешат! К храму! Муравьи поднимались по стене — одни повыше, другие пониже — и, побегав, замирали на месте; потом спускались на землю и бежали по своим делам.

«Крохи, а тоже чувствуют Божию благодать, — подумал я, входя в храм. — Молодцы, ничего не скажешь!»

* * *

В девять утра вернулись из поездки отец Петр и Божидар. Они привезли сорок-пятьдесят саженцев медоносных растений, приобретя их в лесопитомнике. Две ночи ночевали у родителей батюшки в городе Кралево. Выехали в обратный путь в два часа ночи; изрядно утомились; сразу легли отдыхать.

Сегодня очень теплый день — двадцать два градуса с половиной в тени. Ветра практически нет. Отец Петр сказал, что в понедельник ожидается дождь, циклон идет с северо-запада, со стороны Австрии и Франции, а точнее, с Атлантики.

11 октября

С утра появились облака, солнца не видно, это нетипично для Черногории. Что будет дальше? Посмотрим.

Отец Петр начал служить с вечерни, потом последовала утренняя; Божидар прочитал первый час, я — третий. К началу Литургии пришли четыре человека: муж, жена и двое детей. Когда Божидар начал читать Апостола, раздались первые раскаты грома; в окнах потемнело; не прошло и нескольких минут, как пошел дождь. Он быстро превратился в ливень. Вдруг раздался выстрел из пушки, нет, это прогрехотал гром. «Выстрелы» стали раздаваться все чаще и чаще, как будто у подножия горы вела обстрел противника артиллерийская батарея. Я почти не слышал батюшку, который произносил очередную ектению.

В окна врывался холодный ветер, их пришлось срочно закрыть. Я выглянул в дверь: за косыми потоками дождя ничего не было видно.

«Хорошо, что мы не в пути, а в храме, под надежной защитой стен, и можем молиться», — подумал я.

— Со страхом Божиим и верою приступите, — возгласил священник.

Я сделал земной поклон и подошел к Чаше. Кроме меня, причастились дети.

Божидар и гости ушли в церковный домик (дождик как раз приутих), а мы с батюшкой задержались в храме, обсуждая весьма важный вопрос из области русско-сербских отношений (если Бог даст, позже вернусь к нему). Между тем дождь снова набрал силу. У нас не было ни плащей, ни зонтиков. Тогда отец Петр позвонил по мобильному телефону Божидару, и тот через пару минут принес нам два больших зонтика, и мы благополучно дошли до церковного домика.

Во время трапезы (гости принесли с собой пятилитровую канистру домашнего вина) гром не переставал; было такое ощущение, как будто с горы катится лавина больших камней — катится, катится и никак не может достигнуть подошвы горы.

Зазвонил мобильный телефон Божидара. Знакомый рыбак, который рыбачил на Скадарском озере, просил ударить в колокол: на озере такой густой туман, что он заблудился; звук колокола поможет ему сориентироваться. Божидар побежал к храму, и на всю округу раздался звон колокола — кто знает, может быть, заблудился не один, а несколько рыбаков.

После трапезы отец Петр и Божидар уехали в Котор. Они вернулись поздно вечером; с ними приехал новый послушник, высокий, аскетического вида молодой человек лет тридцати пяти; его звали Владе. Нашего полку прибыло.

Батюшка сказал, что на обратном пути ему позвонила Людмила из Москвы и сообщила неприятную новость: Миша попал в автомобильную аварию; тормозная система не сработала, и он врезался в грузовик. С ним ничего не случилось, а автомобиль вышел из строя.

Перед моим отъездом в Черногорию Миша сказал, что нужно срочно менять машину, так как она свое отъездила. Я посоветовал ему сделать это как можно быстрее. Миша, к сожалению, промедлил и поплатился за это.

Святитель Николай сохранил его живым, это главное. Теперь нужно сделать правильные выводы из этого искушения, а остальное пустяки.

12 октября

Утром вышел на улицу: дождя нет, опасных туч тоже нет; зря нас пугали синоптики. Температура вполне приемлемая — пятнадцать с половиной градусов; чего еще нужно?

Мое внимание привлек невысокий кустик; его листики — лодочкой — походили на человеческие ладони; в них

покоились водяные капли, по несколько горошин в каждой лодочке. Весь кустик казался серебряным.

* * *

Озеро едва угадывается в ночной темноте; громады гор наполовину закрыты мрачными тяжелыми тучами; в трех местах ярко светятся огоньки деревушек: минорная, но живая, с апокалиптическим оттенком, картина, достойная кисти хорошего живописца.

13 октября

Вчера поздно вечером началась страшная гроза: беспрерывно грохотал гром, сверкали молнии и зарницы, обильные потоки дождя низвергались на землю. Мы срочно закрыли все окна. С каждой минутой гроза ярилась все сильнее и сильнее, скоро она превратилась в ураган. Ветер налетел на наш дом с бешеной силой, казалось, вот-вот он улетит неизвестно куда; дождь барабанил по крыше так, как будто дюжина кузнецов работала пудовыми молотами; электричество было отключено еще в начале грозы.

Так продолжалось в течение нескольких часов. Я беспрерывно молился, прося Святителя Николая и святого Иоанна Предтечу сохранить нас живыми и невредимыми. Потолок в моей келии протек: в нескольких местах образовалась капель.

Время подошло к полуночи. Делать нечего, надо ложиться спать. Но разве уснешь под такую канонаду? Страх сковал все мое существо, я укрылся двумя одеялами с головой.

Господь смилостивился над нами, часам к трем ночи ураган ушел дальше, ветер утих, дождь почти прекратился. Я наконец уснул.

— Ничего подобного я в своей жизни еще не испытывал, — сказал утром отец Петр. — Одно дерево рухнуло.

Ну если он, местный житель, не испытывал, то я и по-давно.

Я оделся потеплее и вышел на улицу. Площадка под навесом была усыпана облетевшими листьями. Озеро я не узнал, оно было как будто льдом покрыто, вставай на коньки и катайся. Небо дышало холодом. Я пошел по дорожке вниз, к причалу. Акация, которой я всегда любовался, была сегодня совсем иная: ее стручки, похожие на сабельные ножны, валялись на дороге. Вода Морачи из зеленой превратилась в блекло-сероватую, тусклую, неприятную.

Видимость была идеальная: ясно просматривались даже те хребты, которые были в Албании.

Холод был очень чувствителен, хотя термометр показывал всего тринадцать с половиной градусов. Отец Петр сказал, что озеро быстро остыло, и теперь оно источает сырость, которая пробирает до костей.

Йован в наш монастырь, скорей всего, не вернется (он был удален из монастыря Чрна Река за грубое нарушение устава, а сейчас ему дали последний шанс исправиться; думаю, он будет стараться).

Послушник Владе надел прочные туристические ботинки, взял бинокль, дорожную сумку через плечо и отправился в горы. Перед ним поставлена ответственная задача: найти трех монастырских коз, вернее, смесь овец и коз. Они давно убежали из монастыря и находятся неизвестно где.

Владе вернулся домой уже в сумерках.

— Ну как, нашел? — в один голос спросили мы его.

— Да.

— Где?

— В горах. Они пристали к домашним козам и овцам. Я подошел к ним совсем близко, но они испугались и убежали.

— Выходит, они теперь принадлежат другому хозяину? — сказал я.

— Так оно и есть.

— А он отдаст их?

— Наверно, нет.

— Это несправедливо. А на монастырских козах метки есть?

— Есть бирки.

— Тогда не все потеряно. Давайте помолимся святителю Спиридону Тримифунтскому. Он был простым пастухом на острове Кипр. А потом стал епископом. Он обязательно поможет нам.

Я спел тропарь угоднику Божию, и мы горячо помолились ему.

— Сколько километров ты сегодня прошел? — спросил я у Владе.

Он задумался.

— Наверно, километров пятнадцать.

— Устал?

— Есть немного. Поднялся на хребет, потом спустился с него. А затем все в обратном порядке. Но красота изумительная. Куда ни посмотришь — горы и горы, как будто морские валы убегают вдаль.

Владе принес сувенир: громадные рога горного козла вместе с черепом.

14 октября

Ночь была гораздо холоднее предыдущей. Я укрылся *тремя* одеялами и все равно не мог согреться — *сырость*,

о которой мне говорили многие люди, в том числе и отец Петр. Она проникает до костей и мучает человека. В кельи было так прохладно, что я простыл.

Утром Божидар и Владе уехали на Божественную Литургию в один из близлежащих монастырей (сегодня праздник Покрова Божией Матери). Отец Петр уехал вчера около полуночи в Печскую Патриархию, он сопровождает автобус с паломниками. Там состоялось праздничное богослужение, в котором участвовал и митрополит Амфилохий.

Я остался дома, так как чувствую себя неважно. Пару раз выходил на улицу, но и то ненадолго: не могу переносить холод, умноженный на противную сырость.

* * *

В зале для приема гостей (он выполняет и другие функции), в красном углу, рядом с иконами находится досочка, на которой написан *ГИМН ЛЮБВИ*. Он взят из Евангелия (Первое Послание святого Апостола Павла к Коринфянам, глава 13). Текст гимна наверняка есть и в других монастырях, а также в домах православных сербов. Это в самом деле гимн, и хотя он мне знаком, я все равно с большим удовольствием помещаю его в своем дневнике.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует,

не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнут, и знание упразднится.

Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

15 октября

Первая хорошая новость: светит солнце! Жить при солнце гораздо приятнее, чем без него. Вторая новость: вернулся отец Петр. Я спросил, как он съездил.

— Неважно, — ответил он. — До Косово ехали двенадцать часов.

— Почему так много?

— Руководитель группы предложил поехать новым путем, через перевал. Я был против, но он настоял на своем. На перевале был снег, проезд невозможен. Пришлось вернуться обратно. Мы потеряли напрасно четыре часа.

В Печскую Патриархию приехали к концу Литургии. Приложились ко кресту и поехали дальше, в монастырь Высоки Дечани. Там отслужили молебен. Обратный путь занял восемь часов. Итого, я пробыл в автобусе двадцать

(!) часов. Домой вернулся только в пять часов утра. Устал, да к тому же простудился. Но ничего, за все слава Богу.

* * *

Акклиматизироваться на Скадарском озере нельзя, во всяком случае, мне, жителю средней полосы России. К сырости привыкнуть невозможно.

Сегодня хоть и солнце, но прохлада в воздухе ощутительная.

— «Зубастое солнце» — так говорят у нас, в Черногории, об этом времени года, — сказал отец Петр.

Божидар затопил печь, на кухне стало тепло.

Теперь я хорошо понимаю наших сестер, которые несут послушание в Горненском монастыре в Иерусалиме. Они страдают от сырости зимой и от невыносимой жары летом.

Самый лучший климат в России, умеренный летом и зимой, нет никакой сырости, и нам ни к чему не надо привыкать.

16 октября

Отец настоятель сказал, что в этом году холодная погода наступила очень рано.

— Такая погода приходит к нам обычно где-то в конце ноября, — добавил он.

Да, не повезло мне немножко. В Москве сейчас примерно то же самое.

А вот в городе Бар погода отличная — плюс восемнадцать. Побережье все же, теплое море, которое еще не остыло, а холодные северные ветра не пропускают горы.

Ну, ничего, буду продолжать свою работу. Очерк «Косовская Пасха», который я начал несколько дней назад, идет неплохо.

Божидар испек каравай хлеба. Очень вкусный, не сравнить с покупным.

Вчера взобрался на холм, который виден из моей келии; там в былые времена был храм; среди камней нашел ровную площадку, на которой он стоял. Площадку окружают большие высокие зеленолиственные вязы.

С холма открывается прекрасный вид на Скадарское озеро и на горбатые хребты, которые простираются за ним.

17 октября

К бабушке приехали его друзья, муж и жена. Они в течение пяти часов сидели в гостиной и беседовали, в том числе на исторические темы. Отец Петр много рассказывал им о России, о ее Государях; очистил от лживой шелухи облик Сталина, который был истинным патриотом России и много хорошего сделал для нее.

* * *

Вышел погулять; быстро стемнело. За горами нижняя часть облаков была окрашена в пунцовые тона, как будто подсвеченные гигантским костром. Там был город Подгорица.

18 октября

Несмотря на холодную погоду и нудный мелкий дождь, на воскресное богослужение пришли четыре человека,

один из них с ребенком. В храме очень холодно, но черногорцы этого не замечают, потому что привычные. А для меня это целая мука. Но ничего, все равно причастился Святых Животворящих Таин. Кроме меня, приобщились одна женщина и ребенок.

Все озеро закрыто темной непроницаемой пеленой; дождь не прекращается.

Закончил очерк о поездке на Косово. Он называется «Косовская Пасха». Завтра дам почитать отцу Петру, чтобы исправить возможные ошибки и неточности.

19 октября

В монастыре, в котором я сейчас живу, есть небольшая библиотечка, состоящая из книг на русском языке. Их подарили русские паломники, которые в разные годы приезжали сюда. Просматривая их, я обнаружил одну интересную книгу. Она называется «Дневник полкового священника». У нее есть и более полное название: «Дневник священника 51-го Драгунского Черниговского Ее Императорского Величества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского с момента отправления его в Маньчжурию 11 июня 1904 года по день возвращения в г. Орел 2 июня 1906 года». Книга была издана в 1996 году по инициативе сестер Марфо-Мариинской обители (отец Митрофан был в свое время ее духовником). Дневник не предназначался к изданию. Батюшка отправлял письма из Маньчжурии своим родственникам. Надо отдать должное отцу Митрофану, который, несмотря на неудобства фронтовой жизни, писал их каждый день. Его родственники показали письма главному редактору журнала «Вестник военного

духовенства» протопресвитеру А. Желобовскому, и тот стал публиковать их.

Так появилась эта книга; впервые она была издана в Санкт-Петербурге в 1906 году.

Я прочитал книгу с большим интересом. Она повествует о русско-японской войне 1904—1905 годов, в которой Россия потерпела серьезное поражение. Морскую сторону этой войны я знал более или менее хорошо (этому способствовал, кстати, роман А. Новикова-Прибоя «Цусима»). А вот о том, что происходило на театре военных действий в Маньчжурии, я представлял довольно смутно. «Дневник» иерея Митрофана восполнил этот пробел с лихвой.

Обладая несомненным литературным даром, священник подробно, обстоятельно, а главное, честно рассказывает о буднях своего полка, и в первую очередь — о своей пастырской деятельности.

«Гул пальбы ужасающий: дымки, огни рвущихся снарядов, визг и вой гранат... Ад! В соседнем лесу, у деревни Линшипу, где я служил обедницу, рвутся снаряды, свистят пули, витеет смерть... С невыразимой скорбью смотрю я на вереницы носилок и повозок с ранеными. Двигаемся вперед. Только что отъехали несколько сажений от деревни, вижу: стоит палатка Красного Креста, перевязочный пункт 35-й дивизии, лазарет, куда несут страдальцев. Не выдержала душа моя; Святые Дары со мною: повернул лошадь и поехал к лазарету. Спрашиваю: «Есть ли священник?» Доктор говорит: «Нет, а очень нужен бывает. Вот вчера троих умерших от ран похоронили без отпевания». Я предложил свои услуги. Доктор был очень рад, а сестра милосердия уже бежит ко мне со словами: «Батюшка, пожалуйста, останьтесь, сейчас к нам принесут много раненых!» С радостью остался и был в лазарете до 3.30 дня. При мне принесли много раненых. Всех я благословил,

утешал как мог. Господи, какие же муки переживают эти страдальцы и как нужен раненым священник! Сядешь рядом с ним на землю, на солому, а он уже чуть слышно просит благословения, молитв. Несколько раз слезы приступали к горлу».

Отец Митрофан — человек не робкого десятка, он не отсиживался в обозе, подальше от выстрелов, а всегда был там, где сражались с японцами солдаты его полка. Там, где каждую секунду может понадобиться помощь священника.

«Я решил двигаться вперед, туда, где гром и свист, и смерть... Что-то неодолимо потянуло! Вижу носилки с тяжело раненым; благословил его; смотрю — слабой рукой манит меня к себе; сейчас же соскочил я с лошади, подбежал к нему. Едва слышно шепчет: «Приобщиться бы!» Достать Святые Дары, все приготовить было делом одной минуты, и здесь же на дороге я напутствовал его. Оказался фельдшер Зарайского полка. Он самоотверженно был в пылу сражения. И там выносил раненых, перевязывал. Вдруг разорвалась граната, и осколок, ударивши ему в спину, засел в груди. Смерть неминуема. Он положил свою душу, спасая ближних. Угасающий взор страдальца остановился на мне; в нем светилась благодарность и духовная радость; он и стонать уже не мог».

Служить Божественную Литургию в условиях войны — дело невероятно трудное. Но батюшка не только служил, но и, если позволяли условия, произносил проповедь, наставлял и утешал, поднимал дух своих пасомых. Погода, близость вражеских позиций, более или менее сносное помещение — от многих условий зависит проведение Литургии. И, конечно, от того, есть или нет просфоры.

«Завтра воскресенье и память святого Иоанна Богослова; как бы хотелось отслужить Литургию, но просфорный

вопрос здесь первой важности. Соседи-саперы уехали, печку их китайцы развалили, и Михаил объехал весь город, вокзал и ничего не добился; так, с грустью в сердце решаю отслужить сегодня всенощную, а завтра обедницу. Стою около церковной двуколки, делюсь печалью своею с друзьями своими Ксенофонтом и Михаилом. Вдруг солдат Нечаев говорит: «Батюшка, да вы не беспокойтесь, мы сейчас сделаем печь, и просфоры будут. Ведь Галкин печник!» Не верю, конечно, такому счастью, но благословляю. Сейчас же мои «печники» разобрали часть кладбищенской ограды и в канаве вырыли четырехугольную яму, выложили кирпичом, засыпали сверху землею, сделали трубу — все как следует — и через час затопили. Ксенофонт поставил тесто, а в 9.30 вечера принес уже в палатку горячие просфоры. Я прямо изумился: не верю глазам, а он говорит: «Да вы посмотрите, батюшка: печка такая вышла, что и пирог, и хлеб можно испечь!»

Да, удивительные наши солдаты! Благослови их, Боже!»

Очень часто полк, в котором служил отец Митрофан, вел кровопролитные бои с противником, совершал неожиданные далекие броски, прикрывал отход наших войск. Много раз молодой священник (во время японской компании ему исполнилось тридцать четыре года) находился на волоске от смерти. Но десница Господня хранила его, и он завершил войну без единого ранения.

Много страданий и лишений перенесли наши воины во время этой компании, тысячи и тысячи солдат и офицеров костями легли в Маньчжурской земле, а победы не было. А тут еще одна напасть: многие русские газеты и журналы стали критиковать нашу армию, выискивая в ней всяческие недостатки. Вместо того, чтобы помогать и поддерживать, они ставили палки в колеса. С болью в сердце говорит об этом отец Митрофан.

«Рядом со мной едет вахмистр Жучин. Это положительно герой. Во время боя под городом Инкоу он ранен навывлет: пуля прошла в спину около правой лопатки и вышла через правую руку немного выше локтя. Он не пожелал лечь на носилки, остался в строю и вот, имея руку на перевязи, едет с нами. Конечно, страдает, но спокойно говорит мне: «Батюшка, теперь я вполне счастлив: выполнил присягу и пролил свою кровь за Царя и Отечество».

Как стыдно мне было после читать русскую газетную руготню и критику. Есть еще истинно русские люди, для которых присяга не пустой звук и которые теперь, во время войны, когда нужно не растревать старые раны, а поддерживать дух, не станут публично казнить прежде времени военачальников и Отечество. Не Жучин только, а и Киндяков, окончивший университет, и многие другие, трудясь здесь, будучи ранены, умирая, говорили мне то же.

Хватит времени после войны критиковать и ругать нас, лечить, исцелять непорядки, а теперь оставьте нас в покое: нам и так трудно. Вам ведь только писать, а нам нужно победить, спасти честь России как первоклассного государства».

* * *

По-прежнему холодно; дождь. Батюшка говорит, что потеплеет только к пятнице, то есть через четыре дня. Мне труднее всех, потому что я к этому климату не привык.

20 октября

Бог услышал наши молитвы: дождь прекратился, выглянуло солнце, сразу стало веселее, можно гулять по дорожке, туда и обратно.

Отец Петр куда-то съездил и появился с Йованом. Этот тот самый Йован, с которым мы в прошлом году ездили на Косово поле. Через считанные минуты батюшка и Йован исчезли; видимо, поехали на какую-то потребу.

Я принялся просматривать дневниковые тетради, в которых описывал свои поездки на источник преподобного Сергия. Хочу на этом материале написать художественную повесть. Что из этого выйдет, не знаю. Своими силами мне с этой задачей не справиться, вся надежда на преподобного.

Владе рассказал историю своей жизни. К вере он пришел недавно, два-три года назад. У него была семья, двое детей, мальчик и девочка. Жена оказалась неверной, изменяла ему — они развелись. Владе понял, что в миру ему делать нечего.

Вечерний закат: солнце осветило облака над горной грядой, сделав их светло-оранжевыми; такими они и отразились в озерной глади.

21 октября

Сегодня еще теплее — плюс пятнадцать. Дело идет на поправку.

Ходил взад и вперед по дорожке, ведущей вниз, к пристани, обдумывал повесть об источнике; пока ничего не получается: материала много, а повести нет.

Батюшка и Владе занимаются саженцами, а Божидар ремонтирует какой-то бытовой механизм.

Просмотрел книги отца Петра на русском языке; большую часть этих книг ему подарили во время обучения в Московской духовной академии. Я отобрал несколько книг для чтения вечерами.

22 октября

Иеромонаха Петра пригласили в Сербию, в город Крушевац, где должен состояться просмотр документального фильма, в котором он принимал участие. Я поехал с ним.

Для русских, приезжающих в Черногорию, виза не нужна. Можно один месяц жить, ни о чем не беспокоясь. Если есть желание побыть здесь дольше, то нужно выехать из страны, сделать отметку в паспорте, а потом вернуться обратно. И пожить еще один месяц.

Я пробыл в Черногории почти месяц, и мне нужно было побеспокоиться об отметке в паспорте.

Когда мы выходили из дому, по-прежнему шел дождь. В ближайшие три дня никаких изменений в погоде не предвиделось. Отец Петр сказал, что в Сербии, наоборот, дождя нет. Тем лучше.

Мы миновали Подгорицу и через некоторое время вошли в каньон реки Морача. Дорога влажная, дворники на лобовом стекле машины работают, не переставая, навстречу бегут и легковушки, и автобусы, и грузовики, — несмотря на сложные дорожные условия, Божидар ведет машину уверенно и довольно быстро. Дорога постоянно петляет; наверно, лыжник-слаломист, спускающийся с горы, не так часто делает повороты, чем мы. Скалы и справа, и слева от нас становятся все выше и выше. Я пытаюсь увидеть в окно вершину ущелья, но это мне не всегда удается.

Дождевые тучи придают каньону мрачную атмосферу. Кажется, что мы находимся в потустороннем мире. Дорога все время идет на подъем; наверно, скоро войдем в дождевые облака, и тогда свет совсем исчезнет.

— Монастырь Морача! — кивнул направо Божидар.

Мы увидели стены монастыря, верхнюю часть храма, братский корпус — дождь, туман, видимость неважная.

Монастырь находится на высоте тысяча метров над уровнем моря.

Через некоторое время начался каньон реки Тара. Он менее угрюм. Ехать стало веселее. Постоянно встречаются поселки, деревушки, небольшие города. Мне особенно понравился город Мойковац. Он расположен по обеим сторонам реки Тара, на склонах холмов, место зеленое, красивое, привольное.

Мчимся дальше. Позади остался город Бело Поле.

— Николай, приготовь паспорт, — сказал отец Петр. — Скоро граница.

На черногорском пограничном посту (он называется Добраково) мы задержались всего на несколько минут. Не выходя из машины, Божидар подал пограничнику мой паспорт, и тот поставил в нем штампик. На следующем, сербском пограничном посту, нас пропустили, не спрашивая документов.

Мы уже в Сербии. Где-то в стороне, справа, остался монастырь Милешево, я был здесь одиннадцать лет назад. Высота примерно полторы тысячи метров. Это чувствуется даже в машине — стало прохладнее. В районе поселка Кокин Брод сделали остановку, зашли в кафе. Батюшка заказал национальное блюдо: пшеничные лепешки (или что-то в этом роде) с каймаком; к ним подали варенец. Подкрепились и поехали дальше.

— Ночевать будем в монастыре Святителя Николая, — объявил отец Петр. — Там подвизается моя родственница. Ее зовут Ясная, очень интересное имя.

К монастырю подъехали в полной темноте. Путь занял семь с половиной часов.

Ясная встретила нас очень радушно.

— Будете пить чай или пойдете на вечернее богослужение? — спросила она.

— Пойдем на богослужение, — без раздумий решил отец Петр.

Храм был маленький, расписан красивыми фресками. Невысокая, средних лет монахиня закончила чтение канона, а потом батюшка, седой, преклонных лет, прочитал акафист Честному Животворящему Кресту. После богослужения мы приложились к святыням и вернулись в жилой корпус. Ясная напоила нас чаем.

Мать игумения (ей более восьмидесяти лет), к сожалению, была больна, мы ее так и не увидели.

23 октября

Монастырь святого отца Николая под Кабларом — один из десяти монастырей, составляющих так называемый Сербский Афон. Они расположены в районе реки Западная Морава, в нескольких километрах один от другого.

Утром дождя не было, но зато был туман. Он, туман, закрывал почти все ущелье, в котором находился монастырь. Мы позавтракали и отправились в дальнейший путь. Батюшка решил посетить еще одну обитель Сербского Афона. Дорога привела нас в очень красивое место, находящееся на склоне высокого хребта. Здесь расположен монастырь Сретения Господня.

Пока игумения угощала отца Петра и Божидара кофе, я познакомился с обителью и сделал несколько удачных снимков.

И в первом, и во втором монастыре я увидел иконы блаженной Матроны Московской. Сербы хорошо знают угодницу Божию и почитают ее. Для блаженной Матроны нет границ, она помогает всем, кто обращается к ней в молитвах.

Между тем погода разгулялась, и мы отправились дальше. Через полчаса прибыли в город Чачак. В соборе этого

города служит молодой батюшка, который вместе с отцом Петром закончил Московскую духовную академию. Друзья обнялись, им было что вспомнить и о чем поговорить.

Потом мы поехали на окраину города. Здесь построен новый храм во имя великомученицы Марины. Его настоятель — еще один давний друг нашего батюшки. Снова воспоминания, обсуждение церковных проблем, решение разных духовных вопросов.

Уже в темноте приехали в город Крушевац. Остановились около Лазарицы. Лазарица — главная святыня этого города. Комплекс состоит из храма, колокольни и церковного дома. Нас встретил настоятель храма протоиерей Драги. Прежде всего мы приложились к ковчегу с мощами святого благоверного князя Лазаря и помолились угоднику Божию.

Примерно через полчаса состоялся просмотр документального фильма «Скадар — сербская притча». В просмотре участвовали как авторы фильма, так и зрители (православные христиане города), всего человек сто-сто двадцать.

Перед началом просмотра все присутствующие встали и спели молитву «Отче наш». До сих пор я ни разу не слышал, чтобы так красиво, слаженно, а главное духовно была исполнена эта молитва. В зале собрались верующие, воцерковленные люди. Я пел вместе с ними; сложностей не испытывал, потому что уже много раз слышал эту молитву на сербском языке.

Вечер открыл отец Драги. Он представил авторов фильма и сказал, что на просмотр прибыли люди из многих городов Сербии и Черногории. «Кроме того, среди нас находится один человек из России» — он кивнул в мою сторону. В ту же секунду раздались дружные аплодисменты. Эти аплодисменты относились, конечно же, не ко мне, а к моему Отечеству. Я еще раз убедился, как сербы

любят русский народ и Россию. Такое отношение я встречал на каждом шагу как в Сербии, так и в Черногории.

Забегу немножко вперед. Однажды в монастырь Святого Николая пришли двое сербов: один из села Враньино, а другой — его родственник. Первый обнял меня за плечи и сказал очень тепло: «Братушка». Это опять же относилось не столько ко мне, сколько ко всему русскому народу.

Для нас, русских, каждый серб — это тоже «братушка». Так же, как и весь народ.

Несколько слов о фильме. Он рассказывает о городе Скадар, который расположен на берегу Скадарского озера, в той его части, что принадлежит Албании. Когда-то он принадлежал Сербии, и там проживали сербы. И сейчас они проживают в этом городе, но их очень мало; одни из них приняли мусульманство, а другие остались православными. Первые ходят в мечеть, вторые — в православный храм.

Православные сербы ущемлены в своих правах. Авторы фильма говорят о том, чтобы у сербов были свои учебные заведения, преподавание в которых велось бы на родном языке, чтобы у них была своя радиостанция, свой канал на телевидении, одним словом, чтобы у них были одинаковые права с албанцами.

В Скадаре всего один православный храм, богослужение в нем ведется по новому стилю, настоятель храма — албанец, интересы сербов ему чужды. Однажды он служил с католиками и причащал их. Албанский Патриарх Анастасий боится заменить его, так как у этого священника надежный тыл (свой человек в правительстве).

В пригороде Скадара есть маленький православный храм, где богослужение ведется по старому стилю. Там однажды служил митрополит Амфилохий, отец Петр принимал участие в этом богослужении.

К несомненному достоинству фильма относится изумительная работа оператора. Фильм снят с большим вкусом. Лучший его кадр: отец Петр стоит на берегу озера, на высокой скале, а ветер развевает полы его рясы.

24 октября

Ночевали мы за городом, а утром по моей просьбе снова заехали в Лазарицу, и я сфотографировал храм, ковчег с мощами благоверного князя Лазаря, а также несколько его икон.

В Кралево мы заехали к родителям отца Петра. В этом городе батюшка родился, вырос, учился в школе. Родители уже старенькие, но достаточно бодрые.

Отец Петр остался на два дня в Кралево, а мы — Божидар, я и паломник из Подгорицы — поехали домой. Была солнечная погода, и ехать было приятно: одна горная панорама сменялась другой, одна быстрая река заменяла другую, один маленький городок уступал место другому.

На подступах к Черногории нас встретил дождь, но мы скоро его миновали. На пограничном посту мне поставили еще один штампик в паспорт, еще один месяц я могу жить в этой стране.

Домой прибыли в половине восьмого вечера. Сильно устал, но зато побывал в Сербии, многое понял, многому научился.

25 октября

Утром Божидар, Владе и я поехали в монастырь Покрова Божией Матери. Здесь состоялась Божественная Литургия. Ее провел архимандрит Григорий, благочинный,

с которым я уже был знаком. Присутствовало человек десять, включая сестер монастыря, но причастился только я один.

История монастыря связана с именем Петра Негоша, который открыл здесь первую в Черногории школу для обучения детей. Кроме того, обитель была зимней резиденцией Черногорских митрополитов. Цетинье находится высоко в горах, зима тут суровая, поэтому они перебирались на зиму в более теплое место.

Во время трапезы (она была чудесной) сестры (с некоторыми из них я виделся два года назад в Орахово) спрашивали меня о России, о ее правителях, о верующих и неверующих людях, о монастырях, о том, что нас ожидает в ближайшем будущем. Я сказал, что ситуация в нашей стране очень тяжелая, Россия переживает самую трагическую страницу своей истории, нас ожидают новые испытания и скорби, но Промысл Божий хранит нас. У нас нет Царя, но зато есть Царица – Божия Матерь, Которая печется о нас, Ее Покров мы ощущаем каждый день и каждый час. Она постоянно подает нам знаки Своей милости. Недавнее пребывание в России Ее чудотворного образа – иконы Курской-Коренной – еще одно большое утешение для нас.

После полудня мы вернулись в свой монастырь.

Вскоре Божидар уехал в Сербию за отцом Петром.

26 октября

Установилась хорошая солнечная погода. Владе сказал, что последние несколько дней дождь лил, не переставая. «Река Морача стала, как Волга».

Я отдыхал и отсыпался.

27 октября

Отец Петр и Божидар вернулись домой только в пять часов утра. Немного отдохнув, батюшка совершил Божественную Литургию. Владе исповедовался и причастился Святых Хритовых Таин. Он говел семь дней. Я поздравил его с причащением.

Владе вышел на пригорок и на камне сжег листок бумаги, на котором были написаны его грехи. Дымок растаял в воздухе, от грехов ничего не осталось. Владе перекрестился и, довольный, вернулся в братский корпус.

На Литургии присутствовали двое гостей (о них я уже говорил чуть выше): житель села Враньино и его родственник из Боснии и Герцеговины. Последнего зовут Видосав Джурджевич; он живет в городе Банья Лука, работает в газете «Фокус». Мы обменялись телефонами, я подарил ему свою книгу «Апостольский рейс».

Узнал два новых сербских слова: новина — газета, новинар — журналист.

28 октября

На улице — плюс восемнадцать градусов, а мне холодно, не могу согреться. Сырость! Этот климат не для меня. Принял решение побыстрее уехать в другое место, на побережье. Может быть, там будет лучше.

* * *

«Да будет правилом нашей жизни: всюду, откуда идем, идти с любовью, куда идем — нести любовь. Любовь — наше солнце, наш свет. С ним не заблудимся — ни вверху, ни внизу, ни на горе, ни под горой. Аминь».

Так сказал протоиерей Валентин Амфитеатров.

«Священнический труд тяжел, очень тяжел, если исполняется по чину и по совести, но он безмерно легок, когда священнику приходится видеть добрые плоды посеянного им на ниве любви...»

Это сказал он же.

29 октября

Ура! Нашел ключ к повести «Источник»! Главная мысль возникла неожиданно, как бы сама собой. Так всегда бывает после длительной внутренней работы.

Слава Богу! Теперь можно приступить к техническому воплощению повести.

* * *

Батюшка с Божидаром съездили в город Требинье (это уже Босния и Герцеговина). В этом городе живет друг отца Петра, пасечник; он подарил батюшке один улей с пчелами. Теперь в обители уже пять ульев.

30 октября

С утра подул северный ветер, хотя небо чистое, и солнце пригревает. Он не прекращался весь день. Похолодало. Озеро окрасилось в зеленоватый цвет, соревнуясь с Морачей. Ближе к вечеру в восточной части неба появились облака, такие, как в средней Руси.

Днем в монастырь зашли сразу пять человек. Я думал, это паломники. Нет, это были люди деловые. Ита-

льянский кинорежиссер искал натуру для съемок своего очередного фильма. Его сопровождали черногорцы. Режиссер много снимал цифровым фотоаппаратом, для памяти.

Только сел заниматься, отключили свет — из-за сильного ветра.

31 октября

Света не было всю ночь, а это уже целая проблема, так как келии наши остыли, а обогреть их нечем. Кое-как переночевал в холодной келии. Энергию дали только около двух часов дня.

Отец Петр плохо себя чувствует и поэтому не служил Божественную Литургию, хотя сегодня большой праздник — день памяти святителя Петра Цетинского. Основные торжества в городе Цетинье. Там наверняка собралось несколько архиереев и много священников.

Я спел тропарь святителю Петру и помолился ему.

День такой же, как и вчера. Сырость — вот главная беда. Мне здесь не климат, надо срочно уезжать. Но куда? Сегодня до митрополита Амфилохия не дозвонишься, может быть, завтра что-нибудь получится.

Отец Петр тоже сильно страдает от сырости. Он здесь всего год и два месяца. Сколько он здесь продержится, неизвестно.

* * *

В одной из небольших лагун, вблизи нашего берега, под лучами яркого-преярко солнца засеребрилась вода — это походило на пляску светлячков. Серебряное пятно

слегка перемещалось то вправо, то влево. Светлячки, находящиеся на его периферии, отрывались от поверхности воды и исчезали, чтобы через секунду появиться в новом месте, — они были жгуче-светлыми.

Серебряная поверхность постоянно меняла свои очертания. Светлячки, играя, перебегали с места на место и вдруг — совершенно неожиданно — образовали крест.

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе! — воскликнул я, осеня себя крестным знамением.

* * *

Я прогулочным шагом шел по дорожке вниз; вдруг за моей спиной возник странный шум, какого я здесь никогда не слышал; не успел я оглянуться, как мимо меня стремительно пронеслась стая птиц, она повернула направо и исчезли за деревьями — шум создавали крылья. Куда спешили птицы, почему они развили такую скорость, что руководило их действиями? Увы, этого я не знал.

* * *

В библиотечке отца Петра есть одна книга. Она называется: «Мировая история. Новое время — 19 век. Школьная энциклопедия». Более чудовищной по своей вредности книги я еще в жизни не встречал. Во вступительной статье говорится: «19 век — это век Наполеона Бонапарта». Ни более, ни менее. И, конечно, этой фигуре уделено много места, включая разные иллюстрации.

Книга воспеваает либералов, революционеров (большой частью французских), атеистов, богохульников, государственных деятелей Франции, Англии, но отнюдь не России. Отдельная статья посвящена банкирам Ротшиль-

дам, ярим врагам России и Православия, причем даны их портреты.

В книге нет ни одного слова о Бородинской битве, даже не упомянуты имена наших великих писателей — А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, не упомянут ни один наш Государь Император, в том числе Александр II — Освободитель.

Энциклопедия лжива от первого до последнего слова (издательство «Олма-пресс Образование»). Ее тираж — сто тысяч экземпляров. Председателем научно-редакционного совета фонда «Школьная энциклопедия» является видный ученый. Книги, выпущенные под его руководством, предназначены прежде всего ученикам, то есть будущему России.

Я спросил у отца Петра, где он купил эту книгу.

Он ответил:

— В электричке.

1 ноября

Воскресенье. Встал в обычное время, прочитал утренние молитвы, а также Последование ко Святому Причащению, каноны и положенные молитвы. А потом пошел в храм. В это время отец Петр обычно заканчивает проскомидию и готовится начать Божественную Литургию. Открыл дверь храма, но... в нем никого не было. Значит, батюшка с Божидаром и Владе уехали в какой-то другой монастырь. Но почему они не предупредили меня? И почему не взяли с собой? Какая-то загадка.

Неужели я останусь сегодня без Литургии и без причастия Святых Животворящих Таин? Очень, очень жаль. А может, они еще приедут, и батюшка будет служить здесь? Это маловероятно.

Я пошел по дорожке вниз, дошел почти до причала, а потом вернулся назад.

Очень серьезное искушение.

Отец Петр и его спутники вернулись около тринадцати. Они были в монастыре Святителя Николая в Орахово, там состоялось воскресное богослужение. Два года назад я был в этом монастыре вместе с митрополитом Амфилохием.

Батюшка ничего не сказал о поездке, а я ничего не стал спрашивать.

2 ноября

Снова зарядил дождь. Отец Петр справился в Интeрeтe и сказал, что это на целую неделю. Ничего, нам не привыкать.

Начал повесть «Источник». Первая глава ключевая, из нее вытекает содержание всей книги. Разговор главного героя книги со своим духовным отцом происходит в Троице-Сергиевой Лавре.

В свое время Николай Чернышевский написал свой знаменитый роман «Что делать?», в котором пытался ответить на главный вопрос времени. Поскольку он ходил в темноте, то, само собой разумеется, путь, который он указал современникам, был ложный.

Позднее, в начале двадцатого века, другой известный писатель – Максим Горький – написал роман «Мать». Он написал его по подсказке Ленина (нашел, кого слушать!). Книга получилась очень вредной, она сыграла негативную роль в судьбе России.

Эти писатели (да и многие другие) не знали, как ответить на вызовы времени, потому что были безбожниками.

Моя книга, если я ее завершу с помощью Божией, тоже отвечает на вопрос: Что делать? Но отвечает совсем по-другому, чем в романах упомянутых авторов.

3 ноября

Утром батюшка сообщил мне приятную новость: митрополит Амфилохий благословил меня переехать в другой монастырь. На мой личный выбор. Я посоветовался с отцом Петром. Он сказал, что лучше всего остановиться в монастыре Подмайне в Будве. Настоятель этого монастыря — иеромонах Рафаил — его близкий друг.

— Я с ним обговарю этот вопрос, — пообещал он.

На улице такой туман, что не видно гор на другой стороне озера. Правда, дождя нет. Он начался чуть позднее. Несмотря на это, отец Петр отправился куда-то по своим делам.

— Батюшка, возьмите зонтик! — крикнул я.

— Я так! — на ходу ответил он, ускоряя шаг.

Рядом с ним шагал Божидар, и тоже, конечно, без зонтика. Они привычные: дождь, туман, холод — им все равно.

4 ноября

Батюшка позвонил отцу Рафаилу. Тот согласился меня принять.

— Когда поедешь? — спросил меня отец Петр.

— Через час.

— Очень хорошо, Божидар отвезет тебя.

Я поблагодарил батюшку за гостеприимство, попрощался с ним, а также с Владе, и мы с Божидаром отправились на пристань.

— А ты знаком с отцом Рафаилом? — спросил я у Божидара.

– Да. Он мой родственник. У него такая же фамилия, как и у меня – Радович.

Мы заехали в Подгорицу (там у Божидара было какое-то небольшое дело) и через Цетинье прибыли в Будву. Погода была хорошая, без дождя, иногда выглядывало солнце. Температура во Враньино была плюс одиннадцать, а в Будве, наверно, на пару градусов теплее.

Иеромонах Рафаил – высокий, худой, в тонких очках, лет тридцати пяти – встретил меня очень доброжелательно; он немножко говорит по-русски; понимает то, что я говорю. Мы с ним пообщались минут двадцать и, кажется, нашли общий язык.

– Откуда произошло название вашего монастыря? – спросил я.

– Чуть выше находится село Майне, а мы – ниже; отсюда и название – Подмайне.

Братия монастыря небольшая: один иеромонах, двое или трое послушников и несколько трудников. Общаться с братией мне помогает послушник Дарко, молодой человек лет тридцати. Он двенадцать лет прожил в России, а точнее, в Москве, и очень хорошо говорит по-русски.

Келию отец Рафаил выделил мне на первом этаже. Келия удобная (окна выходят к храму), в ней есть туалет и душ, а также горячая вода.

Вечером, когда стемнело, я вышел погулять на террасу. Внизу, веером, полыхало море огней. Будва, прекрасный курортный город, звал к себе. Но мне там нечего было делать. А туристы, несмотря на позднюю осень, гуляли по улицам – дождя нет, а воздух теплый.

5 ноября

Проснулся рано. Вышел на улицу. Ночью прошел дождь. Над горами, которые окружают Будву с севера,

темные тучи. Очень приятный, теплый морской ветер освежал лицо. Рядом с монастырем протекает небольшая речушка, она вздулась от осадков; мутная, грязная вода, клокоча на камнях, с шумом неслась вниз, к морю.

В храме служится Литургия Апостола Иакова; она служится один раз в году, в день памяти святого Апостола. Это древнейшая Литургия, она длится два с половиной часа. Ее особенность еще и в том, что прихожане причащаются Святых Христовых Таин так же, как и священники, — то есть сначала христианин получает из рук батюшки Тело Господа нашего Иисуса Христа, а потом из Чаши он пьет Его Кровь. Эту Литургию служат обязательно два священника: отцу Рафаилу помогал иеромонах Петр — не тот Петр, у которого я жил последнее время, а другой.

Трое рабочих возводят каменную ограду у входа в монастырь. Один из них обтесывает камни, придавая им гладкую правильную форму, другой готовит и подвозит на тачке цементный раствор, а третий возводит стену. Если у первых двух работа сравнительно простая, то о третьем этого не скажешь. Прежде чем положить камень, он обдумывает, какой камень здесь лучше всего ляжет, деревянным брусом проверит ровность кладки, линейкой измерит длину и ширину камня, — одним словом, это очень непростая работа. Любой каменщик, который в России, да и не только в России, кладет стену из кирпичей, местному мастеру и в подметки не годится.

Работа шла медленно. Да здесь быстрота и не нужна, а нужны надежность и качество.

6 ноября

Под утро, сквозь сон, услышал раскаты грома, а потом шум дождя. Когда рассвело, дождь утихомирился, однако

небо было темное и мрачное, южный ветер гнал и гнал тучи — так пастух длинным бичом погоняет свое стадо; тучи скрывались за зелеными горами, которые с трех сторон окружали Будву. Дождь, теперь уже мелкий, не прекращался.

Кто-то сказал, что когда мы не оплакиваем своих грехов, за нас плачет природа. Вот почему во всем мире стало больше ненастных дней, чем солнечных. Мы все ждем, чтобы выглянуло солнце, чтобы оно согрело нас, чтобы было благорастворение воздухов, но мы этого не достойны, потому что не расстались со своими грехами.

Вышел на прогулочную площадку, точнее, на галерею, расположенную на южной стороне старого братского корпуса, и увидел группу туристов. То, что они туристы, было видно по их лицам.

— Вы из России? — спросил я одного из них, мужчину лет пятидесяти.

— Да.

— Какими судьбами сюда попали?

— Мы участвовали в марафонском забеге: от Подгорицы до Даниловграда и обратно, уже по другой дороге.

— Ну и как, одолели дистанцию?

— Не все. Кое-кто только половину, мы ведь любители.

— А кто пришел первым?

— Русский. Он профессионал.

— Какое время показал?

— Два часа одиннадцать минут.

— Молодец. А вы откуда?

— Я из Нижнего Новгорода, несколько человек из Подмосковья, остальные из других мест.

— Вы, наверно, каждый год участвуете в марафонах?

— Да. Я бегал и в Италии, и в Бельгии, и в Германии, и во Франции, и во многих других странах.

– Короче, всю Европу уже обегал.

– Так оно и есть.

– Это хорошо, но только...

– ... что именно?

– Это не главное в вашей жизни. По вашему лицу я вижу, что вы человек невоцерковленный. На вас есть крестик?

– Нет.

– Вот видите. А разве можно бегать без крестика?

– А на мне есть крестик, – сказал другой марафонец, мужчина лет тридцати пяти-тридцати семи.

– Это очень хорошо. Но и вы тоже человек невоцерковленный. Да и все остальные ваши спутники. Бегать можно, даже на такие длинные дистанции. Но бег не спасает человека. Спасает только Христос. А Христа можно узнать только в православном храме.

Бегуны (их было человек семь-восемь) окружили меня, и я кратко рассказал им о том, что нужно очищать свою душу от грехов и готовить ее к Жизни Вечной. Пока есть время, пока открыты храмы, пока нет гонения на Православную Церковь. Одним словом, я посеял семя, а возвращать его будет Сам Христос.

Мы тепло попрощались, я сказал, что помолюсь о них; потом мы сфотографировались на память, и они покинули монастырь.

Я вернулся в келию. Вдруг небо помрачнело, и грянул такой ливень, какого я давно уже не видел. Стало темно, как ночью. Где-то в стороне ворчал гром.

Бегуны перед уходом сказали, что на следующей неделе будет хорошая солнечная погода. А в Нижнем Новгороде, добавил мужчина, сегодня минус шесть. Значит, примерно такая же погода и в Москве, заключил я.

* * *

Будва похожа на Ялту, только Ялта в несколько раз больше. В Крыму горы не такие большие и крутые, как здесь.

Когда едешь из Цетинье по горному серпантину, то Будва открывается как на ладони: белые домики с бордовыми крышами.

Будва похожа на ласточкино гнездо.

7 ноября

Наконец, узнал прогноз на ближайшую неделю-другую: до десятого ноября включительно будут поливать дожди, а потом циклон уйдет, и появится солнце.

Моросил мелкий дождь, он для прогулки не помеха, я взял зонтик и пошел прогуляться по ближайшим улочкам. Дома большие (самое малое два этажа), просторные, добротные, некоторые из них просто красавцы; все они построены с одним прицелом: сдавать отдыхающим. Очень много домов пока строятся, в том числе гостиницы (пяти-шести этажные). Увидел один деревянный коттедж, предназначенный только для летнего проживания, небольшой, всего на две семьи.

Хорошая погода на побережье всего четыре-пять месяцев, начиная с середины мая и кончая сентябрем. А московские паломнические службы (туристические тем более) отправляют паломников только в течение трех летних месяцев.

В монастыре состоялось всенощное бдение под воскресный день. Присутствовало человек двадцать верующих. Одна интересная особенность: во время службы во

всю заливался сверчок, да причем очень громко. Он тоже участвовал в службе. Особенно длинные рулады он выводил тогда, когда отец Рафаил произносил проповедь.

Это был воцерковленный сверчок.

Вот как бывает: сверчки воцерковляются, а люди — нет.

Сверчки поют гимн любви, а люди — нет.

Сверчки воздают хвалу Богу, а люди — нет.

Сверчки понимают важность покаяния, а люди — нет.

Сверчки имеют страх Божий, а люди — нет.

Сверчки живут в послушании Господу Богу, а люди — нет.

Когда закончилась великая вечерня, иеромонах Рафаил воскликнул:

— Христос воскрес!

Прихожане ответили:

— Воистину воскрес!

Правильно: служба посвящена Воскресению Христову.

Затем состоялась исповедь. Исповедовалось человек шесть-семь. Подолгу. Видимо, не так часто приступают они к этому Таинству. Правда, одна монахиня исповедалась быстро, она наверняка каждую неделю приступает к Чаше.

Питание в монастыре такое: утром, в 9-30, первое блюдо и еще что-нибудь несущественное; через четыре часа — чай, а вечером ужин (то же первое блюдо, что и утром).

Большая разница с русскими монастырями.

В трапезной большой камин. Во время трапезы полыхает яркий огонь: тепло, уютно. Я сказал как-то отцу Рафаилу:

— У вас тут как в средневековом замке.

Он ответил, показывая на одного из послушников:

— А это современный принц!

8 ноября

Воскресный день совпал с праздником святого великомученика Димитрия Солунского. Несмотря на дождливую погоду, храм полон (собралось, наверно, более ста человек). Никак этого не ожидал. У входа в храм оставлены десятки зонтиков, разных размеров и разной расцветки.

После чтения Евангелия иеромонах Рафаил навел венцы на молодоженов: они стоят в центре храма, за аналоем. То есть Таинство Венчания началось еще во время Божественной Литургии. Интересная практика!

Символ веры читали хором все, кто находился в храме, правда, вразнобой. А вот *Отче наш* пели, и спели хорошо.

Причащалось много детей, а вот взрослых маловато. Я был среди последних.

В конце богослужения батюшка закончил Таинство Венчания.

Вышел на улицу — дождя нет. Солнце! Ура! Сразу все осветилось, воспринимается совсем по-другому: была как бы ночь, а настал день. Я воспользовался этим и сделал серию снимков.

В обители есть еще одна трапезная, очень большая, на первом этаже нового корпуса; в ней молодожены предложили всем присутствующим чай, вернее, кофе (это в России чай, а тут, на Балканах, кофе) со сладостями четырех видов.

Потом был обед для братии. Когда он закончился, отец Рафаил воскликнул:

— Христос воскрес!

Мы дружно ответили:

— Воистину воскрес!

9 ноября

Утром опять солнце. Я пошел погулять по новому маршруту: вдоль реки с искусственными водопадами. Высота водопадов полтора-два метра, они сооружены через каждые пятьдесят-шестьдесят метров. На противоположной стороне речушки, у подножия горы, увидел симпатичную усадьбу с приятным ухоженным двориком.

Дорога, огибая гору, забирает вправо, особняки вдоль нее большие, но у них один существенный недостаток: они расположены на теневой стороне.

Скоро я достиг тупика; пошел по другой дорожке, вправо и вверх, и снова тупик; здесь, среди скал, стоит небольшой домик — летняя дача кого-то из местных жителей.

Вернулся к монастырю. Дай, думаю, пройду еще по одной дорожке, вдоль другого горного ручья. Здесь встретил рабочего, он копал траншею.

— Поможе Бог! — приветствовал я его.

— Бог помог! — ответил он.

— Для чего траншея? — спросил я.

— Для телефонной линии.

У рабочего было три орудия труда: лопата, кайла и тяжелый молот. Молотом он разбивал асфальт или бетон, кайлой размельчал, а лопатой выбрасывал землю, камни и прочее. Работал он очень быстро, умело. Одышки у него не было, пота на лбу тоже не было. Ему было лет тридцать пять-сорок. «Всю жизнь, видно, занимается этой работой. Профессионал», — подумал я.

Рядом, на обочине дороги, стояла машина, на которой он приехал. «Еще один рабочий инструмент рабочего человека».

10 ноября

Встретил во дворе русского. Быстро познакомились. Владимир Лебедин из Санкт-Петербурга. Приехал в Черногорию на десять дней, остановился в гостинице в Будве. Уже объездил на такси почти всю Черногорию, завтра собирается съездить в монастырь Острог.

— Какую икону купить мне, чтобы у меня был покровитель в Черногории? — спросил он.

— Святителя Саввы, — посоветовал я.

Кроме того, он купил две свечи — за здоровье и за упокой. И заторопился:

— Такси ждет. Помчусь дальше.

Мы едва успели обменяться телефонами.

* * *

Позвонила Людмила из Москвы. Говорит, что журнал «Православная беседа» готовит для публикации мой очерк «Матреша». Нужны подписи к фотографиям. Если я в ближайшее время вернусь домой, то вопрос решится быстро. Если задержусь, то... Впрочем, посмотрим.

11 ноября

Синоптики врут не только в России, но и в Черногории: обещали с сегодняшнего дня прекращение дождей, хорошую погоду, но ни того, ни другого нет. Все же удалось немного погулять.

На монастырской площадке встретил женщину с ребенком. Ей около сорока, а ребенку — около двух лет.

— Вы русская? — спросил я.

— Да.

— Здесь живете?

— Уже несколько лет.

— Привыкли к местному климату?

— Нет, не привыкла. Зимой дожди и дожди. А в доме нет стационарного отопления. С нагревателями очень трудно. Хочу на два месяца уехать в Санкт-Петербург, там хоть в квартире тепло.

— Это ваш родной город?

— Совершенно верно. Вышла замуж за иностранца. Он поляк, живет в Англии. Я прожила с ним пятнадцать лет, потом развелась. Вышла замуж за серба, который живет в Черногории. Наш дом в Бечичи.

— Как вас зовут?

— Эльмира.

— Это неправославное имя.

— Оно азербайджанское. Мой отец азербайджанец, а мать русская.

— Вы крещеная?

— Да.

— Какое у вас в крещении имя?

— Мария.

— Вот это другое дело.

Лицо у нее было тусклое, усталое, безблагодатное. Было ясно, что она неверующая.

Я задал ей несколько вопросов насчет паспорта и местной визы. Она сказала, что визу на три месяца лучше всего сделать в Москве. Нужно только взять необходимое письмо-ходатайство в консульство от храма или издательства.

Она показала мне ближайший продовольственный магазин, в котором можно купить очень хорошие молочные, мясные и рыбные продукты. Сегодня постный день, поэтому я купил только баночку сардин. Они оказались превосходного качества.

12 ноября

Ну вот, сегодня небо чистое, солнце сияет вовсю, однако воздух прохладный, чувствуется приближение зимы. Гулять все же можно. Что я и сделал. Прошелся по новому маршруту: вверх по дороге, а потом вправо и вниз. Встречаются прекрасные особняки, есть хорошие, средние и так себе.

Сверху открывается вид на город и на бухту, посреди которой стоит каменистый необитаемый остров. Вдали, почти на горизонте, медленно продвигался большой морской корабль, возможно, танкер.

Потихоньку осваиваю материал для повести «Источник». Вырисовывается сюжет, накапливаются детали.

13 ноября

Вышел на церковный дворик. Смотрю: русская семья — муж, жена и трое детей. Сразу же познакомились (за границей это происходит очень легко). Через минуту я знал о них уже почти все. Дмитрий Буданов, глава семьи, примерно сорока лет. Сняли апартаменты в Петроваце; ездят на машине по Черногории. Жалко, попали в затяжные дожди.

Семья воцерковленная, окормляются у отца Артемия Владимирова в Красном Селе.

Дмитрий поразил всех жителей Петроваца тем, что купался в море. Это зимой-то!

Завтра они отбывают домой.

Конечно, обменялись телефонами.

14 ноября

С утра — солнце. Вышел на террасу. Припекает. Снял плащ и погулял в одном пиджаке. Но недолго. Солнце спряталось за облако, и сразу стало прохладно.

Позвонил своим в Москву, и сказал, что примерно через неделю возвращаюсь домой. В Москве температура весьма приличная — плюс пять-шесть.

15 ноября

Воскресный день. Как всегда, состоялась Божественная Литургия. Обычно отец Рафаил исповедует накануне, в субботу вечером. Но вчера он был занят и поэтому исповедал меня сегодня утром.

Почему-то сегодня народу было гораздо меньше, хотя дождя нет, погода ясная, в половине десятого выглянуло солнце. Причащались в основном дети, и я с ними. Господь сказал: «Будьте, как дети, иначе не войдете в Царствие Божие». Вот я и стараюсь быть похожим на детей.

Сегодня была отличная трапеза, для этого монастыря большая редкость.

После обеда прилег отдохнуть. И вдруг:

— Бам! Бам! Бам! — всюю загремел колокол.

«Наверно, приехал какой-то архиерей», — подумал я. Подошел к окну. Нет, никого не видно. А колокол продолжает греметь. Три минуты, пять, восемь. «Наверно, только на подъезде архиерей. Слишком рано начали звонить».

Колокол между тем не унимался.

«Понял, в чем дело. Архиерей едет по главной дороге города Будвы, направляясь или в Цетинье, или в Герцег-Нови».

Вскоре колокол замолк.

Через час я зашел в иконную лавку. Там был Дарко, хозяин этого заведения.

– Слышал новость? – спросил он у меня.

– Нет.

– Отошел ко Господу Патриарх Павел.

Вот почему гремел колокол, догадался я.

– Сколько ему было лет?

– Девяносто пять, а может, девяносто шесть.

– Ого! Архимандриту Кириллу (Павлову) примерно столько же. Наверно, и он скоро переселится. Возможно, эти события станут какой-то поворотной точкой в истории России и Сербии.

– Может быть. Похороны состоятся, скорее всего, дней через восемь-десять, вся Сербия и Черногория должны попрощаться с ним. Все Патриархи придут, архиереи и священники из разных стран.

– А где его похоронят?

– Не знаю. Может быть, в Печской Патриархии.

16 ноября

С утра в монастырь приходят и приходят люди. У всех один вопрос:

– Где поставить свечку за упокоевание души почившего Патриарха Павла?

Двое сербов – муж и жена – приехали в монастырь впервые. Они из Белграда, журналисты. Его зовут Небойша, ее – Диана. Они хорошо понимают меня, а я хорошо понимаю их. Я провел их в нижний, древний храм, там они поставили свечи. Я тоже поставил две свечи.

– Вы были в монастыре преподобного Сергия Радонежского вблизи города Бар? – спросил я их.

– Нет, не были, – ответили они.

– Если не против, давайте съездим туда вместе. Там подвизаются русские сестры. Игуменio монастыря – монахиню Феодору – я знаю.

– Хорошо. Завтра или послезавтра мы, может быть, выкроим время и поедем.

Кстати, у Небойши и Дианы в Будве есть собственный дом. Поэтому они приезжают сюда довольно часто.

Во второй половине дня Дарко показал мне архиерейские покои. Просторная, но очень скромная келия с тремя окнами, два окна выходят в сторону моря, а третье – на галерею. Стол, стул, кресло, простая лежанка, закрытая бордовым покрывалом.

В этой келии останавливался святитель Петр Цетинский, а также Петр Негош; портрет последнего висит на стене.

Мы посмотрели и библиотеку, которая находится рядом с келией. Большая комната с длинным столом посредине; вдоль стен – полки с книгами, среди которых немало и на русском языке. В дальнем углу – четырехугольник на каменном полу, обрамленный низенькими бортиками.

– Что это такое? – спросил я.

– Место для разведения костра.

– ?

– Это своеобразный, как бы походный, камин, у которого можно погреться в холодные зимние вечера.

* * *

В монастыре Подмайне очень почитают святого великомученика Георгия Победоносца: во-первых, сегодня в честь него была отслужена Божественная Литургия, а, во-вторых, на трапезе появилась... рыба. Ее не подавали даже в воскресные дни.

* * *

Когда я жил в монастыре у отца Петра, то там, на отшибе, было мало отвлекающих факторов; а Будва — это город, поэтому отвлекающих факторов очень много. В жилом корпусе рабочие очень громко разговаривают; откуда-то доносится музыка; по воскресным дням, в конференц-зале, что на нижнем этаже, проводятся духовные беседы для прихожан и братии; бабушка говорит в микрофон, звук очень сильный, от него никуда не скроешься; наконец, строители: каждый день где-то не очень далеко автоматический молот забивает сваи; жуткий металлический звук раздаётся и утром, и днем, и вечером, от него тоже никуда не денешься.

* * *

Черногория — это страна гор. Ровных, а тем более плодородных земель тут очень и очень мало. Поэтому каждый черногорец должен быть верующим человеком. Если он имеет веру — не говорю: с горчичное зерно, а с крохотной, малюсенькой дольки горчичного зерна, — тогда он может сказать любой горе: сдвинься с места и ввергнись в море! И получит ровное место для жилья и для приусадебного участка.

17 ноября

Изумительный, почти летний день. Солнце сияет вовсю, как будто оно совсем забыло о временах года. Местные жители ходят в одних рубашках. Но для меня эта погода все равно не летняя.

Промелькнул кратенький денек, солнце ушло на покой, спрятавшись за темную гору, и сразу стало прохладно, зябко, сыро.

Переговорил по телефону с матушкой Феодорой, игуменьей монастыря преподобного Сергия Радонежского; сказал, что хочется навестить ее обитель; она ответила, что у нее машины нет.

– Сколько километров до монастыря от города Бар?

– Пятнадцать. И все время в гору.

– Монастырь на какой высоте?

– Девятьсот пятьдесят метров над уровнем моря.

– Ого! Выше, чем Цетинский монастырь.

Матушка добавила, что попытается найти где-нибудь машину.

Поздно вечером ко мне в келию зашел Дарко и сказал, что завтра в одиннадцать часов на автобусной станции города Бар меня будет ждать Никола; он повезет меня в монастырь.

– Он русский? – спросил я.

– Нет, серб.

18 ноября

Утром я взял благословение у отца Рафаила на поездку. Вместе с Дарко на монастырской машине мы доехали до автобусной станции Будвы. Здесь я купил билет до города Бар.

– Когда отправляется автобус? – спросил Дарко.

– Через пять минут.

Я был единственный пассажир в микроавтобусе, рассчитанном на десять-пятнадцать человек. По пути, на окраине Будвы, сел еще один пассажир, но он быстро вышел.

Погода была идеальная. Однако пляжи были пусты, да и на улицах были в основном местные жители.

До Петроваца дорога была мне знакомая, а вот дальше пошла новизна: другие горы, другой рельеф, другая панорама. Въехали в большой город. «Вот он, Бар», — подумал я. Но это был город Шушани. Город Бар начался следом за ним. Сначала пошли обычные частные дома, справа, на береговой полосе, промелькнула сосновая роща, а потом мы помчались по улице, состоящей из многоэтажных домов, как в любом большом городе.

Через несколько минут автобус прибыл на станцию. Весь путь занял один час. «Ехал как будто на такси, только еще лучше», — подумал я.

Меня встретил Никола. Это был молодой паренек лет двадцати пяти в легкой красной куртке, с короткой стрижкой. По-русски он не разговаривал, но мы все равно каким-то образом понимали друг друга.

— С нами поедет еще один человек, — сказал он.

Мы подъехали к храму в центре города, из церковного дома вышел пожилой человек с лицом, изборожденным глубокими морщинами, с кустистыми седыми бровями. Он протянул мне руку:

— Милан.

Так я познакомился с Велимиром-Мило Драговичем, старожилом города Бар, по инициативе и стараниями которого всего за год был построен монастырь преподобного Сергия Радонежского. Пока мы ехали, он рассказывал о себе и о своем детище.

— Мой главный помощник в строительстве обители — Виталий Иванчиков, предприниматель из Новосибирска. Он внес львиную долю средств в это дело. Монастырь преподобного Сергия — это русский форпост в Черногории, мощный духовный заслон против мусульман, кото-

рые не оставляют своих коварных замыслов против моего народа.

Настоятельница обители назначена русская монахиня Феодора, которая подвизается в нашей стране уже более семи лет, — продолжал Мило. — Первой постриженицей монастыря стала монахиня Сергия — в честь преподобного Сергия Радонежского.

Храм и обитель освятил митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий. Это произошло четыре месяца назад.

Миновав последние частные домики, машина стала подниматься в гору. Один поворот следует за другим, и вдруг нашему взору открылась чудесная панорама города. Он раскинулся на обширной равнине. Центр города обозначен несколькими многоэтажными кварталами. Частные беленькие дома-коттеджи разбежались в разные стороны. На северной стороне они взбежали, насколько хватило сил, на широкий склон большого хребта (а малых тут и не видно).

Очень хорошо виден морской порт. Берег под прямым углом уходит далеко в море, оберегая город от ветров, бурь и штормов.

Дорога между тем бежит дальше в горы. Они тут таких причудливых форм, что просто диву даешься. Справа от нас глубокий каньон, на дне которого видны гладкие, отшлифованные водой валуны. Однако сейчас воды нет. Видимо, она появится только с приходом сезона дождей.

— Где гора Румия? — спросил я. — Вот эта? — Я показал на гору, которая возникла прямо перед нами.

— Нет, не эта. Румия там, — Мило машет рукой куда-то направо.

«Ого, — думаю я, — значит, нам еще ехать и ехать».

Мы одолели еще много поворотов, миновали много опасных мест, — я едва успевал поворачивать голову то

направо, то налево, поражаясь мощи горных великанов. И вот наконец мы оказались на вершине одного из перевалов, откуда я увидел маленький храм и рядом с ним жилой дом.

— Монастырь преподобного Сергия! — воскликнул Мило.

Через минуту мы остановились около обители. Нам навстречу уже спешила матушка Феодора, с которой я был знаком. В середине лета она приезжала в Россию по своим делам и нашла время навестить меня.

Сначала мы зашли в малюсенький храм, приложились к иконе преподобного Сергия, а потом направились в дом, который был тоже небольшим.

Первый мой вопрос был о Григории Рачуке, с которым я год назад познакомился в Цетинском монастыре.

— Он уже священник, — сказала матушка. — Владыка Амфилохий успел рукоположить его перед отъездом на похороны Патриарха Павла. Сейчас отец Григорий служит сорокоуст в Цетинском монастыре.

— Скоро будет и у вас служить.

— Дай Бог. Он будет окормлять три горных монастыря.

— А машина есть?

— Да. Русская «Нива». Ее купили в складчину. Часть денег дал Виталий, часть — Мило, а остальные — митрополия.

— На этом вездеходе отец Григорий проедет где угодно, даже зимой, — сказал я.

— Если дорога позволит. Неделю назад у нас было землетрясение: земля зашаталась под ногами.

— Как следует трянуло только один раз, а потом уже так... слегка, — заметила монахиня Сергия, молодая, невысокая, застенчивая.

Матушка Феодора продолжала рассказывать подробности происшествия:

— Я позвонила митрополиту Амфилхию и говорю: «Владыка, нас трясет!» Он отвечает: «Разве может храм Пресвятой Троицы упасть на вас?»

Этот храм находится на вершине горы Румия.

Монастырь же расположен у ее подножия. Гора такая высокая, что нужно закинуть голову далеко назад, чтобы увидеть ее вершину. Только у ее подножия была какая-то растительность, а дальше сверкали голые сиреневатые скалы, которые казались неприступными.

— Где же тут подъем? — спросил я у Николы, который сопровождал меня во время фотосъемки.

— А вон там. — Он показал на едва заметное углубление в скале. — Тропа идет галсами.

— Сколько времени занимает подъем?

— Полтора часа.

«Н-да, тут не только за полтора часа, а, наверно, и за два с половиной часа не поднимешься».

В это время к обители подъехала еще одна машина. Это была «Нива».

— Здесь все только русское! — воскликнул я.

— Потому что русское — самое лучшее! — подхватил мою мысль среднего возраста серб, выходя из машины.

— А теперь поедем дальше, — распорядился Мило. — Посмотрим еще один монастырь и святой источник.

Мы сели в «Ниву» (я, Мило, Никола и хозяин машины, его имя, к сожалению, не запомнил). Уже через сто-двести метров я понял, что на первой машине мы бы здесь не проехали, настолько она была ухабиста и камениста. Да притом спуски и подъемы были очень крутые.

Ехали мы недолго, минут десять. Навстречу нам попала машина с прицепом, крестьяне везли дрова.

Остановились мы на склоне, свернув с дороги чуть в сторону. Небольшой участок леса был огорожен; Мило

открыл ворота, мы вошли внутрь и увидели храм. Он был освещен лучами предзакатного, все еще яркого солнца. Дубы, клены и липы бросали отчетливые тени на сухую желтоватую траву. В нижней части монастырской территории стоял домик, он был построен только наполовину.

— Здесь будет монастырь Святителя Николая, — сказал Мило.

У сербов принято строить храмы во спасение своей души — задушбины. Их строили и короли, и князи, и полководцы, и митрополиты, и простолюдины — все, у кого душа горела небесным огнем. Мило в числе их.

— Едем дальше! — распорядился он.

Впрочем, мы поехали не дальше, а вернулись примерно на полкилометра назад и остановились в низине. Выйдя из машины, мы слышали шум.

— Это водопад! — сказал Мило.

Пройдя десяток метров, мы увидели блестящий поток воды, который низвергался с высокой скалы. У ее подножия образовался небольшой водоем. Мы умылись холодной родниковой водой. Я сфотографировал своих спутников на фоне водопада.

— Источник святой? — спросил я.

— Да. Владыка Амфилохий два раза в год освящает его древним крестом, который принадлежал святому Иоанну-Владимиру.

— Вы в нем купаетесь?

— И не только я. Матушка Феодора в нем купается да и все паломники, которые сюда приезжают. Сегодня мы спешим, поэтому купаться не будем.

— А чем вызвана спешка?

— Вечером мы специальным поездом выезжаем в Белград на отпевание и похороны Патриарха Павла.

Вернувшись в обитель, мы тепло попрощались с матушками Феодорой и Сергией и отправились в обратный

путь. Горы-великаны тонули в тумане, лишь вершины их просматривались ясно, освещенные последними лучами заходящего солнца. Чем ниже мы спускались, тем туман становился все плотнее и плотнее. Казалось, мы погружаемся в ночь. И вдруг посветлело — мы прорезали туманный покров. Когда показался Бар, от тумана остались одни воспоминания.

На несколько минут мы заехали домой к Мило. Дом (скорее, прекрасная трехэтажная вилла) находился почти в центре города. Супруга Милана угостила нас чаем, и он снова заторопился.

Мы попрощались.

— До скорой встречи, — сказал Мило. — Русские и сербы надолго не расстаются.

— До скорой встречи. — Я пожал его большую горячую руку.

19 ноября

Сегодня состоялось отпевание и похороны Патриарха Павла Сербского. Он закончил земное поприще и пребывает сейчас, мы верим в это, на Небесах, у Престола Господа Вседержителя. В отпевании приняло участие около миллиона человек. В Белград прибыли не только сербы, но и все, кто знал и почитал Патриарха.

Я видел его три раза — два раза в Белграде и один раз в Дивеево, на празднике, посвященном столетию прославления преподобного Серафима Саровского.

Наверняка телевидение транслировало это событие. Очень жалко, что я не посмотрел его.

Патриарха Павла похоронили в монастыре, который находится недалеко от Белграда. Такова была воля почившего.

* * *

Вечером беседовал с Ратко. Он рассказал историю своей жизни. Она состоит из трех частей: детство и юность в Боснии и Герцеговине, более зрелые годы в Москве, а затем в Черногории, в монастыре Подмайна.

20 ноября

Утром съездили с отцом Рафаилом в центр Будвы, и я купил билет на самолет (авиакомпания «Московия», стоимость билета еще ниже, чем при полете из Москвы, видимо, не сезон). Отправление из аэропорта Тиват в четырнадцать часов местного времени. Прибытие в Москву в девятнадцать часов по московскому времени. Сразу позвонил Людмиле и попросил встретить меня. Погода в Москве хорошая, плюс пять-шесть градусов.

* * *

Послушник Радко Раканович очень хорошо понял Россию и русский народ. Россия, говорит он, это МАТЬ, мать не только русского, но и многих иных народов. Без России существование народов бессмысленно, каждый народ должен благоговеть перед святыней, имя которой — Россия. Мать-Россия держит в своей деснице каждый народ, каждого человека, каждого младенца, она ведет его, каждого человека, от рождения до самой смерти, и заботится о нем после завершения земной жизни.

Но люди этого не понимают и не ценят.

Еще хорошо Радко отозвался о русском языке. Русский язык, сказал он, не только красивый, но и очень пластич-

ный, мягкий, многозучный, он течет плавно, как река Волга. На нем очень приятно общаться и выразить свои мысли. Сербский язык грубоватый, угловатый, жестковатый, в нем нет мягкости и плавности, он во многом уступает русскому.

21 ноября

День великолепный, солнечный, ясный, тучи заблудились и ушли в другое место, а здесь, в Будве, да и на всем побережье, благорастворение воздухов.

Сразу после трапезы (она была поздняя в связи с праздником Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных) выехал в аэропорт. Послушник Светислав на своей маленькой, но шустрой машине довез меня за каких-нибудь двадцать минут. В аэропорту встретил Виталия Иванчикова, предпринимателя из Новосибирска, который прочно осел в Черногории. Он помог мне сдать багаж. Тут же увидел работницу аэропорта, которая часто бывала в монастыре Подмайне.

— Когда прибывает наш самолет? — спросил я у нее.

— Через десять минут, — ответила она.

— Какая машина?

— Boeing-737.

Чудесно! Авиакомпания исправляется!

Посадка на самолет прошла быстро, так как пассажиров было всего тридцать пять человек. Каждый пассажир занял свое «купе», три кресла. У меня был четвертый ряд.

Самолет новый, хороший, проводницы внимательные и предупредительные; что еще нужно нам, пассажирам?

Я занял место у окна. Самолет оторвался от земли и круто пошел вверх. Справа по склону горы бежит его тень,

контуры самолета просматриваются очень отчетливо. Панорама, которая открывается глазу, на редкость красивая: белые, словно игрушечные домики, с бордовыми крышами, — город Тиват, — извилистая береговая линия, нежно-бирюзовая гладь моря, горы, которые становятся все выше и выше. Самолет ложится на левое крыло, уходя на заданный курс, его тень через секунду-другую исчезает, панорама меняется, водный простор исчезает, на смену ему приходит одна горная гряда, другая — мы поднимаемся все выше и выше.

Полет прошел прекрасно; мы вылетели по расписанию и прибыли в Москву тоже по расписанию, даже минут на десять раньше. Видимо, был попутный ветер...

* * *

А теперь пора подвести итоги. Задачи, которые я поставил перед собой, были выполнены: я познакомился с новыми святынями Прекрасногории (так я стал называть эту страну), с новыми людьми, которые стали моими друзьями, лучше узнал характер обитателей этой чудной страны, закалился в ее очистительных грозах, набрался духовных и физических сил, написал несколько вещей, в том числе и этот дневник.

Для меня, православного христианина, этого вполне достаточно.

*ЭТЕЙСКИЙ
ИЕРУСАЛИМ*

I

В Иерусалиме я был пять или шесть раз — этого вполне достаточно, чтобы познакомиться с главными святынями Палестины. Однако мне хотелось побывать еще на острове Патмос, где отбывал ссылку святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов. Я стал искать разные возможности, чтобы осуществить мое желание, и скоро мне повезло. Одна из крупных туристических фирм организовала для журналистов и писателей специальную поездку на греческие острова, и меня включили в состав группы.

— Где наша первая остановка в Греции? — спросил я у сотрудника турфирмы.

— На острове Родос, — последовал ответ.

Меня это вполне устраивало, так как Патмос находился от него совсем недалеко.

II

Римский император Домициан, воздвигнув большое гонение на христиан, схватил Апостола Иоанна Богослова и, подвергнув жестоким пыткам, сослал на Патмос. Ночью, в тонком сне, святому явился Сам Господь и, утешив его, сказал:

— Этот остров весьма в тебе нуждается.

За короткое время Иоанн Богослов обратил ко Христу почти все население Патмоса. По его молитвам слепые прозревали, мертвые воскресали, прокаженные очищались, бесы, вредившие людям, исчезали. Однажды святой Апостол вместе со своим учеником Прохором уединился в пещеру. Здесь они провели десять дней. Иоанн ничего не вкушал, а только молился (Прохор же ненадолго отлучился). И был к Апостолу голос свыше: «Иоанн, Иоанн!» Тот отвечал: «Что повелеваешь, Господи?»

Голос продолжал: «Потерпи еще десять дней, и будет тебе Откровение великое». Апостол провел без пищи еще десять дней. И совершилось нечто необычное: Ангелы Божии сошли с Небес и возвестили ему некую тайну. Когда Прохор возвратился к Апостолу, тот послал его за чернилами и пергаментом, а потом два дня говорил ему о бывшем ему Откровении, а тот записывал слова своего учителя.

Апокалипсис (в переводе с греческого – Откровение) в таинственных образах показывает будущие судьбы Церкви Христовой и всего мира. Для чего это нужно? Вселенская Церковь находится в постоянной борьбе с врагами – как видимыми, так и невидимыми. Откровение передает впечатляющие картины этой брани, показывает неизбежность гибели всех и всяческих врагов Церкви, прославляет ее верных чад, утешает и ободряет их.

Последняя книга Нового Завета сокровенна. «Темнота сей книги не препятствует удивляться ей, – пишет святитель Дионисий Александрийский. – И если я не все в ней понимаю, то лишь по моей неспособности. Я не могу быть судьей истин, в ней заключающихся, и измерить их скудостью моего ума; руководствуясь более верою, чем разумом, нахожу их только превосходящими мое понимание».

Впрочем мы, современные христиане, живем в те времена, когда многое из того, о чем говорит Апокалипсис, сбывается на наших глазах.

Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки (Откр. 8,10–11).

Это – о Чернобыле, о ядерной катастрофе, последствия которой мы переживаем до сих пор.

Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя (Откр. 9, 1–2).

А это — о событиях в Персидском заливе, когда иракские воины, покидая Кувейт, подожгли нефтяные скважины.

И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей... Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить (Откр. 6, 1–2).

Тут речь идет о сегодняшнем коронавирусе. Нет ни одного человека в мире, которого бы не коснулось это бедствие и который бы не страдал от него.

Этими событиями значение апокалиптических символов, конечно, не исчерпывается; они, символы, неизмеримо глубже и таинственнее, ибо охватывают не только времена прошедшие или нынешние, но и будущие.

Один из Афонских старцев сказал: «Сейчас, в наши дни, «Апокалипсис» можно читать как газету».

III

В один из солнечных июньских дней наш самолет приземлился в аэропорту острова Родос. Моих спутников, людей светских и невоцерковленных, интересовал отдых и только отдых — это, правда, входило в заранее намеченную программу. Для отдыха, кстати, более привлекательного места трудно и придумать: остров Родос — это большой курорт, где есть и чистейшее лазурное море, и бесконечные песчаные пляжи, и комфортабельные гостиницы, и шикарные рестораны.

Лично меня это не трогало — моя душа рвалась на Патмос, к месту духовных подвигов Иоанна Богослова.

Я уже несколько раз подходил к нашему gidу Федре Маландри и просил ее проводить меня в местную епархию.

— Как только освобожусь, сразу пойдем, — обещала она.

Освободилась она только на четвертый день. Нас принял архимандрит Паисиус, секретарь епархии (митрополит был в служебной командировке). Он позвонил на остров Патмос, в монастырь Иоанна Богослова, и попросил принять церковного писателя. Кроме того, выписал бесплатный билет на паром «Марина», который отправлялся в рейс через несколько часов, и пожелал мне успешного путешествия.

На причале, куда мы с Федрой прикатили на такси за каких-нибудь четверть часа, я увидел средних лет, невысокого иеромонаха с густой волнистой бородой.

— Вы на Патмос? — спросил я у него.

— Конечно! — был ответ. — Куда же еще ехать монаху?

Его звали отец Илия, он был грек и служил на Патмосе в одном из женских монастырей. Он несколько лет прожил в России, выполняя церковное послушание, и хорошо говорил по-русски.

— Жалко, что вы служите не у Иоанна Богослова, — посоветовал я.

— Кто служит на Патмосе, все равно находится под его покровом, — ответил батюшка.

Мы поднялись на паром, о. Илия переговорил с дежурным администратором, и нас поселили в одной каюте.

До отхода парома осталось не больше пяти минут, а его в его необъятную утробу все въезжали и въезжали разные автомобили: запыленный грузовик, до верху на-

груженный какой-то строительной кладью, за ним сразу несколько красивых лимузинов, потом выдавший виды самосвал, кузов которого закрывал обшарпанный брезент, ярко-синий микроавтобус, темный солидный джип; а за ними прямо-таки нырнули несколько малолитражек. Наконец, задняя створка парома поднялась с причала, закрыла гигантское отверстие, и судно, взбурлив темно-синюю гладь залива, отошло от берега.

Я стоял на палубе, держась за поручни, и наблюдал, как остров удалялся от нас и постепенно уменьшался в размерах. Паром вышел в открытое море и, обогнув восточную оконечность острова, взял курс на север. Я решил прогуляться по судну. Одни пассажиры проводили время на палубе, другие купались в бассейне, третьи отдыхали в просторном салоне (тут преобладала молодежь). Очень многие играли в карты: молодежь резалась в подкидного, а пожилые раскладывали пасьянс. Это меня очень удивило: греки, православные люди, и вдруг такой «загиб»; неужели они не понимают, что это занятие не для христиан? В России другое дело: в карты играют в основном люди неверующие, а в Греции... впрочем, в наши дни многому можно уже не удивляться.

Паром «Марина» — целый город, обойти его невозможно и за полдня, поэтому я ограничился только верхней палубой.

IV

Через два часа мы подошли к острову Кос. Стоянка была краткая, всего десять минут, но и за это время множество машин покинуло чрево парома, а на их место въехали другие.

К острову Калимос мы прибыли, когда уже стемнело. Бухта очень маленькая — интересно, как моряки нашли ее

в ночной темноте. Остров горист: на самой высокой вершине виден крест — он освещен прожекторами. На берегу много людей, встречающих и отъезжающих. Говор, крики, суета — лето в разгаре, поэтому много путешествующих.

Отчалили. Огни на берегу побледнели и скоро исчезли. Снова темнота, и только свежий порывистый ветер и плеск воды за бортом да мелкое дрожание судна напоминали о том, что наше путешествие продолжается.

На остров Патмос мы прибыли в полночь. Отец Илия уехал в свой монастырь, а меня определил в маленькую гостиницу на берегу моря. Мне было не до сна. Я перебирал в памяти страницы Апокалипсиса и ждал той минуты, когда увижу остров при дневном свете.

Едва забрезжил рассвет, я поспешил к морю. Оно было сонное и задумчивое. Небо на востоке светлело с каждой минутой. Редкие облака окрашивались в малиновый цвет. Появились первые чайки, они кружили над водой, высматривая добычу. Над горизонтом показался краешек алого диска. На него можно было смотреть, не моргая. Диск поднимался все выше и выше, вот он отделился от линии горизонта — на воде появилась серебристая дорожка. Прошло еще немного времени, и солнечные лучи осветили весь остров. Вдали появился белоснежный теплоход, он держал курс в бухту.

День вступил в свои права.

V

Вернувшись в гостиницу, я поблагодарил гостеприимную хозяйку и отправился в монастырь. Не прошел я и километра, как услышал русскую речь. Около киоска с сувенирами оживленно разговаривали трое: глава семьи

(ему было за сорок), загорелый, упитанный, с заметным брюшком, в модных шортах, очень коротко постриженный; его жена, еще более упитанная, знающая цену не только своему мужу, но и себе, с двумя браслетами на левой руке; их дочка лет пятнадцати, очень довольная путешествием, которое сулило ей множество удовольствий.

— Рад вас приветствовать на острове Патмос! — сказал я, подойдя к ним. — В Москве я никогда бы вас не встретил, а здесь — в первый же час.

— На то он и Патмос! — отозвался глава семьи.

— Я приглашаю вас в гости к Иоанну Богослову, — продолжал я.

— Он кто — бизнесмен, политик или звезда эстрады?

— Ни первое, ни второе, ни третье — он угодник Божий.

— Мы с такими не дружим.

— Вы с какой целью прибыли на Патмос?

— Поглазеть. Это лучшее занятие для белого человека.

— Отчего вы выбрали Патмос? Есть острова и поэзотичнее.

— На других мы уже были.

— Патмос — последний?

— Почти... А еще мы любим вот такие заведения. — Мужчина показал на вывеску фешенебельного ресторана. — Там можно показать себя в оч-чень выгодном свете.. — С этими словами глава семьи, а за ним жена и дочка переступили порог привлекательного заведения.

Я продолжил свой путь. Один или два раза таксисты приглашали меня воспользоваться автомобилем, но я отказался — промчишься по улицам, а ничего не увидишь: с островом лучше знакомиться иначе.

Пешеходов на улицах мало, и юноши, и девушки, и почтенные джентльмены, и солидные дамы ездят на мо-

тоциклах и мотороллерах (это самый распространенный вид транспорта не только на Патмосе, но и на любом греческом острове).

Вскоре я вышел на причал. Бухта была заполнена прогулочными катерами и яхтами. Яхты были такие красивые, что хотелось немедленно взойти на борт любой из них и выйти в открытое море. Но у меня была другая цель, лучшая из всех возможных: монастырь святого Иоанна Богослова. Как туда попасть? Можно и далее идти пешком, можно сесть на автобус, а можно и «проголосовать» — греки очень доброжелательные люди, всегда «подбросят». Я выбрал последний вариант. Через минуту около меня остановился сверкающий Chevrolet.

— На вершину? — спросил я у водителя.

— Да.

— Подвезете?

— Садитесь.

Через восемь-десять минут мы были у стен монастыря. У него серые, мощные, высокие стены — в ширину ему расти было некуда, и он рос ввысь. Он похож на неприступный средневековый замок; со всех сторон его окружили белые симпатичные домики — так пастыря окружают овцы.

Монастырь основал святой Хосиос Христулос в одиннадцатом веке. «Мое горячее желание было, — говорил он, — поселиться на этом безлюдном островке на краю земли, где царит спокойствие и куда не пристают корабли». Нетленные мощи святого Христулоса покоятся в часовне, посвященной его имени (она находится в стенах обители).

Маленький, с пятачок, дворик (наверно, самый маленький из всех, какие мне довелось видеть в обителях за всю многолетнюю паломническую жизнь). Слева — храм

во имя святого Иоанна Богослова. Справа — иконная и книжная лавка. Если пройти дальше, то попадешь в большой музей — он занимает два этажа.

Меня встретил иеродиакон Симеон — ему было поручено опекать меня во время пребывания в монастыре; он рассказал о жизни братии (она немалая — тридцать пять человек). Ее возглавляет епископ Исидор. У каждого монаха свое послушание — то ли в библиотеке, то ли в трапезной, то ли в канцелярии; несколько монахов обслуживают паломников, которые прибывают сюда со всех концов света.

Особое послушание у архимандрита Павла: он окормляет не только братию святой обители и насельников скитов (их на острове больше десятка), но и сестер двух женских монастырей. С насущными духовными вопросами к нему обращаются как жители Патмоса, так и других близлежащих островов.

Во второй половине дня отец Симеон знакомил меня со святынями. Их в обители много: честные и цельбоносные главы апостолов Фомы и Филиппа, а также священномученика Антипы, епископа Пергамского. С большим благоговением я приложился к наручникам Иоанна Богослова.

— Когда мы пойдем на вечернее богослужение? — спросил я у своего провожатого.

— У нас только ночное богослужение, — ответил отец Симеон, — оно начнется в три часа.

Я попросил у него будильник — чтобы встать вовремя.

— Будильник не нужен, — сказал он. — Как услышишь удар колокола, сразу вставай.

Но я его не услышал — то ли потому, что крепко спал, то ли потому, что от колокольни меня отделяли толстые стены, то ли потому, что звон колоколов недостаточно

силен. Я проснулся около четырех часов и вышел из келлии. Когда спускался вниз, встретил Симеона — он шел за мной.

— Быстрее, — сказал он, — уже читается канон.

Я остановился посреди храма, чтобы удобно было молиться и класть поклоны, но иеромонах, совершавший каждение, показал мне, что нужно отойти в сторону, к стене, в одну из стасидий, предназначенных для бра- тии, — тут можно и сидеть, и стоять.

В храме царил полумрак, мерцали только лампы да еще были освещены богослужебные книги, которые лежали на плоских аналоях. Монахи читали канон на- распев — то по очереди, то оба вместе, по одной кни- ге, — получалось необыкновенно красиво. Голоса у них были сочные, свежие, акустика в храме — идеальная; я наслаждался службой, это было настоящее духовное пиршество.

Хора как такового не было. Его заменял то один, то другой монах. «Символ веры» прочитал седой старец — медленно, с паузами, вникая в смысл каждого слова; он читал так, как будто отчитывался перед Господом за всю свою прожитую жизнь.

После Божественной Литургии монахи пригласили меня и трех молодых паломниц, приехавших из Афин, на чашечку утреннего кофе.

VI

— Где пещера Апокалипсиса? — спросил я у отца Симе- она, когда мы вышли на улицу.

— Она чуть ниже, на склоне горы, — ответил он. — Туда лучше пойти прямо сейчас.

Я так и сделал.

В пещере, а точнее в преддверии к ней, меня встретил иеромонах Евфимий; у него умное скуластое лицо, густые брови, добрые лучистые глаза и белоснежная, почти до пояса, борода. Мы троекратно, по-христиански, облобызались, и он движением руки показал, куда мне нужно идти. Вниз, в пещеру, ведет крутая лестница с высокими ступенями — один пролет, другой, третий. Широкие, открытые настежь двери, над ними — надпись: «Это место, производящее неизгладимое впечатление, не что иное, как дом Бога; это — дверь на Небеса». Я осенил себя крестным знаменем и с волнением, известным только верующим, вошел в храм (да, это храм с двумя небольшими иконостасами и двумя алтарями).

Знакомый запах ладана, который курился здесь не так давно, мерцание свечей, старинные иконы, благоговеи-ные паломники. Но все это я заметил потом, потом... А первое впечатление...

Переступив порог пещеры, я оказался... на Небе, в Райских Обителях, в Неземных Чертогах, где курится душистый благовонный фимиам и звучат дивные хоры светлооких Ангелов. Моя душа пела и ликовала... Такого со мной еще никогда не бывало — ни в одном храме, ни в одном монастыре. Приложившись к иконе святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и поставив перед ней свечку, я прошел вглубь пещеры. Левый придел — просторный, с высокими сводами, с паникадиллом, с окном, выходящим на склон горы, а правый — строгая пещера: низкий свод — если протянуть руку, можно коснуться серой шершавой скалы (чем дальше, тем скала поднимается выше и круче); стена с небольшим плавным изгибом, почти ровный, с небольшими трещинами пол — все осталось таким, каким было девятнадцать веков назад.

Вот место, где стоял Иоанн в тот страшный и грозный день, когда... Мое слабое и неверное перо не в состоянии описать того, что происходило с Тайнозрителем; и будет лучше, если он сам расскажет об этом.

Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквям, находящимся в Азии: в Ефес и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию. Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и, обратившись, увидел семь золотых светильников и, среди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей. И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый (Откр. 1, 10–17).

Большая — почти во всю высоту пещеры — икона, справа от Царских врат, изображает именно это событие. Святой Апостол лежит у ног Спасителя, не в силах подняться и обрести дар речи... *И Он положил на меня десницу Свою, и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти. Итак, напиши, что ты видел и что есть, и что будет после сего* (Откр. 1, 17–19).

В этот момент монолитная скала над головой Иоанна с большим шумом расколосась на три части. Если поднять голову и посмотреть вверх, то можно их увидеть и даже потрогать. Они похожи на три пальца, которые мы складываем вместе, чтобы осенить себя крестным знамением

и чтобы прославить Господа Вседержителя, Отца и Сына и Святого Духа, Творца Неба и земли, видимого и невидимого мира, — вспомним Троическое явление Господа в момент Крещения Иисуса Христа на Иордане.

Потрясенный и просветленный, Тайнозритель встал на ноги, чтобы слушать Господа и чтобы потом в утешение нам, верующим людям, написать Апокалипсис, книгу, которая поражает и удивляет, призывает к покаянию и трезвению, приводит в восхищение и ужас, заставляет трепетать от восторга и всегда помнить о нашем последнем земном рубеже.

Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей, — продолжал Спаситель, — и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей (Откр. 1, 20).

А вот место, где стоял Прохор и записывал то, что говорил его учитель, тут было пологое углубление, и он стоял как бы за аналоем.

VII

В пещеру вошла новая группа паломников, то ли французов, то ли португальцев. На их вопросы отвечал немолодой смуглый грек, одетый в свободного покроя рубашку. Через некоторое время вопросы иссякли, и паломники разбрелись по пещере.

— Что это такое? — спросил я у гида, показав на небольшую круглую впадину в скале, обрамленную нимбом под цвет камня; над нимбом был изображен головной убор священнослужителя (эта впадина находилась внизу, у самых ног, и была обнесена аккуратной загородочкой).

— Здесь, положив голову в углубление, спал святой Иоанн, — ответил грек.

— А это? — продолжал я, указав на совсем маленькую выемку в скале, гораздо выше первой, уже за пределами загородки (она тоже была с нимбом).

— Святой Иоанн Богослов клал в это углубление ладонь, поднимаясь со своего ложа, — ведь он был в весьма преклонных летах, — пояснил гид.

Группы паломников (датчане и шведы, немцы и англичане, греки и испанцы) входили в пещеру и уходили, некоторые садились на лавки и слушали рассказ своего гида об острове, о монастыре и, конечно, об Апокалипсисе.

Прошло довольно много времени, пещера опустела, потом вошла пожилая супружеская пара; оба были сухощавые и с заметной сединой в волосах; они перекинулись несколькими фразами; я понял, что это были греки; возможно, они жили на Патмосе; они помолились, а затем сели на ту лавку, где сидел и я; было ясно, что они никуда не спешили.

Я тоже никуда не спешил.

Я сделал три земных поклона, а потом, кратко помолвившись, приложился к иконе Иоанна Богослова.

— Вы русский? — спросил мужчина, когда я снова сел на лавку.

— Да, — ответил я, нисколько не удивившись вопросу. — А как вы догадались, что я русский?

— Русского видно за сто километров, — улыбнувшись, сказал мужчина.

— Сейчас русских людей можно встретить в любом уголке земного шара, даже на Маскаренских островах. А уж про Грецию и говорить нечего...

— В России любят Иоанна Богослова?

— Очень. У нас много и храмов, и монастырей, посвященных ему... И святых источников немало...

— Как хорошо! — воскликнул мой собеседник. — Пусть русские почаще приезжают на Патмос.

— Эту дорогу мы уже проторили... — сказал я, посмотрев на соседа. — А вы как часто приходите сюда, в пещеру Апокалипсиса?

— Два-три раза в неделю, — охотно откликнулся мужчина. — Мы с супругой живем в центре города. Доехать сюда на машине — это считанные минуты... Когдаходишь в эту пещеру, то оказываешься как бы на Небесах... Узнав Царствие Небесное, уже ничего другого не захочешь... На земле нам осталось пожить совсем немного. — Мой собеседник вздохнул. — Скоро будем переезжать... в Новый Чертог... но к этому надо готовиться... Пещера Апокалипсиса — самое лучшее место для подготовки...

Мужчина замолчал, опустив голову.

Мне не хотелось нарушать его внутреннюю тишину.

Прошло, наверно, несколько минут, мужчина поднял голову, как бы очнувшись от краткого сна, погладил правую щеку и, вдруг снова улыбнувшись, спросил:

— Вы, наверно, объехали уже все греческие острова?

— Все греческие острова никогда не объедешь, — сказал я, — так как их очень много. В прошлые мои визиты в Грецию я действительно побывал на нескольких островах, где есть великие православные святыни. А в этот раз меня интересовал только Патмос.

— Понимаю, — кивнул мужчина.

— Я похож на купца, который ищет хороших жемчужин. Остров Патмос — моя самая драгоценная жемчужина. Я увезу ее с собой в Москву.

— Иоанн Богослов дарит ее всем, кто побывал в его пещере, — задумчиво сказал мой собеседник. — Ну вот, кажется, пора нам и закругляться — пещеру закрывают, — добавил он, вставая.

Я еще раз приложился к иконе Иоанна Богослова, поблагодарил его за доставленную духовную радость и вместе с моими новыми знакомыми поднялся наверх.

VIII

Маленький островок в Эгейском море, маленький по размерам, но большой — по своему духовному значению. Верующие называют Патмос Эгейским Иерусалимом. Поток паломников сюда не иссякает никогда — ни весной, ни осенью, ни в жару, ни в холод. Особенно много христиан было в 1995 году — отмечалась юбилейная дата: 1900 лет со дня написания Апокалипсиса. Иеродиакон Симеон сказал, что морская бухта была переполнена — суда бросали якоря далеко вне ее...

Я покидал Патмос ночью. Гигантский паром отошел от берега так тихо, словно был невесом. Государственный флаг на корме трепетал на свежем ветру. Фигуры провожающих на пристани становились все меньше и меньше.

Остров был залит огнями. Ослепительный причал, гавань с бесчисленными катерами и яхтами с сигнальными огнями на мачтах, улочки с нежно-бирюзовыми витринами магазинов, бесконечный овал набережной — ночной пожар полыхал всеми цветами радуги, играя миллионами искр в темной прибрежной воде. Над островом возвышались зубчатые стены монастыря. Он был освещен прожекторами и походил на тот Град, который увидел Евангельский Тайнозритель, — *новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист... Ворота*

его не будут запирались днем; а ночи там не будет... И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни (Откр. 21, 2, 18–20, 25, 27).

Остров Патмос – Москва.

САД БОГОРОДИЦЫ

Афонская повесть

Чайки

Белоснежный корабль «Святой Пантелеимон», отвалив от причала и развернувшись, взял курс на Святую Гору Афон. Часть пассажиров разместились в просторном салоне, а другая, гораздо большая, на палубе. Погода была лучше некуда: чистое небо, яркое солнце, море спокойное — путешествие обещало быть очень приятным.

«Святой Пантелеимон» резво бежал вдоль южного берега полуострова, оставляя за собой вспененную полосу ярко-изумрудной воды. Появились чайки, их было так много, что не сосчитать. Они стремительно носились за кормой, над бурлящей водой, то приближаясь к палубе, то круто взмывая вверх, то удаляясь на довольно большое расстояние от корабля, — это было весьма любопытное зрелище. Чайки громко кричали — то ли потому, что радовались жизни, то ли потому, что приветствовали монахов и паломников, то ли потому, что им хотелось полакомиться рыбой.

Проходя по палубе с фотокамерой в руках, я увидел, как один паломник кормит чаек крекером. «Молодец! — подумал я о нем. — Это не просто чайки, а чайки афонские. Угощу-ка и я их московским гостинцем». Я достал из рюкзака пачку печенья. Тесно прижавшись к палубному ограждению, я протянул как можно дальше руку с кусочком печенья. Одна из чаек заметила его и пошла на сближение; вот она все ближе и ближе, вот уже в полуметре от меня, и я хорошо вижу ее продолговатую головку, желтый, загнутый книзу клюв, желтые глаза, — она схватила — в крутом повороте — печенье и стремглав унеслась в сторону, окатив мою руку воздушной волной.

На смену ей уже летела другая чайка. Когда она оказалась в нескольких метрах от меня, я кинул очередной кусочек печенья в воздух, чайка поймала его и была та-

кова. Это походило на цирковой номер. Я кидал и кидал печенье. Иногда чайка не успевала поймать угощение (то ли ветер относил его, то ли бросок был неудачен), печенье падало в воду, в пенистые кружевные волны, образуемые кораблем, и добыча доставалась другой чайке.

Скоро печенье кончилось. Я прошел в переднюю часть судна. Зеленый бок Афона становился все круче. Ломаная линия побережья убегала вдаль, теряясь в сизой дымке...

Корабль

«Святой Пантелеимон» миновал крутой, поросший невысокими деревьями мыс, спускавшийся к морю, и взорам паломников открылся строгий контур самой высокой части Святой Горы. Люди любовались открывшейся далью, искрящейся водой за бортом и предвкушали скорую встречу с Уделом Божией Матери. Они были разных национальностей, разных возрастов, разных вкусов и привычек, однако вера у них была одна — православная.

Монах преклонного возраста с седыми волосами, падавшими на плечи, в потертом, выдавшем виды клобуке и таком же подряснике, сидел на удобном пластиковом стуле и, склонив голову, перебирал правой рукой четки. Вид его был отрешенный, он беседовал с Богом.

Два молодых черноволосых послушника, судя по всему, греки, стоя у борта судна, оживленно разговаривали, смеялись, обнажая ослепительной белизны зубы, активно жестикулировали, помогая собеседнику лучше понять ту или иную мысль, а потом сели на стулья, вынули из походной сумки пакет с бутербродами и стали аппетитно закусывать, не переставая что-то обсуждать.

Юноша лет пятнадцати-шестнадцати, славянин, в желто-красной футболке с короткими рукавами, веснуш-

чатый, с пухлыми губами, с удивленно-восторженным выражением лица, не выпускал из рук цифровой фотоаппарат. Он с одинаковым удовольствием снимал море, яхты, попадавшие нам навстречу, беспрестанное, завораживающее кружение чаек за кормой, каменистый берег Афона, паломников, гулявших по палубе, — видимо, он совершал свое первое морское путешествие.

Трое пожилых — лет под семьдесят — пенсионеров (они сидели кружком) вели неторопливую беседу, скорей всего, о последних беспокойных временах и не смотрели по сторонам; все им тут было знакомо, привычно, они ехали на Афон, может быть, в двадцатый, а может, в тридцатый раз.

«Все, кто находится на борту корабля, очень счастливые люди, — подумал я. — Ведь они направляются в Сад Богородицы, чтобы срывать самые замечательные плоды, которые только есть на свете, плоды покаяния, смирения, духовного рассуждения, кротости, целомудрия».

Три волны

Я сидел на причале монастыря Дохиар. Море было тихое, гладкое; у берега оно было нежно-голубое, а вдали шло полосами — то светлыми, то темно-бирюзовыми. Солнце перевалило зенит; ослепительные иглы света плясали на поверхности воды.

Вдруг я увидел три волны, они шли к берегу. Откуда они взялись? От рейсового катера? Но катер прошел два часа назад. От прогулочной яхты? Но яхта давно вернулась в порт. От юркого глиссера, который, вздымая тучи брызг, иногда проносится мимо монастыря. Но его сегодня не было видно. И потом от катера, яхты и глиссера образуется много волн, которые неспешной чередой бегут

к берегу. А тут всего три. Откуда они взялись? Кто их послал? Как далек их путь? И почему их три, а не четыре и не пять?

Я с неослабевающим вниманием продолжал наблюдать за ними. Они катились не спеша, с большим достоинством и походили друг на друга, как три сестры-близнецы.

Они приблизились уже совсем близко к берегу, и я понял, почему их было три, а не четыре или пять. Три волны — во имя Пресвятой Троицы.

Я встал и поклонился им.

С тихим плеском волны накатились на каменистый берег: сначала одна, потом вторая, затем третья. Камни отозвались негромким говором; вода, журча, скатилась вниз. С гор дохнул легкий ласковый ветерок. Древние монастырские стены были погружены в вековую дрему. В небе кружилась одинокая чайка.

Зарницы

Монастырь Григориат стоит на высокой скале, над морем. Он похож на небесную обитель, в которой живут угодившие Богу праведники. Окна келий, трапезной, архондарика обращены в сторону моря. Узкий длинный деревянный балкон повис над бездной, и когда идешь по нему, то кажется, что ты небожитель. Я любил выходить на этот балкон и рано утром, когда море еще пустынно, и в полдень, когда солнце превращало водную поверхность в сплошное серебро, и вечером, когда светило, утомившись от дневной работы, готовилось к ночлегу.

Однажды я вышел на балкон поздно вечером, а точнее, ночью, когда непроглядная мгла окутала не только близлежащие горные отроги, но и водную гладь. Творя Иисусову

молитву, я ходил взад и вперед по деревянному настилу; невидимые волны накатывались на невидимые скалы, я слышал их негромкое чмокание, шум опадавшей воды, — я стал как бы частью этой таинственной южной ночи.

Вдруг вдали, над невидимым горизонтом, вспыхнула яркая-преярая зарница; она на какую-то долю секунды осветила часть неба. Прошло немного времени, и еще одна зарница полыхнула в темноте, но уже в другой ее части. Потом еще одна. И еще. Зрелище было невыразимо прекрасное. Я замер на месте, не в силах оторвать взгляда от чудного действия. Огненные зигзаги, самых причудливых очертаний, иногда коротенькие, но чаще длинные, разрывали мрак ночи и на долю секунды — в ослепительном сиянии — открывали кусочки неба. Как будто распахивались окошки в Небесные Чертоги, куда стремится душа каждого христианина и где она обретет желанный покой, а изнурительные жизненные бури останутся далеко позади.

Покров

Это было много лет назад, когда я первый раз посетил Святую Гору Афон. Мы (я и мой друг) обошли пешком весь полуостров. Где бы мы ни были — в монастыре Пантократор, в Ильинском скиту или в какой-нибудь заброшенной полуразвалившейся каливе — мы видели вершину Афонской Горы и над нею овальной формы светлое облачко. Иногда оно покрывало Гору так, что вершины не было видно, иногда — висело над вершиной в виде сияющего нимба, иногда — слегка меняло свою округлую форму.

В Великой Лавре я спросил старого монаха:

— Отче, в чем духовный смысл светлого облачка над вершиной Афона?

Он ответил:

– Это Покров Божией Матери над Святой Горой. Это Ее удел, и Она здесь всегда. Она печется о каждом монахе, в том числе и обо мне, грешном из грешных. Я чувствую Ее присутствие каждую секунду. Она живет в моем сердце, и только поэтому оно может молиться.

Пламя

Была темная, беззвездная ночь. Я вышел из келии, направляясь в храм, где вот-вот должна была начаться Божественная Литургия. Мой путь проходил мимо монастырской кухни. Ее окна были освещены оранжевым светом. Я подошел ближе и увидел огонь: он вырывался из громадной печи. Ярко-красное трепещущее пламя рвалось вверх, казалось, оно охватит сейчас всю кухню; это впечатление усиливали острые языки, которые отрывались от бушующего пламени и исчезали под потолком; на улице было свежо, но мне стало жарко, как будто я находился в полуночной кухне.

Около печи стоял седобородый старец; он то и дело осенял себя крестным знамением и делал земные поклоны. Было ясно, что он молился. Я подошел еще ближе к одному из окон и помолился такими словами:

– Господи Боже мой, помоги мне оплакивать мои грехи, которых у меня паче песка морского. Помоги мне трезвиться и не падать духом. Весна покаяния да обновит мою душу. Господи, не дай мне попасть в адское пламя, которое в тысячи и тысячи раз губительнее пламени, которое бушует в монастырской кухне.

Ударил гулкий призывный колокол, и я поспешил в храм.

Бдение

Нет ничего лучше ночной службы на Афоне. Храм монастыря святого Павла погружен в полумрак, лишь кое-где горят свечи; их пламя колыхается, когда кто-то проходит мимо. Один из послушников взял длинный шест с огоньком на конце и зажег свечи, которые находились вокруг паникадила.

Высокий тонкий иеромонах в клобуке нараспев читает текст великой вечерни. Другой иеромонах, который стоит рядом с ним, создает звуковой фон; через некоторое время фон стали создавать несколько человек — получалось очень красиво.

Справа и слева от алтаря — полукругом стасидии; они заполнены пожилыми греками; одни из них сидят, а другие стоят (первых побольше).

Из алтаря вышел иеромонах с кадилом; сначала он покادил иконы, а потом стал кадить паломников; сидевшие паломники встали. Запах ладана прогонял сон, возводил душу к небесному.

Богослужение продолжалось очень долго. Негромкое проникновенное пение завораживало; голоса монахов лились плавно, как спокойная равнинная река; звуки уносились ввысь, к куполу, и там постепенно таяли. Вдруг пение замирало, и тогда звучал голос, такой же негромкий, из алтаря: служащий иеромонах заключал какую-то часть богослужения или начинал новую. Моя душа, погруженная в стихию богослужения, трепетала; иногда мне казалось, что служат не люди, а Ангелы.

Монастырь Котломуш

Я стоял у входа в храм. Ко мне подошел иеромонах средних лет с очень добрым приветливым лицом. Ага-

товая борода роскошным водопадом ниспадала ему на грудь; кlobук закрывал примерно третью часть красивого бледного лба. Улыбаясь, он погладил меня по плечу.

Мне был понятен его жест: монах одобрил мое путешествие на Святую Гору Афон, заботу о спасении души, желание прикоснуться к святыням, ощутить духовный аромат удела Божией Матери; он был рад, что меня не смутили трудности пути, жара, холод и неизбежные искушения, встречающиеся в такого рода путешествиях.

В этом жесте отразился дух монастыря, любовь и радушие, с которыми братия встречает паломников, откуда бы они ни прибыли – из России или Белоруссии, из Сербии или Черногории, из Египта или Сирии.

Я улыбнулся в ответ, мы понимали друг друга без слов; мы стали друзьями за считанные секунды – это устроил Сам Христос.

Хижина

Дафни – перевалочный пункт Афона. Сюда каждый день прибывает корабль с «материка» с монахами и паломниками, отсюда уходит паром, увозя пассажиров в восточную и северную часть полуострова. Из Дафни отправляется автобус в Карею, а микроавтобусы развозят паломников в отдаленные монастыри. В полдень, в час пик, тут всегда многолюдно, звучит разноязыкая речь, паломники заполняют магазинчики, чтобы купить сувениры или посохи для горных переходов; тут происходят редкие интересные встречи (например, ты можешь встретить давнишнего знакомого, которого в России никогда бы не встретил); тут может завязаться такое знакомство, которого, во-первых, ты не ожидал, а, во-вторых, оно окажется судьбоносным для тебя и твоих родственников;

тут можешь услышать совершенно удивительную историю как об Афоне, так и о другом святом месте.

В Дафни есть небольшая таверна, которая пользуется большой популярностью среди паломников. Здесь можно выпить кофе, закусить, поговорить с монахами, узнать нужную информацию. Однажды я коротал время в этой таверне в ожидании судна с «материка». Неожиданно разлился ливень, да такой напористый, какого я давно не видел. Таверна мгновенно наполнилась людьми. Столики шли нарасхват. За моим столиком оказалось человек восемь. Завязалась оживленная беседа. Один паломник рассказывал, как он с другом посетил отдаленный горный скит, другой — как он заблудился ночью и ночевал на дереве, третий — как он стер ногу, и ему пришлось ехать на осле.

— Кто-нибудь слышал что-либо о невидимых старцах? — спросил я (меня интересовала эта тема).

— На днях мне поведали любопытную историю, — отозвался мужчина крепкого сложения, давно небритый, с крупным носом и кустистыми бровями, из-под которых смотрели серьезные глаза. — Если хотите, могу рассказать.

— Конечно, — сказал я.

— Один паломник, кажется, из какой-то арабской страны, шел по горной тропе, направляясь в очередной монастырь, — неторопливо начал мужчина. — Навстречу ему показался старец; он был в старом заштопанном подряснике, с длинными седыми нечесаными волосами. Жестом он предложил паломнику следовать за собой. Они свернули с тропинки в сторону, по крутому, почти безлесному склону прошли метров двести-триста. Показалась ветхая покосившаяся на один бок хижина. Старец сотворил молитву и жестом пригласил паломника войти.

В хижине находилось несколько старцев. Они предложили паломнику сесть, угостили стаканом воды. Гость оказался в такой благодатной атмосфере, в которой ни-

когда не был; ему было так радостно, так приятно, что он не произнес ни одного слова, а только смотрел то на одного старца, то на другого. Лица у них были благостные, просветленные, излучающие любовь.

Прошло то ли несколько минут, то ли несколько часов — паломник времени не замечал. Наконец старец, который привел паломника, встал, проводил гостя до тропинки и внезапно исчез.

Придя в монастырь, паломник рассказал о неожиданной встрече монахам. Те попросили его показать хижину. Паломник согласился. Они долго искали хижину, обошли все окрестности, но ничего не нашли, — закончил свой рассказ небритый мужчина.

— Как пополняются ряды невидимых старцев? — спросил я.

— Разными путями, — ответил мужчина. — В одном монастыре (не помню его названия) подвизался старец высокой духовной жизни. Однажды он ушел из монастыря, выполняя какое-то послушание, и не вернулся. Братия организовала поиски (мало ли что могло с ним случиться), но они не дали никаких результатов.

Прошел месяц, а может, два. Один из насельников этого монастыря, собирая в лесу каштаны, неожиданно обнаружил облачение пропавшего старца: его подрясник и кожаный ремень висели на суку.

— О чем это говорит?

— Не знаю. Может быть, он стал одним из двенадцати невидимых старцев, заняв место усопшего брата во Христе.

Удод

Есть такая птичка — удод. Она с хохолком, похожим на головной убор индейского вождя, с длинным клювом и

ярким оперением. Красивая птичка, ничего не скажешь. Но главное ее достоинство кроется в другом: *она призывает людей к покаянию*. В какой бы монастырь я ни пришел, где бы ни остановился, гуляя по прибрежной тропинке, — везде я слышал ее пение, состоящее из трех звуков; в переводе на русский язык это звучит так:

— *По-кай-тесь! По-кай-тесь! По-кай-тесь!*

Пение, вернее, призыв этой малой птахи сразу как-то отрезвляет, настраивает на молитвенный лад, меняет отношение к жизни.

Вратарница

Вечерняя служба закончилась, и монахи направились в Иверскую часовню, которая находилась недалеко от храма. Мы, небольшая группа паломников, вошли в часовню вместе с ними. Здесь находилась величайшая святыня не только Афона, но и всей Вселенной — чудотворная Иверская икона Божией Матери. Икона (довольно больших размеров) пребывала на возвышении в левом углу часовни. В разноцветных лампадах играли маленькие огоньки. Лик Царицы Небесной был обращен к нам, мы стояли молча, склонив головы.

Начался молебен.

— Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию, — произносил напевно диакон.

— Господи, помилуй, — отвечал один из иеромонахов.

— Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувше, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим, — продолжал диакон.

— Тебе, Господи, — прозвучал ответ.

Пожилой иеромонах с седой, узким клином, бородой, стал совершать каждение. Сначала он подошел к святыне и, наклоня вправо и влево греческое кадило, воздал славу Царице Небесной: голубой фимиам клубами восходил вверх. Затем он покадил братию и паломников, а также другие иконы, потом вышел в притвор, где стояло еще несколько молящихся.

После этого мы все преклонили колени, а игумен прочитал молитву Царице Небесной.

Монахи, сделав земной поклон, по двое стали подходить к святыне и с благоговением прикладываться к ней.

«О чем мне просить Божию Матерь? — подумал я, подходя к иконе. — Все, что мне нужно, Она и без моих просьб знает».

Я осенил себя крестным знамением и произнес:

— Радуйся, Вратарница, двери райские верным отверзающая!

Греческое кадило

Оно не похоже на обычное кадило, которым пользуются священники и диаконы в нашей Церкви. Оно без цепочек и без привычной кадильницы, в которую кладется уголь, оно совсем другое. С чем бы его сравнить? Да, наверно, ни с чем, лучше увидеть один раз. Монах держит его за ручку и поворачивает то направо, то налево; раздается звон колокольчиков, ароматный фимиам клубами поднимается вверх.

В одном монастыре, перед началом Божественной Литургии, иеромонах вышел из алтаря с красным полотном на плече и стал кадить святыне иконы, а также нас, русских, греческих и сербских паломников. Кадило было светлое, иеромонах поворачивал его в разные стороны:

мне казалось, что торжественный полет совершает красивый белоснежный голубь.

Фимиам

Была уже середина сентября, но солнце палило вовсю. Спасение было только в тени деревьев и в храме. Под деревом, на лавочке, сидел знакомый монах, в руках у него была книга (дело происходило в болгарском монастыре Зограф).

– Не помешаю? – спросил я, подходя к нему.

– Нисколько, – радушно ответил он.

Я присел рядом. Завязалась беседа.

От темного, пропитанного потом подрысника моего знакомого исходил осязаемый запах. Он его, конечно, не замечал, потому что запах всегда был с ним, а я, новый человек, заметил сразу. Ведь подрысник – его повседневное облачение, и он его не может снять, жара не жара, а ходи.

«Это, конечно, запах не пота, а нечто другое, – подумал я. – Это скорее благоухающий фимиам, который в очах Божиих имеет высокую духовную цену. Монахи находятся на особой службе, а если точнее, на божественной страже, молятся за весь грешный мир, за всех нас, и солнце светит еще потому, что не прекращается молитва этих духовных тружеников».

Духовная сокровишница

В Афонских монастырях существует такое правило: после вечерней трапезы дежурный монах выносит из алтаря мощи святых, чтобы паломники могли поклониться им (в некоторых обителях мощи находятся в специальном по-

мещении). Это настоящий духовный пир для верующего человека. В одном монастыре он может облобызать мощи таких святых, как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст; в другом — Афанасия Афонского, Нила Мироточивого, великомученика и целителя Пантелеимона; в третьем — Григория Двоеслова, великомученика Дмитрия Солунского, Параскевы Пятницы; в четвертом... Если я буду перечислять мощи тех святых, которые находятся на Афоне, то, боюсь, мне не хватит ни бумаги, чтобы их перечислить, ни времени, чтобы назвать их имена. Наверно, нет ни одного известного святого, частичка мощей которого не пребывала бы в Афонских сокровищницах.

Когда мы прикладываемся к мощам какого-либо святого, то молимся ему, а он молится о нас. Мы разговариваем с ним, как с самым близким другом.

На Афоне сотни и тысячи частичек мощей разных святых Вселенского Православия, и все они становятся нашими друзьями. Причем такими, которые никогда не предадут нас, не изменят нам, всегда выручат из беды и избавят от опасного бесовского искушения.

Духовные люди говорят, что те святые, мощам которых мы благоговейно поклоняемся, молятся о нашем спасении до конца нашей жизни.

В монастыре Иверон я поклонился мощам святителя Михаила, епископа Синадского. Он пас свое словесное стадо в городе Синад, расположенном на берегу Черного моря. В то время (первая четверть девятого века) снова вспыхнула иконоборческая ересь. Нечестивый император Лев Армянин, заразившись этой ересью, подверг верных православных христиан гонению и мучениям. Святой Михаил встал на защиту Православия и безбоязненно обличил еретиков, и в первую очередь заблудившегося императора. Тот, исполнившись бесовской ярости, отправил угодника Божия в ссылку. Как и Иоанна Златоустого, его

гнали из одного места в другое. Претерпев множество мучений и за все благодаря Бога, святой Михаил вскоре переселился на Небо, где вкусил Райское Блаженство. Так кончил он свою праведную земную жизнь, украсившись двояким венцом: причисленный к архиереям как архиерей и к мученикам как мученик.

Находясь у Престола Божия, он молится о всех русских людях, в том числе и обо мне, грешном.

Великая Лавра

Прозвенел колокольчик, оповещая, что трапеза закончилась. Братия и паломники встали из-за стола; прозвучала благодарственная молитва. Отец настоятель, а за ним братия вышли из трапезной. За ними пошли и мы, паломники.

Когда мы переступили порог, перед нами предстала поистине замечательная картина: отец настоятель в глубоком смиренном поклоне благословлял всех выходящих из трапезной; напротив него, в таком же глубоком поклоне, стояли трое иеромонахов, видимо, старшие из братии.

Где и когда родилась такая благочестивая традиция? Почему она существует только на Святой Горе Афон? И почему она так трогает наши сердца?

Отец настоятель и его помощники благословляют верных православных христиан, то есть, по словам Апостола Петра, «род избранный, царственное священство, народ святой». Они благодарят нас за то, что мы посетили их чудесную обитель, вместе молились за Божественной Литургией, разделили вместе с ними трапезу, — они кланялись Самому Христу, так как многие из нас причастились Святых Христовых Таин.

Цветок Божией Матери

На вершине Афонской горы паломники иногда видят цветок удивительной красоты. Это цветок Божией Матери. Обычно он растет в труднодоступных местах, в трещинах скал, над пропастью, поэтому сорвать его не так-то просто. Неувядаемый цветок Божией Матери, рассказывает в одном из своих писем Сергей-Святогорец, очень похож на распустившуюся нежную розу, с тою только разницей, что он невелик и чрезвычайно мил. Однажды русский инок, увидев этот цветок, решил сорвать его. Он пополз к нему по скале. До цветка осталось совсем немного. Инок ухватился обеими руками за камень, а ногами утвердился на другом камне. Вдруг нижний камень сорвался с места и полетел в пропасть. Инок повис на руках. Его спасло хладнокровие: подтянувшись на руках, он нашел для ног новую опору и благополучно выбрался наверх.

Я спросил одного греческого монаха, видел ли он цветок Божией Матери. Он ответил:

— Я много раз поднимался на вершину Афона — и весной, и летом, и осенью. И всегда делал попытку отыскать этот цветок. Но ни разу не нашел. Вы спросите, почему? Да потому, наверно, что он открывается только человеку с чистым сердцем. А в моем сердце, словно лютые звери, до сих пор господствуют страсти.

Иверон

Мы приехали в монастырь Иверон втроем — я и двое моих друзей. Решили за Божественной Литургией причаститься Святых Христовых Таин. Во время всеобщего

бдения я спросил одного монаха, который разговаривал по-русски:

– Когда будет исповедь?

Он ответил:

– Завтра, во время службы.

Она началась задолго до рассвета. В храме царил полумрак. Монахи и паломники молились в стасидиях. Около иконостаса теплилось несколько лампад. Служащий монах читал утреню. Хора не было. Перед царскими воротами, наверху, висела лампада; монах опустил ее, зажег фитилек и с помощью шнура поднял обратно.

Изредка в темноте скользили тени людей.

Я попытался найти иеромонаха, который бы исповедовал нас, но мои поиски закончились безрезультатно.

Литургия прошла очень быстро. Причастился всего один монах. Потом подошли к Чаше мы, скрестив руки на груди. Я показал жестами священнику, что мы хотим сначала исповедоваться, а потом причаститься. Он ничего не сказал и ушел с Чашей в алтарь. Через некоторое время снова появился, жестом пригласил нас, и мы причастились Святых Христовых Таин.

Позже я узнал, что на Афоне уже давно причащают паломников без исповеди. Пусть будет так, ведь мы написали наши грехи на бумажке, готовясь к исповеди, и Господь простил нам их.

Било

Во всех монастырях Афона на молитву монахов созывает било. Что это такое? Это доска, по которой монах ударяет деревянным молотком. Причем, не просто ударяет, а в определенном порядке, создавая неприхотливую мелодию. У каждого монаха, который этим занимается,

свой почерк. Мне больше всего понравилось, как это делает молодой монах (не помню его имени) в сербском монастыре Хиландар. Когда он однажды закончил свое послушание, я сказал ему:

– Отче, ты не ударял в било, а играл, как настоящий пианист. Ты исполнил прекрасное музыкальное произведение.

Муравей

Я гулял в лесу около монастыря Продром. Тропинка вывела меня на маленькую кулижку. Я присел на пенек. Пахло хвоей; в ветвях деревьев щебетали невидимые птицы; пятна солнечного света лениво нежились в траве. Я нагнулся, чтобы поднять крупную еловую шишку с раскрывшимися чешуйками и увидел светло-рыжего муравья, который тащил сухую веточку.

Веточка была длинная, и он тащил ее задним ходом; препятствий на пути муравья было много: и маленькие камешки, и густая пожухлая трава, и сухие листья, и пожелтевшие былинки. Преодолеть эти препятствия было непросто, но муравей не отступался: если веточка зацеплялась за траву, он искал другой, более удобный путь, чаще всего поверх травы; иногда он возвращался немножко назад, брал правее или левее и упорно двигался вперед; задним ходом у него получалось лучше всего, но и про передний он не забывал.

Муравей работал очень энергично, и пусть медленно, но все же продвигался к намеченной цели, к муравьиной куче, где веточка должна была найти свое применение.

«Все монахи Афона – такие же труженики, как этот муравей, – подумал я. – Они трудятся не только днем, но и ночью. Молитва не умолкает здесь ни на одну секунду.

Один Афонский монах вышел как-то ночью из келии и увидел: от скитов поднимаются в небо огненные столпы, а от монастырей — огненные реки».

А я? Так ли тружусь над спасением своей души, как Афонские монахи? Прилагаю ли хотя бы сотую, тысячную долю их труда? Так ли усердно искореняю свои грехи, как они? Увы! Я погряз в лени и суете, драгоценное время трачу на пустяки, осуждаю других, а о своих грехах не плачу.

Между тем муравей-трудяга достиг муравьиной кучи и уже пристраивал веточку к другим веточкам. «Пусть этот Афонский муравей будет постоянным укором твоей совести, — сказал я себе, — и тогда наверняка дело твоего спасения пойдет лучше».

Колокол

Прозвучал удар колокола; он был такой силы и такой мощи, что моя душа замерла; гул долго не утихал, растворяясь в утренних сумерках; он еще не сошел на нет, как последовал второй удар, более мощный и сильный, — казалось, содрогнулась земля, а деревья закачались; море, дотоле спокойное, пришло в движение, волны покатались на берег, ударяясь о камни и обдавая причал сверкающими брызгами.

— Бум-м-м! Бум-м-м! Бум-м-м! — с расстановкой, с правильными интервалами, величаво и грозно, призывно и повелительно гудел главный колокол; ему вторил другой, поменьше, но и у этого хватало густоты, он удачно вписывался в общий «хор». Им помогали несколько малых колоколов, создавая красивую звуковую картину.

— Бум-м-м! — еще раз возгласил главный колокол.

— Бум-м-м! — отдалось эхом в горном массиве, прилегающем к монастырю.

Это был самый большой колокол на Балканах, созданный русскими мастерами. Поэтому его голос слышен не только на Афонской Горе, не только на Балканском полуострове, но, пожалуй, и во всей Европе. Он будит заснувшую Европу, призывая ее к покаянию. Но слышит ли она его?..

Трапеза

В тот день в монастыре Хиландар паломников было особенно много. Когда мы вошли в трапезную, то стол, отведенный для паломников, был заполнен почти полностью. Я сел в самом конце стола. Игумен благословил трапезу, и чтец стал читать поучения из святых отцов.

Братии и паломникам была предложена обычная, но очень хорошая еда (день был непостный): чечевичный суп, умело поджаренный карп с отварным картофелем, овощной салат, компот и ключевая вода. Едва я взял ложку, как ко мне подошел дежурный монах и все блюда, которые стояли передо мной, унес обратно на кухню. Паломники удивленно посмотрели на меня: в чем, мол, дело? Однако я отнесся к случившемуся совершенно спокойно. «По своим грехам я недостоин трапезы, тем более такой хорошей».

Серб, сидевший справа от меня, взял свою тарелку с рыбой и поставил передо мной:

— Кушай, брат, — сказал он.

— Спасибо, дорогой, — ответил я. — Я слишком грешен.

И вернул тарелку на прежнее место.

Другой серб, слева от меня, взял пустую тарелку, налил в нее несколько половников чечевичного супа из белого

супника, стоявшего на середине стола, и осторожно поставил ее передо мной:

– Не стесняйся, брат, – сказал он, – здесь все свои.

– Я не стесняюсь, – ответил я, – но будет лучше, если я обойдусь без супа.

И отодвинул тарелку.

Юра, мой постоянный спутник во время путешествия по Святой Горе Афон (он сидел напротив меня), предложил мне свой салат:

– Салат, кажется, без майонеза – сказал он, – тебе подойдет.

– Спасибо, но я и салата не заслужил, – ответил я.

И вернул Юре маленькую тарелку.

– Ну тогда попей чего-нибудь, – предложил он.

Я покачал головой.

В это время появился дежурный монах. Он принес тахинную халву и мед. «Ну вот, это для меня, связанного пленицами грехопадений, более или менее годится». Я принялся за еду; паломники то и дело бросали на меня сочувственные взгляды.

Мы вышли из трапезной. Ко мне подошел иеромонах Дамаскин и сказал, чтобы я обязательно пришел в три часа ночи в храм, где будет служить полунощница. После полунощницы следует утренняя, часы, а потом и Божественная Литургия.

Я поднялся в келию и стал готовиться к исповеди, чтобы утром причаститься Святых Христовых Таин. Постная трапеза, которая была мне предложена, обязательна для всех причастников.

Нектар

Я вышел на смотровую площадку, расположенную на самом краю высокой скалы, и поставил рюкзак на ска-

мейку. Утро было чудесное: солнце, поднявшись над отрогами Афона, залило сияющим светом гладкую поверхность моря, засверкало ослепительными бликами в окнах келий, высушило росу на листьях рододендронов, осветило стройные кипарисы, густые тени которых легли на стены монастыря. Воздух был чист и свеж; напоенный Божией благодатью, он и не мог быть иным. Соловьи выводили восхитительные трели. Откуда ни возьмись, появилась желтенькая пчелка; она села на один цветок, потом перелетела на другой, а затем на третий. Едва заметно ощущался запах морских водорослей. Серо-палевый кот потянулся, выгнув спину колесом, а потом вольготно растянулся на земле, в тени цветущего олеандра.

Я надел рюкзак на плечи и стал спускаться вниз, к морю, держа путь к следующему монастырю. «Пчела порхает с цветка на цветок и собирает нектар, чтобы превратить его в сладкий мед. А я перехожу из одного монастыря в другой и собираю духовный нектар, чтобы превратить его в елей чистосердечного покаяния».

Послушник

Кавсокаливия — одно из самых красивых мест на Афоне. Мы (я и мой друг Юра) пробывали здесь почти сутки, знакомясь с местными святынями. Утром большая часть паломников, ночевавшая в архондарике, отправилась на пристань, чтобы попасть в Дафни или в какой-либо монастырь. А мы избрали другой путь — пешком в Катуняки. Бывалые паломники предупредили, что избранный нами путь далеко непростой, так как нас ожидает долгий подъем и, естественно, «придется попыхтеть». Это нас несколько не смутило: мы прошли пешком уже львиную

долю Афона, втянулись в это дело, и трудности перехода нас не пугали.

Гора была очень крутая, каждый шаг давался с трудом, но это продолжалось недолго; вскоре крутизна уступила место пологому склону, по которому идти было уже нетрудно. Тропа стала забирать влево, чащоба поредела, не прошло и получаса, как мы вышли на другую тропу, которая шла параллельно морю. Мы повеселели.

— Главное, чтобы не было дождя, — сказал мой друг, поглядывая на небо, которое с каждой минутой темнело.

— Ничего, — отозвался я, — даст Бог, не пропадем.

Мы прибавили шагу. Тропа петляла, огибая гряды камней и невысокие, старые, с темной потрескавшейся корой деревья. Вдруг, на очередном повороте, мы увидели молодого, не более тридцати лет, мужчину, который шел нам навстречу. Он нес большой рюкзак. Видимо, ноша была тяжелая, так как мужчина шел медленно, нагнувшись вперед и натягивая руками лямки рюкзака.

— Бог в помощь! — громко сказал я.

— Спаси Господи, — ответил мужчина. Он остановился и скинул рюкзак на землю, справедливо полагая, что ради встречи с соотечественниками можно и отдохнуть.

— Далеко путь держишь? — полюбопытствовал я.

— В каливу, — охотно откликнулся мужчина. — Несу братии продукты.

— А где калива?

— Высоко в горах.

— Много ли вас?

— Пятеро.

— Часто такие рейсы делаешь?

— Не очень; примерно раз в месяц-полтора.

— Тяжелое послушание, ничего не скажешь.

— Было тяжелое... — сказал мужчина, сделав ударение на первом слове.

— А теперь?

— Теперь легкое.

Я вопросительно посмотрел на собеседника.

— Иду как-то в гору, еле-еле карабкаюсь, — пояснил он. — «Вот я потею, — думаю про себя, — а что мне будет за это?» И слышу голос: «Пот твой будет как кровь на Суде». Это Божия Мать меня утешила. *Не просто кровь, а кровь мученика* — так я понял это утешение. Остаток пути я прошел так, как будто нес не тяжеленный рюкзак, а маленькую легонькую котомку.

Мы с другом помогли послушнику надеть рюкзак, и он, поблагодарив нас, уверенной поступью зашагал по тропинке.

Чудо преподобного Силуана

Этот случай поведал нам один из монахов русского Пантелеимонова монастыря.

Однажды в монастырь приехал американец.

— Я хочу увидеть преподобного Силуана, — сказал он, зайдя в храм и обратившись к иеромонаху.

— Вы православный? — спросил иеромонах.

— Да, — ответил американец.

— У нас много мощей святых угодников: Иоанна Златоустого, мученика Трифона, Апостола Петра, святителя Кирилла Иерусалимского. Может быть, вы поклонитесь кому-нибудь из них?

— Нет, мне нужен именно преподобный Силуан.

— А почему именно он?

— Мы с женой очень хотели иметь ребенка, но это было невозможно, потому что врачи сказали, что моя жена при родах умрет. Это нас сильно угнетало. Как-то нам в руки попала книга о преподобном Силуане. Мы

ее с большим интересом прочитали. Через некоторое время во сне мне явился благообразный муж и сказал: «Я преподобный Силуан Афонский. Если вы примите Православие, то у вас родится ребенок. Жена и ребенок будут живы и здоровы». Мы поехали в соседний штат, где был русский православный храм, и приняли Православие. Вскоре моя жена зачала и родила здорового ребенка. Я хочу поблагодарить преподобного Силуана за чудо, которое он совершил.

— Идемте со мной, — сказал иеромонах.

Они поднялись по лестнице в сокровищницу, где хранилась глава преподобного. Американец опустился перед ковчегом на колени, а потом с благоговением облобызал святыню.

— Это самый счастливый миг в моей жизни! — сказал он, и его лицо осветила радостная, сияющая улыбка.

СИЛУАНА

*Беседы с насельницей
Горненского монастыря*

Вступление

Я жил в Горненском монастыре уже вторую неделю: утром и вечером ходил на богослужения, гулял по обители, разговаривал с рабочими, которые ремонтировали различные объекты, любовался прекрасной панорамой, открывавшейся с верхней точки обители, слушал пение птиц, вдыхал аромат цветущей мимозы, размышлял о скоротечности бытия и о том, как трудно нам, живущим в миру, полном соблазнов и искушений, достичь Райских Обителей. К моему утешению и радости, без каких-либо серьезных усилий с моей стороны, без кровавого молитвенного подвига, я уже сейчас находился в райской обители, но только в земной. Меня давно занимала мысль: как спасаются сестры, какие усилия (как внутренние, так и внешние) они прилагают, чтобы вырасти духовно, насколько узки их врата, ведущие в Царствие Небесное, — ведь они находятся в Ангельском чине, да к тому же живут во Святом граде Иерусалиме, в непосредственной близости от Гроба Господня, самой великой святыни подлунного мира, и, значит, их шествие на Небо уже по этой причине должно быть более успешным, чем других людей, живущих в иных условиях.

«Хорошо бы поговорить на эту тему с игуменьей Георгией, — подумал я. — Уж она-то лучше всех расскажет мне о розах и терниях монашеского пути, а попутно поделится крупницами духовной мудрости». С такой просьбой я и обратился к ней, выбрав удобную минуту, когда она направлялась в игуменский корпус после утренней трапезы.

— Я бы с удовольствием поговорила с вами, но не очень хорошо себя чувствую, — ответила она. — Что же придумать? — Она оглянулась по сторонам. — Силуана, — позвала монахиню, которая стояла неподалеку.

К нам подошла смуглая, среднего роста монахиня, немолодая, но и не пожилая.

— Расскажи, пожалуйста, рабу Божьему Николаю о жизни обители, о Святой Земле, — попросила она.

— Я вряд ли чего путного смогу рассказать, — смутилась Силуана. — Может, другая сестра...

— Нет, нет, именно ты, — подтвердила изумения свой выбор.

— Хорошо, матушка, — согласилась Силуана. — Благословите.

Мы встречались с Силуаной несколько раз. И хотя для нее выкроить часок-другой для беседы было весьма затруднительно (она несла нелегкое послушание, которое требовало от затраты как физических, так и моральных сил), она всегда приходила на встречу вовремя и никогда не прерывала беседу, даже если обговоренное заранее время уже истекло.

Наша беседа текла вольно, свободно, как среднерусская река, куда хочет, туда и повернет. В ней, этой реке, множество «заводей», «перекатов» и даже небольших «порожков», удобных «пристаней», ну а что касается «плеса», то он всегда выходил у нас широким, насколько хватал глаз, полным свежего ветра, переливающимся в лучах солнца.

Так родилась эта небольшая книга. В ней нет ни одного выдуманного слова, о чем мы говорили, то и есть.

Боголюбивый читатель, надеюсь, простит те недостатки и промахи, которые он увидит, и покроет их своей любовью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Обитель

— Матушка, в чем особенность Горненской обители?

— Она находится на месте, где жили праведные Захарий и Елисавета (двоюродная сестра Матери Божией). Здесь родился Иоанн Предтеча, Креститель Господень. Именно сюда Матерь Божия после Благовещения со тщанием направилась к родственникам, поскольку **хотела** поделить-

ся Своей радостью. И именно здесь впервые Она названа Матерью Господа. Это имя дала ей пророчица Елисавета. И здесь родилось то песнопение, которое поет Православная Церковь: «Величит душа моя Господа».

– Матушка, расскажите, как возникла эта обитель, как начиналась ее жизнь.

– В основном все Русские подворья возникли трудами архимандрита Антонина (Капустина), блаженная ему память, именно он стал скупать земли для того, чтобы прославилось имя Руси. Чтобы русских паломников, которые приходили поклониться святым местам, могли окормлять русские священнослужители.

Первым сюда приехал епископ Порфирий (Успенский). Он явился не как епископ, а как простой паломник, как соглядатай, все посмотрел, узнал, где какие места, изучил нравы людей. По его докладу вскоре образовалась Русская духовная миссия, он ее и возглавил. А потом сюда прибыл архимандрит Антонин (Капустин). Он приобрел много земельных участков, выстроил храмы, подворья. Первое его детище – русский участок в Хевроне, где находится величайшая святыня Вселенского Православия – Дуб Мамврийский. Там был построен храм Святых праотцев с тремя приделами, он поражает своей величиной, чувствуется русский размах...

Отца Антонина не оставляла мысль купить тот участок, где произошла встреча Божией Матери и праведной Елисаветы. Здесь находилась арабская деревушка Айн-Карем. Осуществить задуманное было не так-то просто, потому что у архимандрита неожиданно появился соперник – известный на Востоке латинский миссионер, крещеный еврей Ратисбонн, основатель конгрегации Сионских сестер. Ратисбонн уже успел купить несколько участков земли, построил на них часовню, школу для детей, а также монастырь в честь Рождества Иоанна Предтечи, обнеся его каменной оградой. Он намеревался

присоединить к своим владениям и то место, где сейчас находится Горненский монастырь. Здесь стоял дом, который принадлежал бывшему драгоману французского консульства арабу-католику. К. Ратисбонн решил купить этот дом для нужд Сионских сестер. Араб запросил совершенно фантастическую сумму — 200 000 франков, правда, не только за дом, но и за участок. Ратисбонн отказался. Отец Антонин воспользовался этим обстоятельством и вступил в переговоры с арабом. Переговоры закончились весьма успешно (не последнюю роль тут сыграло редкое обаяние и обходительность русского архимандрита): участок с домом были куплены всего за... 70 000 франков. Сделка совершилась в величайшем секрете, однако на следующий день араб был найден в своем доме мертвым. Излишне говорить, кто был причастен к этому злодеянию.

Отец Антонин купил еще несколько соседних участков, и почти весь склон живописного холма оказался русским.

Начальнику духовной миссии хотелось, чтобы новый монастырь не походил на прежние русские монастыри; застройка велась таким образом, чтобы у каждой монахини был свой домик. Причем домик выглядел так, как хотела сестра: архитектура, планировка, расположение на местности, форма окон, расцветка, решительно все зависело от ее вкуса. Замысел себя оправдал. Возникло красивое, ни на что не похожее, уютное поселение, утопающее в зелени кипарисов, смоковниц, миндальных деревьев, среди роскошных южных цветов и кустарников. Это был благоухающий сад, не столько материальный, сколько духовный.

Отец Антонин не переставал заботиться о своем детище, частенько приезжал сюда на своем ослике, разговаривал с сестрами, интересовался не только их молитвенной жизнью, но и бытом, записывал их пожелания. Вскоре в обители состоялось (не без хлопот архимандри-

та) знаменательное событие: был освящен храм в честь Казанской иконы Божией Матери.

Отцу архимандриту посчастливилось воплотить в жизнь свою заветную мысль: с разрешения Священного Синода он учредил особый праздник, который называется «Целование» (в память известного Евангельского события). В этот день из Русской духовной миссии в Горную шел Крестный ход с иконой Благовещения Пресвятой Богородицы. Навстречу ему из Горней выходил другой Крестный ход с иконой Целования Божией Матери с праведной Елисаветой. Икона Благовещения оставалась в Горней до праздника Рождества Иоанна Предтечи, а потом возвращалась в Иерусалим. Отец Антонин сам написал службу праздника «Целования», переплетающуюся с дивной и полной таинственного смысла службой поспраждества Благовещения. Праздник «Целования» неизменно привлекал большое количество как паломников, так и местных жителей.

«И так тихо, тихо в этом тишайшем уголке! — умиленно восклицает почитатель Горней. — Только перезвон колоколов с трех колоколен, нашей и двух католических, отбивающих часы и четверти, нарушает благодатную тишину ночи. Да где-то лают в арабской деревне собаки, как-то совсем по-нашему, по-русски. А вдохновенному святостью места сердцу кажется, что за этой тишиной есть что-то, чудится какой-то невидимый глас, будто сама природа величает в песнях Богородицу и Матерь Света. Будто высокие стройные горненские кипарисы чуть слышно шепчут: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим...»

— Матушка, а теперь перейдем к сегодняшним дням.

— Мне кажется, мы ничего не делаем для обители, во всяком случае, лично я. Наша обитель заметно отличается от отечественных монастырей; все наши усилия направлены к одному — обслуживанию русских паломников.

— Так это же величайшее дело!

— Согласна, просто в моем сознании это не очень укладывается. Служение людям, полная отдача сил — это Богу угодно. Но вот что касается выполнения монашеского правила, то ни я, ни какая другая сестра этого делать часто не успеваем.

Петровская рыбка

— Сколько сейчас сестер в обители?

— Около пятидесяти, но они не все здесь. Десять сестер несут послушание в миссии, несколько — у Марии Магдалины, на ее родине, у Галилейского моря, несколько — в Хевроне, несколько — в Иерихоне, а также в Яффе, у праведной Тавифы. Матушка игуменья периодически меняет сестер: кое-где они живут месяц, кое-где полгода, а где-то, может быть, и год, например, в Тиверии, там очень сложный участок, и сестры задерживаются подолгу.

— А в чем сложность этого участка?

— Там очень много бывает паломников, ни одна группа не проезжает мимо родины Марии Магдалины. Сестры стараются всех паломников приютить и, конечно же, угостить петровской рыбкой. Обычно в группе бывает тридцать-тридцать пять человек, а иногда и пятьдесят. Частенько в один день прибывают несколько групп. И вот всем надо приготовить и подать, и знать, где это купить, и когда заказать, то есть это особая специфика. Там есть несколько келий, где можно принять людей. Кто-то приезжает на несколько дней, кто-то на неделю, а кто-то и подольше, этим распоряжается миссия. Есть храм святой Марии Магдалины, в котором можно совершить Божественную Литургию, если батюшка пожелает. Так что сестры и поющие, и читающие, и готовящие. Но главная «изюминка» этого места в том, что здесь несколько раз

был Господь со Своими учениками. Он ходил по водам этого озера. Именно здесь Он последний раз явился Своим ученикам и восстановил в апостольстве Петра (это как раз рядом с нашим вторым участком «Дом со сводами»).

— А в чем специфика других участков, например, Иерихонского?

— В Иерихоне тоже много паломников бывает. Там несут послушание две сестры и батюшка. Сейчас такая милость Божия с нами, что почти на каждом участке есть батюшка. И везде служатся службы, и сестры не чувствуют себя вне монастыря, причащаются и могут исповедаться в любой момент. Поэтому участки никого не пугают, ни одну сестру, мы с радостью едем в любое место.

В Иерихоне, рядышком с нашим участком, есть великая святыня, дерево Закхея ягодичное, знакомое нам по Евангелию, и там есть храм. Когда не было батюшки, мы туда ходили на богослужение. Паломников мы обязательно знакомим с деревом Закхея. На нашем участке прекрасный сад, паломники любят гулять в нем, заходят в нашу часовню, она тоже очень древняя.

Заказная Литургия на Гробе Господнем

— А теперь вернемся в Горненский монастырь...

— Конечно, великая милость Божия, что у России есть этот монастырь... В ночь с субботы на воскресенье весь монастырь выезжает к Гробу Господню, где мы молимся о родных, о русском народе и о России.

— Вместе с батюшками вы туда едете?

— Обязательно едет наша матушка игуменья, она не пропускает ни одной ночной воскресной службы. В эту ночь обязательно служит один из архиереев Иерусалимской Патриархии. Кроме того, мы иногда заказываем свои Божественные Литургии.

— Она бывает только ночью?

— Конечно. Мы не только с субботы на воскресенье, но и в будни ездим на свои Литургии, если заказали. Заказная Литургия — это значит приглашается обязательно епископ. И он читает список, который дает тот человек, который заказал Литургию.

— Сколько она стоит?

— Сто пятьдесят долларов.

— Кому платите?

— Святогробскому братству.

— У них своя администрация?

— Да. В последнее время нам с трудом дают заказные Литургии.

— Но это не Иерусалимский Патриарх решает?

— Это решает, видимо, Святогробское братство. Монах принимает Литургии; как ему говорят, так он и делает.

— У него свое послушание...

— Раньше мы могли писать много имен: семьдесят о здравии и столько же об упокоении, бывало, мы записывали и больше, и владыка читал. А потом стали постепенно снижать: до пятидесяти, затем до сорока, а теперь только тридцать пять имен принимают.

— Везде одно и то же.

— Велика сила этой Литургии. Матушки-старожилы (они более тридцати лет здесь живут) говорят, что после многих заказных Литургий являлись им их родные и благодарили.

— Усопшие?

— Да. Они получали большое облегчение. Мы также подаем записки у Гроба Матери Божией. Сестры рассказывали, что им во сне являлись их родные и благодарили за эти службы.

— Видимо, очень важно, чтобы архиерей прочитал имена, а не только мы сами помолились у Кувуклии.

— Конечно, и вынимается частичка обязательно. Архидьякон читает сначала список о здравии, а потом об упокоении с особой молитвой.

— Ого, хоть бы разок попасть на такую службу.

— А вы подойдите. Кто знает, может, Господь размягчит сердце монаха, и он запишет вас и ваших сродников и скажет, когда состоится Литургия. Любая наша сестра с радостью напишет по-гречески имена. Попробуйте, вы же будете в воскресенье у Гроба?

— Если Бог даст.

— Доброе дело сделаете.

«И праздник у всех на душе...»

— А на праздники вы выезжаете куда-нибудь?

— Мы очень любим праздник преподобного Георгия Хозевита. В этот день мы, по благословению начальника Русской духовной миссии отца Елисея, едем в Иудейскую пустыню, в монастырь Вади-Кельт. Там тоже ночная служба. Молимся о наших родных, о паломниках. Каждая сестра молится о своих благодетелях. А кто мой благодетель? Тот, кто молится обо мне. Поэтому все, кто молятся о игумении Георгии с сестрами, являются нашими благодетелями, и, значит, молитва идет по соглашению, вы о нас, а мы о вас — так устроено Господом.

— Да, да, замечательно.

— Конечно, любим праздник Рождества Христова, мы обязательно в Вифлееме в эту ночь. Крещение Господне — мы обязательно на Иордане, там, где крестился Господь.

— Я уже не говорю о празднике Преображения Господня...

— В этот праздник мы обязательно на Фаворе. Все сестры, все паломники. Наблюдаем сошествие облачка, все причащаемся, и праздник у всех на душе.

– Какая благодатная жизнь у сестер! Вам можно только позавидовать по-хорошему.

– Наверно. Иногда паломники спрашивают: «Скучаете по Родине?» А нам и скучать некогда.

– Потому что жизнь духовно очень насыщена.

– Я об этом никогда не задумывалась, скучаю я или не скучаю. Как-то приехала одна паломница из России и попросила передать батюшке фотографию. Когда она мне ее показала, у меня прямо сердце оборвалось: там были березки в снегу! Россией так и пахнуло!

– Матушка, а вы уроженка каких мест?

– Вообще я из Москвы, а уроженка из Прибалтики, из Калининграда. Там в первый класс пошла, а потом переехала в столицу.

«На вас пришел вызов из Иерусалима»

– Из разных обителей набираются сестры?

– Даже нельзя сказать: «набираются». Мы сами не понимаем, как это происходит. Все происходит не по человеческой воле, и каждая сестра удивляется, как она попала сюда? В том числе и я.

– Как это произошло?

– Я несла послушание в одном из монастырей Подмосковья. И вот однажды поздно-поздно вечером идем с коровника, сделали все работы, заходим в свой корпус. Вдруг зазвонил телефон. И почему-то я беру трубку, хотя нас было трое. Звонит одна московская монахиня. Говорит: «Пригласите, пожалуйста, монахиню Силуану». Я говорю: «Это я и есть». Она говорит: «Вам надо быть завтра в одиннадцать часов в Патриархии, на вас пришел вызов из Иерусалима». Я говорю: «Не может быть». «Фамилия ваша, Свешникова. Никакой ошибки нет». Я к батюшке:

«Так и так». Он рассердился: «Как это? За моей спиной?» А я за его спиной ничего и не делала.

— Это не по вашей же воле, правильно?

— Да. Это было давным-давно; батюшка, который меня постригал, сказал: «Хочу, чтобы ты поехала в Горненский монастырь». Ну, мы документы подали, чтобы трудницей поехать туда. Но никакого ответа не получили. Так все и остановилось. Прошло три года, и вдруг этот звонок. Долго боролась с собой: «А если получится так, что три месяца побуду там, а потом уезжать? Так это больно будет». Прихожу к батюшке: «Никуда не поеду!» Он посмотрел на меня и говорит: «Поезжай к епископу, объясняйся». Я отправилась к епископу Алексею, Орехово-Зуевскому. «Владыка, вот так и так получилось». Он говорит: «Не смущайся, сестра. Это призыв Матери Божией. Поезжай смело». Вот я и поехала. Приехала на три месяца, а вот уже четвертый год здесь.

— Слава Богу!

— Зачислили в число сестер. Примечательно то, что выехала как раз на Иверскую. Когда оформляли документы, то в отделе все удивлялись: «Как это, недели не прошло, а документы готовы. У нас такого никогда не бывало». Уже в самолете, на полпути в Святую Землю, я глянула в календарь: был праздник Иверской иконы Матери Божией. Она покровительница монахов, и вообще по жизни моя давнишняя покровительница. Через год, на Иверскую, матушка игуменья отрезала мне косы, то есть приняла меня в свои чада. И опять это произошло на Иверскую. То есть все самым чудесным образом.

Любая сестра может вам рассказать, какими судьбами она здесь, от нее никак не зависящими. Есть люди, которые очень хотят попасть в Горние и все силы пробиваются сюда, а результат — ноль. Значит, какое-то другое служение у сестры. А тут вроде и не думала и не гадала, да еще и, мягко говоря, брыкалась: «Нет, не поеду, батюшка, а то

буду переживать», а все получилось не по моему хотению, а по Божьему велению.

«Поражаешься, как Господь близок!»

— Здесь благодатная очень жизнь, особенно сейчас, в Пасхальные дни. Придешь на Литургию или на вечернее богослужение — и так радостно на душе, и Господь близко...

— Очень близко. Это на самом деле так. В прошлые годы я не умела еще слышать Господа. Я всего девятый год монахиня мантийная, поэтому, наверно, и не научилась слышать. А сейчас бывают такие моменты, что поражаешься, как Господь близок, как Он все устроит. Даже, знаете, иногда боишься чего-то пожелать. Страшно даже о чем-то подумать, потому что не успеешь оформить мысль, *а оно уже есть*. Понимаете, как страшно! Каким надо быть осторожным в желаниях своих. Постоянно быть в воздержании.

— А мы, миряне, все время просим, но не получаем.

— А тут даже не просишь, просто мысль промелькнет. А потом в сердце: «Ну ты же хотела?» «Ну хотела, но ведь не просила». То есть неизреченная милость Божия и Царицы Небесной, Владычицы нашей.

— Мы хоть недолго здесь живем, но уже кое-что ощутили.

— Паломники, едва войдя в ограду нашего монастыря (я провожаю их в храм Иоанна Предтечи), говорят: «Ну как же у вас хорошо! Как у вас тихо, мирно! Душа прямо поет!» А ведь это место освящено любовью двух великих жен, двух матерей самых великих в мире, их любовью друг ко другу и их радостью! Поэтому здесь так хорошо! И Иоанн Предтеча, это его родина, его дом, он тут хозяин, наш благодетель, помощник и покровитель! Мы очень любим его!

Преподобный Стефан Синайский

— Матушка, а какое послушание вы сейчас несете?

— Я несу послушание трапезарки: обслуживаю паломников в трапезной. Сегодня первый день вышла после поездки на Святую Гору Синай, возила туда паломников. Жалко, что всего одна ночь и два дня. Если бы было две ночи и три дня, было бы лучше, а так маловато. Ехать четыре с половиной часа до Эйлата и потом два с половиной — до монастыря. Ночью поднимаемся на Синайскую Гору и утром отправляемся назад. На монастырь нам времени хватает: вечером приезжаем, сразу идем на службу, потом нам выносят мощи святой великомученицы Екатерины, прикладываемся к ним, нам дарят колечки — благословение святой обители. Затем идем отдыхать, а в одиннадцать часов вечера начинаем восхождение на Гору.

— Литургию там служите?

— В этот раз Литургия была не на самом верху Горы (там служили греки), а в храме Илии-пророка, пониже (нам от этого храма дали ключи). Здесь нам понравилось даже больше, батюшка был очень благодарен, и все паломники были очень рады. Причастились, отдохнули, запивочки выпили, и с новыми силами пошли дальше. К восходу солнца были уже наверху, вошли в храм (греки еще не ушли), приложились к иконе Пресвятой Троицы, к другим святыням, встретили восход солнца и отправились назад.

— Зашли снова в монастырь?

— Обязательно. Мы посетили костницу — место, куда складываются кости усопших монахов. В этой костнице всех привлекают мощи преподобного Стефана: он не лежит, как все монахи, а сидит безо всякой поддержки, держит голову прямо, ножки открыты — для того, чтобы мы видели его пальцы, кожу, полностью нетленные руки с пальцами, в которых он держит четки. За последние годы голова немножечко склонилась.

Он подвизался в монастыре в шестом веке: сорок лет прослужил около одной арки, исповедовал людей, которые поднимались на Гору. (Раньше там было десять арок, а сейчас осталось только две). Он очень редко спускался в монастырь, а когда спускался, то приходил в эту костницу и говорил: «Братья мои, как мне хорошо с вами! Так бы сидел и сторожил вас». А потом снова уходил на Гору, к своей арке. Наверно, Господь услышал его молитвы, и когда после его смерти пришло время вскрыть могилу, то тело оказалось нетленным.

— Какая большая любовь была в его сердце...

— Да, это правда. По преданию, он был тесно связан с загробным миром, очень много ему было открыто.

— Это очень редко бывает.

— Конечно, это дар Божий, который он стяжал своей любовью.

— Что он рассказывал о загробном мире?

— По отзывам монахов, его современников... они понимали, что он общается с загробным миром. Когда он умирал, монахи, которые были рядом, притихли, а он говорил, сколько поклонов он клал за тот или иной свой грех. «А за этот грех, — сказал он, — нет, нет, за этот грех я понес вот что...» То есть он отвечал кому-то невидимому, кто его об этом спрашивал. За каждый мысленный грех он нес какую-то епитимию. Потом последовал еще один вопрос. «А за этот грех...» — ответил батюшка и замолчал. Если уж такой святой не нашел ответа за свой мысленный грех, то что говорить о нас...

Дуб Мамврийский

— Матушка, удалось ли вам побывать у Дуба Мамврийского? Впрочем, что значит «удалось или нет», когда ря-

дом живете. Лучше сказать: «Как часто вы бываете у Дуба Мамврийского?»

— По неизреченной милости Божией я четвертый праздник Сретения Господня бываю у Дуба Мамврийского. Конечно, у меня и мыслей не было, чтобы ехать туда... В первый год меня на Сретение направили на послушание, пробыла там месяц. На второй год опять...

— Давайте прервемся, а то вертолет военный стрекочет, и ничего не слышно... Ну вот, слава Богу, улетел...

— Три года подряд я на Сретение была у Дуба Мамврийского — то месяц, то два, то три (в прошлом году была три месяца). А в этом году вожу группу по Иерусалиму, и у меня такая мысль: первый раз я на Сретение не в Хевроне. И вдруг мне говорят: «Матушка, завтра повезешь группу к Дубу Мамврийскому». То есть все равно на Сретение, до отдания праздника, я попала в Хеврон.

— Почему именно в этот праздник вы попадаете туда?

— Я не знаю, просто со мной так выходит. Видимо, это Промысл Божий. Я себя там чувствую... не знаю, как и сказать... Одна наша сестра сказала: «До такой степени здесь мне хорошо, что **я чувствую себя как в алтаре мира**». У меня было такое ощущение, что я нахожусь в *святой святых*.

— Поясните, пожалуйста, слова «Я чувствую себя как в алтаре мира».

— У меня, когда я первый год там была... я не дерзну назвать это «алтарем мира», потому что святая святых — это Гроб Господень, но Мамврийский Дуб, Богоявление Аврааму, это для меня место такой необычайной важности... словами этого объяснить нельзя, но сердцем я ощущала это каждую минуту — не было дня, чтобы я не заливалась слезами...

— ...Это можно понять только тогда, когда поживешь там некоторое время; а паломники приезжают лишь на краткий срок, иногда на полчаса...

...Некоторые внимательные паломники это чувствуют и говорят об этом... а когда удастся там пожить подольше... в свободное от послушания время я заходила на крышу и смотрела в ту сторону, где погребены наши праотцы: Авраам, Сарра, Ревекка моя любимая... какая-то такая... дерзко сказать «связь»... живое присутствие их очень чувствуешь... окормление нас... может быть, молитва о нас...

— У Дуба Мамврийского явилась Пресвятая Троица... великое событие там произошло... сердцем почувствовала та сестра... Духом Святым она сказала, что находится как будто в алтаре мира... так просто это не скажешь...

— Отец Владимир, который сейчас служит в Хевроне... это он привел ее к этой мысли... она приняла сначала как некое наказание свое пребывание в Хевроне, потому что ее с хорошего послушания перевели туда... но бабушка так относится к этому святому месту, так любит его, что его любовь передалась и сестре... она переменяла свое мнение и сказала потом мне, что с этим новым ощущением и живет теперь... она и сейчас находится в Хевроне...

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее, как вы там жили в первый раз.

— С миром у нас там связи никакой нет.. Вся «братия» — я да еще послушник Александр; у него свои обязанности, у меня — свои; потом прислали еще одну сестру: прибираемся в доме, готовим еду; встречаем паломников; четыре года назад они редко приезжали...

— ... из-за противостояния арабов и евреев...

— ... да, а сейчас почаше, напряжение спало; если группа хочет приехать, то едет...

— Все, что вы сказали, относится к внешней жизни, но гораздо важнее... расскажите, пожалуйста, о вашей внутренней жизни...

— Там была действительно молитвенная жизнь. Может быть, мне потому и дорог Хеврон, что... я уже вам говорила, что здесь, в Горнем, у сестер совершенно нет личного

времени... нисколько; а там было личное время, и можно было молиться.

В монастыре есть чудотворная икона Пресвятой Троицы. Однажды она отразилась на стекле. Точно так же, как икона Божией Матери «Призри на смирение» в Киеве. Это было явное чудо.

— А к Дубу часто приходили?

— Очень часто.

— А что вы чувствовали, когда подходили к Дубу?

— Это нельзя объяснить; это не поддается человеческому языку. Это даже как-то... даже боишься... оно сразу исчезает... только назовешь, оно сразу... только что было, и пропадает куда-то... это не выразишь... да и невозможно выразить внутреннее состояние... а когда его облечешь в слова, то оно тут же и загасает... одно только выражение «Дуб Мамврийский» о многом говорит...

— Тогда кто служил на участке?

— Никого не было. Отец Гурий служил в миссии, он приезжал раз или два, уже не помню точно, служил Литургию... Тогда батюшек не было на участках; вот недавно рукоположили отца Иннокентия, он был диаконом, а теперь священник, служит в Иерихоне. А на Галилейское море батюшки всегда приезжают, и, значит, там всегда есть службы. Эта проблема сейчас решена, и сестры не боятся ехать на участки...

Рыженькая девушка необыкновенной красоты

— Какие еще у вас воспоминания об этом монастыре?

— Когда я первый раз приехала в Хеврон, то увидела вдоль заборов много консервных банок, старых ведер, ботинок, использованных упаковок. Арабы, не знаю зачем, через забор кидают этот хлам к нам, как будто у них нет

мусорных баков. Мне захотелось весь этот мусор собрать, сжечь, выкинуть, ночи даже не спать, пока не станет чисто. Ревность какая-то появилась во мне...

Однажды я подметала дорожку, и мне в глаз попала соринка. Через день глазу стало плохо, и я спросила у послушника Александра, есть ли тут врач. Он сказал: «Зачем тебе врач? Промой чаем, и все пройдет». Я промыла, но это не помогло. Глаз покраснел; возникла боль. Я не могла открыть глаз. Мне стало плохо, поднялась температура. И никого больше нет, кроме Александра. Языка арабского я не знаю, чтобы обратиться к кому-нибудь за помощью.

Прошло несколько дней. Состояние мое все ухудшалось. Я легла в своей келии и говорю: «Господи, буду я слепая или зрячая — да будет Твоя святая воля. Я знаю, что Ты можешь эту соринку вынуть, это сделать Тебе совершенно нетрудно. Но как Ты хочешь, а не как я. Я никуда не пойду, никому не буду звонить и ни к кому не буду обращаться». И вдруг ко мне подходит девушка, немножко рыженькая, в русском сарафане, необыкновенно красивая, пышные волосы, заплетенные в аккуратную косу. Подходит ко мне и говорит: «Пойдем со мной». Ведет меня в какую-то комнату, сажает в кресло, выворачивает веко, вынимает соринку и протягивает мне. «На, — говорит, — это стеклышко».

Я вспомнила: когда мела дорожку, то увидела много стекол. Арабы пили чай и разбили стакан. Мне в глаз попало тонюсенькое-тонюсенькое стеклышко. Я взяла это стеклышко и прижала его пальцем. «Как, — говорю, — у тебя это получилось?» «Да мне, Марии Николаевне, — отвечает она, — ничего не стоит это сделать».

И вдруг я проснулась. Проснулась от боли: сильно прижала стеклышко к пальцу. Убрала палец, смотрю: стеклышко, совсем маленькое, квадратненькое, один уголок у него темный. Глаз перестал болеть, я могла им

смотреть, как прежде. Я думаю: «Мария. А какая же это Мария?»

— А мне сразу ясно, какая именно.

— Какая?

— Дочка Государя Императора Николая Второго. Святая мученица Мария.

— А мне тогда не было ясно, потому что я не сразу вспомнила ее отчество... Когда у моего сына родилась дочка, то есть моя внучка, я хотела назвать ее в честь Царевны Марии Николаевны, рассказала о ней и сыну, и невестке, и они согласились. А когда батюшка крестил, то назвал ее в честь Марии Магдалины.

Я вышла из келии, мне хотелось всем рассказать о своем исцелении. Подняла палец, а стеклышко упало на пол.

— Ну и пусть.

— Это произошло, наверно для того, чтобы я не хвасталась и не хвасталась. Кажется, у меня большего горя не было, когда я потеряла это стеклышко, — теперь ведь мне никто не поверит! В этот момент я подняла голову... не знаю, почему раньше сюда не смотрела — справа, на стене — портрет Царя-мученика Николая, а слева — вся Царская Семья, и среди них — Мария Николаевна. Вижу: она смеется, да так заразительно, только не вслух. Я так ее благодарил, так плакала. Наверно, в тот день не было счастливее человека на свете, чем я...

— Ну вот, теперь святая Мария Николаевна является вашей покровительницей. Она теперь всегда с вами.

— Я это чувствую. И не только она, но и вся Царская Семья. И прежде всего Государь.

— Царь-мученик Николай, Царица Александра и их детки — самые усердные молитвенники за всех нас. Они больше всех молятся о спасении России. Однажды святой мученик Николай явился благочестивому христианину и сказал: «Почему вы мне не молитесь? Почему ни о чем не просите? Я готов вам помогать в ваших нуждах и печалях».

- Они такие добрые, такие отзывчивые...
- Это знают все, кто им молится и получает от них помощь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Монета

– Царь-мученик Николай тоже особенным образом вошел в мою жизнь. Когда я только постриглась, то каждый год ездила в Пермскую епархию на праздник, посвященный Царским мученикам. Мы ходили Крестным ходом на Святую Гору. Он продолжался пять суток. Однажды ко мне подошел паломник (его зовут Александр, сейчас он иеромонах Николай) и сказал: «Матушка, я должен вам кое-что подарить». «А что именно?» Он подает мне монету с изображением Царя-мученика Николая. Я спрашиваю: «Откуда она у вас?» Он отвечает: «Я ее нашел». «Где?» «Мы решили построить храм в честь Царя-мученика Николая Второго. Я подумал: пойду и первый копну землю лопатой – под фундамент. Копнул – и из-под лопаты выскочила блестящая монета. Я понял: сам Царь-мученик благословляет строительство нашего храма. И в то же время мне было ясно, что я должен эту монету кому-то подарить. Кому – я не знал. И вот во время этого Крестного хода я понял, что должен подарить вам».

Эта монета теперь все время со мной, и в Хевроне она была со мной.

Храм Иоанна Предтечи

– Матушка, если вы не против, давайте поговорим о вашем послушании в храме Иоанна Предтечи.

— Поскольку храм в аварийном состоянии (обвал на лестнице), служб там нет, только в престольный праздник — Рождества Иоанна Предтечи — совершается служба и водосвятный молебен. А так мы каждый день открываем храм, чтобы паломники могли войти, приложиться к иконам, поклониться святому месту, где родился Иоанн Предтеча, величайший из рожденных женами. Паломники любят там бывать; с понедельника на вторник матушка игуменья благословила читать канон святому, иногда акафист читается; записочки читаем, которые оставляют паломники (мы об этом не объявляем, но смотришь: записки оставлены). Молимся о паломниках, которые здесь побывали и просили его святых молитв о том, чтобы Царствие Божие поселилось в их сердцах. Ну и просим Иоанна Предтечу, чтобы он растопил наши сердца и научил нас любить друг друга, чтобы быть нам по-настоящему православными.

Неусыпаемая Псалтирь

— Во многих монастырях читается неусыпаемая Псалтирь...

—... У нас тоже читается, но не неусыпаемая. В монастыре такая традиция: матушка игуменья за вечерним богослужением благословляет очередную сестру иконой Божией Матери Казанской, и та обходит с ней весь монастырь. До девяти часов вечера одна сестра читает Псалтирь и записочки, оставленные паломниками. А потом ее сменяет та сестра, которая ходила с иконой; она читает три кафизмы и весь синодик.

«Мы сами лечим друг друга»

— Вот еще одна тема: каждый человек должен духовно взрослеть по мере жизни во Христе. Здесь, в Горнем, ус-

ловия благодатные для этого. Расскажите, пожалуйста, на своем опыте об этом.

— В монастыре духовника как такового нет, есть два служащих батюшки, и все пятьдесят сестер — к ним... как-то не получается это... поэтому мы сами лечим друг друга, если можно так сказать. Есть у нас сестры, которые в обители давно. Почему-то здесь считается сестра старшей не по постригу, а по количеству лет, проведенных в этом монастыре. Может быть, это и обоснованно, хотя в России по-другому: там сестра считается старшей по постригу, и мы, конечно, уступаем ей место. Здесь, повторяю, не так. Наверно, это и хорошо для нас, во всяком случае, для смирения, для нашего честолюбия, которое то и дело вылезает наружу, — это очень помогает. Мне это нравится — такие притирки между сестрами.

Правда, сейчас ложного старшинства уже нет: те сестры, которые считали себя сильно достойными, переболели, присмирели... сейчас как-то спокойно в монастыре... не слышно ни одной «старшей»... как-то все ровненько...

Господь постоянно дает нам прекрасные уроки — каждый день какой-то урок. Удивительно! Я вам уже говорила, что не умела слышать, да и сейчас толком не умею, но все равно сейчас многое уже «видится»... для моего духовного возрастания... Господь дает эти уроки, чтобы я видела, сколько во мне еще грязи, и могла покаяться, но дает очень нежно, я бы сказала, человеколюбиво.

Матушка игумения

— Скажите несколько слов про матушку игумению.

— Вот сколько я здесь нахожусь, у меня такое впечатление: как курица созывает цыплят под свои крылья, так и матушка игумения заботится о каждой сестре, она каждую сестру знает как самое себя...

Откуда она знает, нам это непонятно, но *она знает о нас все. Каждую мысль мою знает*. Первое время меня это просто сражало. Она, конечно, это скрывает... будто она тебя не замечает или еще что-то... но ты понимаешь, что это не так... от матушки ничего не может скрыться, ну, ничего... если она что-то говорит тебе, то... матушка «наступает» на твоё больное место для того, чтобы исцелить тебя... это так радует...

Матушка иногда уезжает, по приглашению Патриарха или еще куда-нибудь, — если бы вы знали, с каким ужасом мы ее провожаем. Не знаю, как сестры, но я так боюсь оставаться без матушки... для меня, кажется, самое страшное, когда я остаюсь без нее...

— Она ведь ненадолго уезжает...

— Мы никогда ничего не знаем...

— Хотя она, наверно, и говорит что-то...

— Одно дело — матушка скажет, а другое дело — как на самом деле все сложится... это же не от людей зависит... Как только я узнаю, что матушка собирается уезжать, мне становится плохо... Может быть, так не должно быть, я не знаю...

— ...Такая тесная связь между вами и матушкой, что краткое отлучение ее из монастыря выводит вас из равновесия...

— ...Меня — да...

— ...А других сестер?

— Наверно. Просто мы никогда не говорим об этом

— Я еще одну вещь заметил: куда бы я ни пришел — она тут... даже если ее нет здесь, она все равно здесь...

— Правильно, так и должно быть: она хозяйка монастыря...

— И мать. А мать должна знать, где ее дети и чем они занимаются...

— Она очень любит сестер, за каждую болеет, переживает; но это не сюсюканье, это сокровенная любовь, ее не

видно; такого нет, чтобы она кого-то внешне пожалела, мол, ты устала или что-то еще, нет, это совсем другая любовь — любовь духовная. Такого я никогда нигде не встречала. Я многих игумений знаю, многих люблю, дивные матушки есть на Руси, но такой, как наша матушка, не знаю.

— Она не только радеет о всех вас, но и отвечает за вас пред Господом.

— Как и любая игумения отвечает за своих сестер.

— Ей уже много лет, ее, конечно, одолевают всякие немощи, но она, насколько я заметил, и вида не подает..

— Знаете, как я боюсь, когда матушка кашляет или еще что-то... думаю: вдруг заболит; лучше бы я болела, но только не она.

— Всем сестрам очень повезло, что они имеют такую матушку.

— Очень, очень...

— В Пюхтицах она уже была игуменией?

— Нет, там другая игумения. А матушка Георгия была на подворье в Питере, на Карповке.

— Когда вы едете на Гроб Господень, матушка всегда с вами?

— Как сказать. Если она в полном здравии, то едет с нами. Но если и неважно себя чувствует, то все равно: смотришь — приехала. Хоть немножко, но побудет с нами, помолится.

— Я вспомнил слова из Евангелия: «По тому все узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Сестры, на мой взгляд, имеют такую Евангельскую любовь.

— Внешняя любовь... она может быть почти у любого человека: можно любить папу, маму, бабушку, дедушку, но это плотская любовь, а Господь имел в виду совершенно другую любовь, жертвенную. Хочется, конечно, иметь такую любовь, хоть немножечко прикоснуться к ней. У на-

шей матушки именно такая любовь. Она себя совершенно не щадит.

— Это видно даже нам, паломникам.

— А сестрам особенно.

«Ко мне проявилась удивительная любовь сестер»

— Хоть я недолго здесь, но заметил: сестры живут в Господе.

— Конечно. Нет такого, что — гонимая или нелюбимая сестра.

— И слава Богу.

— Милость Божия, что такого нет... Я недавно переболела сильно, так сильно, что...

— Во время Великого поста?

— Нет, поста еще не было. Была сильная аллергия — удушье. Сильный кашель был... И так сильно проявилась любовь сестер, даже тех, о которых я думала, что они меня и не замечают... вернее, те сестры, с которыми у меня не было близких отношений, проявили ко мне особенное участие.

Акриды

— В России сестры болеют гриппом. А сюда достигает грипп?

— Вы знаете, у нас тут другая болезнь. Мы же все живем в камне: дома каменные, пол каменный, почва каменная — у сестер кости болят; ноги болят, особенно колени.

— Это ревматизм?

— Я не знаю, что это такое. Мы надеваем шерстяные вещи, и оно проходит. Иоанн Предтеча одевался... у него

была одежда из верблюжьей шерсти, а питался он диким медом, то есть естественным, натуральным, безо всяких добавок. И акридами. Они у нас растут.

— Это разве не саранча?

— Нет. Это дерево такое, очень похожее на наш боярышник. Очень вкусные, сочные маленькие такие ягоды. Как наш боярышник, только крупнее раза в три-четыре, желтенькие. У нас их много, особенно в пустыньке Иоанна Предтечи. Несколько таких деревьев растут и в нашем монастыре.

— А вы часто кушаете эти ягоды?

— Не очень.

«Мы живем ради паломников...»

— Мы с вами уже говорили о физических недугах, но главное для нас, конечно, духовное здоровье.

— Да. А знаете, вот эти болезни косточек наших посылаются нам во исцеление души. Как только поймешь свой внутренний недуг, то каешься в нем, а после этого и физический недуг исчезает. Все посылается нам во спасение души: камень там, не камень — без воли Божией никто не кашляет и не вздохнет. И силы Господь дает... Все, что мы делаем, мы делаем не человеческими силами. Вот пример: сегодня я дежурила ночь в храме и сразу пошла на службу, я еще в своей келии не была. Как ушла вчера в восемь вечера, так и не заходила в нее. Я еще не спала: ночь, потом служба, потом послушание, затем между послушаниями немножко с вами поговорила, потом снова послушание, и вот я снова с вами разговариваю — Господь силы дает, и удивляешься, как это я могу вынести! Сестры говорят: иди хоть немножко поспи. А мне спать не хочется.

Если бы дело происходило в Москве и если бы я все это время употребила на себя, то, конечно, не выдержала

бы: расквасилась, мне бы ужасно хотелось спать. И так во всем. Вот, скажем, мы ждем очередную группу паломников, сил никаких нет, ну ни капельки. Но вот паломники входят на территорию монастыря, и уже улыбки, причем неподдельные, они как-то сами собой появляются — потому что мы любим паломников, ждем их, ради них живем. И они это чувствуют.

— Это величайшее духовное делание, когда русские паломники приезжают в Святую Землю. И с каждым годом все больше и больше. Это говорит о том, что русский человек заботится о спасении своей души. Он приезжает сюда для того, чтобы поклониться Христу, лучше узнать Его и, вернувшись домой, жить уже другой жизнью...

— ... Преобразившись...

— ...То есть вы, сестры Горней обители, способствуете возрождению России...

— ... Дай-то Бог!

— .. Это так важно — ведь сюда приезжают не только верующие, но и мало верующие и совсем неверующие люди. И некрещеные приезжают. Господь их привлекает сюда, чтобы они мало-помалу, кроха за крохой становились другими и чтобы Россия постепенно возрождалась. Ведь времени-то осталось совсем ничего... Вот из Тобольска приезжала большая группа, из Иркутска много паломников было. Отовсюду приезжают, ведь как хорошо, правда?

— Конечно. Я скорблю только о том, что я-то не спасаюсь, не делаю ничего для своего спасения... Мне иногда кажется, что я совсем не молюсь, потому что некогда. И книг никаких не читаю. Воплю: «Господи, погибаю!» А потом думаю: «Ведь послушание выше поста и молитвы».

— Вы выполняете важнейшую, на мой взгляд, заповедь Христову: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». А если уж вы исполнили закон Христов, то чего еще желать?

— Все равно боюсь.

Силоамская купель

— Не могли бы вы рассказать еще об одном путешествии по Святой Земле.

— Однажды приехал батюшка-игумен и попросил меня провести его в Силоамскую купель. Причем не просто показать эту купель (это ведь очень интересно — восьмой век нашей эры), а пройти по ней... Господь послал в эту купель слепого, тот проявил послушание, пошел и, умывшись, исцелился... И вот батюшка Никита и еще несколько человек с ним... мы пошли под землей и шли сорок пять минут. Там такие мысли приходили, что... Я словами не могу выразить, но это была такая глубина духовная... Я очень понимала батюшку, и я очень благодарна Господу, что Он сподобил меня пройти этим путем. Это было мое самое сильное впечатление за последнее время.

— Опишите, пожалуйста, что из себя представляет Силоамская купель.

— Это источник, который течет под землей. Мы спустились в него, арабы открыли нам решетку, взяли с нас какие-то денежки (это обычное дело, тут везде берут), мы запаслись фонариками и пошли. Батюшка шел впереди, очень громко читал Иисусову молитву, а также другие молитвы, которые на нас действовали хорошо. Каждому из нас было о чем подумать, пока мы шли. Вот так, по милости Божией, мы прошли весь путь и вышли на той стороне, где умывались исцеленные Господом.

— А вода холодная в источнике?

— Поначалу она кажется холодной, а потом — нет. Было бы решение, вернее, дерзновение — и когда Господь видит, что согласна, что пошла, то тогда Он дает облегчение, да такое, что, мне казалось, я шла в парном молоке... Была такая радость, такое ликование!.. Плюс молитва, со свечами зажженными шли! Не описать!

— А окунались?

- В этом не было нужды, вода была чуть не до пояса.
- Так и шли?
- Да.
- Вход находится...
- ...прямо у стены Старого города, со стороны Гефсиманского сада, там, где монастырь Онуфрия Великого... тоннель очень узкий: идешь, и то одним плечом задеваешь стенку, то другим; вода стекает по стенам, от конденсата; у меня подрясник был совершенно мокрый, хоть выжимай; мы все вышли мокрые, как мышки.

Подарок Марии Магдалины

- А из других путешествий что запомнилось?
- Явное чудо у Марии Магдалины. Я люблю туда ездить, и все сестры любят ездить к этой святой, родненькой нашей. Недавно туда ездил весь монастырь, а я не смогла, была на послушании. Сестры решили искупаться в озере. И вдруг видят: к берегу подплыла огромная рыбина. Одна из наших трудниц, расхрабрившись, дотронулась до нее, а она не уплывает. Тогда трудница взяла ее за хвост и закричала: «Быстрее сюда!» Подплыли ребята и вытащили рыбину на берег. Привезли ее в монастырь — как подарок от Марии Магдалины. Рыбина была отменная — и по величине, и по другим статьям.
- Как она называется?
- Косив.
- На всех хватило?
- Конечно. Сестры говорили, что уха была очень вкусная.
- А петровская рыбка большая?
- Сантиметров тридцать-сорок.
- Наверно, самая вкусная?
- Сладкая хорошая рыбка, но, наверно, больше оттого,

что это рыба Апостола Петра, та рыба, которую ловили ученики Господа.

Похвала Пресвятой Богородицы

— А в Иерихоне часто бывали?

— Там я несколько раз несла послушание. Очень люблю этот участок. Очень благодатный.

— Там ведь рядом Сорокодневная Гора.

— Я попала туда на праздник Похвалы Пресвятой Богородицы. Вместе с одной нашей послушницей. И нас благословили там ночевать, чего никогда не бывало, так как монастырь очень строгий. На празднике было всего одиннадцать человек: двое русских (это мы), одна арабка, двое румын, один француз, несколько греков, американец, серб — весь мир собрала Пречистая Дева на Свое торжество. Такая была благодать! Служба очень красивая! А потом было угощение, никого не отпустили, пока не накормили.

— А на Сорокадневную Гору поднимались? К нашему недостроенному храму?

— Да, поднимались, с тем батюшкой, с которым мы шли по Силоамской купели. Отслужили молебен о том, чтобы Господь сподобил завершить строительство храма. Но не обязательно русскими силами, а кто возьмется.

«Вода забурлила...»

— Матушка, а вы были на Иордане, на том месте, где произошло Крещение Господа нашего Иисуса Христа?

— Была, причем несколько раз. Однажды увидела, как вода возвратилась вспять. Но не поверила этому. Думаю, не может этого быть, на следующий год буду смотреть

особенно внимательно. А на следующий год приехало на праздник столько паломников, была такая суета (мы искали место, где бы окунуться), что я прозевала тот момент. Сестры говорили: «Вода опять шла назад».

А в этом году я решила даже не окунуться, думаю, встану и буду смотреть, как это произойдет, — ведь меня люди спрашивают, а как я могу рассказать то, чего не видела. Я выбрала место и стала ждать. И когда два епископа, спустившись к реке, — один со стороны Иордании, а другой с нашей стороны — бросили кресты в воду, то... вода была тихая-тихая... смотрю: по воде плывет полиэтиленовая бутылка, видимо, она была наполовину наполнена, виднелось полбутылки; я даже порадовалась, думаю: «Какой хороший ориентир!» — (соринки, они ведь не очень хорошо видны) — и вот, повторяю, когда владыки бросили кресты в Иордан, вода забурлила. Я не поняла, почему она вдруг забурлила, заходила кругами, одна волна стала находить на другую. Чуть позже до меня дошло: вода пошла вспять, и те волны, которые шли вниз, встретились с волнами, которые шли вверх, и они закручивались, «боролись» между собою. Смотрю: «моя» бутылка остановилась и... поплыла назад! Это было такое ликование! Такая радость! Милость великая: Господь дал мне увидеть это чудо! Я была настолько переполнена этим чудом, что даже не стала окунуться в воду. Думаю: «Достаточно мне той благодати, которая покрыла меня с головы до ног». Только спустилась вниз, попросила сестер набрать мне воды — и все.

Едем назад, а я думаю: «Нет, зря не окунулась. Роденький Иоанн Предтеча, как же так получилось, что я не окунулась. Ты Господа там крестил, а я не окунулась». И вдруг мне звонит матушка Георгия и говорит: «Силуана, к нам приехала группа паломников, они просят, чтобы ты отвезла их в пустыньку Иоанна Предтечи». И вот так получилось, что в день, когда святой Иоанн крестил

Господа, мы искупались в его источнике. Меня поразило то, как быстро угодник Божий меня услышал. И всегда в Святой Земле так: не успеешь подумать, а твое желание уже исполняется!

И еще об одной интересной вещи хочу рассказать: вода в Иордане, во время праздника Крещения Господня, — *соленая*.

— Неужели?

— Да. Мы же набирали эту воду и пили, она соленая. В Галилее, там, где мы обычно купаемся, вода вкусная, сладкая. А Крещенская, когда ее сразу наберешь, соленая.

— Почему?

— Наверно, потому что вода возвращается из Мертвого, соленого, моря.

— А, может, причина другая. Господь сказал: «Вы — соль земли». А когда становишься этой солью? Только после Святого Крещения. Вот Господь и напоминает нам об этом в день Своего праздника.

— Одним словом, это тайна.

— Скорей всего.

— Однажды приезжал к нам батюшка знакомый, его зовут отец Вячеслав. Он говорит: «Дай мне попить Крещенской воды из Иордана». Прежде чем дать ему этой воды, я ее попробовала. И что же? Она уже несоленая. Не знаю, почему: то ли в осадок соль выпала, то ли еще что... Правда, она отличается от Крещенской воды, которая освящается в храме.

Фавор

— Тут, в Святой Земле, на каждом шагу вода: Иордан, Галилейское море, источники Божией Матери... И не просто вода, а святыня...

— На Фаворе, в праздник Преображения, на людей сходит вода с Неба, в виде облака. И каждый год по-разному. Трогаешь человека, а он весь мокрый — это благодать. Я говорю сестре, которая рядом со мной: «Ой, ты вся мокрая. Но почему я-то сухая?» Она — с удивлением: «Да что ты! Тебя хоть выжимай!»

— Как это происходит?

— Представьте себе: чистое-чистое небо, и вдруг — ниоткуда — появляются облака и очень быстро плывут над храмом. Конечно, над нашим, православным. Они проходят храм и тут же уходят в небо. На смену им идут другие облака, такими большими клубами, без перерыва. Появляются и пропадают. Появляются и пропадают. У меня от маловерия появлялись такие мысли, мол, это от каких-то выстрелов, что ли. Потом я устыдила себя: «Ну что ты всякую ерунду выдумываешь? Это же Фавор! Это же чудо! Из облака был глас Бога Отца, обращенный к ученикам Иисуса Христа!»

И так бывает в каждый праздник Преображения Господня.

— Облака спускаются низко?

— Очень низко, задевают наши головы.

— Это надо самому испытать.

— В предыдущие годы русские много пели: то там запоют, то там. И вот где запоют, туда облачко и спускается.

— Надо же!

— А в позапрошлом году было так: зарницы такие же, как во время схождения Благодатного Огня на Гроб Господень. Было очень много таких зарниц. Особенно у одного дерева — вспыхивают и вспыхивают! Я думаю: почему? А потом выяснилось: под этим деревом стоял батюшка с Чашей и причащал паломников!

— Вот в чем дело!

— А в этом году паломники фотографировали облака цифровыми камерами и тут же показывали снимки. И что

бы вы думали? Шар, а в шаре — при увеличении это видно — лик!

— Чей?

— Ангельский!.. Много-много шаров, и в каждом — лик Ангельский! И не у одного паломника такое получалось, а у многих.

«Я не хочу никуда уезжать...»

— Давайте коснемся еще одной интересной темы: Крестные ходы. Они совершаются...

— ... и в праздник Успения Божией Матери, и в Лазареву субботу, и на Вход Господень в Иерусалим...

— Ну а самый главный Крестный ход — в Страстную Пятницу.

— В нем мы все участвуем.

— Расскажите, пожалуйста, о Крестном ходе, который вам больше всего запомнился.

— То страшное, чего я всегда боялась, уже происходит со мной: я стала привыкать к тому, что живу в Святой Земле. Я не хочу этого. Но это, наверно, неизбежно, если не стараться не привыкнуть... Когда приезжают паломники и видишь их благоговение, их верующие глаза, их горящие сердца, — это и нашу веру укрепляет... Может, поэтому мы так любим паломников... И вот последние Крестные ходы были пустыми для меня, и я была пустая. Видимо, это оттого, что я стала привыкать к Святой Земле; это был тревожный сигнал для меня.

— Это и меня коснулось. Я, по милости Божией, пятый раз в Святой Земле, и для меня тут все или почти все знакомо, — и уже нет того благоговения, которое было в первый приезд.

— Да, понятно... И вот этот последний Крестный ход... Я была очень недовольна собой... Не могла заставить себя

ни молиться, ни сострадать Спасителю — как пустышка какая-то прошла... Господи, не дай мне привыкнуть к Святой Земле, помоги мне жить так, как будто я здесь первый день.

— Это происходит не только с нами, но и со всеми паломниками.

— Наверно... Когда мы входим в Гроб Господень, то это сразу видно, — кто первый раз здесь, а кто не первый... Это, видимо, общая болезнь — привыкание...

— Знаете, для вас есть отличное лекарство: уехать на месяц домой, в Россию, соскучиться по Святой Земле, а потом приехать снова, как будто первый раз.

— Я даже мысли не могу такой допустить. Некоторые сестры уезжают на месяц, на два, и все нормально, а я не могу. Боюсь очень. В прошлом году умерла моя мама, Царствие ей Небесное, девятого мая будет уже годовщина, так меня матушка Георгия не отпустила на похороны. Говорит: «Если ты уедешь, то сюда больше уже не вернешься». Я смирилась и осталась. Вместо скорби была радость — что я проявила послушание. Я очень благодарна матушке. Если бы я уехала, то, конечно, не вернулась — там мой любимый монастырь, любимые сестры...

— Предвидело ваше сердце...

— Матушка мне сказала: «Молись, и все будет в порядке».

— Там вы бы плакали, а здесь молились.

— Я не хочу никуда уезжать... Когда я увидела на снимке наши березки в снегу, я расплакалась — поняла, что соскучилась по Родине, но все равно... не хочу уезжать...

— Здесь вы больше принесете пользы нашему Отечеству, чем там. Это относится не только к вам, но и ко всем сестрам. И к матушке игумении.

— Возможно. Я вот только ... молитвы нет такой, как раньше, дерзновение исчезло... Я молюсь, чтобы Господь

управил сердце мое так, чтобы было больше пользы и для меня, и для моих родных и, конечно, для России.

– Помогите вам Господи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Зима

– А теперь поговорим о зиме. Как вы ее провели?

– Мы ее не замечаем. Это на севере зима, а здесь в это время распускаются цветы, расцветает миндаль — вся природа оживает. Сейчас тут достаточно зелени, а позже, когда вступит в свои права знойное лето, все будет выжжено палящим солнцем, и только с первыми осенними дождями снова появится зелень. Какая у нас зима? Скорее внешняя, по календарю, а температура пятнадцать-двадцать градусов выше нуля. За мою бытность в Святой Земле два раза выпадал снег. Выпал снег, а зимы нет — тепло. Мы играли в снежки, снежных баб катали — такая для всех нас была утеха...

– Сразу Россию вспомнили.

– К сожалению, снег был недолго. Вот в Хевроне он не спешит таять, с крыш его счищали. Там гораздо холоднее, куртка нужна обязательно, чувствуется зима.

– Там ведь горы выше, чем здесь.

– Намного. Даже сейчас, весной, там прохладнее.

Самое жаркое место в мире

– А в Иерихоне как?

– Там жарница: самое жаркое место в мире — четыреста метров ниже уровня моря. Пятьдесят-шестьдесят градусов — это норма, а бывает и семьдесят! Местные жители

говорят: «У нас жарко или очень жарко». Другой температуры в тех краях не бывает.

— В монастыре Герасима Иорданского или на Сорокадневной горе монахи и монахини несут, конечно, сугубый подвиг.

— Еще какой!

— В Иерусалиме горы, ветерок, а там этого нет.

— В монастыре Герасима Иорданского сейчас зеленый оазис, он создан трудами монахов; им, конечно, полегче.

— А здесь, в Горней, сестры сажают деревья?

— Только цветы. У сестер совершенно нет времени, даже прибраться в келии порой некогда, все на послушаниях: в гостиницах, в кладовке, а чаще в трапезной; в Горней мало сестер, большинство — на участках.

— Сестры в основном молодые, но я видел двух очень пожилых; они, кажется, схимонахини.

Мученицы за Христа

— Да. Матушка Севастиана и матушка Мария. Им за восемьдесят; у них разница в один год. Матушка Мария приехала в монастырь вместе с Варварой и Вероникой, монахинями, которые приняли мученическую кончину от рук изувера двадцать лет назад. До приезда они жили в пустыньке, в Прибалтике: пасли коров, заготавливали сено.

— Сохранился ли домик, в котором жили Варвара и Вероника?

— Сейчас он перестроен, добавлен второй этаж; осталась одна стена от старого дома. Матушка Мария рассказывала нам о том трагическом случае.

— А вы мне расскажите.

— Вечером, после службы, она слышала крик. Раньше не было стен вокруг монастыря, и ворот не было. У каждой сестры был свисток: если возникала опасность, сестра

свистела, и все насельницы быстренько закрывали свои келии. Ни телефона, ничего тогда не было... И вот матушка Мария услышала крик Вероники. Он затих, и матушка Мария подумала, что Вероника испугалась мыши. Утром она пошла в храм и решила позвать их. Смотрит: дверь открыта. Она крикнула: «Мать Варвара! Мать Вероника!» Никто не отвечает. Она вошла в дом. Одна келия пуста, а во второй — мать и дочь в крови.-

— Его нашли?

— Найти-то нашли, это не представляло труда, но... его признали невменяемым, и никакого суда над ним не было.

— Как сестры восприняли эту трагедию?

— Был страх у всех.

— Похороны были в Горней?

— Да. Они превратились в торжество Православия. Было очень много народу из разных стран мира — и православные, и люди других конфессий. После этого события сестры стали смелее выходить в город. А до этого евреи их могли оскорбить, оплевать, унижить, — видимо, от властей поступил такой приказ.

— Варвара и Вероника — это мученицы за Христа.

— Мы в это очень верим. Они — наши небесные покровительницы и постоянно нам помогают. Иногда придешь на кладбище и видишь: сидит сестра у их могилки и рассказывает им о своих нуждах. На Небо ушли самые лучшие; на тот момент не было сестер лучше их — и по любви к сестрам, и к гостям обители.

— Господь взял их к Себе, потому что они созрели.

— Да.

— Как яблоко падает на землю, когда оно созреет, так и здесь.

— Все сестры так считают.

Пока мы разговаривали (беседа проходила на улице, вблизи келии, под густой кроной рододендрона), день разгулялся: дымка исчезла, солнце осветило горные склоны, громче запе-

ли птицы. И хотя в воздухе ощущалась некоторая прохлада (весна в этом году была затяжная), на душе было радостно. Листья азалии трепетали на ветру, и казалось, что они о чем-то говорят и никак не могут выговориться.

«Больной вопрос»

— А теперь поговорим о самом главном: о причащении Святых Христовых Таин.

— Ох, какой больной вопрос! У нас все делается по благословению матушки, как и в любом монастыре. Матушка благословляет нас причащаться каждое воскресенье. Некоторые сестры причащаются в субботу или в другой день — кто когда может. Хотелось бы и почаще причащаться, но тут уж не моя воля.

— Матушка Георгия наверняка знает день Ангела каждой сестры.

— Конечно. Сестры этот день уж не упустят, принимают Святые Тайны или в монастыре, или на Гробе Господнем. Ну, а если в этот день кому-то удастся заказать Литургию, то полмонастыря едет на именины сестры.

— А почему вы сказали, что это «больной вопрос»?

— У меня такое устройство... я бы причащалась за каждой Литургией. Мне так больно, когда уносят Чашу, а я не причастилась. Я не могу дать этому какое-то объяснение, но мне больно. Господи, прости! Вот Он дал нам Себя, а мы не причащаемся — одна по нерадению, другая по другой причине. Да и *нельзя*... Я понимаю, что *нельзя*, а вот по внутреннему устройению я бы причащалась каждый раз.

— У меня такое же ощущение. Ведь древние христиане причащались каждый день. И потом Литургия заканчивается каким возгласом? «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную...» И далее: «...яко сподобил еси нас причаститися Святым

Твоим Божественным Безсмертным и Животворящим Тайнам...» А мы не причастились. Так жалко бывает.

— Может быть, я ошибаюсь, но когда батюшка дает возглас: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди со всеми вами», то это, по-моему, означает, что все находящиеся в храме принимают благодать Духа Святого, хотя и не причащаются Святых Таин.

В мои первые церковные годы мне до боли в сердце хотелось причащаться Святых Таин очень часто. Мне страшно даже было, когда батюшка уносил Чашу, а никто не причастился. Думаю: «Ну, хоть бы младенца мама какая-нибудь принесла, чтобы он причастился».

— Я очень радуюсь, когда паломники подходят к Чаше, особенно на Гробе Господнем... А ощущаете ли вы разницу, когда причастились здесь, в монастыре, и когда — на Гробе Господнем?

— Конечно, я очень счастлива, когда причащаюсь у Гроба Господня. Только подумаешь: «Какая эта ночь! Неповторимая! Мир большой, и сколько народу, а здесь, в Храме, собралась небольшая горстка людей. И богаче этих людей нет никого! Кто-то получил огромное наследство, кто-то провернул успешную сделку, кто-то приобрел роскошную яхту — и считает себя счастливым. А ведь все это мишура, тлен, паутина.

— Я с вами полностью согласен.

Один нгод вместо десяти

Мы помолчали немного, и я продолжал:

— Знаете, какая мысль мне пришла сейчас: неважно, как часто причащаются сестры и где — в обители или на Гробе Господнем, гораздо важнее то, что они живут в Святой Земле и что они с Господом на каждом шагу.

— Сегодня мы с одной сестрой стали свидетелями конфликта двух людей. Мы не стали разбираться, кто из них прав и кто виноват, а просто помолились о них, чтобы они побыстрее примирились, — ведь это все же Святая Земля, зачем прогневлиять Господа?

Здесь, в Святой Земле, год идет за десять лет. Раньше, на Родине, у нас были и искушения, и уроки, но если там для врачевания какого-нибудь внутреннего недуга требовалось много уроков, то здесь сразу понимаешь, за что и ради чего тебе это попущено. Иногда проскользнет грубость среди сестер (они все же устают очень), а ты думаешь: это, конечно, не по-монашески. Но Господь попустил эту ситуацию не для них, а для меня. До любви нам еще далеко, лично мне, во всяком случае, а вот если хотя бы малую толику кротости, смирения эта ситуация поможет мне приобрести, то уже хорошо. Любое колкое слово, кому бы оно ни было сказано, я считаю, адресовано в первую очередь лично мне — Господь учит нас на каждом шагу. И, конечно, поддерживает.

Я каждый раз себя ловлю: две сестры ссорятся, ну это громко сказано «ссорятся», что-то сказали на повышенных тонах, а я все это переносу на себя: у меня в сумочке шпартгалочка, и я тут же написала «донос» на себя. Господь ради меня попустил эту «ссору», так нежно, так изящно Он преподнес мне очередной урок, так любяще указал мне на мою «болячку», безо всякого наказания. Как Он любит нас, как ласково к нам относится и как нежно врачует.

«Силуана, ты почему плохо молишься?»

— Не только сестры и паломники, мы все купаемся в море Божией благодати. Одно дело — искупаться в *реке* Иордан или в Геннисаретском *озере*, и совсем другое дело — искупаться в *море* Божией благодати.

— Не сравнивать! Вот вчера у нас были две группы паломников, они друг с другом незнакомы, но говорят одно и то же: «Как же у вас хорошо!» Я иду и слышу, как две паломницы разговаривают. «Хоть бы денек побыть здесь! Что такое полчаса!» А другая: «А я бы всю жизнь здесь жила!»

Как хорошо, что Господь присылает нам паломников — чтобы мы от дремоты нашей пробуждались и чтобы не привыкали к благодати. Я очень люблю паломников. Люблю видеть в их глазах веру, они не стесняются молиться, не стесняются своих слез. Меня лично это очень укрепляет и вдохновляет.

— Они свежими глазами смотрят на Святую Землю, а вы-то тут давно... привыкли.

— Паломники привезли с собой свою боль, свои проблемы, они знают, о чем молиться и чего просить. У них все это в глазах. Они благодарят и лично меня, и вообще всех сестер. А я думаю: «Силуана, тебя благодарят, а ты почему плохо молишься о них? Давай-ка поусерднее молись. Россия сейчас в таком состоянии, что нужны не горячие, а сверхгорячие молитвы. Особенно в Святой Земле. И если уж Господь сподобил нас быть здесь, то мы должны не жалеть себя, а все силы отдавать молитве за наше Отечество. И помогать русским людям, которые приезжают сюда».

Я выключил диктофон. По дорожке, громко разговаривая, прошли двое рабочих: один нес дрель, второй — несколько досок. «До обеда успеем?» — спросил первый. «Должны», — ответил второй уверенным голосом.

«Это хорошо, что у нас есть искушения...»

— Я сейчас смотрел на группу кипарисов. Они стоят тесно, как братья. Мне пришла аналогия: сестры тоже составляют единый организм.

— Если я скажу, что у нас горячая любовь, то это будет не совсем точно, ведь мы слишком несовершенны. Мы стараемся быть настоящими христианами и настоящими монахинями, чтобы у нас была жертвенная любовь, но это не всегда получается.

У нас есть Псалтирь, которую читают все сестры, три Псалтири в день мы вычитываем, и каждая сестра поминается трижды. Это делается по любви.

Я не могу сказать, что кого-то из сестер не люблю. Наоборот, каждую люблю и каждую понимаю. Конечно, бывают искушения, которые отгораживают нас друг от друга. Успеем сказать друг другу «прости» — хорошо: благодать и внутренний мир остаются; не успеем — идем на покаяние. (Это же внутренняя работа, без нее никак нельзя). И это хорошо, что у нас есть искушения, без них нельзя увидеть себя и, значит, нельзя исправиться. А любовь... она есть. На том месте, где мы живем, не может не быть любви. Если бы не было любви между нами, можно было бы закрывать монастырь.

Искушения... если их правильно воспринимать, то это вовсе и не искушения, а милость Божия, подсказка, поэтому сестры быстро возрастают духовно. А если принимать это все за искушения, то и сердце может надорваться.

— То есть *там, в России*, сестры идут обычными шагами, а *здесь* — семимильными.

— Наверно, так. Расскажу еще об одной «целительной» ситуации. Это было в Хевроне. Там я впервые встретила с минаретами: каждое утро, в половине четвертого, мулла начинает свои молитвы. Они с помощью динамиков разносятся по всему городу. Вокруг монастыря, если не ошибаюсь, пять минаретов, и от них никуда не укрыться. В первые дни для меня это была настоящая пытка. А потом пришла спасительная мысль: «А ты молись, Силуана, молись, дорогая моя. Сам мулла к тебе обращается:

«Молись, Силуана, о России!» И как только он утром закричит, я вскакиваю быстренько и начинаю молиться. И, знаете, эти минареты мне перестали мешать совершенно.

— Я живу на первом этаже, а на втором, как раз над нами, живет Александр. Он очень хороший человек, добрый, отзывчивый. Да вот беда — некрещеный. Я раз или два говорил с ним о необходимости крещения, но мои слова отскакивали от него, как горох от стенки. Его жена, такая же добрая и отзывчивая, кажется, крещеная. Ну а душа ведь требует пищи, вот Александр и придумал, чем ее кормить, — музыкой: каждый день он садится за пианино и час, а иногда и полтора терзает инструмент. В свое время он закончил музыкальное училище и, наверно, по этой причине считает себя «пианистом». И надо же быть такому совпадению, что он начинает «играть» как раз в тот момент, когда я сажусь заниматься, — а слышимость в наших домах, сами знаете какая! Его «игра» меня сильно раздражает, так как мне приходится прерывать свои занятия и ждать, когда он «накормит» свою душу. Я или выхожу гулять на улицу, или закрываю покрепче дверь на кухне и начинаю читать Евангелие.

Была такая мысль: положить на потолок звукоизоляционный материал. Но толку от этого не будет никакого. Что еще придумать, не знаю. Если зайти к нему и попросить не играть, он наверняка обидится, и наши отношения испортятся, будет еще хуже. Наверно, последую вашему примеру: как только он «заиграет», начну молиться о России...

— Мне вспомнилась история с батюшкой Паисием Святогорцем. Когда его выписали из больницы, то духовный сын вез его в автобусе куда-то, может быть, в монастырь или в санаторий, не помню. На одной из остановок в автобус ввалилась группа молодых людей. Они включили магнитофон, да притом очень громко, веселятся, поют,

приплясывают. А батюшка — ноль внимания. Келейник батюшкин подошел к ним и сказал: «Ребята, сделайте, пожалуйста, музыку потише; здесь старый человек, он болен». А они врубили музыку еще громче, барабанные перепонки чуть не лопаются. Келейник подходит к батюшке, мол, вот ничего не получилось, а батюшка улыбается. «Геронта, как вы себя чувствуете?» Тот отвечает: «Я такой счастливый!» «Как это понять?» «А так. Вот представь себе, что по попущению Божию наш автобус попал в аварию, и эти юноши лежали бы в крови, бездыханные. Мое сердце этого бы не выдержало. А сейчас они живые, здоровые, веселые, да еще поют, пляшут. Господи, слава Тебе!»

— Вот духовое отношение к жизни!

— Это любовь.

— Которой у нас нет.

— Для меня лично это был большой урок батюшки Паисия. И этот урок мне часто помогал. Иногда бывало так (в миру): хочется спать, а за стенкой музыка или громкий разговор. И я говорю: «Господи, слава Тебе, что эти люди не только живые, но еще и веселятся». Когда кто-нибудь болеет, я очень переживаю, а тут и переживать не надо — все здоровые. И с этими мыслями я засыпаю.

Теплые сапожки

— В бытовом отношении...

— ...Сестры живут на всем готовом. Что касается одежды, то не успела еще помыслить о какой-нибудь вещи, а она у тебя уже есть. Любая одежда... что тебе только надо — или паломники привезли, или матушка дает.

— А обувь?

— Точно так же. Вот мой личный пример: я простыла и подумала, что мне нужно купить теплые сапожки. Мне

подарили немного денег, и я позвонила бабушке, который меня постригал, и говорю: «Бабушка, что вам прислать в подарок?» Он ничего не ответил. Через некоторое время звонит его келейница: «Бабушка сказал, чтобы вы на эти деньги купили себе теплые сапожки». Наутро приходит ко мне сестра-трудница и говорит: «Матушка, я уезжаю. Может, возьмете у меня сапожки. Очень хорошие, теплые». Я отвечаю: «С условием: если вы возьмете у меня деньги». Она: «На эти деньги купите себе еще одни сапожки».

То есть не успела я подумать, а сапожки сами пришли ко мне. И так во всем. Про еду тут и говорить нечего...

«И я лечу в мою милую пустыньку...»

Или, например, отдых. Бывают моменты, когда сил нет уже никаких. Ну, ни-ка-ких! А матушке жаловаться не хочется, она и так все знает о нас. И только взвоешь внутри себя: «Ой, как я устала! Иоанн Предтеча, родненький, как я устала! Мне бы хоть в твоей пустыньке побывать...» Не успеешь подумать, как раздается звонок матушки: «Силуана, вот тут группа, отведи ее в пустыньку». Ну, не милость ли это Божия?! И я лечу с этими паломниками в мою милую пустыньку. Сорок минут туда и сорок минут обратно, и все пешком. Вроде бы труд порядочный, а мне только это и надо. Я готова не то что сорок минут, а три часа сорок минут шагать, лишь бы попасть на источник Иоанна Предтечи.

Это к тому — как Господь быстро нас слышит. Только сама не отказывайся от Его поручений. Не бурчи, не бубни, не ропщи. Дается — неси! И тут же получаешь... страшно сказать — награду. Так, наверно, бывает и в миру, но менее заметно, за суетой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Молитва птиц

— Молитва в обители, конечно, не прерывается ни на минуту.

— А знаете, у нас в монастыре молятся не только люди, но и птицы.

— ???

— Да, да. Зимой птиц не было, а весной они прилетели. Вот мы разговариваем, а они все время поют. Зря времени не теряют. Одни поют: «Терпелив Бог!» «Терпелив Господь Бог наш!» «Терпелив Господь!» Другие кричат: «По-кай-тесь! По-кай-тесь!» Или: «Спа-сай-тесь! Спа-сай-тесь!» Вот послушайте.

Я прислушался. Не одна птичка, а сразу несколько наперебой повторяли: «Терпелив Бог! Терпелив Бог!»

— А как зовут этих птичек?

— Кажется, горлицы... А вот недавно я слушала птичек и никак не могла найти «перевод». Придется еще послушать.

— Сегодня я вышел из келии: только-только начинало светать, а птички уже поют. Я подумал: «Ну молодцы какие! Мы еще спим, а вы уже молитесь!» Вот с кого надо брать пример!

Пруд

— Я недавно читала об одном монастыре. Рядом был пруд, и там квакали лягушки. Монахи начинают молиться, а лягушки заливаются на все голоса. Один монах не выдержал, подошел к пруду и говорит: «Замолчите. Вот мы сейчас закончим вечерню, тогда и квакайте на здорovie». А одна лягушка отвечает ему на его родном языке: «Как только *мы* закончим утреню, тогда и замолчим».

- Вот урок так урок!
- Не только тому батюшке, но и нам.
- Вот уж действительно: всякое дыхание да хвалит Господа!

Джентльмен

- А в вашем монастыре есть ослик?
- Нет. Была одна собачка, да и той в прошлом году не стало. У нас из животных мангусты, шакалы и кошки.
- А коты?
- И коты, конечно. Не было бы котов, не было бы и кошек. И котят много. И шакалы водятся у нас. Они занесены в Красную книгу. Раньше тут водилась гиена, черная, длинная; она кричала, хохотала ночью. А потом куда-то исчезла... А знаете, шакалы обладают какой-то... нельзя сказать – воспитанностью, а вот каким-то благородством, что ли, наделены. Однажды поздно ночью я возвращалась в свою келию с послушания (дежурила у матушки-схимницы). В одном месте мне нужно было идти вдоль дома по тропинке, а с другой стороны – обрыв. Гляжу: навстречу идет шакал. Мне некуда свернуть и ему некуда. Я остановилась, и он на какое-то мгновение остановился. А потом спустился вниз (ему это ничего не стоило), подождал, пока я пройду, и после этого продолжил свой путь. Он не испугался меня, не прыгнул в сторону, а просто как джентльмен уступил дорогу, представляете.
- А вы твердо были уверены, что он не причинит вам вреда?
- Я его не боялась. Знаете, с самого первого дня моего пребывания в монастыре я не боялась шакалов.
- Ведь ночь, и никого нет...
- Я была уверена: он не причинит мне вреда, ведь здесь хозяин святой Иоанн Предтеча. Разве он не защитит монахиню?

- А другие сестры?
- Я не знаю ни одной сестры, которая бы боялась шакалов. Мне даже хочется шакалов покормить.

Кошки и шакалы

- А чем, кстати, они питаются?
- Кошками.
- Они санитары? Значит, едят падаль?
- Нет, падаль джентльмены не едят.
- Они и днем ходят по монастырю?
- Нет, только ночью. Днем они сидят в своих норах. А как только стемнеет, они начинают свою переключку: откуда-нибудь один крикнет, ему отзовется другой, третий, и начинается «концерт». Они собираются стайками и то там, то сям появляются: у них тут свои правила.
- Надо бы мне их послушать.
- Да хоть сегодня послушайте... Недавно их потравили; я очень скорблю, когда их травят.
- Наверно, много развелось.
- Да и котов много.
- Они сами разобрались бы между собой. А коты как себя ведут?
- Хорошо. У нас два больных кота, одного из них вы видели, он сидит у входа в трапезную. Он жалобщик. Иногда кто-нибудь на него цикнет: «Ну-ка пошел!», так он начинает плакать, скулить и стонать. Это не свойственно коту — так плакать и стонать. Первый раз я услышала и удивилась: кто это плачет? А второй раз вышла на улицу, смотрю: это кот плачет и жалуется на свою судьбу. Я говорю: «Ну что ты плачешь? Кто тебя обидел? Успокойся». И он в самом деле успокоился и пошел по своим делам.
- Он же не случайно появился около трапезной. Видимо, играет какую-то роль. Может, прокаженного.

– Не знаю.

– Какую бы роль он ни играл, Господь послал его сюда для какого-то урока, и каждая сестра извлекает из этой ситуации свой урок.

– Все делается для нашей душевной пользы.

Лев

– А какой-нибудь лев ни разу не заходил в монастырь?

– Нет.

– Жалко. Вы бы его приручили и дали какое-нибудь послушание. Например, водить паломников на источник Иоанна Предтечи. Или еще куда-нибудь.

– Да, это было бы очень хорошо, но пока лев к нам не заходил.

Синай

Недавно я была на Синае и в храме Илии-пророка видела маленьких животных, не знаю, как их зовут. Они раза в четыре больше мыши, а хвост у них большой и пушистый, как у белки. Как только началось богослужение, они забегали туда-сюда. Паломники поймали одного и вынесли на улицу. А когда служба закончилась, смотрю: отсюда вылезает зверек, оттуда, один пошел в алтарь. Ну ладно, думаю, они тут дома. Батюшки, конечно, прячут от них и потир, и другие богослужебные сосуды. И нигде на всем Синае я таких зверьков больше не видела.

Ворон

– В монастыре Георгия Хозевита есть пещера, в которой жил пророк Божий Илия. И туда ворон приносил ему пищу. А сейчас там вороны остались?

— Этого я не знаю. Но одна моя духовная сестра (ее зовут Люба Макушева) подарила мне фотографию, которую она лично сделала. Когда она была в этом монастыре, то помыслила: «Как это: Господь присылал сюда ворона, и он кормил пророка Илию?» — и усомнилась. Она сфотографировала ущелье, а когда проявила пленку, то на снимке был... ворон. Он летел вдоль ущелья — так, как это было во времена пророка Илии. Он был виден очень хорошо. У меня есть эта фотография. Люба недавно прислала.

— А можете мне показать ее?

— Конечно.

(В этот же день Силуана показала мне эту фотографию, и я своими глазами увидел ворона, который парил над ущельем).

Нимбы

У Любы Макушевой есть еще одна чудесная фотография, которую она сделала во время схождения Благодатного Огня на Гроб Господень. Вы, наверно, ее видели, так как ее опубликовали несколько газет и журналов. Она сфотографировала паломников, и над каждым из них был... золотой нимб.

— Эту фотографию я не видел, а видел другую — там Ангел Господень стоит рядом с Патриархом Диодором.

— Я тоже знаю эту фотографию... Так вот про Любу. Она показала свою фотографию Патриарху Диодору, и тот изумился. Особенно его поразило веяние Духа Святаго — большое белое пятно...

— Эта фотография говорит об очень многом: каждый паломник, который приехал в Иерусалим на схождение Благодатного Огня, удостоился великой милости Божией.

— Да, да. Когда пророк Божий Моисей спустился со Святой Горы Синай со скрижалями в руках, то люди не

могли на него смотреть — его осенила благодать славы Божией... Так, наверно, и в этом случае.

Онуфрий Великий

— Продолжим разговор о животных и зверях. Преподобному Герасиму Иорданскому служил лев...

— А преподобного Онуфрия Великого кормила белая лань. Он был персидским царевичем; еще не родился, а его уже оклеветал враг рода человеческого. Дьявол явился царю в виде странника и сказал: «То, что имеет царица во чреве, это не твое, а такого-то и такого-то слуги. Если ты мне не веришь, то сделай так: когда младенец родится, ты брось его в огонь. Если это твой ребенок, то он не сгорит, а если это плод греха, то сгорит: тем лучше — он тебе и не нужен. Царь так мечтал о наследнике, так просил Господа об этом. И все же он поверил клевете.

И вот когда младенец родился, царь приказал бросить его в огонь. Произошло чудо: ребенок поднял руки вверх, как бы молясь Господу, и огонь разошелся в стороны, не причинив ему никакого вреда. Ангел Божий явился царю и сказал: «Ты недостойн этого чада. Отдай его туда, куда я укажу». Младенец не брал грудь матери. Прошел день, другой, а он не брал. Царь испугался, что ребенок умрет от голода и согласился отдать его туда, куда Господь укажет. Младенца спеленали, и царь со своей свитой тронулся в путь. К ним подбежала белая лань и встала таким образом, что все поняли, что она хочет покормить младенца. И он потянулся к лани и поел молочка.

Лань пошла по дороге, указывая, куда надо идти. Она привела людей в монастырь. По Промыслу Божию, игумен сам встретил ребенка и взял его на воспитание. В течение нескольких лет лань каждый день прибегала в монастырь, чтобы покормить младенца.

Когда Онуфрию исполнилось семь лет, ему стали выдавать кусочек хлеба, как и всей братии. Ключарь заметил, что мальчик, взяв хлеб, куда-то убегает. Он решил выяснить, в чем тут дело. Оказалось: мальчик прибежал в храм, останавливался перед иконой Матери Божией с Богомладенцем и говорил: «Ты такой же Мальчик, как и я. Но мне ключарь дал хлеб, а Тебе не дал. Возьми мой и ешь». Богомладенец брал хлеб, делился с Онуфрием, и они ели.

Ключарь рассказал о чуде игумену. Тот сказал: «Завтра не давай Онуфрию хлеба, а скажи ему, мол, куда вчера отдал хлеб, там и проси». Ключарь так и сделал. Онуфрий, проголодавшись, пошел в храм, встал перед иконой и сказал Богомладенцу: «Ключарь не дал мне хлеба, а я так хочу кушать. Дай мне кусочек». И Господь подал ему большой ломоть ароматнейшего хлеба. Мальчик не стал его есть, а побежал к игумену, чтобы тот разделил хлеб для всей братии. Игумен и братия были поражены чудом и воздали славу и благодарение Творцу.

Вскоре Онуфрий ушел из монастыря, так как понял, что подвиг отшельника гораздо выше, чем жизнь монаха, живущего в обители, — тут все готовое: и еда, и одежда, и жилье; если ты заболел, к тебе придет врач, да и братия будет усердно молиться о тебе. А в пустыне совсем другое: пещера и больше ничего; людей нет, еды нет, помощи никакой нет. Ты и Господь, и диавол со своими искушениями. Онуфрий решил подражать Илии-пророку, Иоанну Предтече и другим подвижникам. Он убежал из монастыря; Ангел Господень привел его в пещеру, в которой жил старец. Тот принял его с любовью, научил умному деланию, преподавал законы аскетического жития. Когда старец увидел, что Онуфрий стал истинным воином Христовым, то отвел его в другую пещеру, некоторое время пожил с ним, а потом оставил одного. И сказал, что каждый год будет к нему приходить.

Через какое-то время около пещеры, в которой жил Онуфрий, выросла финиковая пальма. У нее было двенадцать ветвей, и каждый месяц одна из них приносила плоды: в течение всего года у подвижника были свежие финики. А потом около пещеры забил источник; с этих пор Онуфрий не испытывал жажды.

Мало того, Господь покрыл подвижника волосяным покровом — с тем, чтобы он не страдал от холода. И не заботился об одежде.

В этой пещере преподобный Онуфрий прожил шестьдесят лет. Когда же пришел час его кончины, к нему пришел преподобный Пафнутий, который ходил по Египетской пустыне, знакомился с отшельниками и составлял их жития. Два угодника Божия долго беседовали, а когда Онуфрий отошел ко Господу, Парфений похоронил его.

Перед смертью святой Онуфрий сказал: «Если человек, который будет чтить мою память, во время какого-либо искушения или болезни помолится и скажет: «Господи, молитвами раба Твоего Онуфрия помилуй меня», то желание его исполнится».

— Многие сестры молятся ему?

— Многие, в том числе и я.

— Мне не хочется отставать от вас. Я никак не могу вылечить свой гастрит. Давайте вместе помолимся преподобному Онуфрию, чтобы он помог мне.

— С большим удовольствием.

Мы встали и помолились.

Забегая вперед, скажу, что в этот же день Господь послал мне рабу Божию Ирину, которая приехала в Святую Землю из Санкт-Петербурга. Она дала мне чудесное, быстроедействующее и, что самое главное, естественное лекарство. Я стал его принимать, и дела мои пошли на поправку.

На несколько дней наши встречи прекратились: матушка Силуана вместе с другими сестрами уехала на Галилейское

море — на краткий отдых. Я стал заниматься другими неотложными делами; приближался день отъезда, и мне хотелось успеть выполнить кое-что из задуманного. Вскоре сестры вернулись в обитель. Силуана, бодрая, отдохнувшая, вернулась к своему послушанию. И хотя свободных минут у нее по-прежнему почти не было, она все же нашла возможность уделить мне некоторое время.

Галилейское море

— Речь наша пойдет, конечно же, о Галилейском море, которое вы видели собственными глазами не первый раз.

— Место, где мы были, — родина Марии Магдалины, святой, которую мы очень любим и почитаем. Она жила там, где стоит наша церковь, около источника. Она была верна Господу всегда: и когда Он был в славе и творил чудеса, и когда был поругаем и терпел скорби. Мария была верна Ему и у Креста, когда все апостолы разбежались от страха. Как и Мария Египетская, она не сразу стала святой, — молодая, красивая, она вела распутный образ жизни. Но уловил ее Господь, изгнал из нее всю нечистоту, и она стала другой: уверовала во Христа и стала Ему служить.

Наш участок на Галилейском море — место очень благодатное: там и апостолы рыбку ловили, и Господь их там призвал к новому служению; они стали ловцами человеков, и дорожка там есть, где ходил Иисус Христос.

— Вы видели эту дорожку?

— Да, замечательная дорожка, светлая такая.

— Вот, скажем, мы стоим на верхней точке нашего участка, и в какую сторону надо смотреть?

— Дорожка идет от храма прямо на ту сторону моря... Я первый раз видела ее такой яркой!

— В какое время дня это было?

— Кажется, утром.

— Я два раза был на Галилейском море в этот приезд и ни разу не видел дорожки. По своим грехам, наверно, недостойн ее видеть.

— Она довольно часто появляется... Я хорошо представляю себе, как на берегу Галилейского моря появился Воскресший Христос. Апостолы в это время ловили рыбу и ничего не поймали. По слову Господа они закинули сеть по правую сторону лодки, «и уже не могли вытащить сети от множества рыбы». А потом Христос восстановил Петра в его апостольстве. Это мое самое любимое место в Евангелии. Оно поразило меня еще тогда, когда я первый раз прочла Новый Завет.

— Где это произошло — разговор Христа с Петром?

— Недалеко от нашего участка. Если идти в сторону Тиверии, то на берегу мы увидим еще один русский дом. Рядом греческий монастырь: храм Двенадцати апостолов и часовенка Святителя Николая, она нависает прямо над морем; по субботам мы ходим в этот монастырь на Литургию, там живет архимандрит Тимофей. Кстати, часовенку расписали только в последние годы (работал тот иконописец, который расписывал храм Преображения Господня на Фаворе). В этой часовенке так хорошо, так уютно, как будто у Господа за пазухой.

Вот в этом месте и произошло восстановление Петра в его апостольстве.

— Ну, а рыбку Петра вы кушали?

— А как же! Быть на Галилейском море и не покушать рыбку Петра — это, по-моему, вещь невозможная.

— Согласен. Я тоже отведал ее — и в первый раз, и во второй... Такая вкусная, что не выскажешь!

— Может быть, она вкусная от сознания, что ее ловили апостолы и что ее вкушал Сам Христос.

– Конечно, и этот фактор присутствует. Да и Галилейское море – святое.

– Одним словом, все вместе.

– Теперь поговорим о местных источниках.

– Их много. Особенно посещаемы, конечно, источники на нашем участке. Не проходит, наверно, ни одного часа, чтобы сюда не приехала группа русских паломников. Но есть и другие источники, о которых я узнала только в этот приезд. Мне повезло: в Галилею приехало двое паломников – женщина с сыном; они попросили показать новые источники; одна из наших матушек согласилась быть гидом; мы сели в машину и поехали; миновав Тиверию, повернули направо и через считанные минуты оказались на... крокодилей ферме. Ну как же не посмотреть, как разводят крокодилов?! Здесь много водоемов: в одном – большие крокодилы, а в другом – совсем маленькиe, только-только вылупились из яиц; в третьем – подростки. Есть там два пруда: вода в них зеленая, цветет, и в них большущие крокодилы, заросшие мхом; один крокодил поднял голову, а она зеленая, во мху. На берегу мы увидели группу крокодилов-подростков, они лежали, тесно прижавшись друг к другу.

Затем мы пошли к источникам. Они оказались горячие. Входишь – сначала горячо, а потом ничего, привыкаешь; много отделений, есть водопад; источники целебные, можно делать массаж: ложишься, а снизу бьют струи воды. Вход платный: если не ошибаюсь, шестьдесят шекелей, но люди посещают.

– А еще где-нибудь удалось побывать?

– Конечно, почти на всех святых местах, в том числе на Фаворе. В воскресенье были на службе Иерусалимского Патриарха Феофила, он служил в одной арабской деревне, там храм великомученика Георгия Победоносца. С ним было пять архиереев.

«Мария Магдалина, исцели меня!»

— Вы мне уже рассказывали о святой Марии Магдалине (она ведь хозяйка нашего участка), может быть, еще что-то добавьте.

— Однажды я сопровождала группу наших паломников. Когда мы купались в Иордане, я сильно порезала ногу, видимо, об острый камень; надела носок, и он тут же пропитался кровью. Терплю, виду не подаю — болит у тебя что-то, не болит, а работать надо. Пока мы ехали к источнику Марии Магдалины, я про себя взывала к святой: «Помоги, любимица моя, исцели меня; нога так болит, так болит! Как же я буду дальше-то вести группу с такой болью?» Приехали на наш участок, паломники пошли окунаться в большой источник, круглый, а я — на маленький, самый горячий; я всегда окуналась именно в нем. Подхожу. В источнике купается женщина; вдруг она крикнула: «Посмотрите, зажила рана!» И показывает на плечо, а там никакой раны нет.

«Мария Магдалина, помоги и мне!» — попросила я про себя и вошла в воду. Стою и думаю: «Какая же нога у меня болит? Левая или правая?» Наверно, левая. Поднимаю ногу, смотрю: никакой раны нет. А рана была большая, мякоть даже раздвоилась. «Наверно, правая болела». Поднимаю правую, тоже целехонькая. Я возликовала: Мария Магдалина услышала меня и исцелила мою ногу! Я до сих пор не могу вспомнить, какая нога у меня болела.

— Удивительно!

«Вот какая ты маловерка»

— А второй раз было по-другому. Я возвращалась с группой паломников в Иерусалим (мы только что побывали на источнике Марии Магдалины). Перебирая документы в папке, я порезала палец листом бумаги.

— Бывает такое.

— Возникла острая боль. «Ничего, — подумала я, — Мария Магдалина поможет мне и на этот раз». Я взяла бутылочку, которую наполнила в источнике Марии Магдалины, налила воды в крышечку и стала промывать ранку. Боль мгновенно исчезла. Я подумала: «Надо же, какое чудо!» Смотрю: ранки почти нет. И следом мысль: «Да я не сильно порезала палец, зря паниковала». Только подумала так — ранка раздвоилась. И возникла сильная боль. Эта ранка заживала потом целый месяц. Мария Магдалина этим сказала мне: «Вот какая ты маловерка».

Гора блаженств

— А в каком месте Господь говорил о Царствии Небесном?

— На берегу моря, в Капернауме. Он вошел в лодку, а народ сидел на берегу и слушал.

— Людей ведь наверняка было очень много.

— Конечно. Я когда читала Евангелие, подумала: «Как же так: Христос говорил, не повышая голоса, а люди хорошо Его слышали. Ну как можно что-то услышать, если в руках нет микрофона»? И, наверно, не у меня одной возникали такие мысли. И вот однажды, когда я с очередной группой паломников приехала в Капернаум, я решила это проверить. Мы поднялись на Гору Блаженств, а один паломник внизу стал бросать камешки в море. И что бы вы думали? Всплеск был слышен так хорошо, как будто не было никакой высоты. Господь избрал это место специально — чтобы каждое слово было услышано людьми и принято к сердцу.

Мы провели еще один «эксперимент»: несколько человек сошли вниз и стали разговаривать шепотом. И мы слышали их так, как будто они стояли рядом с нами.

Хождение по водам

— Еще одно замечательное событие произошло на Галилейском море. Я имею в виду тот эпизод, когда апостол Петр пошел по воде и, испугавшись сильного ветра и волн, стал тонуть. «Господи, спаси меня!» — закричал он. Иисус протянул ему руку. Иногда при чтении этого эпизода у меня возникает мысль: «Если бы я был на месте Петра, то не испугался бы». Мысль, конечно, смешная: я бы испугался точно так же, как и Петр, даже еще больше.

— Ну конечно. Каждый из нас был бы таким же. В то время апостолы еще не знали того, что мы сейчас знаем. Они только верили и впитывали в себя слова Христа. Но они еще не знали Его Воскресения, не знали той благодати, которая нам хорошо знакома. Нам больше дано. Одно дело сказать: «Если бы я был на месте апостола Петра», и другое — быть на его месте. Если бы каждый из нас веровал так, что ни на одну секунду никогда и ни в чем не усомнился, — мы бы горы передвигали. Вымолить бы у Господа такую веру.

— Мы на каждом шагу терпим крушение в вере. Господи, помоги нашему неверию.

— Я иногда думаю: взять бы, да и отказаться от всяких поблажек, не жалеть себя нисколько, ни в чем, полностью пожертвовать собою... но все равно где-то уступаешь, малодушничает... горько становится после этого...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ностальгия

— Мне только что пришла такая мысль: когда я приезжаю в какую-нибудь страну — в Грецию, Италию, Кипр, Египет, Сирию, неважно в какую, — через некоторое время

у меня начинается ностальгия; изо дня в день она все возрастает и возрастает, и хочется побыстрее вернуться домой. А у вас как? Ведь вы уже давно живете вдаль от Родины.

— Я нахожусь дома. Где Господь, там и дом. Я очень благодарна Господу за то, что Он привел меня сюда. Иногда я вожу паломников на Синай. И вот когда мы поднимаемся на Гору, паломники говорят: «Надо же! Как дома!» А я думаю: «А как же может быть иначе? Я не знаю, как это сказать... Бог — наш Отец, и когда мы с Отцом, мы дома. Я это очень хорошо чувствую. Неважно, какая страна. Только был бы православный храм и батюшка, который бы служил Божественную Литургию. И чтобы можно было причащаться Святых Христовых Таин. И больше ничего не надо.

Мне никуда не хочется уезжать, потому что я *в своем доме*. Помните, я рассказывала вам про березку на фотографии. Я перепугалась: «Да что это такое, разве я скучаю по России?» Господь быстро меня утешил, все отошло... Ностальгии у меня никогда не было. Я даже не знаю, что это такое.

У меня есть сын. Мне никогда не приходит мысль: «Ах, как долго я его не видела!» Он всегда со мной рядом, ведь я о нем постоянно молюсь. Моя мама в прошлом году умерла. Я думала: «Как же я это переживу?» А она сейчас еще ближе ко мне, чем раньше.

— Вы, а также другие монахини Горненского монастыря приносите, на мой взгляд, пользы России гораздо больше, чем если бы вы жили на Родине. Потому что здесь вы острее чувствуете Россию, и ваша молитва намного горячее.

— Я не могу сказать этого про себя, потому что мало молюсь; можно сказать, совсем не молюсь. Я очень недовольна собой... А насчет России и нас, монахинь... все так и должно быть...

— Поделюсь своим новым опытом: я здесь уже почти месяц, а ностальгии нет. У меня такое ощущение, что если

бы я прожил здесь еще месяц, два или три, или даже год, у меня все равно не возникла бы ностальгия. Это тот момент, о котором вы говорили, — я здесь *дома*.

— И потом это же особое место. Те страны, где вы были, чужие для вас. А это земля Иоанна Предтечи, его родина, это земля священника Захарии; земля двоюродной сестры Матери Божией. Эта земля освящена присутствием Самой Царицы Небесной. Я не знаю, где можно найти более родное место, чем это.

— Можно и немножко шире взять: что может быть для нас, православных, ближе и роднее Земли, где прошла земная жизнь Иисуса Христа, где Он пострадал за нас?

— Ну конечно.

Хирург

В последнее время в Горнюю приходит много групп местных евреев-эмигрантов, они заходят в храм, задают вопросы. Я очень рада, что они приходят к нам, но, к сожалению, этим все и кончается.

— Они, в отличие от вас, живут не на родине.

— Я говорю им иногда: «Какие же вы счастливые, что живете на Земле Иисуса!»

— А они?

— Молчат, не понимают этого... Каждый год всем сестрам обители продлевают визы. И вот думаешь: «Продлят — не продлят?» То есть мы висим на волоске. Но, конечно, все зависит не от евреев, а от Промысла Божия.

— Мне кто-то из местных русских говорил, что сейчас много евреев принимают христианство.

— Пути Господни неисповедимы. Недавно крестился один местный еврей, очень известный хирург. Произошло это так. Его мать тяжело заболела, попала в больницу, дни ее были сочтены. Навестив ее в реанимационном отделении, он возвращался домой. И начал молиться.

«Боже, — говорит, — вот этими руками я вернул к жизни многих и многих людей, а своей матери ничем не могу помочь». И заплакал. Вдруг он услышал голос: «Возвращайся в больницу, твоя мать здорова». Он остановил машину, оглянулся — в салоне никого не было. «Кто ты?» — спросил он. «Я Иисус Христос», — был ответ.

Он развернул машину и вернулся в больницу. Было уже очень поздно, но его все равно впустили. «Где моя мать?» — спросил он. «В палате». Он вошел в палату, мать, совершенно здоровая, заключила его в свои объятия.

Хирург крестился. Вместе с ним крестилась медсестра.

Около нас уже несколько секунд порхала легкокрылая белоснежная бабочка. Казалось, она прислушивалась к нашей беседе. Неожиданно она села на мой диктофон. У нее были тонкие, ажурные, с нежно-фиолетовыми разводами крылышки, каких не может создать человеческая рука. Они были похожи на локаторы, улавливающие человеческую речь. Мне пора было выключить диктофон, но я не сделал этого, чтобы не спугнуть гостью. Бабочка передвинулась на край диктофона, вспорхнула, села на мою руку; я повернул руку так, чтобы лучше видеть гостью; бабочка сидела неподвижно, а когда передвинулась на один сантиметр, я ощутил слабое щекопанье. Как будто вспомнив о чем-то, она вдруг вспорхнула и в мгновение ока исчезла.

«Силуана, ты сейчас нужнее на коровнике!»

— Говорят, что послушание — это самое главное в жизни монахов и монахинь. Скажите, пожалуйста, есть ли у вас это качество и, если есть, то как вам удалось его в себе воспитать?

— Послушание — это отсечение своей воли, греховных склонностей.

— Это же очень трудно...

— Когда ты понимаешь, что делаешь это ради Господа, то совсем нетрудно. Это не рабское послушание, совсем нет, послушание в Господе — это свобода... Иногда послушание понимается неправильно, и тогда это ведет к тяжелым последствиям и для того, кто дает послушание, и для того, кто его исполняет.

К примеру, я работаю на участке, вот и слушайся старшей; даже если она скажет что-то не то, все равно слушайся, это принесет тебе пользу.

— Я так понимаю, что все сестры находятся в послушании у игумении.

— Да, слово матушки — закон, и по-другому быть не может.

— Как дети слушаются своей матери, так и сестры обители слушаются своей.

— Она видит наши души. Если у нас есть какие-то духовные плоды, то это только благодаря ей.

— Первые шаги в послушании вы, наверно, делали еще до Святой Земли?

— Конечно. Наш монастырский батюшка применял разные духовные приемы, чтобы я отказалась от своей воли. А я этого не понимала, мне только хотелось, чтобы он делал все справедливо. Приведу один пример. Я преподавала в воскресной школе. Когда начались Сергиевские чтения, батюшка сказал, что отпустит меня поучиться. А потом передумал и послал другую сестру. Я говорю: «Ну как же так? Ведь вы же обещали меня послать!» А он: «Силуана, ты сейчас нужнее на коровнике». Иду на коровник, а в душе все так и кипит: «Ну разве можно так? Это же верх несправедливости!» Сейчас-то я понимаю, что батюшка воспитывал мое смирение.

Нельзя говорить, правильно поступил твой духовный руководитель или неправильно, справедливо это или несправедливо. Ты слушайся — и все! Он же знает, что в тебе нужно в первую очередь корчевать.

Матушка лечит наши души разными «лекарствами». Например, однажды она не отпустила нас среди недели на Гроб Господень. Я думаю: «Ну как же так? Не отпустить на Гроб Господень! Разве это правильно?» А матушка: «Дома молитесь». Ну, правда, не всем она так скажет, а кому нужно.

Вот так мы постепенно меняемся, искореняем наши страсти.

Схимонахиня Иоанна

— Несколько сестер рассказали мне о схимонахине Иоанне, которая отошла ко Господу в прошлом году. Вы были у нее келейницей и, значит, можете добавить несколько штрихов к ее духовному портрету.

— У нее сильно болели ноги, она даже валенки не могла снять, в них и спала. Я ей говорю: «Давайте я сниму валенки и помою вам ноги. И смажу их целебной мазью или святым маслом». А она: «Ну вот еще! Моим ногам да еще и уход!» Вот какой великой грешницей считала она себя.

А как она любила Матерь Божию! Как она Ее любила! Этого не высказать! А как она пела песнь Пресвятой Богородице! Такого пения я никогда не слышала. Мне казалось, что пел Ангел, а не человек. В двенадцать часов дня и в двенадцать часов ночи она в обязательном порядке пела песнь Пресвятой Богородице. Двенадцать раз она повторяла эту песнь. У нее было очень большое молитвенное правило, но она ни разу не пропустила эту песнь, как бы плохо себя ни чувствовала и что бы ни происходило вокруг. Она не расставалась с будильником, чтобы не пропустить урочный час.

Иногда скажет: «Мать, иди петь». Ну я подойду, немножко подпою ей. Но разве можно сравнить мое карканье с ее Ангельским пением? Я чувствую, что порчу ее пение. И она, конечно, это чувствует. Тогда я замолчу и отойду в сторону. А матушка Иоанна уже одна двенадцать раз пропоет Бого-

родичную песнь. Поет и плачет — от благодати, от умиления, от благоговения перед Царицей Небесной.

Про одного старца она рассказывала, я не запомнила про какого, — так он часто говорил ей: «Где вы живете!» И снова: «Вы хоть понимаете, где вы живете?!» Матушка поднимет голову (ей тяжело было поднимать, так как она согбенная была), взглянет на иконы, зальется слезами и скажет: *«Господи, где мы живем!»*

— Да, не каждому выпадает такое счастье — жить в Святой Земле.

— Она это говорила в основном для меня (я понимаю это сейчас), чтобы я больше молилась, чтобы почаще вспоминала святость Святой Земли.

Матушка любила рассказывать про одного святого (его недавно прославили), его зовут Иоанн. Она была с ним лично знакома, его фотография стояла у нее на столе. «Когда я была маленькая, — вспоминала она, — он подзовет меня к себе, погладит по головке и обязательно даст конфетку. Не было ни одного случая, чтобы он не дал мне конфетки. А сейчас я его прошу: “Батюшка, ну дай мне конфетку духовную”».

— И он давал?

— Думаю, да.

— Какие у матушки были еще духовные дары?

— Она говорила: «Ничего у меня нет, никаких добродетелей, только дал Господь немножко терпения». У нее было много болезней, и она не роптала, значит, Господь дал ей терпения не «немножко».

«Лучше христиан никого в мире нет!»

— Мы бы такого не вынесли, уж точно. У меня иногда возникает мысль, что мой жизненный крест очень тяжел, мне его не вынести. А у вас как?

— Точно так же. Меня спасают только вопли: «Господи, помоги! Господи, вразуми!» И сразу становится легче. А если забудешь кричать, то все... А если уж заропщешь, то потеряешь всякое терпение, и ничего у тебя нет — ни сил, ни здоровья, ни способностей. Когда случится искушение с какой-либо сестрой, то попросишь прощение, и быстро все заглаживается, и снова мир в душе. А вот с паломниками сложнее. Иногда в группу попадет какой-нибудь смутьян, из невоцерковленных, конечно, и начнет воду мутить, — вот тут тебе нужно и смирение, и терпение, и кротость, и рассуждение, и все, все. Надо и этого человека не обидеть, и мир в группе сохранить. Я начинаю усиленно молиться: «Господи, я не знаю, что мне делать с этим паломником, Ты Сам все устрой в лучшую сторону». И Господь или даст какого-нибудь человека, который поможет выйти из трудного положения, или пошлет мысль спасительную, или еще что. И все устроится: этот смутьян подойдет ко мне и прощение попросит.

— Поездки в Святую Землю для большинства людей очень полезны, так как на многое открывают глаза, укрепляют веру, духовно оздоравливают. Но для некоторых, особенно невоцерковленных людей, проходят впустую...

— Наверно, и для них поездки чем-то полезны, ведь не случайно же эти люди попали в Святую Землю. Если они крещеные, то благодать Божия все равно коснется их сердец, рано или поздно. Кому-то из них полезно приложиться к великим святыням, а кому-то — побыть в окружении верующих людей, увидеть, как они молятся, как благоговейно относятся к святыням, как заботятся друг о друге. Урок, полученный в Святой Земле, на мой взгляд, остается с человеком навсегда. Для каждого Святая Земля — это духовная ступенька, для одних большая, для других поменьше.

— Здесь, на Святой Земле, человек находится совершенно в особом духовном климате, который может растопить любое, даже каменное сердце.

— Я никогда не забуду одну женщину, кажется, она поэтесса или критик, одним словом, творческий человек. Восемь дней она была в нашей группе, среди верующих людей. При прощании она сказала: «Я поняла одну истину: лучше христиан никого в мире нет!»

— Она так настрадалась в своей прежней жизни, что...

— Вот Господь ей и открыл.

— Творческим людям — писателям, композиторам, режиссерам, певцам — особенно трудно прийти к Богу из-за гордыни, так как они считают себя чем-то...

— Вспомнила: та женщина была актриса...

— Тем более.

— Она попала в атмосферу любви, и эта атмосфера растопила ее сердце. Она привыкла играть — и на сцене, и в жизни. А тут видит: никто не играет, все живут естественной жизнью, ну и ей пришлось тоже жить естественной, непродуманной жизнью.

— Такое часто бывает, и не только здесь. В Москве очень жесткая, напряженная, нервная жизнь, и когда приезжаешь в какой-нибудь монастырь и начинаешь общаться с монахами или монахинями, то ожидаешь, что и тут такое же напряжение. А его нет. Есть только любовь. И твое сердце начинает оттаивать.

— Это мне знакомо еще с тех пор, когда я была миряночкой.

Пророк Божий Илия

— Я заметил одну особенность в Святой Земле: куда бы ни приехал, везде встречаешь «следы» пророка Божия Илиии. Чувствуется, как он любит русских паломников и молится о них.

— Когда я приезжаю на Синай, то оказываюсь со своими паломниками под его покровом. Он же скрывался на Синае от царицы Иезавели; он жил в пещерке, и там ему

явился Господь во «хладе тонком». Над пещеркой построен храм в честь пророка, и греки там служат Литургию.

Я очень люблю то место, связанное с именем Илии, где он передавал благодать пророческого служения своему ученику, пророку Елисею. Это произошло около Иерихона. Сначала Илия сказал ученику: «Ты побудь здесь, в Вефиле, а я пойду в Иерихон». А Елисей говорит: «Жив Господь и жива душа твоя! Не оставлю тебя!» И пошел за своим учителем. Пришли в Иерихон. Сыны пророческие говорят Елисею: «Знаешь ли ты, что сегодня Господь возьмет твоего господина на Небо?» Елисей отвечал: «Знаю, а вы молчите». Илия говорит своему ученику: «Ты побудь здесь, а я пойду к Иордану». А Елисей опять: «Жив Господь и жива душа твоя! Не оставлю тебя!» И опять пошел за ним.

Когда они приблизились к Иордану, Илия взял свой плащ, свернул его и ударил им по воде; вода расступилась на обе стороны, и они перешли через реку посуху.

Перейдя Иордан, Илия сказал Елисею: «Проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя».

Елисей отвечал: «Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне».

Илия сказал ему: «Многое просишь. Но если увидишь, как я буду взят на Небо, тогда получишь». То есть этими словами он как бы сказал ему: если ты будешь следить за мною до самого последнего момента, учиться у меня до самого последнего мгновения, тогда только получишь просимое.

— Меня поражает вера пророка Божия Илии, не просто крепкая, пламенная, а *пламеннейшая*.

— Когда Илия родился, то его отец видел, как его сына Ангелы пеленали и кормили огнем. То есть с момента рождения у него была эта *пламеннейшая* вера. Сам Господь не спорил с Илией, когда он заключил небо на три года. Господь просил пророка пощадить народ, помиловать его, но тот был тверд и не щадил самого себя, так как и сам мог умереть от голода.

Трудно найти другого святого, которого бы так сильно любил русский народ! Я всех угодников Божиих люблю, но Илию как-то особенно... Первое чудо, которое знает каждый из нас, это дождик в праздник Илии пророка. Это, конечно, благодатный дождик. На моей памяти не было ни одного года, чтобы не покропил легонький мелкий дождик. Такого дождя, мне кажется, не бывает в течение всего лета.

— Все воспринимают его как должное.

— Нет, это милость Божия. Жалко, что мы мало и плохо молимся пророку Илии. А он всегда приходит к нам на помощь, стоит только произнести его имя.

Мученик Гедеон

— Небо такое любвеобильное, что мы не знаем, какой святой посетит нас в трудную минуту. Может, тот, которого мы ни разу в жизни не призывали. У вас такое бывало?

— Конечно.

— Однажды мы с моим другом путешествовали по Святой Горе Афон. В монастыре Филофей, спускаясь по лестнице во двор, я встретился с монахом; в руках у него была икона; я осенил себя крестным знамением и приложился к ней. Монах спросил: «Ты из Германии?» «Нет, — ответил я, — из России». Монах, не раздумывая, подарил мне эту икону. На ней был изображен святой, которого я видел первый раз, — это был мученик Гедеон. Он как бы сказал мне: «Вот кто о тебе молится во время твоего путешествия!»

— Еще одна милость Божия.

«Сестры испекли великолепный торт»

— Я очень сожалею, что не попал на праздник святого великомученика Георгия Победоносца, так как по воле обстоятельств задержался в Хевроне. Расскажите, пожа-

луйста, как прошел этот праздник в обители, ведь это был день Ангела игумении Георгии.

— У меня такое впечатление сложилось: наша матушка не любит, чтобы праздник ей был посвящен. Ее чествовали в этот день, но это было ей тяжело, так мне показалось. Ей это было не нужно. Возможно, я не права.

Ну, а что касается праздника, то мы все любим святого великомученика Георгия Победоносца, почитаем его.

Народу на празднике было много, гости съехались отовсюду. Сестры торт испекли великолепный, очень они старались. Чувствовалась любовь общая к матушке... А потом, после праздничной трапезы, матушка и гости поехали в Лидду, где покоятся мощи великомученика Георгия и где было большое торжество. Я лично не ездила, потому что несла послушание в обители. Обычно на этот праздник мы все вместе едем в Лидду, там причащаемся, и я даже пожалела, что в этом году все было по-другому.

— На мой взгляд, матушке Георгии повезло в том, что мощи ее небесного покровителя находятся рядом. Именно по молитвам великомученика она прибыла в Святую Землю, чтобы окормлять вас и других сестер.

Египетские святые

— Не так давно я узнала о том месте в Египте, где пострадал святой Георгий, там находится большой храм. Мне очень хочется попасть в тот храм и поклониться страданиям святого.

В Египте много других православных святых. Например, места, где останавливалась Матерь Божия с Богомладенцем, скрываясь от Своих преследователей. Этих мест довольно много. Их активно посещают паломники. В том числе и русские. Паломнический «взрыв» такой на-

ступил. Составлена карта с указанием тех мест, где останавливалось Святое Семейство.

Еще мне хочется подняться на гору Святой великомученицы Екатерины.

— Благочестивое желание.

— На эту гору святые Ангелы принесли ее цельбоносные мощи. Они были обретены через двести с лишним лет после ее отшествия ко Господу. Гора находится рядом с Синаем, только выше этой всем известной святыни — метров на четыреста-пятьсот. Это самая высокая гора Египта. Восхождение, говорят, очень тяжелое. Ну что ж, тем большая благодать ожидает тех, кто поднимется.

Заключение

Мы с монахиней Силуаной не только много разговаривали, но и много молились — о наших внутренних проблемах, о здравии души и тела, о многострадальном русском народе, который никак не хочет увидеть свет Христов, о спасении России. Наши молитвы и духовные беседы — по взаимной договоренности — не прекращаются и сейчас, хотя мы находимся далеко друг от друга. Они помогают нам проходить, с одной стороны, тернистый, полный искушений и духовных западней, а с другой стороны, озаренный светозарными лучами Небесной благодати, царский путь спасения.

Иерусалим—Москва.

2006

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Сизый голубь	7
Рекс	18
Агния	36
Часовой мастер	42
Полунощница	51
Дагомыс	59
Рыжий кот	71
Тимоха	78
Архип и Агафья	82
Сельский погост	87
Поклонение Христу	91
Дар	93
Аул Дженджири	95
Патриаршая елка	101
Гюрза	108
Автандил	115
Юра Курочкин и другие	125
Русское поле	128
Дача Сталина	130
Ангельская песнь	151
Сибирский рассказ	153
Перед рассветом	167
Русский мальчик Ваня	169
Четка	172
Юный мученик	177
Катил автобус по дороге	179
Прасковья	185
Телефон	187
Пасхальная ночь	190
«Одейся светом, яко ризою...»	195
Поездка в монастырь	198

Гроза	208
Кишлак	219
Фаддей	236
Евграф.	250

ПОВЕСТИ

РАДУГА ВОКРУГ СОЛНЦА	257
Призвание.	258
Лампады	259
Чайки в небе	260
Дождь и снег	261
«Чада, не сходите с Крестного пути!»	262
Огненный столп	263
Мизинец в мешочке	264
Цветы и тернии.	265
Бунт на корабле	266
Санаксарский монастырь.	268
Две удачи	268
Клевета	269
Заповедник	270
«Я хочу изгнать попа»	271
Иисусова молитва	272
Иоанн	273
Старушка	273
Духовная ошибка.	274
«Я встал на колени...»	275
Калиточки.	275
Бегство.	276
«Храм – лицо нашей души»	276
Первая Литургия	277
Чудеса	278
Царская полушка.	282
Велосипед	283
Современные апостолы	283

СВЕТ С НЕБА	285
Дорога в Дамаск	287
Монастырь	288
Вселенская Пасха	289
Скульптор	291
Крещение Апостола Павла	293
Дом священника Анании	295
Корзина	297
Святая Фекла	299
Монастырь святой Феклы	304
Генерал.	306
Архимандрит	309
Ученый.	315
Чаепитие.	316
АПОСТОЛЬСКИЙ РЕЙС	317
ГЛАВА ПЕРВАЯ	319
Река-жемчужина	319
Молитва матери	323
Енисейск	324
Сквозь дождь	326
Поселок Бор	328
День Сербии	331
Почетный эскорт.	336
Василий Мангазейский	338
Батарейка	340
«Я всю жизнь нес людям слово Божие».	341
Долганский апостол	346
Песня	347
Столица Таймыра	349
Цветок на лугу	350
ГЛАВА ВТОРАЯ	355
Молитва в недостроенном храме	355
«Черный ворон»	359
Бахта	361
Инкогнито	365

Ярцево	367
Самый большой храм в Сибири	370
Ходовой мостик	371
Закат	372
«Еще поплаваем...».	373
Двести тридцать апостолов	375
ЧЕРНОГОРСКИЕ ГРОЗЫ.	377
ЭГЕЙСКИЙ ИЕРУСАЛИМ	461
САД БОГОРОДИЦЫ	478
Чайки	480
Корабль	481
Три волны	482
Зарницы	483
Покров	484
Пламя	485
Бдение	486
Монастырь Котломуш	487
Хижина	487
Удод	490
Вратарница	490
Греческое кадило	492
Фимиам	492
Духовная сокровищница	493
Великая Лавра	494
Цветок Божией Матери	495
Иверон	496
Било	497
Муравей	497
Колокол	499
Трапеза	499
Нектар	501
Послушник	502
Чудо преподобного Силуана	504

СИЛУАНА	505
Вступление	506
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Обитель	507
Петровская рыбка	511
Заказная Литургия на Гробе Господнем.	512
«И праздник у всех на душе...»	514
«На вас пришел вызов из Иерусалима»	515
«Поражаешься, как Господь близок!»	517
Преподобный Стефан Синайский	518
Дуб Мамврийский	519
Рыженькая девушка необыкновенной красоты	522
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Монета	525
Храм Иоанна Предтечи	525
Неусыпаемая Псалтирь	526
«Мы сами лечим друг друга»	526
Матушка игуменья	527
«Ко мне проявилась удивительная любовь сестер»	530
Акриды	530
«Мы живем ради паломников...»	531
Силоамская купель	533
Подарок Марии Магдалины	534
Похвала Пресвятой Богородицы	535
«Вода забурилась...»	535
Фавор	537
«Я не хочу никуда уезжать...»	539
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Зима	541
Самое жаркое место в мире	541
Мученицы за Христа	542
«Больноший вопрос»	544
Один нгод вместо десяти	545
«Силуана, ты почему плохо молишься?»	546

«Это хорошо, что у нас есть искушения...»	547
Теплые сапожки	550
«И я лечу в мою милую пустыньку...»	551

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Молитва птиц	552
Пруд	552
Джентльмен	553
Кошки и шакалы	554
Лев	555
Синай	555
Ворон	555
Нимбы	556
Онуфрий Великий	557
Галилейское море	560
«Мария Магдалина, исцели меня!»	563
«Вот какая ты малOVERKA».	563
Гора блаженств	564
Хождение по водам	565

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ностальгия	565
Хирург	567
«Силуана, ты сейчас нужнее на коровнике!»	568
Схимонахиня Иоанна	570
«Лучше христиан никого в мире нет!»	571
Пророк Божий Илия	573
Мученик Гедеон	575
«Сестры испекли великолепный торт»	575
Египетские святыни	576
Заключение	577

Литературно-художественное издание

Кокухин Николай Петрович

***ЖИВАЯ
ВОДА***

Рассказы

и

повести

Директор ОСЛН – Л.Г. Рудин
Редактор – В.А. Корнеева
Корректор – Е.Н. Синеглазова
Верстка – А.Е. Успенский

Подписано в печать 20.12.2024

Формат 60х90 1/16

Объем 36,5 п.л.

Тираж 100 экз.

Заказ № 211618

Издательство

«Общество сохранения литературного наследия» (ОСЛН)

www.osln.ru e-mail: litnas@mail.ru

Тел. 8(495) 589-81-33

109316, Москва, Волгоградский пр-т, 4 – 175

Отзывы от читателей будут приняты с благодарностью

ISBN 978-5-6049649-5-8

9 785604 964958

Собрание сочинений в 9-ти томах

*Авторская серия
«Побелевшая нива»*

том 3-ий

